

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (14)
2021

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КРАСНОЙ АРМИИ
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
АВИАЦИЯ РОССИИ
ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ
ТЫЛ РУССКОЙ АРМИИ
ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ИСТОРИИ
АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
РУССКОЙ АРМИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
СПЕЦСЛУЖБЫ
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
ИСТОРИОГРАФИЯ
РОССИЯ И КИТАЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ
И ВООРУЖЕННОЕ
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОДПОЛЬЕ
ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ
И ЗОЛОТАЯ ОРДА
ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

ВО СЛАВУ ОТЧИЗНЫ!

www.вославу.рф

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ
ОРГАН ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «РУССКАЯ РАЗВЕДКА»

№ 2 (14)
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАБАНСКИЙ Юрий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-лейтенант, ветеран боевых действий;

БЕНОВ Геннадий Матвеевич – генерал-лейтенант, председатель Союза ветеранов советских офицеров, член ВС ВВС СССР;

БОДРЯГИН Александр Николаевич – полковник, президент Союза ветеранов военной разведки;

БОДУНОВ Игорь Аркадьевич – полковник, ветеран военно-технического сотрудничества, член правления Фонда «Резерв»;

БОНДАРЕНКО Константин Константинович – полковник, ветеран военной разведки;

БЫЧИХИН Павел Александрович – полковник, ветеран военной разведки;

ГЛАГОЛЕВ Вячеслав Евгеньевич – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки, профессор, доктор военных наук, действительный член Академии военных наук;

ДЕМЕНТЬЕВ Сергей Павлович – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, член Фонда «Резерв»;

ДОМСКИЙ Игорь Александрович – доктор ветеринарных наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Премии Правительства РФ;

ИЗМАЙЛОВ Владимир Макарович – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов военной разведки;

КЛИМУК Петр Ильич – дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, летчик-космонавт СССР;

КОРНЕЕВ Владимир Сергеевич – полковник, ветеран военной разведки;

КОТЕЛКИН Александр Иванович – генерал-майор авиации, кандидат экономических наук, ветеран военной разведки;

КРИТСКИЙ Василий Юрьевич – заместитель главного конструктора по перспективным разработкам ОКБ им. А.М. Люльки, ПАО «ОДК – УМПО», член Фонда «Резерв»;

КУЗНЕЦОВ Владимир Васильевич – заместитель начальника департамента международных организаций МИД РФ;

ЛАДЫГИН Фёдор Иванович – генерал-полковник, начальник Главного разведывательного управления, заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации (1992–1997 гг.);

ЛЕМЗЕНКО Кир Георгиевич – вице-адмирал, ветеран военной разведки;

ЛЁВИН Алексей Гаврилович – Герой Социалистического Труда, президент Всероссийской общественной организации «Трудовая доблесть России», кандидат технических наук;

МОЧНОВ Николай Борисович – полковник, ветеран боевых действий, президент Фонда «Резерв», Заслуженный испытатель космической техники, ветеран военной разведки;

НЕМЧИКОВ Геннадий Алексеевич – генерал-майор авиации, ветеран боевых действий, вице-президент Фонда «Резерв», кандидат военных наук;

ПАНИН Илья Григорьевич – генерал-полковник, председатель Совета ветеранов ГУК МО РФ;

ПОНОМАРЕВ Александр Васильевич – генерал-майор, член Совета ветеранов военной разведки;

РЕШЕТНИКОВ Василий Васильевич – Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, Заслуженный военный летчик СССР, участник Великой Отечественной войны;

РОДИОНОВ Юрий Николаевич – генерал-полковник, заместитель министра обороны СССР по кадрам, генеральный инспектор Министерства обороны РФ, кандидат экономических наук, Почетный гражданин города Таганрога;

РОМАНЕНКО Юрий Викторович – дважды Герой Советского Союза, полковник, летчик-космонавт СССР;

РУМЯНЦЕВ Владимир Владимирович – генерал-лейтенант, ветеран военной разведки;

САВИНЫХ Виктор Петрович – дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР, Почетный президент Университета геодезии и картографии РФ, академик РАН;

СТРЮКОВ Владимир Антонович – полковник, воин-интернационалист, член Союза писателей России, ветеран военной разведки, главный редактор ВИА «Во славу Отчизны»;

ЦИБЛИЕВ Василий Васильевич – Герой Российской Федерации, генерал-лейтенант авиации, летчик-космонавт РФ;

ЧУЙКОВ Николай Владимирович – полковник, председатель общественной комиссии по международному сотрудничеству Союза ветеранов России;

ЮДИН Виктор Анатольевич – генерал-майор авиации, член Фонда «Резерв».

История – особая наука, занимающаяся изучением прошлого человеческих обществ, начиная с зарождения социума по настоящее время. Главной задачей истории, основным её предназначением следует считать познание прошлого человечества для понимания современного состояния нашего человеческого общества и предвидения его развития в будущем.

История призвана отражать реальность прошлого в его узловых моментах так, как писал древнеримский политический деятель и мыслитель Марк Туллий Цицерон: «Первая задача истории – воздержаться от лжи, вторая – не утаить правды, третья – не дать никакого повода заподозрить себя в пристрастности или в предвзятой враждебности».

В истории России была целая временная полоса, когда появилось удивительно прискорбное пренебрежение к истории, к наследию наших предков. А ведь память о них – необходимое условие воспитания чувства патриотизма. Само понятие «патриотизм» вмещает в себя мощные заряды исторических знаний нашего прошлого, без которых невозможна осмысленная любовь к своему Отечеству.

Изучение прошлого, осмысление происходящего и предвидение грядущего вдвойне ценно тогда, когда приходит тому срок и, когда правда остается незабываемым критерием сущего во всех разностях и сложностях взаимосвязанного развивающегося исторического процесса.

Военно-исторический альманах «Во славу Отчизны» нацелен на освещение вопросов нашей истории в объективном, справедливом и честном ключе.

Учредители:

Союз ветеранов военной разведки;
Фонд «Резерв» ветеранов
Военно-воздушных сил

Главный редактор:

Владимир Стрюков

Верстка дизайн-макета:

Ирина Васина

E-mail: info@voslavu.pf

www.voslavu.pf

★ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ

А.М. Василевский
Разгром крымской
группировки врага 4

★ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Группа авторов
Сверхмощные ядерные
взрывы в США и СССР 23

★ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В.Н. Земсков
Народный подвиг на строи-
тельстве оборонительных
рубежей 35

★ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

А.М. Сергиенко
Система радиосвязи советской
военной миссии 57

★ АВИАЦИЯ РОССИИ

В.Ю. Марковский
Боевая авиация в Афганской
войне 68

★ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ РОССИИ

Н.Г. Кузнецов
Главная водная магистраль
страны 82

★ ТЫЛ РУССКОЙ АРМИИ

Состояние Тыла Красной
Армии к началу войны 89

★ ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

«Тихие дела» послевоенного
времени 114

★ АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Уинстон Черчилль
Первая встреча мировых
лидеров 133

★ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РУССКОЙ АРМИИ

И.Г. Завьялов
М.В. Фрунзе и единая военная
доктрина 147

★ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Н.Ф. Червов
Дела сепаратные
и трагические 161

★ СПЕЦСЛУЖБЫ

П.А. Судоплатов
Накануне войны 175

★ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

А.Б. Мартиросян
О Высшем законе
геополитики 192

★ ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю.А. Нерсесов
Европейский арсенал рейха 200

★ РОССИЯ И КИТАЙ

Ю.В. Чародеев
Оказание интернациональной
помощи Китаю 215

★ ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ И ВООРУЖЕННОЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Н.П. Лыков
Украинские буржуазные
националисты 228

★ ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ И ЗОЛОТАЯ ОРДА

Владимир Стрюков
Нашествие Бату-хана
на Русь 255

★ ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Борьба с армией Крайовой 264

★ ВОЕННАЯ ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Г.В. Дорофеев
Начало конца 293

Я.А. Мелькунов
Восточная Бухара 311

Николай Добронравов
Нас нельзя победить 312

А.М. ВАСИЛЕВСКИЙ,
Советский государственный и военный деятель, выдающийся советский полководец, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, начальник Генерального Штаба (1942-1948), главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке (1945), министр Вооруженных Сил (военный министр) СССР (1949-1953).

РАЗГРОМ КРЫМСКОЙ ГРУППИРОВКИ ВРАГА

▲ Бирюзов, Ворошилов, Василевский, Крым, май, 1944

На очередь встало, как практическая задача, освобождение Крыма. Я на протяжении этой операции, оставаясь начальником Генерального штаба, одновременно координировал действия войск 3-го и 4-го Украинских фронтов. Каждый представитель Ставки обычно ведал двумя-тремя фронтами. Эта форма управления войсками через представителей Ставки, находившихся непосредственно в зоне боевых действий,

оправдала себя. Случалось, конечно, что иногда они выполняли свои обязанности неудачно. Известно, сколь сурово расценил Верховный Главнокомандующий работу Л. З. Мехлиса в Крыму двумя годами раньше, когда нас постигла неудача под Керчью. Но, как правило, представители Ставки действовали с максимальной пользой. Так что в целесообразности самого института представителей сомнений у ГКО и Ставки не было:

речь шла о подготовленности того или иного лица для выполнения задания Ставки.

На Крымской операции мне хочется остановиться особо, ибо она, по моему мнению, освещена недостаточно. К тому же в живых нет уже многих ответственных военных руководителей, кто мог бы рассказать о ней подробнее. Ушли из жизни командующий 4-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза

Ф. И. Толбухин, чьи войска сыграли основную роль в освобождении Крыма; его начальник штаба генерал-лейтенант С. С. Бирюзов; начальник фронтового политуправления генерал-лейтенант М. М. Пронин, командующий артиллерией генерал-майор С. А. Краснопевцев, постоянно находившийся в боевых порядках артиллерийских частей, командующие армиями, участвовавшими в этой операции: Отдельной Приморской Маршал Советского Союза А. И. Еременко, 2-й гвардейской генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров, 51-й генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, 8-й воздушной Т. Т. Хрюкин; командующий Черноморским флотом Филипп Сергеевич Иванов, прошедший путь от пароходного кочегара до адмирала, известный под фамилией Октябрьский и как один из руководителей славной обороны Одессы и Севастополя в 1941 — 1942 годах. Нет среди нас представителя Ставки в период Крымской операции 1944 года незабвенного Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова...

Огромное военно-политическое и стратегическое значение Крыма объясняет ожесточенный характер борьбы за него на протяжении почти всей Великой Отечественной войны. Враг цеплялся за Крым до последней возможности. Владея им, гитлеровцы могли держать под постоянной угрозой все Черноморское побережье и оказывать давление на политику Румынии, Болгарии и Турции. Крым служил фашистам также плацдармом для вторжения на территорию советского Кавказа и стабилизации южного крыла всего фронта. Как известно, в ноябре 1941 года мы вынуждены были оставить большую часть Крыма. Но сражение за главную военно-морскую базу Черноморского военного флота Севастополь продолжалось. Верный боевым традициям, Севастополь, с именем которого тесно связаны многие славные страницы исторического прошлого Родины, отрезанный врагом от суши и в значительной степени блокированный с моря, в течение восьми месяцев героически боролся с многократно пре-

восходящими силами противника. И только в июле 1942 года по приказу Верховного Главнокомандующего войска Приморской армии и корабли Черноморского флота оставили Севастополь.

Наши воины с честью выполнили возложенную на них задачу. За время напряженнейших боев за Севастополь фашисты потеряли убитыми и ранеными около 300 тыс. человек, много вооружения и боевой техники. В результате войска 11-й немецкой армии оказались настолько ослабленными, что до осени 1942 года вражеское командование не могло использовать их на других участках фронта.

С потерей Севастополя и всего Крыма резко ухудшилась стратегическая обстановка для наших войск на юге советско-германского фронта и в бассейне Черного моря. Враг угрожал теперь захватом Кавказа, мог развивать наступательные действия с ближайшей целью выйти на нижнее течение Волги.

Все это не могло не сказаться на настроениях правящих кругов

▲ Севастополь

Турции, королевской Румынии и царской Болгарии. Но прошел еще год, и положение в корне изменилось. В октябре 1943 года, когда Южный фронт готовился к прорыву Восточного вала на реке Молочной, прикрывавшего подступы к Крыму с севера, а Северо-Кавказский фронт генерал-полковника И.Е. Петрова во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией очистили от противника Таманский полуостров и вновь вышли к Керченскому проливу, Ставка Верховного Главнокомандующего приказала военным советам этих фронтов провести десантную операцию по захвату плацдарма на Керченском полуострове. В то время гитлеровское командование возложило оборону Крыма на 17-ю немецкую армию, которая, потерпев ранее тяжелые поражения от советских войск под Новороссийском и на Таманском полуострове, вынуждена была эвакуироваться в Крым.

Начав десантную операцию 1 ноября, корабли Черноморского флота через два дня высадили на Керченском полуострове первый эшелон 56-й армии генерал-лейтенанта К.С. Мельника. Преодолев упорное сопротивление врага, десантники сумели овладеть несколькими опорными пунктами и создать северо-восточнее Керчи плацдарм 10 км по фронту и 6 км в глубину. Начались упорные бои за его расширение.

15 ноября 1943 года решением Ставки Северо-Кавказский фронт был реорганизован в Отдельную Приморскую армию. Для действий на этом направлении была оставлена 4-я воздушная армия генерал-полковника авиации К.А. Вершинина. И.Е. Петрова на посту командарма Отдельной Приморской армии сменил позднее А.И. Еременко, в свою очередь замененный, уже в ходе Крымской операции, К.С. Мельником. Управление этой армии, с 18 апреля вошедшей в состав 4-го Украинского фронта, формировалось на базе 56-й армии и усиливалось за счет быв-

шего Северо-Кавказского фронта, 18-я армия которого в составе двух стрелковых корпусов была выведена в резерв Ставки, на пополнение. Для помощи командованию Отдельной Приморской армии Ставка направила Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова. От Генерального штаба был послан начальник Оперативного управления генерал-полковник С.М. Штеменко.

Уже с зимы шли ожесточенные бои за плацдармы на Керченском полуострове. Так, в донесении командования Отдельной Приморской армии от 15 января 1944 года говорилось:

«1. Сегодня войска армии продолжали наступление на правом фланге двумя дивизиями и в центре одной дивизией. Задача состояла в том, чтобы овладеть тремя сильными опорными узлами сопротивления противника, высотами 136,0, 92,7 и Безымянной в 1,5 км северо-восточнее Булганак. 128-я гвардейская стрелковая дивизия после упорного боя, доходившего до рукопашных схваток, сломала сопротивление противника и полностью овладела высотой 92,7. В траншеях на высоте захвачено 20 пленных. Противник, не имея крупных резервов, упорно сопротивляется, опираясь на высоты, превращенные им в мощные узлы сопротивления. Бои носят ожесточенный характер, войскам приходится штурмовать каждую высоту, так как обходить их невозможно, в силу того что глубокого маневра при таком узком фронте осуществить нельзя, а обход высот по близлежащим ложинам и оврагам невозможен из-за сильного огня с соседних высот. 2. Завтра наступление будет продолжаться с целью последовательного захвата опорных пунктов противника перед правым флангом и центром армии...»

Чтобы сковать противника по всему фронту и измотать его силы, командование армии активизировало действия войск и на левом фланге. С этой целью оно предлагало высадить десант непосредственно в Керченском порту и просило разрешения Ставки использовать батальон морской пехо-

ты Черноморского флота, дислоцированный в Новороссийске. Ставка согласилась с этими предложениями. Однако, несмотря на настойчивость и упорство Приморской армии, действия ее войск не только не дали желаемых результатов, но привели к значительным и неоправданным потерям, а потому

вызвали беспокойство в Ставке. Верховный Главнокомандующий в разговоре со мной по телефону неоднократно выражал недовольство руководством боевыми действиями Приморской армии. 27 января в адрес Петрова и Ворошилова последовала директива, в которой говорилось:

«Из действий Приморской армии видно, что главные усилия армии направлены сейчас на овладение г. Керчь путем уличных тяжелых боев. Бои в городе приводят к большим потерям в живой силе и затрудняют использование имеющихся в армии средств усиления — артиллерии, РС, танков, авиации. Ставка Верховного Главнокомандования указывает на разницу между Приморской армией и противником, состоящую в том, что Приморская армия имеет значительное преимущество перед противником в численности войск, в артиллерии, в танках и в авиации. Эти преимущества армия теряет, ввязавшись в уличные бои в городе, где противник укрепился, где приходится вести затяжные наступательные бои за каждую улицу и за каждый дом и где нет условий для эффективного использования всех имеющихся средств подавления. Такую тактику командования армии Ставка считает в корне неправильной, выгодной для противника и совершенно невыгодной для нас.

Ставка считает, что главные усилия армии должны быть направлены для действий против противника в открытом поле, где имеется полная возможность эффективно использовать все армейские средства усиления. Разговоры о том, что невозможно прорвать сильную оборону противника в открытом поле, лишены всяких оснований, ибо даже такая оборона, какую имели немцы под Ленинградом, втрое сильнее, чем оборона немцев под Керчью, оказалась прорванной благодаря умелому руководству.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Перенести основные боевые действия войск армии в открытое поле. 2. Действия в городе ограничить операциями, имеющими вспомогательную роль в отношении действий главных сил армии в открытом поле. 3. Исходя из этих указаний, перегруппировать силы и представить свои соображения о плане дальнейших действий в Генеральный штаб не позже 28.1.44 г.».

Учтя критику, руководство Отдельной Приморской армии предложило новую операцию, обязавшись начать ее через 10—12 дней. 31 января Ставка утвердила этот план. Однако и эта операция, равно как и последующие попытки армии очистить от врага Керченский полуостров до начала основной операции по освобождению Крыма с участием войск 4-го Украинского фронта, существенных успехов не принесла. Занятый нами плацдарм к северо-востоку от Керчи был использован в апреле в качестве исходного положения для основных сил Отдельной Приморской армии при проведении главной операции.

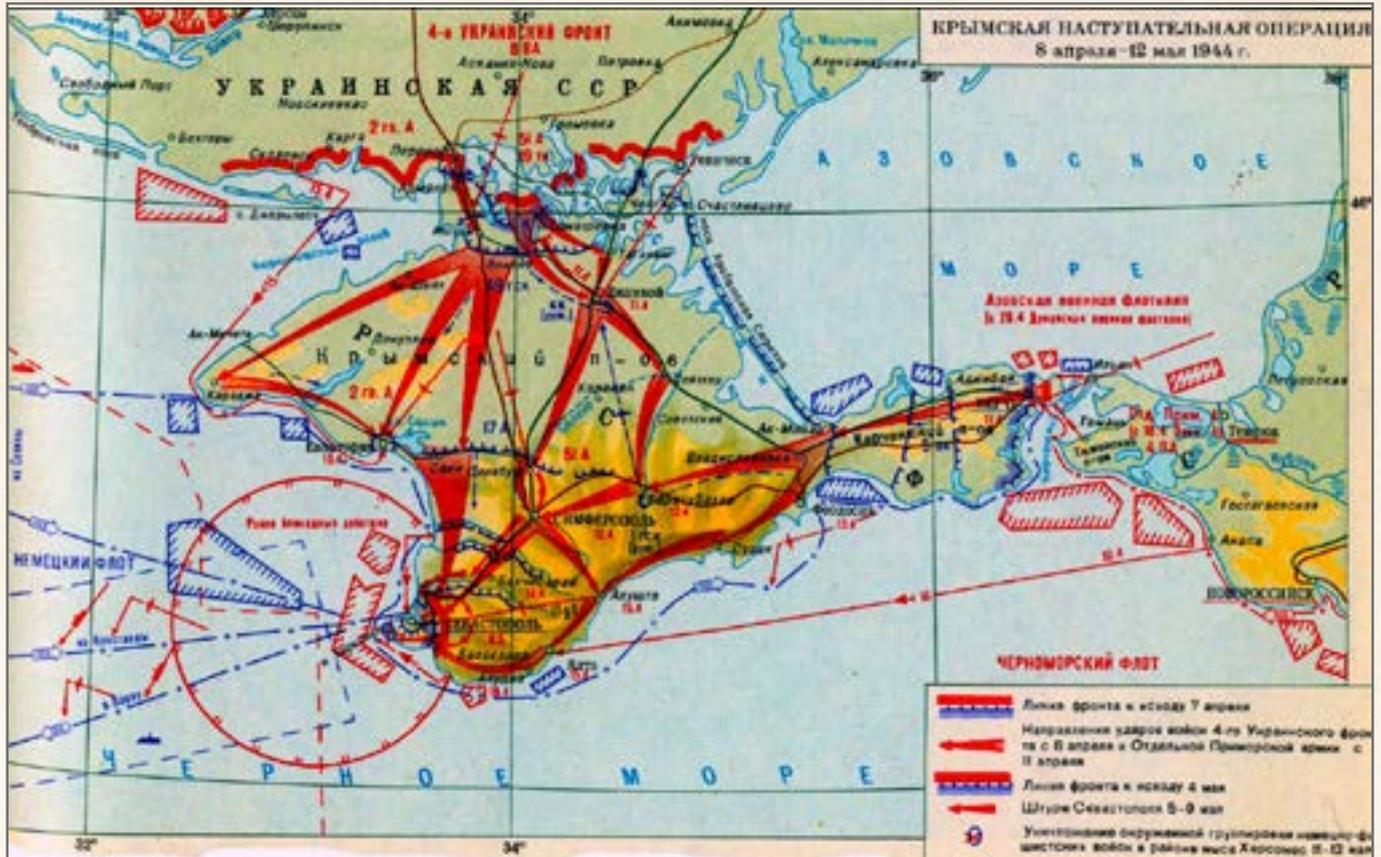
Вернемся теперь к войскам 4-го Украинского фронта. Когда в ноябре 1943 года они частью сил с ходу ворвались на Перекопский перешеек, форсировали Сиваш и овладели плацдармом на его южном берегу, 19-му танковому корпусу генерал-лейтенанта танковых войск И.Д. Васильева удалось с боями пробиться через укрепления врага на Турецком валу и выйти к Армянску. Правда, вслед за этим гитлеровцы, используя отрыв танкистов от пехоты и кавалерии, сумели закрыть брешь в своей обороне и временно заблокировать танковый корпус. Вскоре основные войска 51-й армии Я.Г. Крейзера перервали через Перекоп и соедини-

лись с мужественно сражавшимися танкистами. Затем бои здесь временно заглохли.

С выходом наших войск в низовья Днепра, к Перекопскому перешейку, на Сиваш и с одновременным захватом плацдарма на Керченском полуострове группировка врага (17-я немецкая армия и ряд румынских соединений), оборонявшаяся в Крыму, оказалась блокированной и отрезанной от остальных наземных сил противника.

Планирование наступательной операции по освобождению Крыма претерпело несколько стадий. После того как войскам 4-го Украинского фронта не удалось с ходу ворвать-

▲ Карта операции

ся в глубь Крымского полуострова, Ставка считала решающим моментом для начала наступательной операции этого фронта разгром никопольской группировки противника и ликвидацию его плацдарма на левом берегу Днепра у Большой Лепетихи. В первых числах января 1944 года, исходя из выгодной стратегической обстановки, сложившейся на территории Правобережной Украины, мы с командующими 3-м и 4-м Украинскими фронтами рассчитывали, что враг, во избежание полного разгрома на южном крыле советско-германского фронта, вынужден будет начать немедленный отвод войск из Днепровской дуги и с никопольского плацдарма, а также приступить к эвакуации войск из Крыма. Я внес в Ставку предложения: начать в январе или в первых числах февраля, параллельно с разгромом войск к западу от нижнего течения Днепра, наступательную операцию войск 4-го Украинского фронта по освобождению Крыма. Однако последую-

щие дни показали, что наши прогнозы не оправдались: враг не только не начал отвод войск, а усилил свое сопротивление в районе Никополя и Кривого Рога.

После детального обсуждения этого вопроса в Ставке пришли к следующему выводу. Учитывая, что борьба за Крым будет носить крайне упорный характер и потребует от командования и войск больших усилий и настойчивости, возложить главную ответственность за проведение Крымской операции на командование 4-го Украинского фронта, освободив его на это время от каких-либо других задач. Было решено также оставить во фронте для этой цели две армии соответствующего состава (одну для действий с Перекопа, а другую — с Сиваша) и 19-й танковый корпус. По-прежнему имелось в виду, что совместно с войсками 4-го Украинского фронта в этой операции примут участие войска Отдельной Приморской армии, Черноморского флота, Азовской флотилии и партизаны Крыма.

Первоначально планировалось начать операцию в марте, однако крайне неблагоприятная погода в районе Крыма и сильные штормы на Азовском море не позволили осуществить это. Решили начать ее после выхода советских войск к Одессе, что должно было облегчить проведение операции по освобождению Крыма.

В конце февраля, после освобождения советскими войсками Кривого Рога и выхода их на реку Ингулец, командование 4-го Украинского фронта получило возможность заняться подготовкой к проведению Крымской операции и переместилось со своим управлением на крымское направление в селение Отрада, известное еще по гражданской войне.

К началу Крымской операции блокированная в Крыму 17-я немецкая армия имела в своем составе 5 немецких пехотных дивизий — 50-ю, 73-ю (переброшенную в Крым морем и по воздуху в начале февраля), 98-ю, 111-ю (прибывшую в начале

марта с юга Украины) и 336-ю; 7 румынских дивизий — 10-ю и 19-ю пехотные, 1-ю, 2-ю и 3-ю горнострелковые, 6-ю и 9-ю кавалерийские; 191-ю, 279-ю бригады штурмовых орудий, большое количество артиллерийских, инженерных, строительных, охранных и полицейских частей.

Вражеская группировка в Крыму насчитывала примерно 200 тыс. солдат и офицеров, имела около 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий и 148 самолетов, базировавшихся в Крыму; кроме того, фашисты могли использовать здесь части авиации, находившейся на аэродромах в Румынии и Молдавии.

На Черном море, в портах Румынии и в Крыму противник имел семь эсминцев и миноносцев, 14 подводных лодок, три сторожевых корабля, три канонерские лодки, 28 торпедных катеров и большое количество катеров-тральщиков, сторожевых катеров, самоходных барж, вспомогательных и транспортных судов.

Основные силы 17-й немецкой армии оборонялись в северной части Крыма. На Керченском по-

луострове находились 5-й армейский корпус (73-я и 98-я пехотные дивизии и 191-я бригада штурмовых орудий немцев), 6-я кавалерийская и 3-я горнострелковая дивизии румын. На побережье Крыма были дислоцированы 1-я и 2-я горнострелковые и 9-я кавалерийская дивизии румын. На Перекопском перешейке на глубину до 35 км были оборудованы три сильные оборонительные полосы, первые две из них — по линии Ишуньского рубежа и по реке Чатырлык. Перед нашими войсками на южном берегу Сиваша были созданы две, а местами и три оборонительные полосы. На Керченском полуострове на всю его глубину были построены четыре оборонительные полосы.

По решению, принятому Ставкой, замысел Крымской операции заключался в том, чтобы одновременно ударами войск 4-го Украинского фронта с севера — от Перекопа и Сиваша — и Отдельной Приморской армии с востока — из района Керчи — в общем направлении на Симферополь — Севастополь

при содействии Черноморского флота, соединений Авиации дальнего действия и партизан расчленить вражеские войска, не допустить их эвакуации из Крыма.

Еще в феврале мы с командованием 4-го Украинского фронта приняли решение, одобренное в дальнейшем Ставкой, главный удар нанести с плацдармов на южном берегу Сиваша силами 51-й армии (командующий генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер, член военного совета генерал-майор В. И. Уранов, начальник штаба генерал-майор Я. С. Дашевский) в направлении Симферополь — Севастополь, а вспомогательный удар — на Перекопском перешейке силами 2-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров, член военного совета генерал-майор В. И. Черешнюк, начальник штаба генерал-майор П. И. Левин).

Почему же мы приняли решение нанести главный удар с плацдармов за Сивашом, а не с Перекопа? Ведь здесь наши войска ожидали наибольшие трудности и неудобства. Ис-

▲ Бой за Севастополь

▲ Через Сиваш

ходили мы из того, что именно здесь главный удар окажется для противника более неожиданным. К тому же удар со стороны Сиваша, в случае его удачи, выводил наши войска в тыл всем укреплениям врага на Перекопе, а следовательно, позволял нам гораздо быстрее вырваться на просторы Крыма. Мы решили ввести здесь в бой 19-й танковый корпус, чтобы как можно быстрее развить успех по прорыву оборонительной полосы врага в направлении Джанкоя и Симферополя. И Ставка Верховного Главнокомандования согласилась с нами. К концу февраля была закончена перегруппировка войск на Сиваш и Перекоп, и командование 51-й и 2-й гвардейской армий приступило к руководству войсками на этих направлениях.

На основе принятого и утвержденного Ставкой решения военный

совет фронта 22 февраля отдал армиям боевые распоряжения, которые и легли в основу всей дальнейшей работы по подготовке Крымской наступательной операции.

Возвращаюсь несколько назад в своем рассказе. В связи с серьезными наступательными операциями, проводимыми 3-м Украинским фронтом, всю вторую половину февраля я пробыл в его войсках и лишь 2 марта перелетел на крымское направление, в штаб 4-го Украинского фронта. С утра 3 марта мы с Ф. И. Толбухиным отправились на Сиваш. Вместе с вызванными мною руководящими лицами фронта, командованием 2-й гвардейской и 51-й армий мы провели рекогносцировку и рассмотрели основные вопросы, связанные с первым этапом Крымской операции, уделив особое внимание организации пе-

реправ через Сиваш, переброске по ним 19-го танкового корпуса, а также созданию надежного прикрытия переправ и быстрому их восстановлению в случае разрушения. Вся эта работа проходила в очень трудных условиях. Штормы, налеты вражеской авиации и артиллерийский обстрел разрушали мосты. К началу операции было создано две переправы — мост на рамных опорах длиной 1865 м и две земляные дамбы длиной 600—700 м и понтонный мост между ними длиной 1350 м. Грузоподъемность этих переправ усилиями инженерных войск фронта была доведена до 30 т, что обеспечивало переправу танков Т-34 и тяжелой артиллерии. С целью маскировки в километре от этих переправ был сооружен ложный мост.

В ночь на 4 марта я доложил Верховному Главнокомандующему:

«Сегодня вместе с тов. Обуховым был на Сиваше у Крейзера, туда же вызвал с Перекопа Захарова и на месте ознакомился с условиями подготовки Крымской операции. Прошедший вчера и сегодня дождь окончательно вывел из рабочего состояния дороги. Весь автотранспорт стоит на дорогах в грязи. С трудом кое-как работают лишь тракторами. От попытки пробраться к Крейзеру на машинах пришлось отказаться, летели на У-2. При таком состоянии дорог начинать операцию нельзя, не сумеем за продвигающимися войсками подать не только пушки и снаряды, но даже продовольствие и кухни. К тому же переправы на Сиваше, разрушенные штормом в последних числах февраля, восстановлением из-за подвоза лесоматериалов задерживаются. На основе всего виденного лично и на основе докладов непосредственных участников в подготовке операции считаю, что Крымскую операцию можно будет начать лишь в период между 15—20 марта. Только к этому времени сумеем иметь на Сиваше две серьезные переправы и сумеем подвезти как на Перекоп, так и на Сиваш все необходимое. Прошу Вас утвердить указанные сроки. Все указания по подготовке операции дал, и к отработке всех вопросов в армиях с учетом моих указаний приступят немедленно. 4 марта вновь вылетаю к Родионову с тем, чтобы вернуться к Обухову дней за пять до начала операции. Александров».

28 марта во время телефонного разговора Верховный Главнокомандующий обязал меня встретиться с К. Е. Ворошиловым и согласовать с ним вопросы, касающиеся взаимодействия войск 4-го Украинского фронта и Приморской армии на первых этапах Крымской операции. Он сообщил, что Ворошилов прибывает к 10 часам 29 марта в Кривой Рог. Я тоже прилетел туда из штаба 3-го Украинского фронта, где размеща-

лась моя группа офицеров. Климент Ефремович принял меня в своем вагоне. Память об этой очередной встрече храню до сих пор. Радушие и гостеприимство всегда были свойственны Клименту Ефремовичу. Большие победы советских войск над фашистскими захватчиками делали эту встречу особенно приятной. Ворошилов детально проинформировал меня также о ходе недавно закончившейся Тегеранской конференции.

Обсудив в принципе вопросы, относящиеся к Крымской операции, мы решили привлечь к дальнейшей работе командование 4-го Украинского фронта. Для этой цели мы должны были переехать в Мелитополь к 10.30 30 марта.

В следующей нашей встрече на станции Мелитополь приняли участие Ф. И. Толбухин, член военного совета 4-го Украинского фронта Н. Е. Субботин, начальник штаба

▲ Десант черноморцев

С. С. Бирюзов и командующий 8-й воздушной армией Т. Т. Хрюкин. Мы подробно ознакомили К. Е. Ворошилова с планом проведения операции войсками 4-го Украинского фронта, а он нас — с планом действий Приморской армии. Она готовилась прорвать оборону противника севернее Керчи, уничтожить по частям керченскую группировку врага, не позволив ему отойти

на Ак-Монайские позиции, и развить в дальнейшем удар на Симферополь — Севастополь, а частью сил — вдоль южного берега Крымского полуострова. Мы познакомились и с задачами, поставленными в связи с этим 11-му, 3-му гвардейскому и 16-му стрелковым корпусам Приморской армии (они были изложены затем в приказе по армии за подписями ее командующего ге-

нерала армии А. И. Еременко, члена военного совета генерал-майора П. М. Соломки и начальника штаба генерал-майора С. И. Любарского).

Обсудив основные вопросы, касавшиеся взаимодействия войск в начальный период Крымской операции, мы направили Верховному Главнокомандующему 31 марта следующий доклад:

«30 марта в Мелитополе совместно с военсоветом 4-го Украинского фронта обсудили вопросы, связанные с проведением Крымской операции. 1. Считаю необходимым принятие решительных мер по организации настоящей блокады Крыма, которая воспрепятствовала бы переброске войск и материальных ресурсов как в Крым, так и обратно. Для этой цели необходимо немедленно усилить авиагруппу Черноморского флота в Скадовске, которая в данный момент вместе с авиацией прикрытия составляет меньше 100 самолетов и при этом слабо обеспеченных транспортными средствами и горючим. Блокаду Крыма в настоящее время считать важнейшей задачей для Черноморского флота. Поэтому из имеющихся в распоряжении Черноморского флота более 500 самолетов необходимо довести авиацию Скадовска до 250—300 самолетов. Кроме того, для этой же цели следовало бы теперь перебросить до 10 подлодок в город Николаев. По этим вопросам просим указаний наркому Кузнецову. 2. 4-й Украинский фронт полностью подготовлен к выполнению задачи. Выпал глубокий снег, который вывел аэродромы из строя, а частые метели и туманы исключают возможность проведения нормальной работы артиллерии. Если погода позволит, то 4-й Украинский фронт начнет операцию не позднее 5 апреля 1944 года. На керченском направлении предлагаем начать через 2—3 дня после начала Перекопской операции. Просим утверждения. К. Ворошилов. А. Василевский».

▲ Херсонес, май 1944

▲ Боевая задача на бомбардировку

В ночь на 31 марта самолетом под управлением опытейшего пилота Афанасьева и не менее опытного штурмана Шехмана, с которыми я благополучно летал всю войну даже в неблагоприятных погодных условиях, я вернулся из Мелитополя на 3-й Украинский фронт.

Войска 4-го Украинского фронта начали Крымскую наступательную операцию 8 апреля. Утром в частях и подразделениях фронта был зачитан приказ военного совета о переходе в наступление: «Мы бьемся на земле, политой кровью наших отцов и братьев в 1920 году... Пусть же наш героизм нарастит мировую славу воинов Фрунзе, славу русского оружия».

Войска Приморской армии пошли в наступление 11 апреля. К этому времени советские войска, привлеченные к участию в этой операции, насчитывали около 470 тыс. человек, имели 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ, 1250 самолетов. В войсках было до четырех боекомплектов боеприпасов основных

калибров, около пяти заправок горюче-смазочных материалов и более чем на 18 суток продовольствия. Огромную и активную помощь советским войскам на протяжении всей операции оказывали крымские партизаны.

С разрешения Верховного Главнокомандующего я вернулся в штаб 4-го Украинского фронта 11 апреля после освобождения Одессы. В тот же день из Ставки была получена директива. В ней были изложены задачи Черноморского флота:

«1. Систематически нарушать коммуникации противника в Черном море, а в ближайший период нарушение коммуникаций с Крымом считать главной задачей. Для действия на коммуникациях использовать подводные лодки, бомбардировочную и минно-торпедную авиацию, а на ближних коммуникациях — бомбардировочно-штурмовую авиацию и торпедные катера.

2. Быть готовыми к высадке в тыл противника тактических десантов силой батальон — стрелковый полк.

3. Охранять побережье и приморские фланги армий, содействовать фланговым частям армий при их продвижении огнем береговой и корабельной артиллерии мелких кораблей.

4. Повседневнo расширять и закреплять операционную зону флота в Черном море путем уничтожения минных полей, открытия и поддержания своих фарватеров и маневренных районов, безопасных от мин.

▲ Наши танки в Крыму

5. Обеспечивать свои коммуникации от воздействия противника, в частности организовав надежную противолодочную оборону.

6. Путем систематического траления в первую очередь создать возможность плавания по фарватерам, с дальнейшим переходом к сплошному тралению загражденных минами районов.

7. Крупные надводные корабли тщательно готовить к морским операциям, которые будут, при изменении обстановки, указаны Ставкой.

8. Быть готовым к перебазированию флота в Севастополь и к организации обороны Крыма.

9. Быть готовым к формированию и перебазированию Дунайской военной флотилии».

с Ф. И. Толбухиным, мы решили для быстрого захвата Симферополя создать подвижную группу в составе 19-го танкового корпуса, усиленного 279-й стрелковой дивизией на автомашинах и 21-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой, поставив во главе группы заместителя командующего 51-й армией генерал-майора В. Н. Разуваева, с основной задачей — 13 апреля захватить Симферополь. Нами было принято также решение боковым отрядом 51-й армии не позднее 12 апреля во взаимодействии с основными силами армии разгромить Ишуньскую группировку врага, зайдя в тыл его войскам, оборонявшимся на Перекопе.

Вечером 11 апреля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, прорвавшим оборону противника на Перекопе и на Сиваше и овладевшим городом Джанкой.

Из телефонных переговоров с К. Е. Ворошиловым мне было известно, что войска Отдельной Приморской армии, начав с 22 часов 10 апреля боевые действия, заняли передовые траншеи [386] противни-

По данным авиационной разведки нам стало известно, что противник в результате успешных действий 51-й армии Крейзера на джанкойском направлении начинает отвод своих войск с Керченского полуострова. Ф. И. Толбухин просил меня ускорить переход в наступление Приморской армии. Я поддержал его просьбу и немедленно передал ее К. Е. Ворошилову.

10 апреля войска 51-й армии прорвали оборону противника, и с утра 11 апреля в прорыв был введен 19-й танковый корпус. Стремительным ударом он овладел Джанкоем и успешно продолжал развивать наступление крымскими степями на Симферополь. Под Перекопом враг оказывал 2-й гвардейской армии Г. Ф. Захарова упорное сопротивление. Посоветовавшись

ка. Главные ее силы, перейдя в наступление ночью, к утру 11 апреля полностью освободили Керчь и стали выдвигаться к промежуточным рубежам обороны фашистов между Арабатским и Феодосийским заливами.

В ночь на 12 апреля я послал донесение Верховному Главнокомандующему о ходе боевых действий на 4-м Украинском фронте и о наших намерениях по дальнейшему развитию операции и отправился на правое крыло 51-й армии Я.Г. Крейзера, чтобы помочь его войскам побыстрее пробиться навстречу войскам 2-й гвардейской армии Г.Ф. Захарова.

В течение 12 апреля 4-й Украинский фронт освободил 314 населенных пунктов. Были прорваны Ишуньские позиции восточнее Каркинитского залива, Ак-Монайские позиции у основания Арабатской Стрелки и Бюк-Онларские позиции в центре Крыма. Теперь наступление пошло

развернутым фронтом: 2-я гвардейская армия шла западным берегом полуострова, на Евпаторию; 51-я армия — через степи прямо на Симферополь; Приморская армия — через Феодосию южным берегом Крыма, где в горах открыто перешли к активным действиям наши партизанские соединения. Черноморский флот с морской авиацией наносил удары по морским коммуникациям противника и скоплениям его войск и кораблей в Судак, Алуште и Балаклаве.

13 апреля вновь взвилось наше знамя над Симферополем, Евпаторией и Феодосией. Последовало стремительное передвижение советских войск во всех направлениях на юг полуострова. Враг в панике бежал. Уже 14 и 15 апреля были освобождены Бахчисарай, Судак и Алушта; 15 апреля подвижные части 51-й армии вышли к внешнему оборонительному обводу Севастополя, по-

следней надежде врага, создавшего здесь мощный оборонительный район. За отличные боевые действия Верховный Главнокомандующий объявил освободителям Симферополя благодарность, а Москва торжественно салтовала им.

В стане врага резче наметилось разложение. Румыны предпочитали сдаваться в плен. Немцы стягивались к Севастополю. Гитлер объявил его «городом-крепостью». Это означало, что войска должны были защищать его до последнего солдата. Гитлер призывал их оборонять Крым «как последнюю крепость готов». Уж и историю он обратил себе в помощницы. Но тщетны были призывы фюрера. На взятие Севастополя нашим войскам понадобилось лишь несколько дней. А от заклинаний и призывов фашистского командования остались лишь валявшиеся повсюду листовки, которые гнал морской ветер.

▲ Петров И.Е.

▲ Хрюкин Тимофей Тимофеевич

Непрерывное отступление немцев по всему полуострову заставило Гитлера искать «козла отпущения». В начале мая генерал-полковника Енеке заменил на посту командующего 17-й армией генерал пехоты К. Альмендингер.

Фашисты, отступая, взрывали и сжигали все, что только успевали. Пострадали, в частности, многие дворцы на южном берегу Крыма. Уцелело лишь здание неподалеку от Ялты: его Гитлер «подарил» в 1942 году Манштейну, командовавшему тогда войсками, захватившими Севастополь. К 14 апреля 4-й Украинский фронт захватил уже до 20 тыс. пленных. Войска фронта успешно очищали тылы от мелких групп противника, а его основные силы стягивались к дуге немецких укреплений, прикрывавших Севастополь.

Вместе с Толбухиным я побывал в войсках 2-й гвардейской армии, продвигавшейся с севера от города Саки к реке Булганак, затем 51-й армии, ведшей бои восточнее, в междуречье Альмы и Качи, а потом вернулся в штаб фронта, переместившийся уже в Сарабуз Болгарский.

Войска Отдельной Приморской армии должны были выйти с юга к Балаклаве. До ее подхода мы решили начать атаку Севастопольского оборонительного района врага в 14 часов 16 апреля, поддержав ее всей фронтовой артиллерией. В Сарабуз приехал К.Е. Ворошилов. Договариваясь с ним о согласовании действий 4-го Украинского фронта и Приморской армии, я поставил вопрос о подчинении ее Толбухину. Это мнение разделял и Сталин. Еще 11 апреля, после освобождения Джанкоя, он сообщил мне по телефону о своем намерении перевести в этом случае командарма А.И. Еременко на 2-й Прибалтийский фронт вместо М.М. Попова (он направлялся в Ленинград начальником штаба к Л.А. Говорову). К.Е. Ворошилов не возражал против этого предложения, о чем я и сообщил Верховному. В ночь на 16 апреля был получен соответствующий приказ. Приморская армия переставала считаться отдельной и включилась в состав 4-го Украинского фронта. Командующим ее стал К.С. Мельник.

16 апреля из Крыма был отозван Климент Ефремович. Мне же было

приказано оставаться в 4-м Украинском вплоть до полного очищения Крыма от врага и одновременно не забывать о войсках 3-го Украинского фронта, ведших бои в Молдавии. К исходу 16 апреля Приморская армия подтягивалась на линию армии Крейзера: ее 11-й гвардейский корпус был на марше из Симферополя в Бахчисарай; 16-й стрелковый корпус находился в районе Алушты; 3-й горнострелковый корпус пока что вступал в горы между Карасубазаром (Белогорском) и Старым Крымом. 20-й стрелковый корпус по-прежнему оставался на Таманском полуострове. Разбросаны были и бронетанковые силы этой армии. Нас это не устраивало, и мы беспрестанно поторапливали армейское командование, особенно потому, что соединения Г.Ф. Захарова и Я.Г. Крейзера сражались уже южнее речки Качи.

С утра 17 апреля мы с Ф.И. Толбухиным вновь были в войсках Захарова и Крейзера. Из личных наблюдений, опроса пленных, данных воздушной разведки и донесений от партизан мы вынесли заключение, что противник, занимая по южному берегу реки Бельбек исключительно силь-

▲ Октябрьский Ф.С

▲ Сталин И.В

▲ Сдача в плен

ные позиции, прикрывающие подступы к Севастополю и его Северной бухте, намерен упорно обороняться, чтобы выиграть время для эвакуации морем войск и техники. Эти позиции имели шесть линий траншей, усиленных проволокой, минными полями и отчасти дотами. Заметно активизировался огонь вражеской наземной и зенитной артиллерии.

Частые атаки войск армии Захарова существенных результатов не дали. Войскам Крейзера совместно с подошедшими передовыми частями Приморской армии удалось овладеть несколькими высотами в 8 км восточнее Севастополя, а также населенными пунктами Верхняя

и Нижняя Чоргунь и Камары. После обсуждения с командармами сложившейся обстановки мы решили немедленно атаковать противника, чтобы попытаться захватить Севастополь с ходу и сорвать начавшуюся эвакуацию немецких войск. С этого момента по существу начался последний этап операции по освобождению Крыма.

Вечером 17 апреля, на основе принятого нами решения, Ф.И. Толбухин поставил Приморской армии следующие задачи: 18 апреля действиями передовых отрядов продолжать очищение от противника лесных массивов северо-восточнее и восточнее Черной реки; 19 апреля главными

силами 11-го гвардейского и 16-го стрелкового корпусов прорвать вражеские оборонительные рубежи и овладеть Сапун-горой и Балаклавой, а в дальнейшем, во взаимодействии с 51-й армией, захватить западную часть Севастополя. Одну стрелковую дивизию оставить для обороны южного побережья Крыма в полосе Тессели, Алушты. Для участия в прорыве привлечь всю артиллерию усиления армии, обеспечив плотность огня не менее 150 стволов на 1 км фронта.

Ставка постоянно интересовалась ходом операции. Поэтому мои донесения были подробны. 18 апреля сообщал Верховному Главнокомандующему; в частности, следующее:

«По показанию пленных, эвакуация живой силы противника из Севастополя планируется в первую очередь, после чего, если обстановка позволит, приступят к эвакуации техники. Пленные румынские офицеры говорят, что в вопросах последовательной эвакуации между румынскими и немецкими частями происходят большие недоразумения, сопровождающиеся в последние дни огнем. В течение ночи и утра 19.IV принимаем все меры к тому, чтобы подвезти 51-й и Приморской армиям до 1 боекомплекта снарядов и мин. Главные усилия по-прежнему сосредоточиваем на юге со стороны Балаклавы с тем, чтобы отрезать Севастополь от моря с юга и юго-запада. Кроме того, ударом Крейзера на гору Сахарная Головка и Гайтани стремимся выйти в Инкерманскую долину с тем, чтобы взять под огонь орудий прямой наводки Северную бухту и изолировать войска противника, обороняющиеся к северу от нее. Главные усилия штурмовой авиации сосредоточиваются на балаклавском направлении, сюда же подтягивается и 19-й танковый корпус, имеющий к вечеру 18.IV сто машин на ходу. «Бостоны» и пикировщики будут использованы для ударов по севастопольским портам и по транспортным, выходящим из них. Для борьбы с транспортом в открытом море привлечена Скадовская авиационная группа, по докладу которой за сегодняшний день потоплен транспорт водоизмещением в 5000 т и один транспорт поврежден».

Во второй половине дня 19 апреля 51-я и Приморская армии перешли в наступление на заданных направлениях. Но, встретив упорное сопротивление врага, переходившего в яростные контратаки, существенного успеха не добились. Требовалась более серьезная помощь войскам со стороны артиллерии и авиации, а также обеспечение войск хотя бы 1,5 комплекта боеприпасов. Чтобы избежать напрасных потерь, мы приняли решение, правда не совсем охотно утвержденное Верховным Главнокомандующим, перенести генеральную атаку севастопольской обороны врага на 23 апреля.

В эти же дни приступили к отправке из Приморской армии на центральный участок советско-германского фронта в состав вновь создаваемого 2-го Белорусского фронта 55-й гвардейской стрелковой и 20-й горнострелковой дивизий, управления 4-й воздушной армии генерал-полковника К. А. Вершинина с частями обеспечения и обслуживания. Ее самолеты остались в Крыму и были переданы 8-й воздушной ар-

мии. Эти переброски осуществлялись в связи с ранее принятым решением Ставки направить основные усилия летом 1944 года на разгром немецко-фашистской группы армий «Центр» с целью освобождения Белоруссии.

23 апреля войска фронта перешли в наступление, нанося основной удар со стороны Балаклавы на мыс Херсонес. В результате ожесточеннейших боев, отличных действий нашей авиации и артиллерии войска Приморской армии продвинулись за день на 3 км. Ввести здесь в тот день 19-й танковый корпус из-за сплошных минных полей не удалось. Войска 2-й гвардейской армии Захарова овладели железнодорожной станцией Мекензиевы горы. Войскам 51-й армии Крейзера удалось на отдельных направлениях ворваться в оборону противника и занять в ней две-три траншеи. С некоторых наблюдательных пунктов можно было видеть продолжавшуюся эвакуацию войск противника из Северной бухты, хотя мы принимали все меры к тому, чтобы огнем дальноточной артиллерии, флотом и авиацией всемерно препятствовать

этому. За сутки Черноморский флот потопил три вражеских транспорта общим водоизмещением в 6500 т и сторожевой корабль.

И. В. Сталин неоднократно напоминал нам о необходимости поспешить с ликвидацией крымской группировки врага, да и сами мы отлично понимали всю важность этого как с военной, так и с политической точек зрения. Однако и это наше наступление должного успеха не принесло. Потребовались новая перегруппировка и подготовка войск, дополнительная отработка взаимодействия между ними, подвоз боеприпасов и горючего.

Решили: 30 апреля нанести удар на вспомогательном направлении силами 2-й гвардейской армии с вводом в бой 13-го гвардейского стрелкового корпуса через Мекензиевы горы, выйти к Северной бухте и отвлечь сюда часть вражеских сил, действовавших в южном секторе. Удар этой армии поддержать всей авиацией фронта. Во всех пехотных соединениях на направлениях главного удара армии создать и подготовить штурмовые блокирующие группы в составе пехоты, саперов, огнеметных танков и орудий сопровождения. В течение 29 и в ночь на 30 апреля артиллерия большой мощности и 152-мм пушки-гаубицы огнем на разрушение вскрытых оборонительных сооружений противника будут готовить этот штурм пехоты и танков. Перед рассветом 30 апреля Авиация дальнего действия ударом крупнокалиберными бомбами по боевым порядкам противника усилит эту подготовку. С утра 1 мая войсками Приморской и левого фланга 51-й армий нанести основной удар в общем направлении на поселок 6-я Верста и мыс Херсонес, обходя Севастополь с юга. В этот день все основные средства усиления фронта и всю авиацию использовать на данном направлении. 2-я же гвардейская армия продолжит наступление, используя преимущественно собственные средства усиления.

В ночь на 29 апреля по всем этим планам у меня состоялся длительный разговор с Верховным Главнокоман-

дующим. Намечаемый оперативный замысел и группировка сил никаких сомнений у него не вызвали и существенных поправок не потребовали. Но зато, когда речь зашла о новой отсрочке наступления, Верховный вышел из равновесия. Разговор приобрел довольно острый характер. Но я не отступал от своего и в результате получил разрешение, если потребуется, 5 мая начать наступательные действия 2-й гвардейской армии на вспомогательном направлении, а 7 мая — генеральный штурм Севастопольского укрепрайона усилиями всех войск фронта, Черноморского флота и партизан.

Исходя из этого, командование 4-го Украинского фронта уточнило задачи своим армиям. До 5 мая войска фронта разрушали артогнем укрепления врага, осуществляли перегруппировку и подготовку соединений и частей и пополняли боеприпасы с тем, чтобы к началу наступления иметь по войскам 2-й гвардейской не менее 1,5 боевого комплекта снарядов и мин

и по остальным армиям 1,5 боевого комплекта снарядов и до 2,5 мины. За эти же дни со всем командным составом были неоднократно проведены на их участках наступления рекогносцировки с детальным изучением местности, противника и тщательной обработкой планов выполнения ближайших задач. В тылу расположения наших войск были созданы учебные штурмовые городки для отработки элементов боя в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке. Особенно внимательно отработывалось взаимодействие пехоты с артиллерией, танками и авиацией. Во все: воинских частях проводилась напряженная партийно-политическая работа, направленная на обеспечение успешного выполнения предстоящих боевых задач. Партийные организации включили в состав штурмовых групп наиболее опытных в военном деле коммунистов. В подразделениях и частях проводились партийные и общие собрания, семинары агитаторов и митинги.

Нам стало известно, что некоторые румынские войсковые части, как явно ненадежные, снимаются с фронта и сосредотачиваются для эвакуации в районе мыса Херсонес. Одновременно с эвакуацией войск из Крыма на пополнение остающихся в Крыму войск 17-й немецкой армии для прикрытия эвакуации перебрасываются морем и по воздуху свежие маршевые батальоны; чтобы поднять настроение солдат и офицеров, указанием высшего фашистского командования в Крыму были установлены двойные оклады, а за активное участие в оборонительных боях обещались здесь земельные наделы. Для устрашения войск гитлеровцы довольно часто практиковали публичный расстрел дезертиров.

Учитывая ту огромную роль, которую сыграли на протяжении всей Крымской операции 1944 года советские партизаны, 3 мая мы по согласованию с Крымским обкомом партии направили в Государственный Комитет Обороны подготовленное при активном участии командования

▲ Пленные захватчики

и Политуправления 4-го Украинского фронта представлением к правительственным наградам участников партизанского движения: шесть человек к званию Героя Советского Союза, 14 — к награждению орденом Ленина, 17 — орденом Красного Знамени, 23 — Отечественной войны I степени, 63 — II степени и т. д.

5 мая 2-я гвардейская армия, после двухчасовой артиллерийской подготовки и ударов авиации, перешла в наступление.

Артиллерия большой мощности накануне атаки и с утра в день наступления вела огонь на разрушение долговременных оборонительных сооружений. Вся авиация фронта бомбила и обстреливала боевые порядки и артиллерию врага, особенно мешавшую продвижению нашей пехоты и танков. Бои носили исключительно упорный характер и на ряде участков переходили в горячие рукопашные схватки. За первый день гвардейцы продвинулись на 1000 м. В их руки попали три-четыре линии траншей с дзотами и дотами. Но показанием пленных, противник со второй половины дня начал, как

нам того и хотелось, усиливать свой северный сектор за счет войск с внутреничного обвода Севастопольского укрепленного района. 6 мая гвардейцы возобновили атаку. И вновь бои развертывались с небывалым жесточением.

7 мая в 10 часов 30 минут утра после полуторачасовой артиллерийской подготовки и при массированной поддержке всей авиацией фронта наши войска начали генеральный штурм Севастопольского укрепленного района. Оборона фашистов была прорвана на 9-километровом участке. Удалось овладеть Сапун-горой, на склонах которой располагалась многоярусная линия вражеских укреплений со сплошными траншеями, 36 дотами и 27 дзотами. Падение Сапун-горы, ключевого пункта фашистской обороны, предрешило взятие Севастополя. С ее вершины, а также с горы Кая-баш (306,3 м) мы получили возможность просматривать весь город и равнину до мыса Херсонес.

Мы с Ф. И. Толбухиным почти не уходили с командного пункта Приморской армии севернее Балаклавы.

Туда же прибыло к нам сообщение, что войска 2-й гвардейской пробрались к Северной бухте и держат ее акваторию под огнем своих орудий прямой наводкой. Теперь следовало добиться успеха в стыке 51-й и Приморской армий. Воины 51-й армии уже овладели Английским кладбищем, бойцы Приморской сражались у Мраморной горы.

Если взглянуть на карты боевых действий 1855, 1920, 1942 и 1944 годов, легко заметить, что во всех четырех случаях оборона Севастополя строилась примерно одинаково. Это объясняется важнейшей ролью, которую играл тут природный фактор: расположение гор, наличие моря, характер местности. И теперь враг цеплялся за выгодные с точки зрения защиты города пункты. Новый командующий Альмендингер разразился особым обращением к поискам: «Фюрер поручил мне командование 17-й армией... Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Я требую, чтобы все оборонялись в полном смысле этого слова; чтобы никто не отходил и удерживал бы каждую

траншею, каждую воронку и каждый окоп. В случае прорыва танков противника, пехота должна оставаться на своих позициях и уничтожать танки как на переднем крае, так и в глубине обороны мощным противотанковым оружием... Честь армии зависит от защиты каждого метра вверенной нам территории. Германия ожидает, что мы выполним свой долг. Да здравствует фюрер!»

Но уже в первый день штурма Севастопольского укрепленного района враг потерпел крупное поражение, вынужден был оставить основной оборонительный рубеж и отвести войска на внутренний обвод. Ликвидировать оборону на нем и окончательно освободить Севастополь — такова была наша задача на 9 мая. Борьба не прекращалась и ночью. Особенно активно действовала наша бомбардировочная авиация. Общую

атаку мы решили возобновить в 8 утра 9 мая. От командующего 2-й гвардейской Захарова мы потребовали за день ликвидировать противника на северной стороне города и выйти к побережью Северной бухты на всем ее протяжении; левобланговым корпусом нанести удар по Корабельной стороне и овладеть ею. Командующему Приморской армией Мельнику было приказано ночными действиями пехоты овладеть Безымянной высотой юго-западнее совхоза №10 и обеспечить ввод в бой 19-го танкового корпуса.

Ровно в 8 часов 4-й Украинский возобновил общий штурм Севастополя. Бои за город продолжались весь день, а к его исходу наши войска вышли к заранее подготовленному врагом оборонительному рубежу от бухты Стрелецкой к морю. Впереди лежала последняя полоска

Крыма, еще принадлежавшая фашистам, — от Омеги до мыса Херсонес.

Утром 10 мая последовал приказ Верховного Главнокомандующего: «Маршалу Советского Союза Василевскому. Генералу армии Толбухину. Войска 4-го Украинского фронта, при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии, в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополем. Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков». Далее перечислялись все отличив-

▲ Севастополь наш!

▲ Разгром немцев в Крыму

шиеся в боях за Севастополь войска, которые представлялись к присвоению наименования Севастопольских и к награждению орденами.

10 мая столица Родины салютовала доблестным войскам 4-го Украинского фронта, освободившим Севастополь.

В ночь на 12 мая Приморская и 51-я армии, прорвав оборону врага на оборонительном рубеже, прикрывавшем мыс Херсонес, полностью ликвидировали остатки севастопольской группировки противника и через сутки вышли к побережью Черного моря по всей линии фронта.

Остатки вражеских дивизий бежали к Херсонесскому мысу, надеясь на эвакуацию. Но надеяться им было не на кого. За три дня штурма Севастополя и за два дня боев на мысе Херсонес мы взяли в плен 21 тыс. немецких и румынских солдат и офицеров, захватили множество всевозможной боевой техники, имущества и снаряжения.

Крымская наступательная операция советских войск закончилась 12 мая 1944 года сокрушительным разгромом 200-тысячной 17-й немецкой армии. Вся ее боевая техника и припасы оказались в руках советских войск. 250 дней осаждали немецко-румынские войска Севастополь в 1941—1942 годах. Нам же потребовалось лишь 35 дней, чтобы взломать мощные укрепления врага в Крыму; из них ушло только 3 дня, чтобы сокрушить куда более сильно развитую, чем у нас в 1942 году, долговременную оборону под Севастополем и освободить главную базу Черноморского флота.

Пять раз салютовала Москва войскам армии и флота, освобождавшим Крым от немецко-фашистских захватчиков. Многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования Перекопских, Сивашских, Керченских, Феодосийских, Симферопольских и Севастопольских. 126 воинов получили звание Героя Со-

ветского Союза, командир воздушной эскадрильи В. Д. Лавриненков был награжден второй медалью «Золотая Звезда», тысячи удостоились других правительственных наград...

Мне очень хотелось посмотреть Севастополь в первый же день его освобождения. Переезжая через одну из фашистских траншей в районе Мекензиевых гор, наша автомашина наскочила на мину. Каким образом там уцелела мина, невозможно понять: за двое суток по этой дороге прошла не одна сотня машин. Произошел невероятный случай: мотор и передние колеса взрывной волной были отброшены от кузова на несколько метров в сторону, шоферу лейтенанту В. Б. Смирнову повредило левую ногу. Я сидел рядом с ним в кабине и получил весьма ощутимый ушиб головы. Мелкие осколки стекла поранили мне лицо. Сопровождавшие меня А. А. Кияницкий, А. И. Гриненко и П. Г. Копылов, сидевшие сзади, не пострадали. ■

В.Б. АДАМСКИЙ, Ю.Н. СМИРНОВ, Ю.А. ТРУТНЕВ

СВЕРХМОЩНЫЕ ЯДЕРНЫЕ ВЗРЫВЫ В США И СССР

Иногда со стороны может показаться, что разработчики ядерного оружия в Арзамасе-16 только то и делали, что создавали и взрывали большие бомбы. Это совсем не так.

История советского термоядерного оружия начиналась со «слойки» Андрея Сахарова. Затем, 22 ноября 1955 года, состоялось испытание заряда, в котором для обжатия термоядерного узла использовалось излучение. В этой работе принимало участие множество людей, и вклад каждого специалиста был весом. Идея принадлежит Андрею Сахарову, Юрию Трутневу и Якову Зельдовичу.

Далее в СССР развитие термоядерного оружия пошло по нескольким направлениям.

По одному из них велись работы во ВНИИТФ, в Снежинске. Несколько направлений сложилось в Арзамасе-16.

Принципиально новый подход предложили Ю.Н. Бабаев и Ю.А. Трутнев. Это было многообещающее предложение с точки зрения уменьшения габаритов, повышения удельной мощности и того, что называют миниатюризацией. Речь не шла о совсем маленьких размерах. Но теперь заряды реально становились оружием: их можно было

ставить на те или иные носители. Новый заряд 23 февраля 1958 г. был успешно испытан. В течение года на базе этой идеи была сконструирована довольно большая серия зарядов различных калибров, в том числе на тот период и самый маленький из них.

Проверка нового принципа могла состояться ещё в 1957 году. Помешало неожиданное обстоятельство. В СССР запустили спутник, страна ликовала, а в это же время один из зарядов на полигоне отказал. Министр Ефим Славский распорядился: *«Хватит нам отказов, давайте отложим немного ...»*

▲ Адамский В.Б. Трутнев Ю.А. Смирнов Ю.Н.

трансплутониевых элементов взрывным методом. Лауреат Ленинской премии. Автор многих публикаций по истории советского атомного проекта.

Смирнов Юрий Николаевич (1937-2011) - ведущий научный сотрудник Российского научного Центра „Курчатовский институт“. Кандидат физико-математических наук. В 1960–1963 гг. работал в группе А.Д. Сахарова (Арзамас-16). Участник разработки 50-мегатонной термоядерной бомбы и её испытания 30 октября 1961 года. Один из инициаторов программы глубинного сейсмического зондирования с помощью подземных ядерных взрывов. В 1968–1974 гг. участвовал в обосновании и подготовке 14 „мирных“ взрывов. При проведении 11 из них (для глубинного сейсмического зондирования) был заместителем председателя государственной комиссии. Автор многих публикаций по истории советского атомного проекта, в том числе в соавторстве с В.Б. Адамским, а также с академиками РАН Ю.Б. Харитоном, Е.А. Негиным, Ю.А. Трутневым.

Трутнев Юрий Алексеевич (род. 1927 г.) первый заместитель научного руководителя Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (Арзамас-16), академик РАН, Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской (1959) и Государственной (1984) премий СССР. Работает во ВНИИЭФ с 1950 г. Один из самых ярких, выдающихся создателей отечественного ядерного оружия. Соавтор идей, которые легли в основу схемы конструирования современных термоядерных зарядов и их „чистых“ вариантов для применения в мирных целях. Один из инициаторов разработки сверхмощных термоядерных зарядов. Инициатор и участник разработки 50-мегатонной термоядерной бомбы и её испытания 30 октября 1961 года. Является научным руководителем перспективных разработок, связанных с совершенствованием ядерного оружия и повышением его безопасности.

Адамский Виктор Борисович

(1923-2005) советский физик, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (Арзамас-16). Доктор физико-математических наук. Участник Великой Отечественной войны. Работал во ВНИИЭФ с 1950 г., один из ветеранов-создателей отечественного ядерного оружия. Участвовал в разработке, создании и испытании термоядерного устройства АН602 – сверхмощной атомной бомбы с первоначальной проектной мощностью 100 мегатонн, позднее из-за технических ограничений уменьшенной до 50 мегатонн, испытанной 30 октября 1961 года. Известен своим вкладом в подготовку Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трёх средах. Один из научных руководителей и участников программы создания ёмкостей с применением подземных ядерных взрывов и опытов по наработке

Сахаров и Трутнев обратились за помощью к Игорю Курчатову: всё равно в этом направлении двигаться придётся. Хотя и с задержкой, испытание состоялось. Выступая 3 февраля 1959 г. на XXI съезде КПСС и оценивая результаты испытаний минувшего года, Курчатов заявил: *«... эти испытания оказались весьма успешными. Они показали высокую эффективность некоторых новых принципов, разработанных советскими учёными и инженерами. В результате Советская Армия получила ещё более мощное, более совершенное, более надёжное, более компактное и более дешёвое атомное и водородное оружие.»*

Серия зарядов 1958 года, а затем и дальнейшие разработки во время моратория (его недолговечность чувствовалась всеми) привели к тому, что к 1961 году у нас оказалось разработанным довольно большое количество изделий, и мы вышли

на испытания. В том же 1961 г. Трутнев обратился к Сахарову с предложением создать 100-мегатонную бомбу. Цели были вполне определённые: её испытание должно было показать наши возможности и возможности уже проверенных принципов. С другой стороны, показать человечеству: столь мощный взрыв означал бы, что возможны ещё более мощные заряды, а это угрожало человечеству гибелью.

В 1961–1962 годах у нас было много таких испытаний, которые заложили идеи на будущее. В частности, в дальнейшем они позволили создать заряды предельной «чистоты». Первое их применение — создание озера Чаган на Семипалатинском полигоне, когда взрывом была образована воронка глубиной 90 метров, диаметром около 500 метров и объёмом порядка 7 миллионов кубических метров. Кроме этого первого (внутреннего) водоёма

образовался за счёт перекрытия русла реки насыпной плотиной ещё и внешний водоём объёмом около 10 миллионов кубических метров.

ПАЛИТРА АМЕРИКАНСКИХ И СОВЕТСКИХ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Ядерные испытания в США и СССР преследовали разнообразные цели. Но приоритетной задачей всегда оставалось совершенствование ядерного оружия. Сверхмощные взрывы, проведённые обеими странами, стали не только вехами технологического продвижения вперёд. В отношении потенциального противника они являлись также актом устрашения. Наиболее впечатляющие эксперименты подобного класса представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Сверхмощные ядерные взрывы, США

№№ п/п (в скобках — порядковый номер испытания)	Дата взрыва	Условия проведения взрыва	Мощность, кт	Комментарии
1(31)	31.10. 52	ground	10400	Mike
2(44)	28.02. 54	ground	15000	Bravo
3(45)	26.03. 54	on a barge	11000	Romeo
4(48)	04.05. 54	on a barge	13500	Yankee
5(140)	28.06. 58	on a barge	8900	Oak
6(145)	12.07. 58	on a barge	9300	Poplar

Суммарная мощность: 68.1 Мт

Таблица 2. Сверхмощные ядерные взрывы, СССР

№№ п/п (в скобках — порядковый номер испытания)	Дата взрыва	Условия проведения взрыва	Мощность, кт	Комментарии
1(123)	23.10.61	воздушный	12500	
2(130)	30.10.61	воздушный	50000	Самый мощный взрыв в мире
3(147)	05.08.62	воздушный	21100	
4(173)	25.09.62	воздушный	19100	
5(174)	27.09.62	воздушный	> 10000	
6(219)	24.12.62	воздушный	24200	

Суммарная мощность: > 136.9 Мт

▲ Бомбардировка Хиросимы

Кроме шести взрывов сверхбольшой мощности ($E > 10$ Мт, Таблица 2) СССР провёл 22 воздушных испытания мегатонного класса ($1,5$ Мт $< E < 10$ Мт), которые были осуществлены в период 1955–1962 гг. Все они, за исключением взрыва 22 ноября 1955 г. под Семипалатинском, были проведены на полигоне Новая Земля.

Соединённые Штаты, помимо указанных в таблице 1 сверхмощных взрывов, реализовали в период 1954–1962 гг. ещё 24 воздушных эксперимента мегатонного класса (1 Мт $< E < 8,5$ Мт), используя для этой цели баржи, самолёты, ракеты или же проводя взрывы на поверхности земли.

Сверхмощные американские испытания были проведены в 50-е годы. Советские супервзрывы пришлись на начало 60-х, чему, естественно, есть своё объяснение. Ниже мы коснёмся этой темы.

Общая картина ядерных испытаний, проведённых в США и СССР, сводится к следующему.

Программа США за 47 лет (первый взрыв состоялся 16 июля 1945 г.,

последний — 23 сентября 1992 г.) включает 1056 ядерных испытаний (с учётом двух взрывов в 1945 году в Японии, 27 экспериментов в мирных целях и 24 ядерных испытаний, проведённых на Невадском полигоне совместно с Великобританией). Общее число взорванных ядерных зарядов и устройств 1151. Из них 1116 было взорвано в военных целях. Полное энерговыделение всех ядерных испытаний США оценивается в 180 Мт.

Программа СССР за 41 год (29 августа 1949 — 24 октября 1990) включает 715 ядерных испытаний (124 из них было проведено в интересах народного хозяйства страны). Таким образом, в среднем, СССР ежегодно проводил около 17 испытаний (США — 22). В общей сложности эта программа потребовала 969 ядерных зарядов и устройств, из которых 796 были взорваны в военных целях. Полное энерговыделение всех ядерных испытаний СССР составило 285,4 Мт.

Таким образом, в ходе 1771 испытания суммарная мощность ядерных устройств, взорванных двумя стра-

нами, превысила 460 Мт, из которых 205 Мт — или 45% — приходится на 12 сверхмощных советско-американских взрывов, приведённых в таблицах 1 и 2.

В США и СССР были созданы чудовищные арсеналы нового оружия. Затраты на создание ядерного потенциала и гигантской инфраструктуры, прямо или косвенно задействованной на его поддержание, а также меры для обеспечения безопасности в атомную эпоху обошлись Соединённым Штатам в сумму около 4 триллионов долларов. Надо полагать, эквивалентные затраты выпали на долю и Советского Союза. Беспрецедентным расходам сопутствовало, однако, не повышение реальной безопасности для каждой из сторон. Напротив, в годы холодной войны мир не раз оказывался на грани всеобщей катастрофы. Но страх перед угрозой взаимного уничтожения удержал горячие головы от рокового шага. То есть в этом отношении ядерное оружие сыграло положительную роль.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СВЕРХМОЩНЫХ ВЗРЫВОВ

Первый в истории взрыв атомного устройства в США 16 июля 1945 года и атомная бомбардировка Японии потрясли современников. Человечество вступило в новую эпоху. Ничего подобного мир не знал, и, естественно, эти взрывы воспринимались как сверхмощные. Соединённым Штатам казалось: цель достигнута и можно остановиться.

Действительно, с лета 1945 года до весны 1948-го США произвели только два атомных эксперимента мощностью по 21 кт каждый. Ни один из них не способствовал совершенствованию атомного оружия: это были взрывы бомб образца 1945 года. Они должны были ответить на вопрос, как повлияет атомное оружие на планы развития военноморского флота. Но уже тогда Эдвард Теллер ставил условием своей работы в Лос-Аламосе проведение 12 испытательных взрывов в год (реальность дала 22!).

Как бы там ни было, в 1948 году Соединённые Штаты осуществили три новых эксперимента. Ситуация резко изменилась, когда стало известно, что 29 августа 1949 года Советский Союз ликвидировал монополию США на новое оружие.

Уже в 1951 году США провели 16 экспериментов. Разработчики стремились сделать габариты оружия минимальными, а, с другой стороны, добиться максимального выгорания дорогостоящего ядерного «горючего». Эти противоречивые цели толкали на расширение полигонных экспериментов: они позволяли определить оптимальные параметры нового оружия. И приближали эру оружия водородного.

Итак, с первых шагов ядерной гонки в обеих странах акцент был сделан прежде всего на программах опытных взрывов. Их проведение открывало путь для совершенствования зарядов и увеличения их мощности. Разумеется, прежде чем появлялось принципиально новое решение, старались «выжать»

максимум из уже известной конструкции: увеличение мощности достигалось обычными усовершенствованиями, а также размещением в изделии возможно большего количества делящегося вещества. Советские разработчики в своё время даже рассматривали вариант атомного заряда, больше чем на порядок превышающий по мощности уже испытанные отечественные заряды. Но о его реальном изготовлении всерьёз не думали и эту откровенно прямолинейную конструкцию окрестили «Дураком»: экстенсивный путь (в особенности при развитии новой техники) никогда не выглядел привлекательным.

В США, однако, прошли и этот путь: мощность заряда King, испытанного 15 ноября 1952 года, составила 500 кт и целиком определялась реакциями деления. Политическая подоплёка была проста: «... единственно возможный путь для Америки гарантировать собственную безопасность состоял в том, чтобы создать намного более мощную бомбу, чем имели русские». Примечательно — эксперимент состоялся, хотя двумя неделями ранее был проведён сверхмощный термоядерный взрыв Mike. Понятие «супервзрыв» приобрело новый смысл.

Тем не менее, для американской программы разработки термоядер-

▲ Полигон в Неваде

▲ Американская бомба МК17

ного оружия оказались важными уже испытания 1951 года. „Удивительной случайностью было то, что идея инициирования под воздействием импульса, генерируемого излучением, уже была, хотя без осознания заложенного в ней потенциала, применена до появления работы Улама-Теллера 1951 г. в качестве одного из элементов схемы ядерного устройства George ... Так что вариант схемы Улама, предложенный Теллером, явился как бы экстраполяцией уже осуществлённой схемы передачи энергии атомной бомбы к термоядерному устройству, осуществлённой в эксперименте“ (Д. Хирш и У. Мэтьюз). George был испытан 8 мая 1951 года. Его мощность составила 225 кт.

Таким образом, осознание возможностей „идеи инициирования под воздействием импульса, генерируемого излучением“, пришло после взрыва *George*.

Принцип Улама-Теллера привёл к форсированному осуществлению эксперимента *Mike*, который состоялся 31.10.52. Мощность его поражала воображение — 10,4 Мт. Это был первый термоядерный супервзрыв в современном понимании этого термина.

Однако термоядерное оружие в США появилось позднее: 28 февраля 1954 года было взорвано экспериментальное термоядерное устройство *Bravo* мощностью 15 мегатонн. „*Это устройство уже было приспособлено для доставки самолётом к цели и, таким образом, стало первой большой американской водородной бомбой*“ (Herbert F. York).

Видимо, поддавшись азарту и стремясь сделать оружие огромной разрушительной силы, Соединённые Штаты следом проводят ещё два супервзрыва — *Romeo* и *Yankee* мощностью 11,0 и 13,5 мегатонн, которые также были готовы для использования в военных целях (см. таблицу 1). Игра мускулами требовала информационной поддержки. И 7 апреля 1954 г. американское правительство „официально раскрыло тайну, выпустив кинофильм о взрыве *Mike*, производивший весьма сильное впечатление“ (Р. Лэпп).

В результате в США появился монстр — сверхмощная бомба МК 17, состоявшая на вооружении в середине 1950-х годов. Она весила 19 050 кг и достигала 7,37 м в длину. К слову, ещё в 1949 г. американцы

провели испытание бомбы весом 19 050 кг в районе сухого озера Нью-рок, штат Калифорния. Таким образом, когда в Советском Союзе была создана 100-мегатонная бомба, испытанная над Новой Землёй 30.10.61 в варианте 50 мегатонн, её параметры (длина около 8 м, диаметр 2,1 м и вес, примерно, 26 т) уже нельзя было считать беспрецедентными.

Супериспытания (кроме взрыва советской 50-ти мегатонной бомбы и, возможно, эксперимента *Mike*), перечисленные в таблицах 1 и 2, сопровождались значительным радиационным загрязнением окружающей среды. Трагедия, разыгравшаяся с японскими рыбаками после взрыва *Bravo*, вызвала острый резонанс в мире. Таковы были реальности холодной войны между двумя ядерными гигантами.

Подобные взрывы проводились, чтобы снарядить мощными зарядами существовавшие тогда средства доставки и чтобы одновременно произвести должное впечатление на потенциального противника. „*Атому предстояло стать универсальной сдерживающей силой. Сверхбомбы, или стратегическое оружие, должны были предотвратить мировую войну*“ (Р. Лэпп). Большие мощности рассматривались тогда как необходимость, чтобы преодолеть неточности доставки заряда к цели. Наконец, справедливо отмечают, что сказывалась и психология ядерной гонки: чем больше — тем лучше, чтобы оказать впечатление на людей. Наконец, чтобы продемонстрировать предполагаемое „превосходство“ и получить финансирование.

СВЕРХМОЩНЫЕ ВЗРЫВЫ: ЗАКАЗЧИКИ И ИСПОЛНИТЕЛИ

Появлению сверхмощных зарядов способствовала их относительная дешевизна, политический расчёт и профессиональный энтузиазм разработчиков. Наивно полагать, что, скажем, Никита Хрущёв сам навязал советским ядерщикам создать 100-мегатонную бомбу. Всё случилось на встрече в Кремле 10 июля

1961 года, когда при обсуждении вопроса о выходе СССР из моратория на ядерные испытания руководители Арзамаса-16 доложили о возможности разработать подобную конструкцию. Другое дело, что Хрущёв немедленно „ухватился“ за неё: **„Пусть 100-мегатонная бомба висит над капиталистами, как Дамоклов меч!“**

Интерес к сверхмощным зарядам со стороны разработчиков носил характер именно увлечения, не продиктованного глубоко продуманными стратегическими соображениями: преобладало стремление дойти в том или ином техническом направлении до предельных характеристик. Независимо от того, насколько осмыслен, оправдан и практически применим экстремальный вариант.

Состязательность с Западом стимулировала. Влияние оказывало и соревнование между двумя ядерными центрами страны. Оно особенно проявилось в серии испытаний 1961–1962 годов. Соперничество между коллективами вызывало даже большее эмоциональное напряже-

ние, чем ощущавшееся абстрактно соревнование с заокеанскими конкурентами. Ведь выигравшая сторона получала „приз“: её заряд принимался для оснащения того или иного носителя, в серию. Соревнование становилось очень жёстким. Оно заставляло руководителей институтов добиваться разрешения министерства на фактически дублирующие испытания. Такая практика была выгодна и высшим чиновникам ведомства. Она возводила их, а также представителей министерства обороны, на роль арбитров. Оба конкурирующие института работали в высшей степени профессионально, и заряды получались с высокими характеристиками, но, случалось, близкими друг к другу. Поэтому выбор между ними определялся „политическими“ соображениями, когда необходимо было поддержать разумный баланс между конкурентами.

Простор для увеличения мощности термоядерного оружия открывался и по другой причине: суперзаряды не становились супердорогими. Высокую стоимость

имеют, в основном, уран-235, плутоний-239 и тритий. Другие компоненты, например, уран-238 и дейтерий, обеспечивающие наращивание мощности, недороги. Не возрастают заметно и расходы на изготовление заряда. Поэтому затратный механизм, который обычно сдерживает стремление к неумеренному росту характеристик технических изделий, здесь отсутствовал.

Наконец, воодушевляло „встречное движение“: советское руководство видело в ядерной мощи страны козырную карту, сильнейший аргумент в политике противостояния Западу. Это особенно проявилось в 1961–1962 гг.

Высшие власти Советского Союза в лице Никиты Хрущёва считали полезным продемонстрировать могущество СССР в период берлинского и назревавшего Карибского кризиса. Он лично нацелил разработчиков ядерного оружия на проведение серии испытаний, чтобы подчеркнуть жёсткость позиции Советского Союза в сложившейся напряжённой ситуации. Подразумевалось также

▲ Искусственное озеро

▲ Сахаров А.Д.

▲ Трутнев Ю.А.

(и об этом говорилось), что сверхзвуковые в атмосфере, сопровождаемые рядом эффектов, которые будут зарегистрированы многими наблюдательными станциями в мире, увеличат всеобщее ощущение опасности, страха перед ядерным оружием и усилят движение за его запрещение.

Советские разработчики ядерного оружия, как уже отмечалось, понимали: действовавший мораторий — временное, конъюнктурное явление. И продолжали интенсивно работать впрок. Предчувствуя скорую серию испытаний, они предложили новые конструкции ядерных и термоядерных зарядов, которые в ряде случаев имели принципиальное значение и даже заложили будущее для советских подземных испытаний. К концу моратория основная часть расчётно-теоретических разработок была выполнена в металле и могла быть испытана. Это позволило полигонным службам сразу взять высокий темп.

Естественно, сверхмощным взрывам на Новоземельском полигоне уделялось особое внимание. Как-либо ограничения на мощность

испытываемых зарядов здесь практически отсутствовали: населённые территории находились на большом удалении. Беспокоила только остаточная радиоактивность — при воздушном взрыве она не локализуется и рассеивается по всей атмосфере. При этом к радиоактивности трития и осколочной радиоактивности продуктов взрыва добавляется радиоактивность, наведённая нейтронами на азоте воздуха.

Для эпохи сверхмощных взрывов было характерно какое-то чудовищное смещение акцентов во взаимоотношениях двух великих держав — лидеров противостоящих блоков. Господствовало извращённое сознание: борьба между ними важнее общечеловеческих интересов. В большинстве аналитических оценок и планов политического и технологического характера приоритет отдавался направлениям, обеспечивавшим „победу“, даже если она оборачивалась бедой для всего человечества. Как-то забывался обоюдоострый характер ядерного оружия: радиоактивные осадки, рас-

пространяясь повсеместно, не щадят ни жертву, ни агрессора. Обе противостоящие стороны очень медленно „выздоровливали“ от такого подхода. Испытания 1961–1962 годов стали своеобразным апофеозом, а сверхмощный 50-мегатонный взрыв в этой серии сыграл особую роль.

Наши разработчики ядерного оружия, конечно, понимали ультраварварский характер зарядов большой мощности, способных в ядерной войне уничтожить не только отдельные страны и народы, но и вообще всю человеческую цивилизацию. Среди них были люди высокой и технологической, и гуманитарной культуры. Достаточно назвать Юлию Харитона, Якова Зельдовича, Андрея Сахарова. Но и они, поддаваясь чувству технологической эйфории, с энтузиазмом работали над изобретением и совершенствованием ядерных зарядов, увлекаясь, по выражению Э. Ферми, „хорошей физикой“.

Но главным побудительным мотивом было другое. „Мы исходили из того, — говорил Андрей Сахаров, — что эта работа — пра-

критически война за мир. Работали с большим напряжением, с огромной смелостью ... Со временем моя позиция во многом менялась, я многое переоценил, но всё-таки я не раскаиваюсь в этом начальном периоде работы, в которой я принимал с моими товарищами активное участие ... Я считаю, что в целом прогресс есть движение, необходимое в жизни человечества. Он создаёт новые проблемы, но он же их и разрешает... Я надеюсь, что этот критический период человеческой истории будет преодолен человечеством. Это некий экзамен, который человечество держит. Экзамен на способность выжить".

В те годы в нашей памяти ещё были живы ужасы второй мировой войны. И довольно часто в ходе наших обсуждений, когда речь шла об усилении работы, раздавались голоса: „Мы не хотим повторения 1941 года!“

РЕКОРДНЫЙ СОВЕТСКИЙ ВЗРЫВ

Испытание 30 октября 1961 года над Новой Землёй 100-мегатонной термоядерной бомбы (в варианте половинной мощности) стало знаковым событием для всей многолетней

программы испытаний советского ядерного оружия. В какой-то мере появление такой бомбы было спровоцировано и тем, что в начале 1960 г. в иностранной печати появились публикации о возможности создания супербомбы мощностью в 1000 мегатонн.

Рассказы о создании 50-мегатонной бомбы, её технических параметрах, обстоятельствах испытания, а также поисках возможного применения опубликованы. Мы остановимся на основных моментах.

В этом событии, как в фокусе, сошлись профессиональный азарт, политическая интрига, возможности государства, безумие ядерной гонки и пережитый миром шок. Конечно, всегда интересно узнать точку зрения авторитетного профессионала, каким является Л.П. Феокистов, об этой супербомбе: *„Вскоре стало ясно, что речь идёт не о каком-то сверхоткрытии, а всего лишь об увеличении веса, габарита. Но зачем? Дело в том, что тенденция на наращивание мощности таким простым способом представлялась нам тривиальной — с одной стороны,*

▲ Славский Е.П

и ненужной — с другой“. Однако оценивать такую бомбу и её испытание только по одному какому-то признаку нам представляется упрощением.

На вопрос „зачем?“ ответил Андрей Сахаров. Именно он назвал запланированный взрыв *„гвоздём программы“*, а в отчёте по результатам испытаний собственноручно

▲ Энрико Ферми

▲ Полигон Новая Земля

написал: *„Успешное испытание заряда ... доказало возможность конструировать на этом принципе заряды практически неограниченной мощности“.*

Конструкция бомбы была совсем не простой. Хотя она и основывалась на уже известных принципах, можно было ожидать всего — вплоть до сильного снижения мощности (см. опубликованные здесь воспоминания А. Д. Сахарова). Но наши специалисты сделали так, что бомба сработала безупречно.

Беспрецедентное событие изначально готовилось как многоплановое „действие“, в котором доминантой, безусловно, был политический аспект: произвести на потенциального противника максимальное впечатление и показать, что мы тоже „не лыком шиты“. Никто тогда не гнался за рекордом. Но то, что это было расчи-

танной политической демонстрацией, подкреплённой технической компетентностью и умением — факт. Фактом является и то, что были предприняты максимальные меры, чтобы исключить отрицательные последствия взрыва. И в самом деле: *„Испытание 30.10.61 является уникальным достижением, позволившим совместить, казалось бы, несовместимое. С одной стороны речь шла о проверке работы заряда с номинальной мощностью в 100 Мт с беспрецедентными поражающими возможностями. А с другой стороны, в результате не полномасштабного испытания с энерговыделением в 50 Мт удалось исключить значимые радиоактивное загрязнение и разрушения на площадках полигона и сколько-нибудь сопоставимое с масштабом взрыва воздействие на окружающую среду. Это испы-*

тание наиболее ярко демонстрирует достигнутую к 1961 году степень развития технологии ядерных испытаний СССР“ (Ядерные испытания СССР, т. 2, стр. 6).

Взорванная бомба никогда не являлась оружием и военного значения не имела. Это был акт разовой силовой демонстрации, сопутствовавшей конкретным обстоятельствам политической кухни, „большой игре“ на устрашение между сверхдержавами. Это было единичное изделие, конструкция которого при полной „загрузке“ ядерным горючим и при сохранении тех же габаритов позволяла достигнуть мощности даже в 100 мегатонн. Столь ужасающий взрыв в боевых условиях мгновенно породил бы гигантский огненный смерч, который охватил бы территорию, близкую по площади, к примеру, всей Владимирской области России.

Рекордный взрыв стал одной из кульминаций эпохи холодной войны и одним из её символов. Он занял место в Книге рекордов Гиннеса. Перекрывать его когда-либо в будущем ещё более мощным взрывом вряд ли потребуется человечеству. В отличие от всемирно известной, но ни разу не стрелявшей русской Царь-пушки, отлитой в 1586 году Андреем Чоховым и установленной в московском Кремле, небывалая термоядерная бомба потрясла мир. Она по праву может называться Царь-бомбой. Её взрыв отражал политический темперамент Хрущёва и был дерзким ответом на призыв Организации Объединённых наций к Советскому Союзу воздержаться от проведения подобного эксперимента. В дни подготовки к празднованию 50-летнего юбилея атомной отрасли страны, организаторы выставки в Москве спросили

Трутнева, не порекомендует ли он какой-либо экспонат. И в ответ услышали: *„В столице есть Царь-пушка, которая никогда не стреляла, и Царь-колокол, который никогда не звонил. Возьмите макет нашей сверхбомбы ... Тогда в Москве будет и Царь-бомба, которая никогда не была на вооружении армии“*. Но это предложение так и не было реализовано.

Теперь макеты советской супербомбы выставлены в музеях ядерного оружия в Сарове (Арзамас-16) и Снежинске (Челябинск-70) и до сих пор привлекают всеобщее внимание посетителей.

Испытание 30 октября 1961 г. со всей наглядностью продемонстрировало глобальный характер воздействия мощного ядерного взрыва на атмосферу Земли: резкое повышение фона трития в атмосфе-

ре, перерыв на 40–50 минут радиосвязи в Арктике, распространившаяся на сотни километров ударная волна.

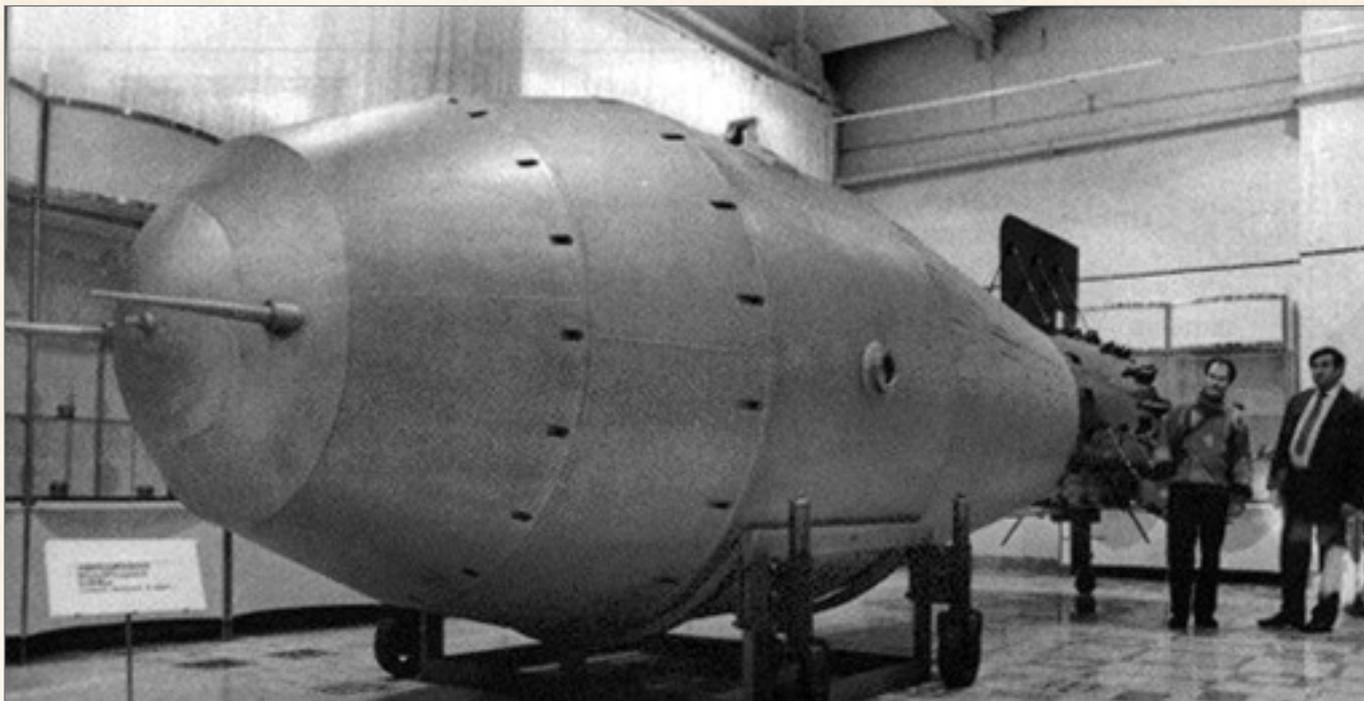
Взрыв невероятной мощи показал всеразрушительность и бесчеловечность созданного оружия массового уничтожения, достигшего апогея в своём развитии. Человечество, политики должны были осознать, что в случае трагического просчета победителей не будет. Как бы ни был изощрён противник, у другой стороны найдётся сокрушительный ответ.

Огромная мощь должна была вызвать и вызвала тревогу во всём мире: ядерное оружие угрожает будущему человечества. Возникло понимание того, что это оружие должно быть взято под международный контроль, формы которого хотя ещё и не найдены, но их надо искать и реализовывать. Действительно, не сразу, но постепенно был заклю-

▲ Зельдович Я.Б. и Харитон Ю. Б

▲ Царь-бомба

чён ряд соглашений и по ограничению испытаний ядерного оружия.

Конечно, к необходимости таких соглашений мировая общественность и правительства мировых держав пришли в результате осмысления последствий от многих испытаний. Этому способствовал и беспрецедентный взрыв 30 октября 1961 г.

Еще раз подчеркнём: суперзаряды и их испытания прежде всего были рассчитаны на сдерживание, на исключение губительной для всех войны. В этом смысле миниатюризация ядерных зарядов потенциально могла сыграть прямо противоположную роль. Естественно, подобные заряды разрабатывались и, например, *„самое главное достижение Челябинска-70 в военной области ... в миниатюризации“* (Л. П. Феоктистов). Интерес к миниатюризации, к сожалению, сохраняется: китайское правительство заявило, что *„КНР уже давно, с семидесятых-восьмидесятых годов, располагает технологиями создания нейтронной бомбы и миниатюризации ядерных зарядов“* (А. Кириллов).

По любой военной логике, чем меньше масштаб того или иного во-

енного средства, тем ниже уровень военного руководителя, принимающего решение о его применении. На это обращал внимание даже министр атомной отрасли Ефим Славский, обладавший хорошим „мужицким“ здравым умом. Его совсем не радовали успехи в миниатюризации ядерных зарядов, которыми могли гордиться разработчики. Он как-то с большой тревогой выразился в том смысле, что дело может дойти до того, что решение о применении ядерного заряда сможет принимать командир взвода. Даже на заседании Совета обороны страны в 1979 году под председательством Леонида Брежнева он выступил, хотя и безуспешно, в пику министру обороны Дмитрию Устинову, который „проталкивал“ новый вид артиллерийских ядерных боеприпасов. Отметив, что этот боеприпас ни в коем случае нельзя доверять ни командиру дивизии, ни тем более командиру полка, Славский сказал: *„Ядерное оружие, как бы его не называли, остаётся ядерным оружием и ответственность за него нельзя перекладывать на людей, которые в боевых условиях могут оказаться не в состоянии обеспе-*

чить требуемую степень обращения с ядерным оружием“ (Б. В. Литвинов, „Самородок“).

Московский договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах сделал проведение супервзрывов невозможным. Интерес к ним упал и в связи с повышением точности средств доставки зарядов к цели. Супервзрывы перешли в категорию явлений исторического порядка, которые требуют осмысления и моральной оценки.

В то же время созданный 50-мегатонный заряд демонстрировал могущество человека: взрыв по своей мощи был явлением уже почти космического масштаба. Нельзя исключить — потребность в подобном заряде может возникнуть, чтобы отклонить траекторию крупного метеорита или какого-либо другого небесного тела при угрозе его опасного столкновения с нашей планетой. До создания ядерных зарядов большой мощности и надёжных средств их доставки, ныне тоже разработанных, человечество было беззащитно в подобной, хотя и маловероятной, но всё-таки возможной ситуации. ■

В.Н. ЗЕМСКОВ

НАРОДНЫЙ ПОДВИГ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ

Для сооружения оборонительных рубежей в прифронтовых районах и в глубине страны, куда могла продвинуться линия фронта, было недостаточно одних армейских сапёрных и инженерных частей. Пришлось широко привлекать к этому делу население городов и сёл — мужчин в возрасте от 15 до 55 лет и женщин — от 16 до 50 лет, за исключением лиц, заня-

тых на предприятиях, выпускающих оборонную. На практике же к оборонительному строительству часто привлекались женщины в возрасте до 55 лет, мужчины — до 60 лет. Эту работу возглавляли комитеты обороны городов, областные и городские партийные и советские органы.

Основными объектами возведения оборонительного рубежа являлись невзрывные противотанковые

заграждения (противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы, лесные завалы, надолбы, ежи и пр.). С первых же дней и недель войны эти заграждения вокруг городов и в других местах создавались преимущественно силами местного населения. Первым рубежом, на котором в конце июня-начале июля 1941 года начались полевые оборонительные работы, стал Двинско-Днепровский рубеж

Земсков Виктор Николаевич (1946-2015) — Советский, российский историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН. Родился 30 января 1946 года в Туле. В 1974 году окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. В 1981 году защитил кандидатскую диссертацию «Вклад рабочего класса в укрепление материально-технической базы сельского хозяйства СССР в 1960-е годы». В 1989 году вошел в состав комиссии Отделения истории АН СССР по определению потерь населения. Комиссия получила доступ к статистической отчетности ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ, хранившейся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР СССР и Центральный государственный архив РСФСР в 1992 году были объединены в Государственный архив Российской Федерации). В 2005 году Земсков защитил докторскую диссертацию «Спецпереселенцы в СССР 1930-1960». Был членом Ученого совета Института российской

истории РАН, членом Диссертационного совета при Институте российской истории РАН, членом Ассоциации историков II мировой войны, ученым секретарем Центра военной истории России. Автор большого числа научных работ. Земсков является первооткрывателем ранее закрытых для ученых архивных фондов по истории политических репрессий в СССР. Благодаря его работам общественность, до этого в основном черпавшая сведения о репрессиях в СССР из публицистики, получила возможность познакомиться с научной точкой зрения на характер и масштабы репрессий. Псевдодемократы — либералы стараются не замечать Земскова и в полемику с ним не вступать.

обороны по линии Новоржев — Невель — Витебск — Орша — по реке Днепр до Речицы — Гомель (в последующем до Днепропетровска).

Однако скоро выяснилось, что противник, как правило, легко обходил эти заграждения, передвигаясь по дорогам. Секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко в записке И. В. Сталину «О некоторых важных вопросах войны» отмечал: «На Днепровском рубеже... на всех рубежах Белоруссии было занято 2 млн. человек. Возведены огромные оборонительные сооружения, но части противника действовали по дорогам. Дороги не перекапывались, чтобы дать возможность двигаться нашим войскам. И вся эта огромная работа сводилась к нулю...»

В то же время было ясно, что сооружение оборонительных укреплений крайне необходимо. Ведь в начале войны десятки городов (Гродно, Вильнюс, Каунас и др.) были стремительно захвачены немцами в значительной степени потому, что там не было проведено работ по строительству оборонительных укреплений. Кроме того, опыт первых оборонительных фронтовых операций показал, что при отсутствии забла-

говременно подготовленных рубежей остановить наступление стратегических группировок противника невозможно.

К примеру, в военно-исторической литературе отмечалось, что в Крыму после 20 октября 1941 года, когда немецкие и румынские войска прорвали Ишуньские позиции и ворвались на полуостров, советские дивизии оказались в крайне тяжёлом положении и не могли эффективно сдерживать продвижение противника к Севастополю в том числе и потому, что «в степной части Крыма не было подготовленных в инженерном отношении рубежей, на которых можно было бы закрепиться». А вот с ходу взять Севастополь, имевший солидные оборонительные укрепления, немецко-румынским войскам не удалось — предпринятый ими 30—31 октября и в первых числах ноября 1941 года штурм города был отбит.

Повсеместно в угрожаемых районах местное население привлекалось к оборонным работам. Например, в июле-августе 1941 года на строительстве оборонительных сооружений, укреплённых рубежей, взлётно-посадочных площадок для самолётов

ежедневно выходило свыше 50 тыс. рабочих, колхозников, служащих и учащейся молодежи Смоленщины.

Решениями партийных органов на местах коммунисты и комсомольцы направлялись на строительство рубежей в качестве рабочих. Так, в выписке из решения Орловского обкома ВКП(б) по вопросу строительства оборонительных рубежей в 1941 году указывалось: «В связи с тем, что строительство оборонительных рубежей на территории области является для областной партийной организации главной и решающей задачей, направить коммунистов и комсомольцев области (за исключением занятых на работе по производству боеприпасов и вооружения) на полевые строительства в качестве рабочих. Обязать горкомы и райкомы ВКП(б) и обком ВЛКСМ разъяснить каждому коммунисту и комсомольцу, работающему на строительстве, что работа на строительстве оборонительных рубежей является для них боевой проверкой в условиях военного времени».

В начале июля 1941 года по решению ЦК ВЛКСМ на оборонные стройки было направлено 114 тыс. комсомольцев из Москвы, Москов-

ской, Тульской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Калининской и Тамбовской областей. В их числе оказались подростки 14—15 лет. Многие уехали налегке, не взяв ни тёплой одежды, ни сменного белья.

По письмам встревоженных матерей в адрес Н. А. Вознесенского и В. М. Молотова последним было отдано распоряжение о возвращении части молодёжи до 18 лет обратно. Часть комсомольцев, попавших на строительство Смоленского полевого укрепрайона, а также под Вязьму и Ельню, в связи с боевыми действиями была также эвакуирована.

В результате авиационных налётов на местах работ было убито 11 и ранено 39 человек.

Молодёжь, студенты, старшеклассники самоотверженно возводили оборонительные рубежи. Там, где они трудились, всегда были слышны песни, шутки. Но результаты были не всегда успешными, сказывалось отсутствие опыта, сноровки, выносливости. Многие молодёжные звенья перевыполняли задания,

но были и отстающие. Бригадир комсомолец Николай Громов несколько раз менял состав звеньев, чтобы вывести отстающих из прорыва, но безуспешно. Тогда он из сильных парней организовал так называемое «буксирное» звено. Получив трудное задание, этот коллектив за два часа справлялся с его выполнением. Группа Громова переходила на отстающие участки и брала их на «буксир». Звенья подтягивались, воодушевляясь трудовым примером, так как не хотели прослыть немощными.

Студентов и учащихся старших классов средней школы можно было использовать на строительстве оборонительных рубежей только в летнее время, а к 1 сентября, то есть к началу учебного года, они освобождались от этих работ. Но уже в июле-августе 1941 года от занятых на оборонительном строительстве студентов и старшеклассников в массовом порядке стали исходить патриотические инициативы по закреплению их на этих работах до конца войны. Так, в конце июля 1941 года в адрес начальства, отве-

чавшего за строительство Брянского оборонительного рубежа, поступило от группы студентов письменное заявление (под ним стояло более 200 подписей) следующего содержания: «Мы, комсомольцы московских, брянских и орловских учебных заведений, просим зачислить нас в постоянные кадры военных строителей и призываем всех студентов и учащихся последовать нашему примеру и остаться на строительстве оборонительных рубежей до конца войны». Такого рода заявления (коллективные и индивидуальные) в большом количестве поступали от мобилизованных на оборонительное строительство студентов и старшеклассников.

На возведение оборонительных рубежей были мобилизованы строительные организации прифронтовых областей и городов. Гражданские строительные организации, двигаясь к линии фронта, на ходу превращались в военно-строительные полки и батальоны. Многие организации Наркомстроя СССР, находившиеся в западных и южных районах страны,

▲ Оборонительные сооружения

получили задание на сооружение оборонительных рубежей, дорог, переправ и командных пунктов в прифронтовых и фронтовых районах.

Уже к 10 июля 1941 года на строительстве Вяземского оборонительного рубежа были сосредоточены 139 тыс. человек, в том числе 36 тыс. кадровых строителей, 89 тыс. комсомольцев, студентов и старшеклассников, 7 тыс. колхозников и 7 тыс. заключённых лагерей — строек Главгидростроя НКВД. К 30 июля 1941 года здесь уже было занято 312 тыс. человек, из них 165 тыс. — привлечённые к возведению оборонительного рубежа гражданские лица.

В суровые октябрьские дни 1941 года было решено создать 16 сапёрных армий, которые должны были возводить оборонительные рубежи на протяжении всего фронта, от Белого моря до Чёрного. По мере продвижения захватчиков вглубь страны их строительство заблаговременно развёртывалось в прифронтовых районах. В октябре 1941 года строительство оборонительных рубежей развернулось, по существу, вокруг всех фронтовых или прифронтовых городов европейской части страны.

Такие крупные строительные организации, как Академстрой, ОСМЧ «Строитель», Севкавтяжстрой, Донбассводстрой, Донбасстяжстрой, были в значительной степени переключены на сооружение укреплений и линий обороны. Отряд рабочих-строителей вместе с сапёрными частями Красной Армии стал основным ядром, вокруг которого объединялась многотысячная масса городского и сельского населения, мобилизованного на строительство оборонительных рубежей. По меткому определению Героя Социалистического Труда М. М. Мальцева (во время войны ему довелось командовать 10-й сапёрной армией), «военный строитель — одновременно и солдат, и рабочий человек, как бы олицетворение органической связи армии и народа».

В оборонительном строительстве участвовали миллионы как горожан,

▲ На рубежах под Ленинградом

так и сельских жителей. Но в периоды посевной и уборочной кампаний привлечение колхозников и рабочих совхозов к этому делу было крайне ограничено. Практически в широких масштабах их можно было направлять на эти работы в промежутках времени между посевной и уборочной кампаниями. Одной из специфических особенностей участия сельского населения в строительстве оборонительных рубежей являлось то, что колхозы и совхозы выделяли для этой цели не только людей, но и часто гужевой транспорт. Например, из колхозов Черноярского района Сталинградской области на оборонное строительство поступило не только свыше 4 тыс. человек, но также и 560 подвод.

Яркие страницы в историю защиты Ленинграда вписали ленинградские рабочие, служащие, интеллигенция, домохозяйки, студенты и старшеклассники, которые в любую погоду, под бомбёжками, артиллерийским и пулемётным огнём трудились на возведении укреплений.

В первые дни войны Военный Совет Северо-Западного фрон-

та принял специальное решение о строительстве оборонительных рубежей, а 27 июня 1941 года Ленинградский горисполком разработал меры по привлечению на эти работы населения города. В июле-августе 1941 года на строительстве укреплений на ленинградском направлении одновременно работало до полумиллиона человек, а в октябре ежедневно трудились до 80 тыс. человек.

Особое внимание уделялось укреплению Лужского рубежа. Ленинградский горком партии и Ленсовет провели специальную мобилизацию. Стройку возглавляла комиссия во главе с секретарём горкома партии А. А. Кузнецовым. Трудармейцы Кировского района Ленинграда в конце июля 1941 года выступили инициаторами соревнования на строительстве укреплений. «Лопата и кирка в руках рабочих, интеллигентов и домохозяйек, занятых на оборонительных стройках, — это то же, что винтовка в руках бойцов», — писали трудармейцы Московского района Ленинграда, принимая вызов кировцев на соревнование («Ленинградская

правда» на оборонной стройке, 30 июля 1941 г.). Комиссары эшелонов, политруки, уполномоченные райкомов партии и комсомола вели здесь массово-политическую работу, выходило до тысячи боевых листовок, издавалась ежедневная газета «Ленинградская правда» на оборонной стройке».

В основном усилиями мобилизованных на оборонные работы жителей Ленинграда и Ленинградской области только на южном и северном оборонительных отводах к началу января 1942 года было построено 425 броневых, 124 железобетонных, 783 деревоземляных огневых точек, сооружено около 82 км противотанковых рвов, почти 25 км эскарпов и контрэскарпов, 8,5 км надолб, 144 км проволочных заграждений, более 24 км баррикад. Более 2 000 рабочих, инженеров и служащих ленинградского Металлического завода строили оборонительные сооружения в районе станций Ижора и Ручьи. С 12 июля по 12 декабря 1941 года только с ленинградской

фабрики «Скороход» было направлено на оборонительные работы более 12 тыс. человек. Коллективы ленинградских Балтийского и Адмиралтейского заводов изготовляли бронесооружения и монтировали их на оборонительных рубежах.

Английский историк А. Кларк так описывает начавшееся 9 сентября 1941 года «последнее» «решающее» наступление 41-го немецкого танкового корпуса на Ленинград: «9 сентября Рейнгард был готов, и началась атака: 1-я танковая дивизия наступала по левому берегу Невы, 6-я танковая — по обе стороны железнодорожной магистрали, идущей к Ленинграду с юга. Обе дивизии вскоре застряли в сети противотанковых рвов и разбросанных полевых укреплений... Эти оборонительные сооружения часто были плохо расположены и неважно выполнены, но их было много» (Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941—1945 / Пер. с англ. — М., 2004. С. 127). Немцы тогда всё-таки преодолели эти оборонительные

укрепления, но они на это тратили много времени, и поэтому нарушались запланированные ими сроки наступления на Ленинград. Это обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что противник в конечном счёте отказался от идеи прямого штурма Ленинграда, ограничившись его блокадой.

Английский корреспондент А. Верт, находившийся в течение всей войны в СССР, позднее в своей книге «Россия в войне» отмечал: «...Если принять во внимание, что немцы достигли Лужской оборонительной линии, проходившей в 125 км к югу от Ленинграда, через три недели с начала вторжения, но потом, чтобы достичь окраин города, потратили ещё полтора месяца, то будет ясно, что строительство оборонительных рубежей сыграло важную роль в спасении Ленинграда» (Верт А. Россия в войне. 1941—1945 / Авториз. пер. с англ. — М., 2001. С. 171). Ленинград оказался первым стратегическим объектом на пути гитлеровской армии, который она не смогла взять, —

▲ Массовое строительство Лужского рубежа

▲ Рубеж противотанковой обороны

и в этом немалая заслуга строителей оборонительных рубежей.

Весной 1942 года строительство укреплений в Ленинграде и его окрестностях возобновилось, и к зиме 1942/43 года город имел 110 узлов обороны. Ленинградцы вручную вырыли 700 км противотанковых рвов, создали более 300 км лесных завалов, построили 5 тыс. дзотов, 4 тыс. дотов, проделали в каменных зданиях 17 тыс. амбразур, построили 25 км баррикад. В целом жители Ленинграда затратили около 20 млн. человеко-дней на возведение оборонительных сооружений. Более 200 строителей укреплений в декабре 1942 года были награждены орденами и медалями СССР. Поэт Н. С. Тихонов отмечал: «Изменились улицы, дома, перекрестки. Изменились лица людей, их речь, их движения... А может быть придётся драться на улицах? Что же, мы готовы. Посмотри вокруг: на угловых дворах — амбразуры для пулемётов, окна заложены кирпичами, всюду на улицах рвы, доты и в садах, проволочные загражде-

ния, подвалы, приспособлённые под оборону... Сам город стал явлением, сблизившим свою непобедимую природу борца. Его, как советского солдата, можно было убить, но не победить».

В июле-сентябре 1941 года десятки тысяч киевлян активно помогали армейским частям возводить укрепления на подступах к Киеву. Оборонительные сооружения — баррикады, рвы, противотанковые ежи — возводились в черте города. Создавались опорные пункты, позволявшие вести круговую оборону. Уже к 8 июля было практически завершено сооружение первой линии оборонительных рубежей. В 9—15 км от первой, опоясывая Киев 43-километровым полукольцом, была сооружена вторая линия. По её фронту было вырыто 25 км противотанковых рвов, на протяжении 5 км построены эскарпы. Третья линия обороны протяжённостью 32 км проходила непосредственно на окраине города. Тот факт, что многие тысячи жителей Киева активно помогали войскам со-

ружать опорные пункты для ведения круговой обороны, свидетельствовал об их стремлении ни при каких обстоятельствах не сдавать немцам родной город и продолжать борьбу даже в случае его окружения и блокады. Собственно, это подтверждало и датированное 6 сентября 1941 года спецсообщение управления НКВД по Киевской области «О реагировании населения г. Киева в связи с военными действиями», в котором отмечалось: «Продолжают поступать данные, подтверждающие патриотизм среди различных слоев населения города и периферии». Однако крайне неблагоприятная обстановка, сложившаяся тогда на фронте, вынудила советские войска 19 сентября 1941 года оставить Киев.

В середине июля 1941 года развернулось строительство оборонительных сооружений на трёх рубежах вокруг Одессы. Первый из них протяжённостью 80 км проходил в 20—25 км от города, второй — в 10—14 км, третий — в 6—10 км. Ежедневно на фортификационные

работы выходило по 10—12 тыс. жителей Одессы. За короткий срок были вырыты 138 км противотанковых рвов, 22 км эскарпов, поставлено 45 км полос и надолб, установлено более 40 тыс. противотанковых и противопехотных мин. На улицах города было возведено около 250 баррикад. Огневые точки и баррикады опоясывали тремя полосами район порта, центр и окраины Одессы. В августе 1941 года из 360 тыс. оставшихся в осаждённом городе жителей более 100 тыс. человек принимали активное участие в строительстве оборонительных сооружений.

Уже в июле 1941 года советским руководством были приняты меры по строительству оборонительных рубежей на дальних подступах к Донбассу. Начальником специального управления Наркомата угольной промышленности СССР по строительству оборонительных рубежей на подступах к Донбассу был назначен заместитель наркома угольной промышленности Д. Г. Оника. Под его руководством развернулось строительство фортификационных соору-

жений между Днестром и Донбассом. Свыше 200 тыс. донецких шахтёров, металлургов, машиностроителей, а также колхозников Днепропетровской и Запорожской областей вышли на строительство оборонительного заслона, чтобы преградить путь врагу к Донецкому бассейну. В сентябре-октябре 1941 года их усилиями были построены оборонительные рубежи общим протяжением около 1 тыс. км (при этом было вынуто свыше 11 млн. куб. м грунта), возведены более 20 тыс. различных военно-инженерных.

Когда была объявлена мобилизация шахтёров на строительство оборонительных рубежей, на шахтах наблюдался огромный патриотический подъём. Люди знали, что строить укрепления придётся в прифронтовой обстановке, в условиях постоянной угрозы вражеского обстрела и бомбёжек. Тем не менее, они с большим энтузиазмом откликнулись на этот призыв. Причём взяты всех желающих на работы по сооружению рубежей тогда не представлялось возможным: кому-то нужно

было оставаться в шахтах добывать уголь. И тогда свой голос подали жёны шахтёров; тысячи их выразили желание спуститься в забой, чтобы заменить там своих мужей. На одной только донецкой шахте им. Карла Маркса в июле-октябре 1941 года 1 300 жён рабочих и служащих подали заявления с просьбой послать их добывать уголь. Они обязались работать в шахте до конца войны и призвали последовать своему примеру жён шахтёров всего Донбасса. Этот почин нашёл широкий отклик среди женщин Донецкого бассейна. На шахтах были организованы курсы, где женщины овладевали шахтерскими специальностями, и это сыграло в те дни немаловажную роль. Из трестов Донбасса на строительство оборонительных полос приходило даже больше шахтёров, чем предусматривалось по плану мобилизации. Так, из трестов «Дзержинскуголь» и «Кировуголь» пришли строить укрепления на 30—35% больше рабочих, чем планировалось. А на шахтах треста «Краснодонуголь» первоначальный план формирования стро-

▲ Противотанковые надолбы

▲ Противотанковый ров под Москвой

ительных колонн был перевыполнен более чем в 2 раза.

В октябре 1941 года была сформирована 8-я сапёрная армия, куда влились шахтёры Донбасса, рабочие и колхозники Ростовской области, Калмыцкой АССР, Ставропольского края. За кратчайший срок эта армия создала Донской и Ростовский отводные рубежи. Широко привлекалось к этому делу и местное население. В строительстве только Ростовского отводного рубежа, помимо военных строителей, участвовало более 30 тыс. местных жителей. «Не призванные в Красную Армию мирные люди, в том числе шахтёры, — писал впоследствии Д. Г. Оника, — в течение почти пяти месяцев строили военно-полевые укрепления, действительно помогали славным фронтовикам громить и истреблять вражеские полчища. За это время донецкие шахтёры стали отличными сапёра-

ми, накопили большой практический опыт, научились грамотно и быстро решать серьёзные вопросы военно-инженерного.

Во второй половине июля 1941 года в столице по инициативе горкома партии была объявлена мобилизация на оборонительное строительство. В первую очередь были мобилизованы московские строители. Специальная комиссия МГК ВКП(б) по мобилизации строителей направила в район Брянска 25 тыс. строителей из Академстроя и других московских строительных организаций. Возглавил их начальник Академстроя А. С. Корнев. «Ни один, подчёркиваю, ни один человек из многотысячного коллектива строителей не захотел воспользоваться льготами об освобождении от мобилизации... — отмечал позднее А. С. Корнев. — Строители на своих собраниях обсуждали призыв партии

к народу. Это были незабываемые собрания. Я сообщил о мобилизации строителей, сказал, кто освобождается. Буря возмущённых голосов: никто не желал остаться в стороне... 60-летние прорабы и мастера не считали себя пожилыми. Матери-работницы уже договорились с родственниками: оставляют детей на их попечение, а сами идут с нами... В заключение на собраниях зачитывался приказ — первый приказ уже не рабочим строкам, а военным строителям... На следующий день шла погрузка имущества. На железнодорожные платформы накатываются бульдозеры и грейдеры, передвижные электростанции и траншекопатели... Эшелоны один за другим уходят в ночь».

Строительство развернулось по всему Брянскому рубежу. Отряд строителей столицы пополнили свыше 20 тыс. человек молодёжи из городов и сёл Орловской и Брянской

областей и московских студентов. Они возвели четыре оборонительные полосы, построив 14 тыс. разных оборонительных объектов, отрыв 500 км противотанковых препятствий, произведено было более 150 тыс. куб. м земляных работ. И когда в октябре 1941 года на фронте создалась крайне неблагоприятная обстановка, нависла непосредственная угроза над Москвой, строители уходили вместе с войсками с брянской линии обороны, чтобы под Тулой, в Плавс-

ке, Черни, Щёкино, Крапивне, Одоеве, Скопине сооружать новые оборонительные рубежи.

В сентябре-октябре 1941 года тысячи жителей Тулы каждый день работали на строительстве рубежей на подступах к городу и в самом городе. Во второй половине октября 1941 года эта работа значительно активизировалась. Тульский комитет обороны вынес 23 октября постановление «О строительстве укреплений вокруг Тулы и в городе»,

а с 26 октября в Туле и прилегающих районах было введено осадное положение. На оборонительные работы были мобилизованы все трудоспособные в возрасте от 17 до 50 лет. Как следствие этого, высокими темпами сооружался Тульский оборонительный рубеж. И этот рубеж к концу октября 1941 года был в основном создан. Безусловно, это сыграло свою положительную роль в том, что предпринятая немцами в конце октября — начале ноября 1941 года попытка взять Тулу штурмом провалилась.

Оборонительное строительство в Тульской области продолжалось и после контрнаступления советских войск под Москвой. Комитет обороны Тулы 16 марта 1942 года рассмотрел вопрос о строительстве укрепленных рубежей в Тульской области. К весне 1942 года выяснилось, что для выполнения запланированного здесь объёма работ требовалось, как минимум, не менее 140 тыс. рабочих рук, а в наличии тогда имелось только около 40 тыс. военных строителей. Поэтому дефицит рабочей силы (примерно 100 тыс. человек) устранялся за счёт привлечения к этим работам местного гражданского населения. Комитет обороны Тулы и Тульский обком ВКП(б) вновь, как и осенью 1941 года, вынуждены были обратиться с соответствующим призывом к населению. Прибытие на объекты оборонительного строительства Тульской области десятков тысяч гражданских лиц (причём среди последних были не только жители Тульской области, но также серпуховчане и калужане) позволило устранить дефицит рабочей силы.

На состоявшемся в 1942 году в Туле слёте строителей оборонительных рубежей (под председательством секретаря Тульского обкома партии В.Г. Жаворонкова) выступления его участников были проникнуты оптимизмом, уверенностью в том, что фашистским захватчикам не видать Тулы, что им никогда не удастся взять этот славный город русских оружейников. Выступившая на слёте колхозница А.Д. Горлова внесла предложение: «Товарищи, пошлём

▲ На Тульском рубеже

приветствие нашим бойцам и скажем им, всей Красной Армии скажем: гоните фашистских иродов в шею. А мы со своей стороны, если это нужно для победы нашей, всю область перекопаем...». На слёте звучали интересные предложения и сообщения относительно совершенствования возводимых оборонительных объектов. Так, работница Косогорского металлургического завода А. Я. Якубина сказала: «Мне поручено доложить вам, товарищи, что косогорские металлурги дадут в ближайшие дни металлические колпаки для огневых точек. Постараемся сделать их вращающимися, чтобы огонь из них можно было вести в разных направлениях». Это выступление вызвало бурные аплодисменты, слышались возгласы в адрес Якубиной: «Браво, девушка! Молодец!».

Строительство оборонительных рубежей было развёрнуто осенью 1941 года и в Мордовской АССР. Причем мобилизация местного на-

селения на эти работы была проведена очень организованно и оперативно. А. С. Корнев был свидетелем шествия колонн мобилизованных жителей Мордовии к местам оборонительного строительства. Вот как он описывает это шествие: «Это были... гражданские люди, в основном женщины и подростки. Шли они, выдерживая строй, по три человека в ряд, хорошим чётким шагом. Вместо винтовок на плечах у них лопаты. Это было народное войско — энергичное, жизнерадостное. Во главе подразделений гордо шагали командиры — и мужчины, и женщины. Нельзя было без волнения смотреть на это стройное шествие народа... Много мне за войну довелось видеть, но такая организованность тысяч колхозников, собравшихся в 2—3 дня из мелких сёл и деревень, разбросанных по лесам, изумила меня».

Подлинный трудовой героизм и самоотверженность проявили сотни тысяч жителей Москвы и Мо-

сковской области, участвовавшие в строительстве оборонительных сооружений Можайской линии обороны, а затем на ближайших подступах к Москве и в самом городе. В соответствии с постановлением ГКО № 172сс от 16 июля 1941 года под руководством командования Московского военного округа развернулось строительство Можайской линии обороны. Предстояло возвести оборонительные сооружения на площади около 30 тыс. кв. км. Сформированные колонны и рабочие батальоны, управления военно-полевого строительства в кратчайшие сроки создали четыре укрепленных района, прикрывавших важнейшие оперативные направления: волоколамское, можайское, малоярославецкое и калужское. Люди работали в любую погоду, нередко под огнём противника. Они вырыли 700 км противотанковых рвов, возвели 3 800 дзотов и дотов. Общая численность жителей Москвы и Мо-

▲ На Можайской линии обороны

▲ Противотанковые ежи

сковской области, привлекавшихся в августе-ноябре 1941 года на строительство Можайской линии обороны, внешнего оборонительного рубежа Москвы и обороны внутри города, составляла около 600 тыс. человек, причём примерно три четверти их составляли женщины.

В печати публиковались рождавшиеся на оборонительном строительстве различные патриотические почины и обращения. В середине октября 1941 года было опубликовано обращение под названием «Враг не пройдёт» группы участников строительства оборонительных рубежей вокруг Москвы ко всем строителям оборонительных укреплений следующего содержания: «Грозные, суровые дни переживает наша Родина. Над Москвой, великой столицей Советского государства, нависла суровая опасность. Гитлер бросил на Москву свои бронированные дивизии, занёс над нами кровавую лапу. Перед лицом грозной опасности все советские люди говорят: враг не пройдёт. Не видать фашистам Москвы! Опояшем столицу поясом укреплений! Мы твои сыны и дочери, Москва! Твои навсегда! Мы тебя строили в годы сталинских пятитеток, мы теперь будем защищать

тебя. Тысячи нас, москвичей, вышли на оборонные работы. Тяжёлого труда мы не боимся, не пожалеем ни сил, ни здоровья. Будем работать от зари до зари. Холод, дождь, грязь нас не пугают. Мы призываем наших товарищей соревноваться на быстрейшее и лучшее возведение оборонительных сооружений. Работая за двоих, за троих, в самый короткий срок построим железный пояс обороны на подступах к Москве! Не должно быть среди нас ни одного человека, который бы в эти суровые дни лодырничал! Презирать и клеймить позором будем таких людей! Строжайшая военная дисциплина — вот чего нам надо добиться. Враг пытается проникнуть в малейшую щель. Будем бдительны, товарищи! Смотрите в оба, будьте зоркими! За работу, за самоотверженную боевую работу! Ни минуты промедления! Ни минуты на раскачку! Будем перевыполнять нормы! Враг не пройдёт! Победа будет за нами! Да здравствует Москва! Участники строительства укреплений Москвы: А. Евдокимов, М. Кречкова, И. Галанов, П. Сахно, Е.Иванова».

Призыв перевыполнять нормы выработки не так-то просто было осуществить людям, в массе сво-

ей не имевшим опыта и навыков строительных и землепашных работ. По наблюдениям участвовавшего в оборонительном строительстве директора Московского текстильного института В. И. Губина, выполнение норм у кадровых рабочих составляло 120% (он имел в виду профессиональных строителей — как военных, так и гражданских). Что касается мобилизованных городских жителей (служащих, лиц умственного труда, учащихся и пр.), то, по свидетельству В. И. Губина, у них выполнение норм составляло 60—80%, у сельских жителей — 90—100%. Однако в ходе строительства, по мере накопления у людей соответствующего опыта, количество выполнявших и перевыполнявших нормы выработки неуклонно увеличивалось.

Участие сотен тысяч городских и сельских жителей в возведении оборонительных рубежей, безусловно, являлось составной частью народного подвига в войне. Вот как описывал начальник инженерной службы 5-й Московской стрелковой дивизии участие москвичей в оборонительном строительстве на участке этой дивизии: «Непреодолимое желание москвичей сделать родную Москву недоступной для фашист-

ских бандитов, не допустить их поганить московские улицы рождало чудеса на трудовом оборонительном фронте. Тысячи москвичей работали на оборонительном рубеже и тысячи непрерывным потоком с узелками и лопатами шли за город им на смену. Тысячи домохозяйек, оставив детишек на старух, шли на оборону родной Москвы; тысячи студентов, оставив учёбу, шли на трудовой фронт. Здесь были матери с детьми, бабушки с внуками, здесь были и работали целые семьи. Каждому хотелось вложить свой посильный труд в фонд обороны родного города. Москвичи, которые раньше не сталкивались с лопатами и ломом, здесь выполняли норму на 120—150% и по две-три недели не уходили с рубежа домой».

Москвичи с большим энтузиазмом участвовали в сооружении оборонительных объектов непосредственно в самой Москве — на случай уличных боев. Окружная железная доро-

га, Садовое кольцо и кольцо бульваров превратились в оборонительные рубежи. На улицах столицы выросли баррикады, стальные и железобетонные надолбы и другие оборонительные сооружения. Всего к началу 1942 года на улицах, площадях, бульварах и в переулках Москвы было установлено 30 км надолбов, возведено 19 тыс. ежей, 26 км проволочных заграждений и 10 км баррикад, а также в домах сделано 496 артиллерийских и пулеметных точек (амбразур).

Надо отметить, что возведение баррикад на улицах, площадях, бульварах и в переулках Москвы было закреплено за коллективами различных московских предприятий. Так, завод «Борец» отвечал за сооружение баррикад на 1-й Ново-Тихвинской улице; завод «Станколит» — на 2-й Ново-Тихвинской улице; завод «Твёрдые сплавы» — на 2-й Ямской улице; завод «Цветные металлы» — на Октябрьской улице; фабрики «Фанеропродукт», «Приводной ремень»

и «Дзержинский универпром» — на Шереметьевской улице; завод «Свет», фабрика «Детская книга» и 2-я автобаза НКВД — на 2-й улице Марьиной Рощи; заводы «Красный штамповщик» и «Красный металлист» — на 3-й и 4-й улицах Марьиной Рощи и т. д.

Привлечение гражданского населения к оборонительному строительству на подступах к столице продолжалось некоторое время и после начала контрнаступления советских войск под Москвой, то есть после 5—6 декабря 1941 года. По данным на середину декабря 1941 года, всего тогда на оборонительных работах на подступах к столице было задействовано 250 тыс. москвичей и городских и сельских жителей Московской области (из них 75% женщин), в том числе 165 тыс. — на строительстве укреплений и 85 тыс. — на сооружении лесных завалов.

Что касается сооружения лесных завалов на возможных путях про-

▲ Баррикады в Москве

▲ Противотанковый ров

движения врага к Москве, то на этих работах в разные дни (по данным на 6—17 декабря 1941 г.) было задействовано от 83 тыс. до 100 тыс. человек гражданского населения, в том числе от 34 тыс. до 39 тыс. москвичей и от 46 тыс. до 62 тыс. жителей Московской области. Вот как описывалось в корреспонденции, присланной в загорскую районную газету «Вперёд», участие жителей Загорска в этом деле: «...Ровно в 8 часов утра дружно и организованно собираются в клубе трикотажной фабрики загорцы, призванные на работы по обороне нашего города и подступов к столице Москве. Здесь вы увидите работниц и рабочих наших предприятий, домашних хозяек 4-го района, с Углицкого шоссе, с Гражданской улицы. В 8 час. 15 мин. комиссар делает короткую политинформацию. Затем отделенные проверяют наличие явившихся, и люди на машинах отправляются на место

работ. В 9 час. утра весь отряд разведён по участкам. Сразу нарушается покой многолетнего бора. Стучат топоры, звенят пилы — работа идёт полным ходом.

С каждым днём выполнение норм увеличивается. Есть уже лучшие люди, показавшие отличные образцы труда. Хорошо работает звено Озеровой Анны Алексеевны, домашней хозяйки с Нижней Кукуевской улицы... Трудящиеся Загорска с энтузиазмом работают на завалке лесных массивов, на создании непреодолимых препятствий для врага».

Всего, по данным на конец января 1942 года, в лесах Московской области были устроены лесные завалы протяжением 1 528 км. Кроме того, непосредственно в Москве были сооружены лесные барьеры общей площадью 2 415 погонных метров.

Жители Московской области активно участвовали в возведении рубежей и узлов обороны не толь-

ко на подступах к Москве, но также и к Звенигороду, Серпухову, Подольску, Нарофоминску, Клину, Солнечногорску, Орехово-Зуево, Ногинску и десяткам других городов ближнего и дальнего Подмосковья. Так, 23 октября 1941 года Серпуховской городской комитет обороны принял постановление о мобилизации трудоспособного населения на оборонительные работы, и пять дней спустя в возведении укреплений на подступах к Серпухову участвовали 3 тыс. серпуховчан.

В течение 1942 года привлечение гражданского населения, в том числе москвичей, к оборонительному строительству на подступах к столице продолжалось, хотя и в значительно меньших масштабах, чем в августе-декабре 1941 года. Так, на начавшемся в апреле 1942 года строительстве оборонительных укреплений в районе г. Химки Московской области было направлено 1 000 жителей Росто-

кинского района Москвы. Вопросы строительства рубежей, укрепления населённых пунктов Московской области обсуждались в мае 1942 года на пленуме Московского горкома партии. Всего в течение 1942 года на оборонительное строительство привлекалось 37 тыс. жителей Москвы и Московской области.

С осени 1941 года развернулось оборонное строительство в районах к востоку и северо-востоку от Москвы. 14 октября 1941 года ЦК ВКП(б) обсудил вопрос о строительстве оборонительных рубежей вокруг Углича, Рыбинска, Ярославля, Костромы, городов Ивановской и Горьковской областей. ГКО немедленно принял соответствующее постановление, и началась работа, с широким привлечением местного гражданского населения. Так, с начала ноября 1941 года к возведению Ярославского оборонительного рубежа было привлечено 245 тыс. человек, в том числе 100 тыс. горожан,

80 тыс. колхозников и других сельских жителей, 20 тыс. рабочих Волгостроя, 30 строительных и рабочих батальонов в составе 30 тыс. человек и две сапёрные бригады — 15 тыс. человек. На строительстве оборонительных рубежей Ярославской области работало только 8 ноября 1941 года около 122 тыс. человек, Ивановской — 76,5 тыс., а 29 ноября — соответственно 173,5 тыс. и 97,6 тыс. человек. Строительство велось до 24 декабря 1941 года.

В середине и конце декабря 1941 года, когда успешно развивалось контрнаступление советских войск под Москвой, тем не менее, строительство оборонительных рубежей к востоку от столицы продолжалось.

Война есть война, — вспоминал Н.С. Патоличев, возглавлявший во время войны Ярославский обком ВКП(б). — И мы строили оборонительные рубежи с огромной ответственностью и с таким напряжением,

какое только было возможно в условиях войны, в условиях смертельной опасности, нависшей над Родиной. Возведённые рубежи немедленно занимались воинскими частями. А контроль со стороны ЦК и Государственного Комитета Обороны не ослабевал ни на день, хотя и кончался декабрь».

Десятки тысяч городских и сельских жителей Горьковской области в октябре-декабре 1941 года трудились над возведением Горьковского оборонительного рубежа. Они откликнулись на призыв Комитета обороны Горького: «Город Горький и область, родина мининского ополчения, Чкалова и Гастелло, сейчас находится в ближайшем тылу. Строительство полевых укреплений имеет огромное государственное значение. Оно является долгом каждого трудящегося области». На строительстве Горьковского оборонительного рубежа ежедневно тиражом 10 тыс. экземпляров издавалась газета

▲ Горьковские оборонительные рубежи

«За Родину», была выпущена книга «Враг не пройдёт», где обобщался передовой опыт лучших стахановцев оборонной стройки.

Имели место взаимопомощь и взаимовыручка у строителей различных рубежей. Так, в январе 1942 года Горьковский комитет обороны в целях оказания помощи строителям Владимирского оборонительного рубежа принял решение о передаче им оставшихся от строительства Горьковского рубежа обороны 350 комплектов сборных дотов.

Необходимо отметить вклад населения Калмыкии в строительство оборонительных рубежей. В начале ноября 1941 года Калмыцкая АССР по указанию ГКО включилась в строительство Донского оборонительного рубежа. 10 тыс. рабочих, колхозников, служащих, студентов Калмыкии, пройдя походным маршем 250 км до пункта назначения, за период с 10 ноября 1941-го по 10 января 1942 года выполнили огромный объём земляных работ. Они вырыли и перебросили свыше 1,5 млн. куб. м грунта, или в среднем каждый работающий — по 145—150 куб. м (по 3—4 нормы в день). Причём посланцы Калмыкии выполнили эти работы весьма качественно: вырытые ими противотанковые траншеи имели 2,5 м в глубину, 7 м — в ширину по верху и 3 м — по дну.

В составе лиц, занятых в конце 1941 года на сооружении оборонительных рубежей, значительно преобладали местные городские и сельские жители. Всего в декабре 1941 года к этим работам привлекалось свыше 2,1 млн. человек, в том числе местного населения — 1,6 млн. (более 76%); 10 сапёрных армий — около 300 тыс. человек; 230 строительных и рабочих батальонов — 182 тыс.; 29 тыс. кадровых рабочих строительных организаций. Поскольку у сотен тысяч людей привлечение к этим работам имело характер кратковременных командировок, то реально в отдельные конкретные дни наличие работающих на строительстве рубежей было значительно меньше указанного числа. Например, по состоянию на 1 января 1942 года, на оборонительном стро-

▲ Казанский обвод

ительстве реально в этот конкретный день было задействовано 1 млн. 480 тыс. человек.

Приведённая выше статистика касается только работавших на строительстве оборонительных рубежей в декабре 1941 года. С учётом же привлекавшихся к этому строительству в июле-ноябре 1941 года, этот показатель намного выше. Общая численность людей, привлекавшихся в той или иной форме к сооружению оборонительных укреплений за период с конца июня 1941-го до начала января 1942 года, составляла около

10 млн. человек. В их числе личный состав военно-строительных частей и сапёрных армий насчитывал свыше 0,5 млн. человек, и их вклад в фортификационное строительство был очень высок. Однако подавляющее большинство по численности занимали гражданские лица (включая рабочих, ИТР и служащих гражданских строительных организаций).

22 октября 1941 года бюро Пензенского городского комитета партии приняло решение о постройке вокруг Пензы оборонительного рубежа. Поскольку имевшихся сол-

▲ На Ростовском рубеже

дат-сапёров было недостаточно для выполнения этой задачи в короткие сроки, то к данному строительству привлекалось местное гражданское население (городское и сельское). Только жители Пензы отработали на этом строительстве свыше 271 тыс. человеко-дней. К началу 1942 года Пензенский оборонительный рубеж был построен.

В октябре-декабре 1941 года были возведены оборонительные рубежи первой и второй очереди на подступах к Саратову. Горожане и труженики сёл Саратовской области отработали на их строительстве 3 082 тыс. человеко-дней, выполнив 3 млн. куб. м земляных работ. Два полукольца оборонительных укреплений протяжённостью 316 км опоясывали Саратов с запада, упираясь в Волгу. Летом и осенью 1942 года, когда развернулась ожесточённая Сталинградская битва, на подступах к Саратову были возведены оборонительные рубежи третьей очереди. В их строительстве участвовали десятки тысяч местных городских

и сельских жителей. За успешное выполнение заданий по сооружению оборонительных рубежей всех трёх очередей вокруг Саратова 546 человек были награждены орденами и медалями.

Крупное оборонительное строительство велось также и на подступах к Куйбышеву и многим другим городам. И осуществлялось оно преимущественно силами привлечённого к этим работам местного населения. Так, в декабре 1941-го — июне 1942 года на сооружение оборонительных рубежей вокруг Ростова-на-Дону было мобилизовано 43 тыс. ростовчан.

Общая протяжённость возводимых во второй половине 1941 года на территории СССР оборонительных рубежей составляла около 8,5 тыс. км. С учётом же соответствующей работы, проведённой позднее, в 1942—1943 годы, этот показатель, по нашим расчётам, значительно превышал 10 тыс. км. Если мысленно построить в одну прямую линию все возведённые в 1941—1943 годах

в СССР оборонительные рубежи, то по длине это будет составлять свыше одной четверти протяжённости Земного шара по экватору.

27 декабря 1941 года вышло постановление ГКО «О сокращении строительства оборонительных рубежей». Учитывая устранение угрозы захвата столицы врагом, переход стратегической инициативы на сторону Красной Армии, а также возросшие трудности возведения рубежей в зимних условиях, ГКО предложил Главному управлению оборонного строительства (ГУОС) Наркомата обороны отложить до весны 1942 года строительство Заволжского рубежа в пределах Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской областей и Калмыцкой АССР. Одновременно к концу января 1942 года планировалось завершить работы по Окскому, Сурскому, Донскому и Северо-Кавказскому рубежам и обводам городов Ярославль, Горький, Казань, Саратов, Сталинград, Астрахань, Краснодар, Тихорецк, Минеральные Воды, Грозный.

Некоторые тыловые рубежи, в частности Вологодский, Владимирский, Рязанский, Богучар-Цимлянский, было решено снять с оборонительного строительства. Советское руководство, воодушевлённое успехом, достигнутым в контрнаступлении под Москвой, согласилось с предложениями руководителей автономных республик Поволжья и Северного Кавказа об освобождении со строительства рубежей колхозников (они были нужны в колхозах для предстоящих посевных работ). До конца января 1942 года от работ на оборонительных рубежах были освобождены 1 млн. 174 тыс. человек.

Часть снятых с оборонительного строительства людей сразу же использовалась на восстановлении различных народнохозяйственных объектов. Так, в апреле 1942 года 2 тыс. человек прибыли в Московскую область со строительства оборонных рубежей Северо-Западного фронта для восстановления металлургического завода г. Электросталь.

С марта 1942 года возобновилась деятельность по возведению новых

и восстановлению старых оборонительных укреплений. 3 марта вышел приказ наркома обороны «О строительстве и восстановлении подмосковных полевых оборонительных рубежей». По решению Военного совета МЗО (Московской зоны обороны) от 6 марта 1942 года необходимо было укрепить 166 населенных пунктов и городов, в том числе в Московской области — 85, Тульской — 49, Ярославской — 3, Ивановской — 5, Рязанской — 24. Для выполнения поставленной задачи Военный совет МЗО обратился к городским комитетам обороны с предложением возглавить это строительство. А у городских комитетов обороны практически имелся только один способ выполнения этого задания — снова, как и в июле-декабре 1941 года, привлекать к оборонительному строительству местных городских и сельских жителей.

26 марта 1942 года ГКО принял постановление «О строительстве и восстановлении оборонительных рубежей». В соответствии с ним, в апреле 1942 года началось строительство новых рубежей общей про-

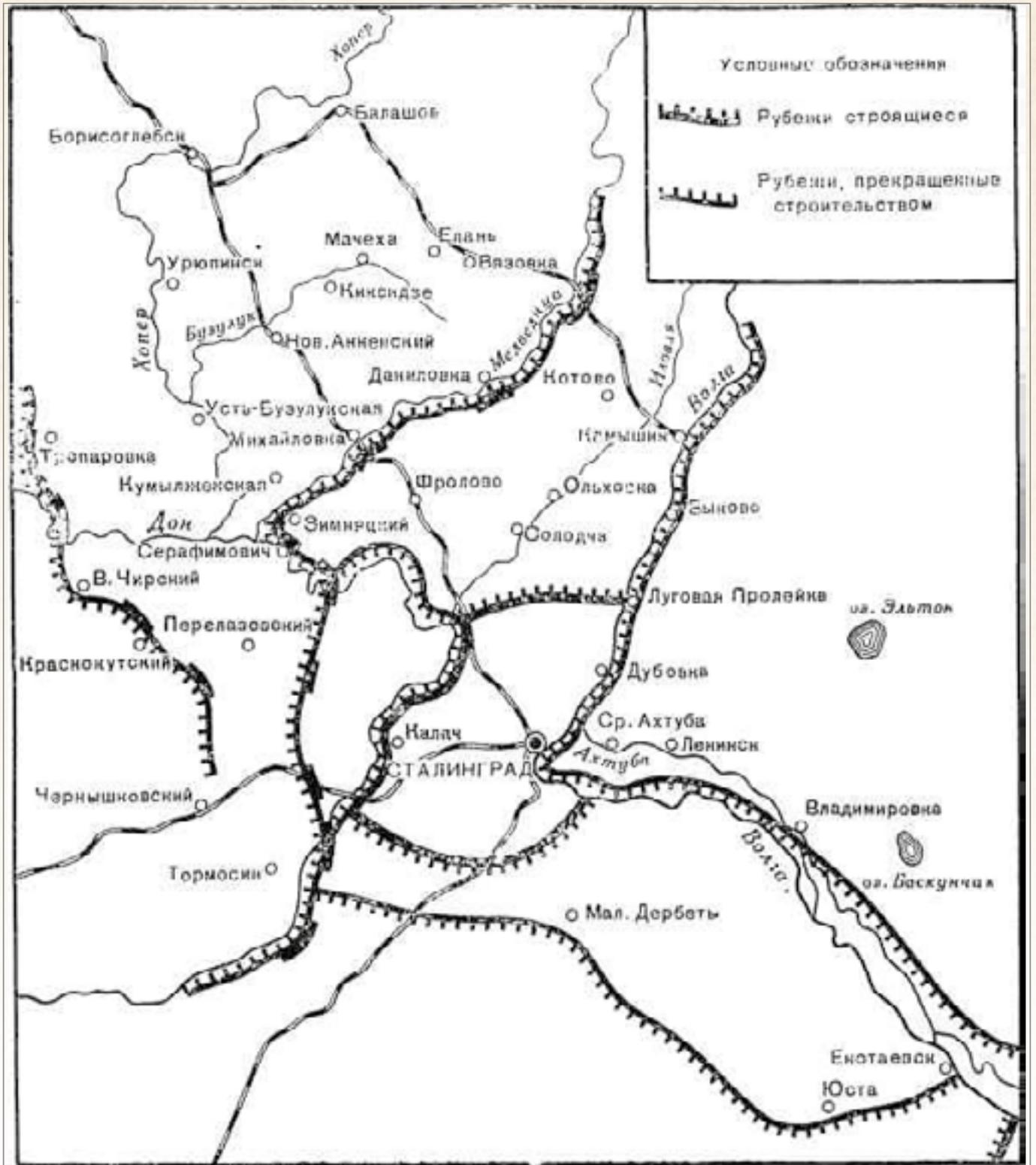
тяженностью 1,5 тыс. км. Работы велись на 17 рубежах. Главными среди них были: Вышний Волочек, Калинин, Клин, Тула, Воронеж, Ворошиловград, Ростов-на-Дону.

Отдельного рассмотрения заслуживает эпопея оборонительного строительства на Сталинградском направлении. 13 октября 1941 года ГКО принял постановление о строительстве на подступах к Сталинграду трёх оборонительных рубежей. Общая их протяженность составляла около 770 км. Основное оборонительное строительство на дальних и ближних подступах к Сталинграду осуществлялось в два этапа: в октябре-декабре 1941 года (на этом этапе в работах было задействовано 195 тыс. человек, из них 102,2 тыс. составляло местное городское и сельское население) и потом в июле-ноябре 1942 года. Общее руководство этим строительством, которое велось совместными силами 5-й, 7-й и 8-й сапёрных армий, 25-го и 26-го управлений оборонительных работ Наркомата обороны СССР, осуществлял командующий 5-й сапёрной ар-

▲ Угличско-Рыбинский рубеж

▲ Сталинградские оборонительные рубежи

мии бригадный инженер А. Н. Комаровский. Огромную помощь стройке оказал Сталинградский городской комитет обороны. Были мобилизованы городские и областные строительные

организации, ОКсы заводов, строительные тресты, городское и сельское население области, выделены необходимые средства, механизмы и различные строительные матери-

алы. Объем оборонительных работ был велик. Кроме рубежей непосредственной обороны Сталинграда, на территории области от Урюпинска до Астрахани и в глубину до Камы-

шина сооружались также фланговые и отсечные рубежи, опорные пункты на возможных направлениях прорыва фашистских войск.

Трудиться зачастую приходилось в крайне неблагоприятных условиях, на пределе человеческих сил и возможностей. Бывший секретарь Сталинградского обкома партии военный комиссар корпуса народного ополчения М. А. Водолагин так описал картину строительства оборонительных рубежей: «Земляные работы, да ещё в слякоть, непомерно тяжелы и для физически сильных мужчин. Для женщин же, которые составляли основную массу строителей из мобилизованного населения, они были просто непосильны. В раскисшей глине вязли ноги, липли лопаты. В такую осеннюю непогоду женщинам сидеть бы в кругу семьи, в тепле. А они, промокшие, иззябшие и измученные тяжёлой работой, месили солончаковую грязь, в кровь стирали на руках кожу. Смахивая сбегаящие с лица дождевые капли, а иные и слезы отчаяния, женщины проклинали фашистов, кляли непо-

году и навязанную Гитлером войну. И продолжали копать ров».

Оборонительные рубежи на подступах к Сталинграду были политы потом и кровью. Было вынута и переброшено вручную земли больше, чем потом на строительстве Волго-Донского канала. В общей сложности в период с октября 1941-го по февраль 1943 года на строительстве этих рубежей работало 225 тыс. рабочих, колхозников, служащих, интеллигенции, домохозяйек, учащейся молодёжи. Общая протяжённость построенных рубежей составила 3 860 км, было вынута 21,5 млн. куб. м земли. На направлениях возможного прорыва врага были сооружены противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы длиной 1 863 км, 203,5 тыс. огневых точек, 5 250 дотов и дзотов, 13,5 тыс. железобетонных и металлических огневых точек.

Возведённые в донских и приволжских степях оборонительные рубежи зачастую оказывались на пути отхода солдат единственными местами, где можно было зацепиться за землю, — залечь в окопах

за рвом, укрепиться в дзотах и дать бой.

На практике участие привлечённого к оборонительному строительству гражданского населения вовсе не ограничивалось рытьём противотанковых рвов и иными подобного рода работами. Оно также участвовало в железнодорожном и аэродромном строительстве. Так, на Сталинградском направлении совместными усилиями железнодорожных и строительных войск и мобилизованных на возведение оборонительных рубежей местных жителей в короткие сроки были построены железнодорожные линии «Саратов — Иловля», «Кизляр — Астрахань», «Сталинград — Владимирка — Баскунчак» и одновременно сооружены 45 аэродромов и 11 взлётно-посадочных площадок и укрытий для фронтовой авиации.

Возводились оборонительные рубежи и на Северном Кавказе. Тысячи новоросийцев строили оборонительные укрепления вокруг города — сооружали доты, устанавливали надолбы, металлические ежи.

▲ Сурский рубеж

▲ Контрэскарп

За первые месяцы войны военные строители с помощью подразделений народных ополченцев, рабочих и служащих предприятий и учреждений Новороссийска, а также жителей окрестных сёл построили 40 командных пунктов, 150 огневых точек, оборудовали полосу противопехотных и противотанковых препятствий более 30 км.

Почти 17 тыс. жителей Северной Осетии осенью и зимой 1941 года участвовали в сооружении оборонительного рубежа протяжённостью 50 км, к 15 января 1942 года его строительство было завершено. Однако в августе 1942 года, в связи с ухудшением обстановки на фронте, на оборонно-укрепительные работы из городов и сёл Северной Осетии было мобилизовано ещё 8 тыс. человек. Особое внимание уделялось укреплению столицы автономной

республики г. Владикавказу (тогда он назывался Орджоникидзе). В августе-сентябре 1942 года была построена первая линия обороны города. В октябре 1942 года обстановка на подступах к Владикавказу серьёзно осложнилась, и 24 октября городской комитет обороны принял решение о строительстве второй очереди укреплений. Несмотря на то, что из города было эвакуировано большинство населения, на строительство вышли 3 тыс. человек. Они совместно с войсками за месяц построили рубежи обороны у Эльхотовских ворот, имевших важное стратегическое значение. Были также возведены укрепления по реке Урух, создана Дигорская система обороны, закрыты все проходы и ущелья, примыкающие к Военно-Грузинской и Северо-Осетинской дорогам.

На строительстве рубежа от Ка-

спийского моря вдоль правого берега реки Терек до Минеральных Вод и других оборонительных рубежей на Северном Кавказе в 1941—1942 годах участвовали не менее 300 тыс. городских и сельских жителей Краснодарского и Ставропольского краёв и всех северокавказских автономных республик и областей (только на возведение указанного рубежа Каспийское море — Минеральные Воды осенью 1941 года было привлечено свыше 160 тыс. местных жителей). Причём местные власти отвечали за обеспечение всех этих строительных работ транспортом, рабочей силой и стройматериалами. Сооружение укреплений в районе Туапсе, на высокогорных перевалах, на Северо-Осетинской и Военно-Грузинской дорогах было сопряжено с особыми трудностями: приходилось взрывать скалы, валить лес, чтобы

на горных дорогах поставить каменные барьеры.

С октября 1941-го по январь 1942 года на возведении только восточной части Северо-Кавказского оборонительного рубежа (указанный выше рубеж Каспийское море — Минеральные воды) было задействовано 175 тыс. человек, из них только 13 тыс. составляли военные строители 10-й сапёрной армии (около 8%), а все остальные (162 тыс. человек) являлись местными жителями. Среди последних было 15 тыс. представителей Северной Осетии, 24 тыс. — Дагестана, 28 тыс. — Кабардино-Балкарии, 32 тыс. — Чечено-Ингушетии и 63 тыс. — Ставропольского края. Одновременно в сооружении западной части Северо-Кавказского оборонительного рубежа (от Таманского полуострова до станицы Суворовской) участвовали 149 тыс. человек, из них около 120 тыс., или свыше 80%, являлись местными гражданскими лицами (преобладали жители Краснодарского края), а остальные

почти 29 тыс. человек слагались из 13,5 тыс. сапёров из 9-й сапёрной армии, 13,5 тыс. военных строителей батальонов УОС Наркомата обороны и 1,8 тыс. заключённых.

До 40 тыс. жителей городов и сёл Чечено-Ингушской АССР трудились осенью 1941 года и в августе-декабре 1942 года над возведением оборонительных рубежей. При этом основные работы были направлены на то, чтобы по возможности максимально обезопасить Грозный. В конце ноября 1942 года газета «Правда» опубликовала резолюцию III объединённого пленума Чечено-Ингушского обкома и Грозненского горкома ВКП(б), которая гласила: «Сделаем нефтяной Грозный неприступной крепостью» (Правда, 29 ноября 1941 г.). Так оно и вышло — немцам не удалось пробиться к Грозному.

Осенью 1942 года советское руководство было серьёзно обеспокоено вероятностью прорыва противника не только к Каспийскому морю, но и к Баку, что было бы чревато для

СССР потерей бакинских нефтяных промыслов. Поэтому и в этом регионе в весьма широких масштабах было развернуто оборонительное строительство, и в помощь инженерно-строительным войскам привлекались десятки тысяч местных жителей. Так, 16 сентября 1942 года ГКО принял специальное решение о мобилизации 90 тыс. человек местного населения на строительство махачкалинского, дербентского и бакинского оборонительных рубежей.

Весной и летом 1943 года большую помощь армии в возведении фортификационных сооружений на Курской дуге оказало мобилизованное местными властями население Курской, Орловской, Воронежской, Харьковской областей. Если в апреле 1943 года в полосах Центрального и Воронежского фронтов на оборонительных работах участвовало 105 тыс. рабочих и колхозников Курской области, то в июне — 300 тыс.; кроме того, свыше 10 тыс. жителей области работали в полосах

▲ ДЗОТ

▲ Отрывка траншеи

Степного и Юго-Западного фронтов. Более 82 тыс. трудящихся Орловской области участвовали в создании рубежей обороны Центрального и Степного фронтов. В этом деле были также задействованы 32 тыс.

жителей Харьковской области. Участвовали в оборонительном строительстве на Курской дуге и воронежцы.

Причём многие из этих людей оказались на строительстве укреплений не по мобилизации в по-

рядке выполнения трудовой повинности по законам военного времени, а по своему личному добровольному волеизъявлению. А. С. Корнев утверждал, что на участке Курской дуги, где он лично руководил работами по возведению укреплений, не было необходимости проводить мобилизации местного населения на эти работы, так как «люди приходили на рубежи без всяких призывов, по собственной инициативе». На уровне бытового сознания в массах людей, занятых на возведении оборонительных рубежей, грани между понятиями «мобилизованные» и «добровольцы» были предельно нивелированы.

Сила духа этих людей особенно ярко проявлялась в те минуты, когда противник подвергал районы строительства фортификационных сооружений на Курской дуге ожесточённым ударам с воздуха. Переждав очередной авиационный налёт и похоронив павших товарищей (а избежать жертв при таком плотном скоплении людей было невозможно), эти простые и мужественные люди, привлечённые к оборонительному строительству, вновь принимались за прерванную работу, трудились ещё упорнее, стремясь наверстать упущенное из-за воздушных налётов время.

Создание оборонительных рубежей вокруг городов и других населённых пунктов на больших пространствах европейской части СССР стало поистине всенародным делом. В течение 1941—1943 годов к этому строительству в той или иной форме привлекалось не менее 12 млн. человек. Это был настоящий народный подвиг. Активное участие миллионов городских и сельских жителей в оборонительном строительстве являло собой яркий пример эффективного взаимодействия вооружённых сил и гражданского населения, единства армии и народа. ■

А.М. СЕРГИЕНКО,
боевой летчик, ветеран дальней авиации, писатель, кандидат исторических наук

СИСТЕМА РАДИОСВЯЗИ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В 1943 году в результате побед, одержанных Красной Армией на советско-германском фронте, в Европе начался новый этап в развитии национально-освободительного движения. Антифашистская борьба охватила все оккупированные страны.

Наибольшего размаха национально-освободительная борьба достигла в Югославии. В стране по инициативе народных масс были созданы новые демократические органы власти и Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ), численность которой к тому времени уже достигла 300 тысяч

человек. Югославские патриоты нанесли ощутимые удары по гитлеровским оккупантам. Напряженные бои происходили в Западной и Центральной Боснии, Черногории, Словении, Македонии, Сербии.

В Народно-освободительной армии Югославии появились зака-

▲ Король Югославии Петр I Иван Шубашич. Лондон

ленные в боях крупные воинские формирования: корпуса, дивизии, бригады и партизанские отряды. Это уже была регулярная современная армия. Руководил войсками Верховный штаб.

Для поддержания постоянной связи с югославскими войсками, оказания им помощи и координации военных действий с НОАЮ Советское правительство в феврале 1944 года направило в Югославию военную миссию во главе с генералом Н. В. Корнеевым.

Американцы и англичане, видя успехи растущего национально-патриотического движения в Югославии и не надеясь полностью на королевское правительство Югославии в Лондоне, еще раньше послали свои военные миссии в штаб НОАЮ. Советская военная миссия в отличие от миссий англо-американских союзников была аккредитована не при Верховном штабе НОАЮ, а при Национальном комитете освобожде-

ния Югославии. Тем самым советское правительство подчеркивало не только ее военный, но и политический характер.

Наряду с политической поддержкой Советский Союз оказывал Югославии и материальную помощь. 17 июня 1944 года Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление «О создании в Бари (Италия) базы и авиагруппы по транспортировке военных грузов в Югославию». Первый его пункт гласил: «В целях оказания помощи Народно-освободительной армии Югославии создать в Бари (Италия) базу и авиагруппу для выполнения специальных заданий по транспортировке грузов, эвакуации раненых и обеспечению связи, подчинив ее начальнику военной миссии в Югославии генерал-лейтенанту Н. Корнееву». Непосредственно базой командовал полковник С. В. Соколов.

В состав авиагруппы входили две эскадрильи: военно-транспортной

авиации, в которой было 12 самолетов СИ-47, и истребительной авиации с таким же количеством самолетов-истребителей Як-9ДД.

В связи с тем, что база и авиагруппа находились в Италии на территории, контролируемой нашими союзниками, боевые действия советской авиации координировались со штабом Балканских воздушных сил союзников в Италии. В гарнизонном отношении база подчинялась английскому командованию в Бари, а по вопросам аэродромной службы — начальнику аэропорта (командующему 15-й воздушной армией ВВС США).

Создание нашей авиабазы в Бари позволило радикально решить вопрос о возрастающих размерах поставок оружия Народно-освободительной армии Югославии, которые регулярно начались с июля 1944 года. Всего с авиабазы в Бари советские летчики совершили 1460 самолето-вылетов, доставили в Югославию около 3 тысяч различных грузов, перебросили через линию фронта в различные районы боевых действий свыше 5 тысяч югославских солдат и офицеров. Кроме того, возникало много других совершенно непредвиденных задач. Дел, как говорится, всегда было по горло.

В целях обеспечения успешной работы миссии, Службой радиосвязи военной разведки по указанию командования была создана специальная система радиосвязи на Балканах, охватившая обширный регион, включавший Югославию, Албанию, Грецию, Румынию и Италию.

В систему связи входили 14 корреспондентов: два радиоузла и 12 отдельных радиостанций или, как их принято называть, радиоточек, которые были развернуты в тех местах региона, где находились руководство и офицеры связи Советской военной миссии, то есть при Верховном штабе НОАЮ и региональных главных штабах, а также в штабах некоторых крупных соединений в Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Воеводине. Кроме того, наши радиосредства в разное время находились в Италии, Албании, Греции и Румынии.

▲ Радиостанция Север

Общее руководство радиосвязью военной миссии на Балканах осуществлял начальник миссии. Непосредственная же организация радиосвязи и ответственность за ее состояние возлагались на помощника начальника миссии по радиосвязи майора Л. Н. Долгова — опытного радиооператора и организатора радиосвязи.

Обеспечение техническими средствами системы связи на Балканах осуществлялось военной разведкой ВС СССР. На радиоузлах и радиоточках находились приемники «Метеор», «Националь», «Хаммарлунд», радиостанции XV-100 и передатчики «Джек», А-19, «Барс», «Энергия». Кроме того, в качестве запасной аппаратуры были радиостанции «Север» или Н-15, которые использовались в различных экстремальных условиях (во время переходов в труднодоступной местности, при отсутствии электропитания или выходе из строя основной аппаратуры и т. п.).

Комплектование радиоспециалистами всей системы связи шло за счет личного состава Центрального и других радиоузлов военной разведки. Всего за время пребывания нашей миссии на Балканах в ее состав было командировано свыше 30 разведчиков-радиотов.

Электропитание аппаратуры радиоузлов и раций обеспечивалось

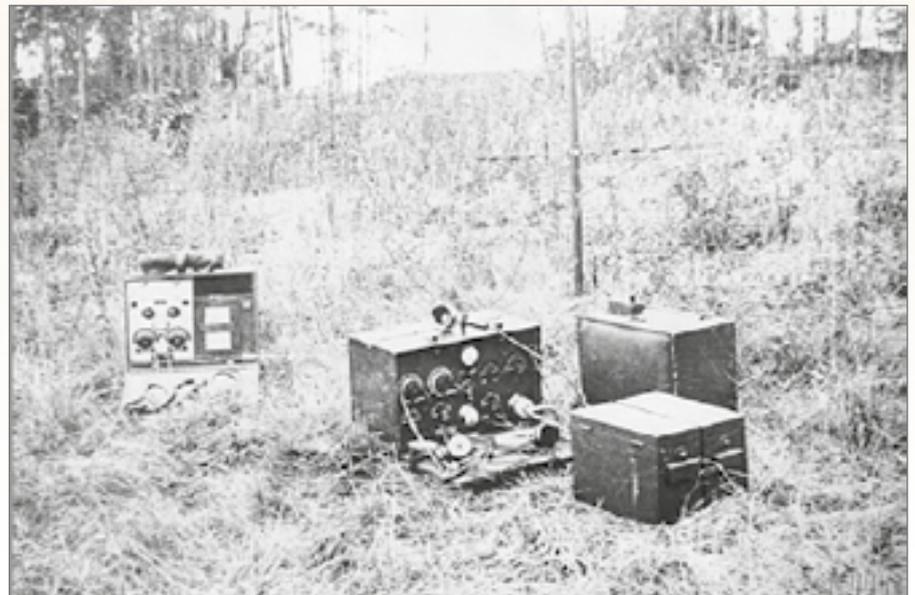
в зависимости от конкретных условий от сети переменного тока, бензоагрегатов и аккумуляторов. В горных районах широко практиковалось подключение наших радиостанций к небольшим маломощным электростанциям, находившимся в частных владениях. Хозяева этих станций не только не возражали против этого, а наоборот, сами, если нужно было, отключали всех своих потребителей энергии, лишь бы обеспечить работу радиостанции партизан. Там, где не было электросети, радиостанции

работали от бензоагрегатов Х-303 американского производства или использовались автомобильные аккумуляторы с немецкими трофейными преобразователями. В общем-то хлопот с электропитанием радиоаппаратуры у радиотов было достаточно.

Главный радиоузел с условным названием «Пурга» был развернут при начальнике Советской военной миссии, который территориально постоянно был вместе с Верховным штабом НОАЮ сначала в городе Дрвар (Босния), затем на острове Вис, далее в городе Крайова (Румыния) и, наконец, в Белграде. Начальником радиоузла был майор Л. Н. Долгов. С ним вместе работали в разное время до 12 радиотов, в том числе: М. Н. Бараева, А. И. Даньшин, А. Дронов, А. А. Копейкин, В. Краева, М. И. Малинов, М. И. Соколов, В. Солнцев, З. Темтюгова, В. А. Тюрин и другие.

Из радиоаппаратуры на узле сначала было 2 радиопередатчика («Барс» и «Джек») и два приемника («Хаммарлунд» и «Метеор»). В местных радиомастерских Долгову удалось сделать усилитель к передатчику «Джек», что дало возможность поднять его мощность до 200 Вт.

Радиоузел «Пурга» ежедневно проводил 30-40 обязательных двусторонних сеансов связи, в том

▲ Полевой узел связи

▲ Радиостанция КВ

числе шесть сеансов и круглосуточный контроль на дежурных частотах с Москвой, четыре сеанса с радиоузлом «Гроза-1» и по два-три сеанса связи со всеми другими 12 радиостанциями миссии. Кроме того, в зависимости от обстановки радиооператорам узла часто приходилось проводить дополнительные сеансы связи с некоторыми корреспондентами. Радиоузел «Пурга» нередко выполнял также функции ретранслятора на радиолинии Каир — Москва. В целом радиообмен на радиоузле был очень интенсивным и составлял в среднем 12-18 тысяч пятизначных групп в сутки.

Другой радиоузел («Гроза-1») балканской системы радиосвязи находился в Италии (Бари) и организационно входил в штатную структуру советской авиабазы. Территориально узел размещался вместе с штабом базы в поселке Пализе в 10 км от Бари. Охранялась база бойцами Народно-освободительной армии Югославии.

На вооружении радиоузла было три передатчика («Джек» и два «Барса») и три приемника (два «Хаммар-

лунда» и «Сигнал»). В качестве запасной аппаратуры были радиостанции «Север» и У-2 (английского производства). Обслуживали всю аппаратуру четыре человека: начальник узла капитан А. М. Каргашин и радиооператоры И. В. Красавин, В. Смирнов и Б. И. Якончук.

Радиоузел «Гроза-1» обеспечивал связь с Москвой, начальником Советской военной миссии, а также со всеми другими радиостанциями при офицерах связи военной миссии в Югославии, Греции, Албании, Румынии. Всего в сутки проводилось 20-25 обязательных и до 10-12 дополнительных сеансов связи. Начальник авиабазы полковник С. В. Соколов был полностью удовлетворен состоянием радиосвязи и высоко оценивал работу личного состава радиоузла. В его отчете о работе авиабазы от 26 марта 1945 года говорилось: «Радиосвязь со всеми корреспондентами проходила нормально. Радиоузел со всеми поставленными задачами справился хорошо, обеспечив проведение всех операций. Нормальное проведение связи с корреспондентами проходи-

ло за счет перегрузки аппаратуры и чрезмерного перенапряжения сил радиооператоров, которые в среднем работали по 18-20 часов в сутки. Причем большая часть нагрузки падала на передачу. Радиооператоры практически работали без отдыха».

Не менее напряженной была работа и на всех других радиостанциях военной миссии. Это были корреспонденты: «Вега» (радиооператор К. Д. Данилов), «Орион» (К. Козлов), «Пальма» (Г. Л. Лихо), «Сириус» (В. М. Жаворонков), «Тропа» (С. М. Леонидов), «Ханко» (И. Овсянников), «Река» (Ф. И. Урванов), «Шторм» (Усачев, Н. Н. Цибанова), «Яхта» (А. И. Даньшин, В. А. Тюрин), «Гамма» (Н. Исаков, А. Козин), «Гроза-2» (И. В. Красавин, Б. И. Якончук). Они находились вместе с офицерами связи миссии в штабах воинских формирований НОАЮ в Боснии, в разных районах Сербии и Словении, в Хорватии и Черногории, а также в Румынии, Албании и Греции. Каждый из этих корреспондентов имел по 6-12 сеансов связи в сутки, в том числе по 2-4 сеанса с Москвой и радиоузлами «Пурга» и «Гроза-1», а также по одному сеансу между собой.

Количество сеансов связи в зависимости от обстановки часто возрастало, увеличивался соответственно радиообмен на радиолиниях.

Там, где объем работы был особенно большой, и одному нашему радиооператору приходилось очень тяжело, было решено подобрать и подготовить по радиоделу хорошо проверенных югославских товарищей и допустить их к работе на наших радиостанциях. Так было на радиостанции «Пальма», радиоузле «Пурга» и на других точках.

В целом вся система радиосвязи на Балканах действовала бесперебойно. За все время работы военной миссии в Югославии по вине радистов не было ни одного случая срыва связи с Центром или задержки отправки необходимой информации командованию, хотя условия работы были далеко не из легких. Трудностей — хоть отбавляй: длительные переходы по болотистой и горнолесистой местности, налеты авиа-

ции противника, мучили постоянная усталость, а нередко холод и голод, не хватало боеприпасов. Переходы всегда сопровождались всякими неожиданностями и опасностями. Радиооператорам, кроме того, нужно было постоянно сохранять в полной боевой готовности свои радиосредства с тем, чтобы в любой обстановке возможно было развернуть радиостанцию и обеспечить связь с нужным корреспондентом.

Радиосвязь прерывалась лишь в тех случаях, когда в районе дислокации нашей радиостанции велись боевые действия с фашистскими войсками или в силу возникновения каких-либо других непредвиденных обстоятельств. Были случаи, когда радиоаппаратура выходила из строя при ударах о что-либо во время ночных переходов, при преодолении труднодоступной местности и т. п. Так, вышла из строя рация «Север» при падении в ущелье в горах Албании радиста Тюрина. Иногда по разным причинам не представлялась возможность изъять аппаратуру из тайников, где она находилась на временном хранении, или радиостанции вообще исчезали. Такое случилось, например, у радиста Леонидова, когда из тайника в земле Словении была изъята неизвестными лицами аппаратура «Джек» и «Метер». Радист вынужден был после этого поддерживать радиосвязь с корреспондентами «Пурга» и «Пальма» на рации «Север». Прямая связь с Москвой временно была прервана. Во время ожесточенного боя 9-го югославско-итальянского корпуса с немцами у Леонидова была радиостанция «Север». Радиосвязь с корреспондентом «Пурга» через некоторое время была восстановлена лишь на немецкой трофейной рации, а с получением радиостанции Н-15 — и с Москвой.

Имели место случаи, когда немцы ставили прицельные помехи нашим радиостанциям, пытались вступать с ними в связь по радиоданным других наших корреспондентов. Было много и другого.

Однажды в мае 1944 года внезапно замолчал и наш главный ра-

диоузел в Югославии «Пурга», таким образом прервалась связь Москвы с главой военной миссии Н. В. Корнеевым. Об отсутствии связи с «Пургой» сразу же сообщили в Центр и все другие наши радиостанции, работавшие с ней. Это вызвало серьезное беспокойство в Москве. На Центральном радиоузле велось круглосуточное наблюдение в эфире за позывными «Пурги». Но «Пурга» молчала...

А дело, как потом выяснилось, было вот в чем. Гитлеровское командование не раз пыталось обезглавить руководство Народно-ос-

вободительной армии Югославии. На этот раз фашисты разработали коварный план: нанести внезапный удар по Верховному штабу НОАЮ с воздуха, сочетая его с наступлением крупных наземных сил. Гитлеровцы предполагали высадить в районе Дрвара крупные десанты, захватить Верховный штаб и самого Иосипа Броз Тито. Затем к десанникам должны были подойти наземные силы.

Операция началась 25 мая 1944 года с сильного налета авиации на район Дрвара. Вслед за бомбардировкой враг высадил на плане-

▲ Немецкий десант, район Дрвара

▲ И.Б. Тито, пещера район Дрвара

рах первую волну десанта — свыше 600 человек. Одновременно на Дрвар двинулись наземные войска. У каждого гитлеровского солдата была фотография И.Б. Тито для его опознания. Советская военная миссия была объявлена фашистами вне закона, что давало возможность диверсантам уничтожать советских генералов и офицеров без суда и следствия.

Но надежды организаторов на диверсию не оправдались. Противник получил твердый отпор бойцов батальона охраны Верховного штаба и слушателей офицерской школы. Хотя противнику после выброски второй волны десанта парашютистов (около 200 человек) удалось овладеть Дрваром, И.Б. Тито, члены Политбюро ЦК КПЮ, личный состав Верховного штаба, а также англо-американской и советской военных миссий уже успели отойти по горной тропе в направлении Потоци и далее в Купрешко Поле (Купрес).

Здесь после короткого совещания было решено перебазировать Верховный штаб НОАЮ на остров Вис в Адриатическом море, откуда можно было наладить управление войсками Народно-освободительной армии. Попасть туда в данный момент можно было только самолетом через Бари (корреспондент «Гроза-1»). Но как добраться до Бари? Самолета не было, да и вызвать его из Бари было сложно, поскольку связи нашей главной радиостанции миссии (корреспондента «Пурга») в это время не было ни с Бари, ни с Москвой. Долгов с началом карательной операции вынужден был с разрешения командования уничтожить основную радиоаппаратуру и захватить с собой только радиостанцию «Север». Конечно, установить связь из района западной части Югославии с Москвой на радиостанции «Север» практически было невозможно, а кроме того, он был и физически не в со-

стоянии этого сделать, так как начиная с 25 мая по 2 июня он вместе с другими товарищами находился в непрерывном движении, отрываясь от преследования гитлеровских карателей.

Тревожно было в это время в Главном разведуправлении, да и в советском Генштабе. Вообще на Центральном радиоузле военной разведки были приняты все необходимые меры к установлению связи с «Пургой». Начальник Службы связи военной разведки полковник В.М. Рябов в эти дни постоянно был на Центральном радиоузле. К наблюдению за «Пургой» были привлечены лучшие силы и средства узла. Все было озабочено мыслью: что еще необходимо сделать для того, чтобы установить связь с Долговым...

И вот спустя неделю, 2 июня этому тревожному, казалось, мертвому и бесконечному молчанию наших товарищей в Югославии пришел

конец. Рано утром 2 июня из кабины № 21 Приемного радицентра в Москве раздался радостный крик: «Пурга» зовет!». Первым обнаружил корреспондента в эфире лейтенант И. П. Сперанский — молодой радиооператор второй смены, начальником которой был П. И. Крещук — опытный воспитатель, маг и чародей эфира, как было принято называть его на Приемном центре. (Связь с Москвой Долгову удалось установить на аппаратуре корреспондента «Вега», который в это время находился в Боснии в районе Купрешко Поле.)

Генерал армии С. М. Штеменко в своих воспоминаниях «Генеральный штаб в годы войны» (книга 2-я) по поводу этих событий писал: «В советском Генеральном штабе те дни тоже были беспокойными. Антонов доложил Верховному Главнокомандующему, что из Югославии нет никаких вестей. Ставка поставила Генштабу задачу выяснить обстановку и при необходимости оказать помощь товарищам.

2 июня 1944 года состояние неведения, наконец, прекратилось: мы

получили радиограмму Н. В. Корнеева. Как он рассказал впоследствии, его помощник по радиосвязи — толковый и расторопный Долгов — сумел поднять радиостанцию на вершину одной из самых больших гор и установил на ней сколь было можно высокую антенну. Дублируя текст, Долгов передал в Бари С. В. Соколову и в Москву просьбу выслать на Купрешко Поле самолет к 22,00 в ночь на 4 июня. (Воениздат МО СССР, Москва, 1974, с. 200-201)».

Чтобы быть уверенным, аналогичный текст радиограммы Долгов передал Соколову в Бари непосредственно нашему радиоузлу «Гроза» и через радиостанцию англо-американской миссии в Югославии. Но вот беда: дело осложнилось тем, что в радиограмме, принятой в Бари нашим радистом А. М. Каргашиным, самолет в Купрешко Поле просили прислать к 22-00 в ночь на 4 июня, а в телеграмме английского командования, переданной Соколову, дата прибытия самолета указана на сутки позже — в ночь на 5 июня. В Бари думали, гадали — что делать, как по-

ступить? В других бы условиях снова запросили по радио о сроке подачи самолета. Но надежной радиосвязи с «Пургой» в это время пока не было.

Начальник авиабазы в Бари, чтобы не ошибиться, решил послать самолет 3 июня, памятуя о том, что от англо-американского командования можно было ожидать всякого сюрприза. Филигранное мастерство советского летчика А. С. Шорникова позволило ему благополучно пролететь ночью над морем и горами и искусно посадить самолет на неизвестную необорудованную площадку среди скал.

Через сутки в ночь на 4 июня 1944 года И. Б. Тито, его ближайшие помощники, генерал Н. В. Корнеев и некоторые офицеры из состава военной миссии и Верховного штаба НОАЮ были доставлены в Бари, а спустя несколько дней — и на остров Вис, где и продолжала свою работу югославская ставка.

Однако Верховный штаб Народно-освободительной армии не мог долго оставаться на острове Вис. Его дислокация должна была соответ-

▲ Долгов Л.Н.

▲ Корнеев Н.В.

▲ Шорников А.С.

▲ Командование НОАЮ — Б. Тито справа, Кардель в очках

водить новым условиям: боевые действия НОАЮ приобрели широкий размах и требовали повседневного и непрерывного управления из единого центра, находящегося в безопасном месте. Нужно было также руководить большой и сложной работой по организационной перестройке войск, управлять мобилизацией и формированием резервов.

Исходя из этого, 19 сентября 1944 года Верховный штаб НОАЮ на советских самолетах был перемещен в румынский город Крайова, недалеко от границы с Югославией. В целях обеспечения безопасности полетов операция проводилась в глубокой тайне. Даже члены англо-американской военной миссии, как говорится, «у себя под носом» не заметили передислокации штаба.

Но такие операции завершались успешно не сами по себе. Это результат больших совместных усилий руководства и всего состава советской военной миссии и, конечно, радиоспециалистов. Сколько приходилось проводить дополнительных сеансов

связи с Москвой и между собой всем радиостанциям миссии, сколько было проведено бессонных ночей у работающей аппаратуры, прежде чем была успешно спланирована и завершена та или иная операция! У радистов порой не оставалось времени ни на отдых, ни на проведение ремонтных и профилактических работ с аппаратурой.

А случаев, связанных с проведением особых операций, было хоть отбавляй. Вот только некоторые из них:

- 19 сентября 1944 года, как уже говорилось, два советских самолета перебросили маршала Тито и группу офицеров штаба НОАЮ с острова Вис через всю территорию Югославии, занятую противником, в Крайову (Румыния);

- 23 сентября советским самолетам пришлось срочно вывозить из Словении в Бари генерального секретаря ЦК коммунистической партии Югославии Карделя;

- 16 октября осуществлена переброска на советских самолетах

с острова Вис в Бари и далее на посадочную площадку города Дивцы (70 км юго-западнее Белграда) Национального комитета освобождения Югославии и офицеров Верховного штаба НОАЮ;

- 22 октября были доставлены самолетами из Бари в Бела Црква премьер югославского королевского правительства в Лондоне Шубашич и начальник югославской военной миссии в Англии генерал-майор Велсбит;

- 14 ноября был организован перелет самолетом премьера Шубашича из Белграда в Москву и т. д.

Английское командование, относясь в целом лояльно и дружелюбно к советским офицерам в Бари и других местах, чинило вместе с тем различные препятствия в выполнении задач. Следуя общей линии британской политики, оно всеми мерами стремилось подчеркнуть и обеспечить английский приоритет в этой стране. Англичане особенно мешали выполнять задачи нашей авиации. Посадочные площадки без всяких

оснований объявлялись непригодными для приема наших самолетов и грузов, умышленно путались сигналы приема самолетов и выброски грузов для югославов, специально искажались сводки погоды в районе действий нашей авиации. Иногда под надуманными предложениями не разрешался вылет наших самолетов, преднамеренно не соблюдался ассортимент грузов, направляемых по нашим заявкам и т. п.

В подтверждение сказанному приведем один из многих примеров, когда англичане мешали советским самолетам выполнять задачи, что приводило к резкому увеличению радиобмена на линиях связи военной миссии в Югославии.

15 октября 1944 года советская авиабаза в Бари получила срочное задание перебазировать с острова Вис на посадочную площадку Дивцы Верховный штаб НОАЮ и Национальный комитет освобождения Югославии. За двое суток до планируемого полета наша авиабаза

дала заявку штабу Балканских воздушных сил союзников и одновременно запросила через свой радиопункт «Гроза-1» Советскую военную миссию в Югославии (радиопункт «Пурга») о возможности принятия наших самолетов на острове Вис. Положительный ответ миссии был получен радиопунктом «Гроза-1» незамедлительно. Казалось, все идет нормально. Но в день вылета наших самолетов штаб британских воздушных сил уведомил советскую авиабазу, что погода на острове Вис плохая, аэродром размок и закрыт. Радиопункт «Гроза-1» снова запросил корреспондента «Пурга» по этому вопросу. Ответ руководства миссии по-прежнему был положительным. Начальник авиабазы Соколов после этого уведомил англичан, что вылет самолетов на остров Вис состоится, как и планировалось, так как отмены распоряжения советского командования на операцию не было. Ровно через час англичане вторично сообщили, что Вис не может принять со-

ветские самолеты, аэродром размок. Снова последовал запрос по нашим радиопунктам. Ответ Корнеева и на этот раз был утвердительным, заявка подтверждена. Но союзники на этом не остановились. Они и после этого за 20 минут до вылета самолетов уже в третий раз сказали, что с острова только что получено сообщение о том, что советские самолеты не будут приняты и поэтому вылет самолетов с аэродрома в Бари не разрешается. На это полковник Соколов ответил: «Наши самолеты уже вылетают и возвращать их не будем».

Вылет состоялся, и задание было выполнено. Но сколько нервов и труда потребовалось. Сколько пришлось провести дополнительных сеансов радиосвязи! А вообще, радиосвязь между корреспондентами «Гроза-1» и «Пурга» в течение тех трех суток практически была непрерывной. Такой режим радиосвязи в данном случае был необходим, так как в указаниях Центра говорилось, что об-

▲ Штаб Тито

становка требовала проводить операцию четко в установленное время и в весьма сжатые сроки. Интересно отметить, что погода на острове Вис, как впоследствии выяснилось, тогда была прекрасной, аэродром находился в хорошем состоянии, а взлетно-посадочная полоса, кроме того, имела металлическое покрытие. Значит, все утверждения англичан были заведомо ложными.

С перемещением Верховного штаба НОАЮ в Крайову и выходом наших войск к границам Югославии упростились связи между Красной и Народно-Освободительной армиями. Резко возрос поток советской помощи югославскому народу и его армии. Улучшилась координация действий армий СССР, Югославии и Болгарии.

Разгром гитлеровских войск в Югославии способствовал успеху сил народного освобождения в Албании. Наши летчики с авиабазы в Бари по указанию из Москвы

не раз помогали албанским патриотам вооружением, боеприпасами, санитарным и другим имуществом. Стало более тесным взаимодействие народно-освободительных армий Югославии и Албании в борьбе против фашистской Германии.

20 октября 1944 года была освобождена столица Югославии — Белград, куда сразу же перебазировался и Верховный штаб НОАЮ. Там же в Панчиво (15 км от Белграда) стал разворачиваться наш новый радиоузел «Альфа» вместо радиоузла «Пурга», который впоследствии стал радиостанцией Советского посольства в Югославии.

В заключение следует сказать, что все радиооператоры Службы радиосвязи военной разведки, работавшие в составе Советской военной миссии в Югославии, успешно справились с возложенными на них задачами и заслужили благодарность и высокую оценку командования. Они не только обеспечивали воен-

ную миссию надежной радиосвязью в сложных условиях, но вместе с другими офицерами миссии принимали участие в боевых действиях против немцев, готовили по радиоделу партизан-радиостов и направляли их в другие страны, поддерживали с ними радиосвязь и т.п. Все это нашло отражение в служебных характеристиках радиооператоров. Приведем некоторые из них:

«Л. Н. Долгов работал помощником начальника военной миссии в Югославии с января 1944 по февраль 1946 года. Руководил радиосвязью и практически осуществлял ее с Центром и во всем Балканском регионе, был консультантом по радиосвязи и оказал югославам большую помощь. Как командир-радиостов имел хорошую подготовку и со своими задачами справлялся в любых условиях. Привлекался к спецработе и показал в этом деле хорошие качества. Человек выдержанный, серьезный, вдумчивый и осмотрительный».

▲ Смена базирования

▲ В штабе НОАЮ

« Г.Л. Лихо за время пребывания в Югославии показал себя с положительной стороны, дисциплинирован, в выполнении заданий аккуратен и инициативен, много работает над повышением своего теоретического и делового уровня, а также в области подготовки партизан по радиоделу».

Исключительно положительно характеризовались Каргашин, Тюрин, Леонидов и другие. В характеристике Урванова сказано: «...Не прекращал своей работы в любых условиях, даже находясь в полном окружении противника, давал бесперебойную радиосвязь». Советское правительство высоко оценило деятельность разведчиков-радиостов, наградив их всех орденами и медалями. Так, Долгов награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны

II степени; Лихо — орденом Красного Знамени; Каргашин — орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды и т.д.

Правительство Югославии также наградило всех орденом «Партизанская звезда» I или II степени.

Успешное выполнение заданий командования разведчиками-радиостовами в Югославии в 1944-1945 годах будет долго служить хорошим примером для всех молодых специалистов военной разведки.

Почти все радисты, работавшие в Югославии, начинали свою службу на Центральном радиоузле в Москве. Большинство из них уже имело большой опыт практической работы, выполняло спецзадания командования во время событий в Испании, Китае и других местах.

Получив хорошую закалку на практической работе, они следовали традициям лучших радиооператоров Службы радиосвязи. Высокое операторское мастерство, хорошее знание техники и умение «выжать» из нее все, на что она способна, давали нашим радистам возможность вести радиообмен на высоких скоростях и обеспечивать скоротечность сеансов связи. Они прекрасно знали эфир и свободно в нем ориентировались. Их основными характерными чертами были: беспредельная преданность Родине, постоянная ответственность за выполнение поставленных задач, высокая дисциплина, изобретательность и находчивость, войсковое товарищество и взаимопомощь. ■

В.Ю.МАРКОВСКИЙ

БОЕВАЯ АВИАЦИЯ В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

▲ Военно-партийное руководство СССР

«Афганистан» — это слово в нашем представлении прочно и неразрывно связано с войной. Действительно, страна уже десятилетия без перерыва охвачена боевыми действиями, начало которым положил отнюдь не ввод советских войск в декабре 1979 года, обернувшийся затем наиболее масштабным военным конфликтом с участием советских солдат после Великой Отечественной войны, в свою очередь, занявшим без малого целиком последнее десятилетие существования самого СССР.

Эта война стала судьбой целого поколения, у которого со словом «Афган» связано слишком многое —

участие в тяжелом и трудном деле, суровые испытания, раны и потеря товарищей — все то, что и сегодня, после распада пославшей солдат на войну страны, оставляет всех прошедших ее и погибших бойцов не русскими, украинцами или узбеками, но — «нашими».

Война у южных рубежей бывшего Советского Союза продолжается и поныне. Однако так было далеко не всегда... На протяжении многих лет СССР и Афганистан связывали крепкие и, без кавычек, дружелюбные отношения. Уже при обретении независимости Афганистаном в 1919 году Советская Россия первой признала его суверенитет. В после-

военные годы правивший король Захир-Шах и сменивший его Дауд-Хан с уважением относились к СССР, видя в нем надежного союзника. В стране работали советские специалисты, шло совместное строительство предприятий и дорог и велся оживленный обмен товарами, благо изделия советской промышленности — от галош и одеял до грузовиков — высоко ценились в небогатой соседней стране. В афганской армии все, начиная с полевых кухонь и кончая ракетами, было советского происхождения, в СССР училось большинство офицеров, а в каждой части находились советские военные советники и специалисты, помогавшие осваивать тех-

▲ Король Захир Шах

▲ Король Мухаммед Дауд Хан

нику и организовывать службу.

С изъявлениями горячей дружбы к СССР обратились и организаторы апрельской революции 1978 года, провозгласившие «скачок в социализм». Задуманные и декларированные перемены быстро обернулись кровавой борьбой за власть, междоусобицами и массовыми репрессиями, обезглавившими армию и хозяйство. Партия, называвшая себя Народно-демократической (НДПА), принялась за дело с большевистской решимостью, уничтожая «реакционное духовенство, купцов и феодалов» и выкорчевывая в исламской стране вековые традиции и культуру под видом «демократических реформ». Хафизулла Амин, один из лидеров НДПА, выдвигал радикальный путь разрешения проблем: «У нас в стране десять тысяч крупных землевладельцев. Мы уничтожим их, и вопрос решен».

Провозглашенную диктатуру пролетариата, при почти полном его отсутствии, поручалось осуществить ар-

мии, насчитывавшей более 100 тысяч человек, 650 танков и 150 боевых самолетов (ВВС располагали тогда МиГ-17, МиГ-21, Су-7 и Ил-28). Однако этих сил вскоре стало не хватать Кабулу, столкнувшемуся с растущим сопротивлением оппозиции и племен, мятежами в городах и самой армии, ослабленной чистками и воцарившимся разбродом. Ответом стали новые репрессии — уже в первом списке казненных были названы 12 тысяч человек, в числе которых оказались и многие видные военные.

Весной и летом 1979 года мятежи и волнения шли уже повсюду, и надежд на стабилизацию положения силами самого Кабула не оставалось. Крупнейшим стало мартовское восстание в гарнизоне Герата, где погибли и советские советники — первые жертвы еще не начавшейся войны. Призывы к давнему партнеру и союзнику — СССР — о срочной помощи оружием и войсками следовали почти еженедельно. Правители Афганистана для «поддержки

революции» срочно нуждались минимум в двух советских дивизиях, десантных частях, спецназовских бригадах, боевых вертолетах, экипажах к боевой технике, батальонах личной охраны и даже подразделениях советской милиции. Среди прочих необходимых для «социалистического строительства» вещей, помимо бронетехники, артиллерии и боевых вертолетов, особо настоятельно требовалось «прислать напалм и газовые бомбы», необходимые для ударов по непокорным селениям.

У советского правительства тогда хватило выдержки не вмешиваться, ограничившись военно-технической помощью и вооружением, посылкой советников и обучением афганских военных. Однако осенью 1979 года просьбы о помощи приобрели буквально истерический характер — в стране повсюду шли беспрерывные стычки с формированиями оппозиции и мятежными племенами.

23 декабря 1979 года в «Правде» появилось сообщение: «В последнее

▲ Л.И. Брежнев и Захир Шах

время западные, особенно американские, средства массовой информации распространяют заведомо инспирированные слухи о некоем «вмешательстве» Советского Союза во внутренние дела Афганистана. Дело доходит до утверждения, что на афганскую территорию будто бы введены советские «боевые части». Все это, разумеется, чистой воды вымысел». Однако приказ о вводе войск был уже отдан. Через несколько дней Л.И. Брежнев в интервью той же «Правде» объяснял его необходимостью «не допустить превращения Афганистана в империалистический военный плацдарм на южной границе нашей Родины».

На выбор Кремлем пути военного решения проблемы повлияло сочетание сразу нескольких причин: стремление поправить в свою пользу геополитическую обстановку, расширяя число государств социалистической ориентации, и идеологическая убежденность в правоте «революционного процесса». Свою роль сыграло и уже шедшее втягивание СССР в разгорающуюся войну — военно-техническое, экономическое и моральное. Вера в «единственно правильное учение» и правоту силы

подтолкнула советское правительство к постановлению — «Направить в Афганистан ограниченные воинские контингенты для выполнения задач, о которых просит правительство Афганистана. Эти задачи состоят исключительно в том, чтобы оказать содействие Афганистану в отражении внешней агрессии». Попутно передовым отрядам десантников поручалось избавиться от наиболее одиозной части кабульского правительства, подозревавшегося в готовности «сдать страну американцам».

Посылая войска, в Кремле не хотели замечать, что Афганистан, по сути, уже охвачен гражданской войной, в которую неминуемо будут вовлечены советские солдаты и офицеры. Сама операция при всей масштабности проводимых мер представлялась не более чем набором мобилизационных мероприятий и переброской армейского контингента. О ведении боевых действий речь не шла. Опыт военного вмешательства, опробованный в Венгрии и Чехословакии, внушал уверенность в успехе предприятия. Однако на этот раз он сыграл дурную роль — армия оказалась в гуще конфликта, где чужое военное при-

сутствие спровоцировало усиление мятежного движения, направленного теперь уже в первую очередь против советских войск, а незнание местных обычаев и традиций Востока лишь усугубило положение, многократно приумножив ряды противника.

На ближайшем пленуме ЦК КПСС в июне 1980 года вдогонку армии провозглашалось: «Смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком». Кремлевские стратеги не задумывались о другом опыте истории — не принесших успеха трех англо-афганских войн, итог которых еще в конце прошлого века подвел британец Феррье: «Иностранец, которому случится попасть в Афганистан, будет под особым покровительством неба, если выйдет оттуда здоровым, невредимым и с головой на плечах». По его следам теперь двинулись на юг солдаты и офицеры 40-й армии...

ИСТРЕБИТЕЛИ МиГ-21

Среди самолетов, переброшенных в Афганистан при вводе советских войск, большую часть составляли истребители. По численности к началу января 1980 года они уступали лишь вертолетам — «воздушным рабочим» армейской авиации. Появление истребителей в авиации 40-й армии было вызвано опасением контрмер со стороны Запада. «Агрессивный империализм, — гласила официальная «легенда», — рвется установить на склонах Гиндукуша нацеленные на СССР ракеты», поэтому возможность открытого столкновения с американцами и их союзниками рассматривалась вполне серьезно; на этот счет в докладной записке ЦК КПСС говорилось: «...нам придется иметь дело с объединенными силами США, других стран НАТО, Китая и Австралии». Не исключалось и втягивание в войну соседних с Афганистаном мусульманских государств, которые могли бы прийти на помощь «братьям по вере».

С учетом этих прогнозов и стро-

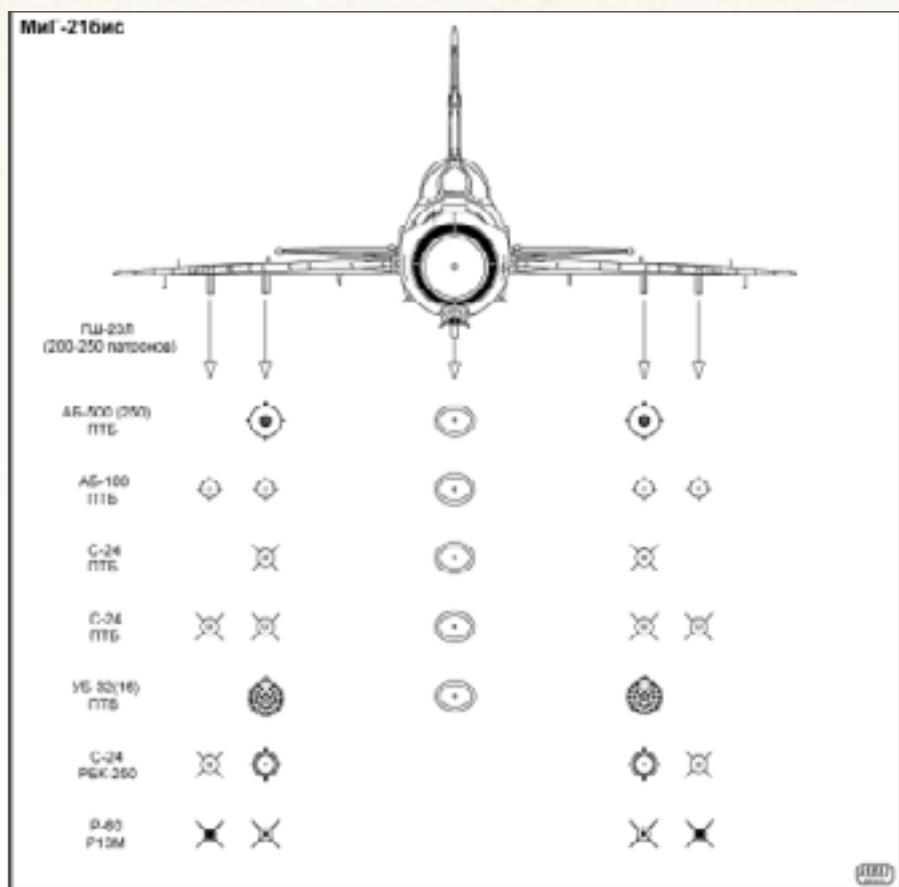
илась операция по «оказанию помощи народу Афганистана в борьбе против внешней агрессии». Для прикрытия с воздуха в состав 40-й армии включили зенитно-ракетную бригаду, а на аэродромы ДРА перелетели вначале по одной эскадрилье МиГ-21 из состава истребительной и истребительно-бомбардировочной авиации. Истребители принадлежали 115-му гв. иап, базировавшемуся на туркменском аэродроме Кокайты, которым командовал подполковник П.И. Николаев. Их коллеги служили в составе 136-го апиб из Чирчика в Узбекистане. Руководство на уровне армии осуществлял полковник В.П. Шпак, заместитель командующего авиацией 40-й армии по фронтовой авиации. Переброску осуществляли с ближайших аэродромов (Кокайты, что называется, лежал прямо за горой, всего в полусотне километров от границы) — во что выльется операция, тогда еще не представляли и рассчи-

тывали обойтись силами ближних частей. Управиться предполагалось сравнительно небольшими силами, ограничившись привлечением местных авиационных частей из состава сил, имевшихся в Туркестанском и Среднеазиатском военных округах (ТуркВО и САВО). То же относилось и ко всей 40-й армии, комплектовавшейся на базе кадрированных частей южных округов, за исключением приданных ей десантных частей из состава ВДВ. На всякий случай в повышенную боевую готовность были приведены и другие части ВВС и ПВО, вплоть до самых отдаленных военных округов; к перебазированию для защиты «южных рубежей» готовили даже полки тяжелых перехватчиков Ту-128 с севера.

Первое время привлеченную авиацию сосредоточили в составе 34-го смешанного авиакорпуса, сформированного из частей ТуркВО и приданного направлявшейся в Афганистан группировке советских

войск соответственно директиве Минобороны и Генштаба № 312/12/001, направленной в войска 24 декабря 1979 года. Этим руководящим документом, подписанным министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым и начальником Генштаба Н. В. Огарковым, определялись конкретные задачи на ввод частей и размещение на афганской территории. Нашлось в ней и место объяснению необходимости предпринятого шага: «С учетом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...»

При вводе войск в Афганистан нападение могло ожидать в первую очередь с южного направления, откуда могли бы прорваться самолеты с авианосцев американского 7-го флота, и со стороны «пакистанской военщины», располагавшей к этому времени более чем 200 боевыми самолетами. Граница с Ираном, охваченным антишахской революцией и занятым собственными проблемами, считалась относительно безопасной. Без сомнения, военное руководство при планировании мероприятий достаточно трезво оценивало ситуацию и не питало иллюзий относительно убедительности подобных пропагандистских «страшилок» — позднее начальник Генштаба Н. В. Огарков отзывался об этих доводах политиков как о «выдумке неправдоподобной и не очень умной». Американцам, едва оправившимся от изнурительной вьетнамской войны, тогда и в кошмарном сне не могло привидеться ввязывание в новую авантюру, а соседи Афганистана вовсе не стремились идти на открытый конфликт с могущественным советским государством. По крайней

▲ МиГ-21-схема

▲ МиГ-21бис из состава 115-го иап. Одна из эскадрилий полка с военного времени носила почетное наименование «Советская Литва»

мере, при планировании Генштабом операции по вводу войск серьезное противодействие третьих сил считалось крайне маловероятным и в расчет, по существу, не принималось. Всю истребительную группу на начальном этапе сочли возможным ограничить одной эскадрилей.

Между тем будь угроза агрессии извне реальной, что ставило бы под угрозу и прилегающую советскую территорию, для надежного прикрытия воздушного пространства Афганистана располагаемой дюжины истребителей явно бы не хватило. Для отражения вражеских воздушных орд на афганском направлении, по всем прикидкам, требовалось задействовать по меньшей мере шесть истребительных авиаполков. Тем не менее подобное мероприятие не планировалось к реализации ни при вводе войск, ни в разгар афганской кампании, и истребительные силы в составе авиации 40-й армии были доведены лишь до штатного полка, и то со временем.

Уже вскоре в связи с проводившейся с начала 1980 года реформой ВВС и ПВО, в соответствии с которой прежние структуры заменялись ВВС округов, подчинявшихся общевойсковому командованию, 34-й САК был преобразован в ВВС 40-й армии. Тем самым 40-я армия стала един-

ственной в составе советских Вооруженных сил, имевшей собственную авиацию. Решение оказалось вполне оправданным и подтвердило свою эффективность (в отличие от задуманной сходным образом передачи военной авиации в подчинение округов в Союзе, ставшей неудачным опытом и впоследствии отмененной).

115-й гвардейский Оршанский орденов Кутузова и Александра Невского истребительный авиаполк являлся одной из наиболее титулованных авиационных частей советской авиации. Будучи сформированным накануне Великой Отечественной войны под Одессой, полк с честью прошел войну от первого до последнего дня, участвовал в боях в Белоруссии и Прибалтике, завершив боевой путь в мае 1945 года в Чехословакии. В память о боевых заслугах одна из эскадрилий полка несла почетное наименование «Москвa», другая именовалась «Советская Литва». Однако привлечение полка к участию в афганской кампании диктовалось отнюдь не прежними боевыми заслугами: выбирать было, по сути, не из чего — 115-й иап на то время был единственным истребительным авиаполком фронтовой авиации во всем ТуркВО. Прочие силы здесь были представлены перехватчиками войск ПВО, однако

их привлечение в состав авиагруппировки не предусматривалось.

При планировании переброски авиации встала задача рационального распределения имевшихся сил. Аэродромов, пригодных для базирования современных боевых самолетов, было всего четыре — Кабул, Баграм, Шинданд и Кандагар. Они располагались на высоте 1500–2500 м над уровнем моря. Одобрения на них заслуживали разве что отличного качества ВПП, особенно «бетонки» Кандагара и Баграма, уложенные еще американцами (друживший с СССР король Захир-Шах обустройство баз доверил все же западным специалистам).

Перебазирование истребителей 115-го иап предприняли практически одновременно с началом ввода войск и начавшейся высадкой десантников в Кабуле и Баграме. Как только к середине дня 27 декабря 1979 года аэродромы были взяты под контроль, в Баграм перелетела 1-я эскадрилья авиаполка. В составе эскадрильи имелись 12 боевых МиГ-21бис и две «спарки» МиГ-21УМ. Десантники, занявшие Баграм еще до захвата столичных объектов, все сохранили в целости. Операция по захвату аэродромов была подготовлена с особой тщательностью — десантники прекрасно ориентировались ночью на авиабазе и быстро овладели всеми узловыми сооружениями; на имевшихся у них планах были указаны даже расстановка мебели в помещениях и направления, в которых открывались входные двери. Инженерно-технический состав, группу управления и необходимые средства обслуживания доставили самолетами военно-транспортной авиации, полковая автомобильная техника прибыла спустя несколько дней своим ходом.

Штаб авиации 40-й армии перебравшись на новое место службы уже после Нового года, прибыв в Кабул 9 января. Первым командующим авиацией 40-й армии был назначен генерал-лейтенант Мартынюк, со 2 февраля 1980 года смененный генерал-майором Б. Лепaeвым. Заместителем командующего ВВС 40-й

армии по инженерно-технической службе стал полковник Г. В. Якунин, в инженерном отделе у которого ведущим специалистом по МиГ-21 являлся майор В. П. Шилин, сам летавший на «двадцать первых».

Весьма быстро обнаружилось, что силами одной истребительной эскадрильи не обойтись. Под День Советской Армии 23 февраля 1980 года в Баграм перебазировали и 2-ю эскадрилью 115-го полка. Находившуюся здесь 1-ю эскадрилью с конца марта перевели на столичный аэродром Кабула, однако впоследствии вновь вернули в Баграм, оставив в Кабуле одно звено для осуществления ПВО столицы. Кроме истребителей, на аэродроме разместили разведывательную эскадрилью МиГ-21Р и вертолеты, развернули полевой командный пункт и узел связи.

Для усиления южного направления истребители 2-й эскадрильи с мая 1980 года разместили на аэ-

родроме Кандагар, расположенном на краю Регистанской пустыни. Задачей истребителей, базировавшихся в Баграме, назначалось прикрытие центральных и восточных районов. Баграм представлял мощную военно-воздушную базу в 50 км на севере от Кабула, внушительно выглядевшую и по отечественным меркам и наилучшим образом подходившую для базирования истребительной авиации. Построенный еще при короле Захир-Шахе аэродром служил основной базой и учебным центром афганских ВВС; на нем находились полки МиГ-21 и Су-7БМК, сыгравшие немалую роль в дни апрельской революции 1978 года. Первоклассная цельнолитая бетонная ВПП Баграма имела длину 3300 м, а ее ширина позволяла истребителям взлетать сразу звеном. Навигационные системы, средства связи и даже светотехника были далеко не новыми, изношенными и мало отвечали условиям работы

современной авиации. На стоянках были построены мощнейшие укрытия для самолетов — настоящие крепости из валунов и камней, залитых бетоном, оборудованные убежищами, связью и всеми необходимыми коммуникациями.

Накрыть стоящие в них самолеты можно было только прямым попаданием. Аэродром имел ремонтную базу, мастерские, склады и хранилища для горючего. Его радиотехническое оборудование и средства руководства полетами, как всё в афганской армии, были советского происхождения и полностью подходили для новых «постояльцев». Полностью отечественной была и служившая у афганцев авиатехника, что позволяло рассчитывать на обеспечение ремонтов и обслуживания — у афганских коллег при надобности можно было позаимствовать запчасти и комплектующие для обеспечения эксплуатации техники. Близость

▲ МиГ-21 в полете над Кабулом

▲ Вид авиабазы Баграм со взлетающего истребителя.

Баграма к границе СССР упрощала снабжение — авиабаза с многочисленным гарнизоном находилась при трассе, связывавшей Афганистан с Советским Союзом и опоясывавшей всю страну.

После худо-бедно обжитого гарнизона в Союзе первые впечатления от нового места службы были не радостными. Капитан В. Шевелев, прибывший в Баграм в числе первых, писал: «При перелете выдали оружие, насчет остального сказали — разберетесь на месте. По прибытии вылезли из самолетов, сразу впечатления — неправдоподобно близко горы, вокруг степь, и снова горы со всех сторон — каменный мешок. На вершинах белый яркий снег, в солнечную погоду даже глаза режет. Почему-то подумалось — красиво, как на открытках. На рулежке стоит Ми-24 с пулей ДШК в лобовом стекле летчика. Ничего себе. Все ходят с автоматами. Рядом грузили в самолет погибших. Настроения это

не прибавило — здесь, оказывается, людей убивают.

Жить пришлось в мазанке на задворках аэродрома, мест для всех прибывших не хватало. С потолка течет, из щелей в окнах, забитых фанерой, свищет ветер. Буржуйка греет, пока ее раздувают, чуть потухла — снова холодно. Ночью то и дело стрельба, все просыпаются, высказывают, палят по огонькам наугад.

Когда перебрались в Кабул, лучше не стало — жили в палатках, холод, сырость и грязь повсюду. Бочку с водой для столовой и помывки таскает танк. Из кормежки — только каша, сушеная картошка и мороженный ментай. Комбат объявил, что положен дополнительный паек, но его все равно нету, может, потом подвезут. Как потеплело, стала досажать какая-то кусачая мошка, прозвали ее кукарача. От ее укусов пробирает лихорадка, дня три всего ломает, трясет, температура под сорок, потом еще с неделю жуткая слабость.

Позади видны следы догорающих тепловых ловушек защиты от ракет

По погоде — особенно холодно и промозгло ночью, чувствуется, что горы близко. Зима сырая, часто снег идет целыми шапками, счищаем с одной плоскости, пока справился с другой — на почищенной снова столько же. Афганские военные в снег не работают, сидят дома в тепле и греются чаем. Только когда снег перестает идти, выходят на стоянку, а как потеплеет, с самолетов сугроб сам сойдет. Под вечер всегда поднимается очень сильный боковой ветер, летать опасно, дует с дикой скоростью, даже кожу сечет песком и камнями».

Первую зиму большинству авиаторов пришлось провести в палатках и оборудованных на скорую руку землянках (как формулировалось в служебных бумагах — «с использованием табельных средств палаточного типа, а также передвижных вагон-домиков»). Даже инженер-

ному отделу штаба ВВС 40-й армии не нашлось места лучше, чем глинобитное строение без крыши и окон. Отведенная хибара служила и общежитием, и местом отдыха. Спасаясь от снега и ледяного дождя, сверху пришлось натянуть чехол от МиГ-21. Спали на разбитых раскладушках, укрываясь шинелями, за печкой-буржуйкой следил специально назначавшийся дежурный офицер. Шинели две недели подряд вообще не снимали, стирать одежду все равно было негде. Для обеспечения техники и быта не хватало электроэнергии, энергоснабжение осуществлялось передвижными дизель-генераторами, воду подвозили из местных источников и вновь пробуренных скважин.

Обустрояваясь, гарнизоны оборудовали стационарными дизель-электростанциями с централизованной системой электроснабжения, строили котельные, водопроводы и очистные сооружения. На месте палаток появлялись целые городки с жилыми и служебными зонами.

При этом, как говорилось в тех же документах, «большой объем работ по строительству объектов служебно-технической застройки и казарменно-жилых городков выполняется силами частей, дислоцирующихся на аэродромах». Со временем появились домики-модули, служебные помещения и сборные ангары для техники. Известные афганские домики-модули официальным образом именовались «штатными сборно-разборными конструкциями «Модуль» типа К-120», материалом для которых служили деревянные и фанерные панели на металлическом каркасе с уже протянутой электропроводкой и прочими бытовыми удобствами. Для размещения штабов, учебных баз и прочих служебных объектов предназначались сооружения типа СРМ и другие конструкции. На постройку такого сооружения требовалось от двух до четырех месяцев (с оговоркой насчет «своевременной подачи строительных материалов и конструкций», — все необходимое требовалось вез-

ти за тысячи километров из Союза, притом что первоочередной задачей транспортников являлось обеспечение действий армии топливом, боеприпасами и прочим, а бытовыми проблемами занимались по возможности). Выходом становилось самостоятельное обустройство с использованием единственно доступного материала — брусьев от бомботары и досок патронных и снарядных ящиков. Со временем в гарнизонах выросли целые кварталы самостроя из выкрашенных в цвет хаки досок. Через несколько лет эти временные постройки так разрослись, что прилетавшие на смену полки встречали целые поселки бомботарных домов, среди которых были даже бани с саунами.

Истребительная группировка авиации 40-й армии на первом этапе была представлена самолетами МиГ-21бис — последней модификацией заслуженного «двадцать первого», к этому времени все еще находившейся в производстве. Ко времени начала афганской кампании МиГ-21

▲ Горы подступали прямо к Баграмскому аэродрому

▲ Аэродром Кандагара в первые военные месяцы выглядел самым мирным образом

отнодь не являлся последним словом техники, однако во фронтовой авиации южных округов тогда более современных машин просто не было. С начала 70-х годов шло перевооружение истребительной авиации новыми самолетами МиГ-23, однако те в первую очередь направлялись в части «первой линии» на западном направлении и в дальневосточные истребительные полки на крайне беспокойной тогда границе с Китаем. Оснащение новой техникой авиации «тыловых» южных округов в предыдущие годы шло по остаточному принципу, и здесь считалось достаточно имевшихся сил.

В 115-м иап имелись самолеты МиГ-21бис заводского типа 75 двух исполнений: 1-я эскадрилья летала на машинах обычной комплектации, а во 2-й имелись самолеты с дополнительно установленным комплектом радиосистемы ближней навигации РСБН в составе посадочной навигационной аппаратуры «Полет-1-И», взаимодействующей с наземными азимутально-дальномерными радиомаяками и курсо-глиссадными радиомаяками системы «Катет-СП». Использование современного оборудования существенно повышало точность навигации, упрощая самолетовождение в осложненных условиях Афганистана и делая возможным круглосуточное выполне-

ние снижения и захода на посадку даже при ограниченной видимости по приборам. Заход инструментальным способом допускался до высоты 50 м в любое время суток и в любых метеоусловиях. Тем самым далеко уже не новый «двадцать первый» предоставлял летчику возможности, которых не имели даже некоторые более современные самолеты. Впрочем, первое время часть оборудования МиГа не позволяло использовать отсутствие на афганских аэродромах необходимых систем — афганцам при их далеко не новой технике подобные станции были просто напросто не нужны. Техническое обслуживание «биса» значительно упрощало внедрение системы автоматизированного контроля самолета двигателя.

Однако все познается в сравнении. Эта старая истина наглядным образом иллюстрировалась присутствующими по соседству чирчикскими МиГ-21ПФМ. Будучи в истребительной авиации далеко не самым современным самолетом, МиГ-21бис представлял собой куда более совершенные машины, чем выступавшие в роли истребителей-бомбардировщиков МиГ-21ПФМ. Эти самолеты имели возраст, переваливший за пятнадцать лет, утратив ценность в качестве истребителя, из-за чего были переведены в ударную

авиацию. Самолеты даже при своем сроке эксплуатации еще годились к службе, и командование сочло, что списывать их можно и не торопиться — бомбить и стрелять по наземным целям они вполне годятся.

«Бисовскую» модификацию с послужившими МиГ-21ПФМ разделяли более десяти лет, что наглядным образом проявлялось при сопоставлении этих похожих только с виду «близнецов». МиГ-21бис оснащался новым двигателем Р25-300, выдававшим на три с половиной тонны большую максимальную тягу, имел более вместительные баки и качественно иное оборудование. Тем самым повышенная тяговооруженность и запас топлива существенно повысили его несущие и взлетно-посадочные качества, однако более тяжелый «бис» стал проигрывать в маневренности. Тем не менее, МиГ-21бис превосходил все прочие модификации «двадцать первых» по характеристикам разгона, взлетным характеристикам и скороподъемности. Разбег при взлете на форсаже занимал всего 830 м против 950 м у предшественника (при разреженном воздухе высокорасположенных афганских аэродромов требуемая дистанция возрастала, однако длины здешних ВПП с лихвой хватало для взлета даже с обычной боевой нагрузкой). Максимальная вертикальная ско-

рость у земли достигала 235 м/сек, превосходя даже аналогичные качества МиГ-23, а высоту практического потолка 17 800 м он набирал за 9 минут.

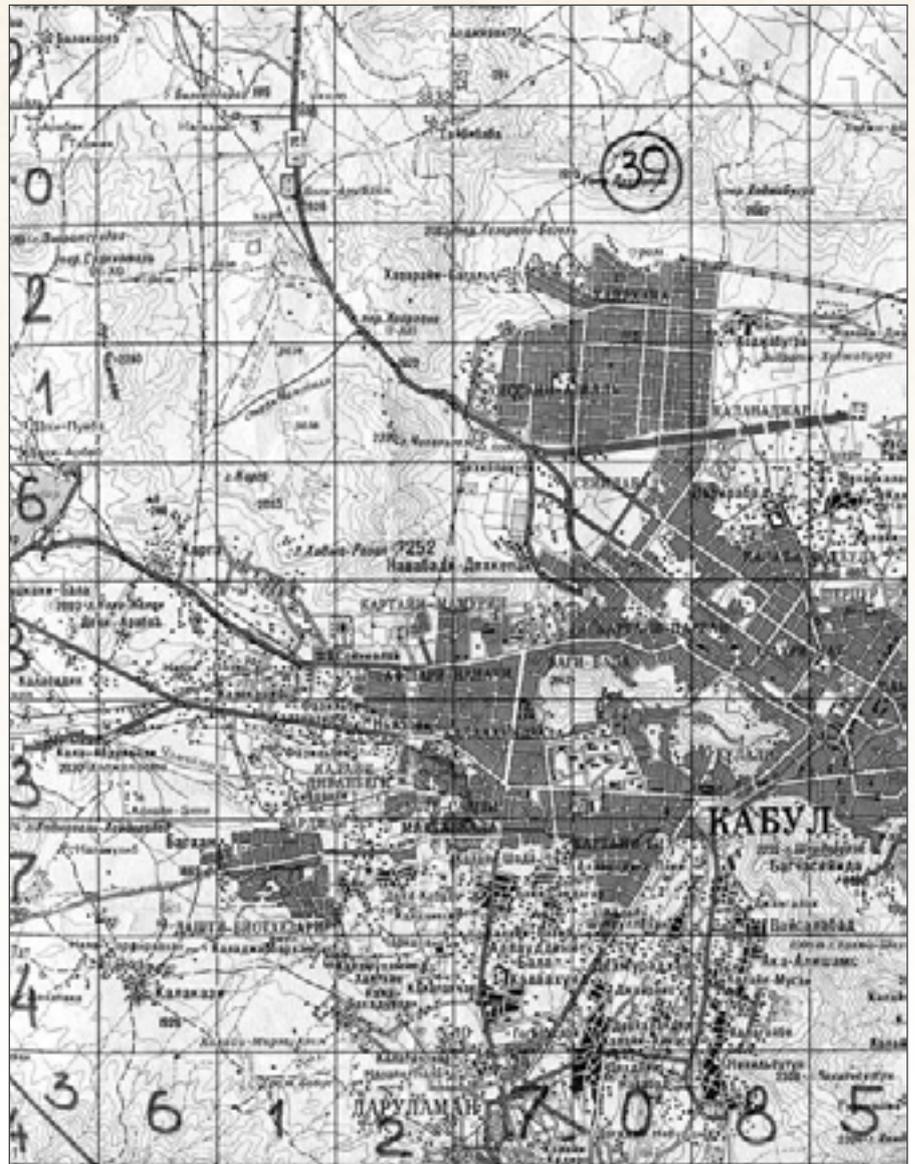
Наиболее выигрышной в специфичной афганской обстановке, требовавшей действий в удаленных районах, выглядела увеличенная дальность: с одним подфюзеляжным подвесным баком МиГ-21бис на высоте имел дальность полета 1480 км при продолжительности полета до двух часов. Это оказывалось востребованным и с учетом местных особенностей самолетовождения с критичным недостатком наземных ориентиров и однообразием местности — горы и пустыни были, что называется, на одно лицо, и запас топлива никак не был лишним. Выгоды предоставляло также совершенное навигационное оснащение «биса», позволявшее уверенно чувствовать себя в удаленных районах, надежнее и точнее выходить к месту боевой работы и возвращаться на аэродром.

МиГ-21бис существенно превосходил предшественника также по наиболее важному показателю для боевой машины, располагая большими возможностями по весу и арсеналу боевой нагрузки. У МиГ-21ПФ боевые возможности ограничивались подвеской всего двух бомб или блоков реактивных снарядов УБ-16-57. «Бис» оснащался встроенной пушкой ГШ-23Л и мог нести вооружение на четырех подкрыльевых держателях, благодаря высокой тяговооруженности и усиленной конструкции имея возможность подвески полутора тонн бомб — двух «пятисоток» на внутренних узлах и двух по 250 кг — на внешних. Набор вооружения дополняли новые типы средств поражения, включая многозамковые бомбодержатели, позволявшие разместить на подвеске до десяти бомб стокилограммового калибра, 32-зарядные блоки УБ-32 и другое современное оружие. Применение средств поражения обеспечивал новый автоматический прицел, позволявший вести огонь в том числе и с маневра при перегрузках (на МиГ-21ПФ обходились порядком

послужившим коллиматорным прицельным устройством АСП-ПФ-21 «дедушкиного» образца). В итоге складывалась любопытная ситуация несколько неожиданного характера, когда относившийся к «чистым» истребителям МиГ-21бис выглядел куда более совершенным и мощным средством поражения наземных целей, нежели представлявший ударную истребительно-бомбардировочную авиацию МиГ-21ПФ. При этом атаки наземных целей, бомбометание и стрельба не были истребителям в диковинку: действовавший Курс боевой подготовки истребительной авиации (КБП ИА-75), отрабатывавшийся летчиками, включал соответствующие упражнения, и по-

сле необходимой тренировки они не уступали коллегам.

Были у «биса» и свои недостатки: особенностью потяжелевшей машины являлась повышенная удельная нагрузка на крыло — при нормальном взлетном весе этот параметр достигал 380 кг/кв. м против 330 кг/кв. м у предшественника. Радиус виража МиГ-21бис у земли превышал один километр, что в полтора раза превышало Су-17 и МиГ-23, будучи существенным неудобством при работе по наземным целям. Развороты с большим размахом затрудняли построение боевых маневров, а при повторных заходах грозили потерей цели, которую летчик при отходе на таких расстояниях терял из виду. 15 %-ная разница

▲ Полетная карта Кабула и окрестностей с размеченными квадратами для удобства наведения на цели

в удельной нагрузке проявлялась также ощущавшимися особенностями поведения на небольших скоростях и строгостью в управлении, требовавшем скоординированности, особенно при боевом маневрировании. Эти особенности самым непосредственным образом сказались при боевом применении самолета. Наличие автопилота АП-155, следившего за поведением самолета по крену и тангажу, выдерживавшего заданный курс, высоту и демпфировавшего колебания самолета, не исключало необходимости внимания летчика за поведе-

нием машины. Выгодной являлась возможность использования режима приведения к горизонту, когда при потере пространственной ориентировки (к примеру, в облаках или ночью) включение автопилота позволяло вывести самолет в нормальное положение и «в автомате» удерживать его. АП-155 также позволял задействовать режим увода с опасной высоты, особенно применимый в маловысотных полетах или при потере видимости земли.

Для авиаторов 136-го апиб участие в афганских событиях началось

еще при нахождении на своем аэродроме. Вскоре после апрельской революции 1978 года в Кабуле полк несколько раз поднимали по тревоге, на случай непредвиденного развития событий перебазировав то в Кокайты к самой границе, то неделями дежуря в Мары по соседству с тамошними коллегами из 217-го апиб.

Командир полка полковник Виктор Сикорский и сам оставался в неведении о планах командования (по крайней мере, о направлении в Афганистан речь не заходила). Тем не менее, приведение полка в повышенную боевую готовность и смена места базирования начали отрабатываться еще за две недели до начала событий. Очередная тревога была объявлена ранним утром 11 декабря. О дальнейших событиях вспоминал командир звена Вячеслав Таштамышев: «Уже наученные опытом, летчики особо не торопились. Я собрал чемодан, всю экипировку, позавтракал и неспешно отправился на аэродром. Транспорта все не было, сидели и ждали. Многие вообще не взяли с собой ничего необходимого, даже зубной щетки — мол, скоро опять распустят по домам. Потом стало известно, что тревога настоящая и что-то происходит. Наконец появился автобус и поехали на аэродром. Там снова ждали команды, задачу никто не ставил, пока не прибыл командир, объявивший, что предстоит всем полком лететь в Кокайты. Это не удивило (первый раз, что ли?). Тем, кто оставался без личных вещей, было строго указано с применением доходчивых выражений, что дело серьезное и велено бегом отправляться в городок за вещами. К перелету подготовка была самой простой: настроили радиокompас, его пульт на МиГ-21ПФМ находился прямо в кабине, и вся настройка занимала минут 15–20, на картах карандашом прочертили маршрут — прямую линию, выставили со слов штурмана полка расстояние, курс и время, на том все навигационные расчеты и закончились (такая уж у нас матчасть, МиГу этого вполне было достаточно). Никакого боекомплекта не подвешивали, даже

ПТБ не брали, никто ведь не знал, что улетаем на войну. После перелета две недели жили на командировочном положении без какой-либо конкретности. Ни летной, ни теоретической подготовки к боевому применению не было, так, полетали немного для сохранения навыков.

Все изменилось самым неожиданным образом 25 декабря: нам «нарезали» несколько зон боевого дежурства над Афганистаном, где предстояло работать в последующие дни.

В это самое время войска пошли в Афганистан, пересекая пограничную Амударью. Одна зона находилась западнее Мазари-Шарифа рядом с дорогой, другая имела восточной границей Ташкурган, между ними шла дорога на Кабул. Еще одна зона простиралась севернее Ташкургана. Туда направлялись по одной паре самолетов с подфюзеляжными ПТБ-490 и парой блоков с С-5. Задачу ставили самым общим образом: «...Стоите в зоне, если с вами выйдет на связь авианаводчик, по его

командам наносите удар туда-то и туда-то». Прежде таким образом не работали, и смутно представлялось — как это все будет происходить. Ведь даже колонны войск, которые шли по дорогам, с воздуха из назначенных зон видно не было. Перед вылетами выступил приехавший пехотный начальник, рассказавший, что афганская ПВО еще неизвестно на чьей стороне и в районе Мазари-Шарифа у них есть зенитные ракеты, так что все может случиться, и следует следить за возможными пусками ракет. Запугал этим, так что непонятно было, за чем следить — за вероятным противником или стрельбой зенитчиков. В одном из вылетов 26 декабря внизу с небольшого аэродромчика севернее Мазари-Шарифа взлетел чей-то самолетик, газуя, поднял тучу пыли — с виду точь-в-точь пуск ракеты. Мы с перепугу в паре с ведомым начали наворачивать противоракетные маневры, уворачиваясь от попадания. Вроде чепуха, а с непривычки страху натерпелись.

Сам ввод войск выглядел тоже не как на параде. Не было стройных колонн молодцеватых воинов и чеканного шага воинов непобедимой и легендарной Советской Армии. По-набирали через военкоматы из запаса резервистов по Туркмении, Узбекистану, тех, кто отслужил срочную, иногда за сорок лет. Мы их каждый день видели в городе, в шинелях из военных еще запасов, небритые, с вытертыми сидорами-вещмешками, ППШ и другим военным старьем. На счет военной подготовки — и речи не было. Хлопок собирали — их прямо с полей на войну. Машины шли вовсе без бронетехники в сопровождении. Вот эти колонны мы и должны были прикрывать. Этим мы занимались до самого Нового года. Холодно уже было, ведь прилетели в одних летных комбинезонах и кожаных куртках, что понадобится зимнее обмундирование никто не позаботился предупредить. Какой-то специальной экипировки тоже не водилось. С собой — только несчастный пистолет Макарова, две

▲ Летчики и самолеты 115-го гв. иап

▲ Схема нанесения удара с пикирования парой: после обнаружения цели ведущий (А) выполняет доворот со скольжением (Б) и полупереворотом вводит самолет в пикирование (В), обычно с углом 30–40° или более крутым снижением. Высота сброса бомб и нижняя граница вывода определялись по условиям безопасности от огня ПВО, осколков собственных бомб и особенностей горного рельефа. Ведомый (Г) перед атакой отставал от ведущего, увеличивая дистанцию для свободы маневра и, самостоятельно прицеливаясь, следом за ним строил боевой заход

обоймы в карманах и еще две — под сиденьем в НАЗе. На других самолетах его перебирали, приспособивая под укладку автомата и порядочный запас патронов, но на МиГ-21 до этого так и не дошло. Позже стали выдавать пистолет Стечкина АПС, который может стрелять очередями, но он на ремне не умещался, и вешать приходилось на шлейке на шею, в полете очень мешал, поэтому его чаще оставляли при вылете

дома под подушкой. Давали еще две гранаты, только они карманы рвали в комбинезонах, и без того ветхих, и их тоже оставляли дома. Никакого камуфляжа тогда и в помине не было, летали кто в чем — в синих, песчаных или голубых комбинезонах. Тогда еще не знали, что при пожаре их ткань плавится и пригорает к коже (слава богу, опыта не было).

Таковыми вылетами в зоны и дежурством на аэродроме занимались

до конца декабря и еще неделю после Нового года. Прикрывали, летали, но реального противника не было. Тренировок по боевому применению тоже не было, не стреляли и на полигон не летали. Вылеты в летной книжке записывали не как боевые, а проходящие по курсу боевой подготовки на класс. Потом по летной книжке и не установить было, какие полеты были над своей территорией, какие — над ДРА. Приходилось догадываться: видимо, если записан полет на перехват — это, наверное, чисто учебный, а если упражнения парой или звеном — то наверняка «за речку». Отцы-командиры и сами толком не относились к задаче как к боевой. Раз войны вслух не объявляли, то следовало заниматься положенными задачами плановой подготовки и подтверждением квалификации летного состава. Так и думали — и не только мы одни, наверное, и те, кто принимал решение и отдавал команды — мол, все обойдется без стрельбы, и войны тут не будет, войска войдут, припугнут недовольных, помогут новой правильной власти утвердиться, и дело сделано. Но вышло не так.

9 января прикрывали очередную колонну из Термеза на Файзабад. Шел мотострелковый полк, с грузовиками с головы и хвоста прикрытыми «броней». Колонна прошла Талукан и направлялась в сторону Кишима. Растянувшись, колонна образовала зазор в километр, где не было ни «брони», ни огневых средств. Туда и ударили мятежники. Они тогда уже умели воевать, хоть и выглядели диковато — на лошадях, с допотопными берданками. Потери в колонне были очень большими, 42 убитых. На помощь вызвали авиацию. Сначала поднялись экипажи кокайтинского полка, но их замполит сразу отметился — отработал по отставшим машинам колонны. К тому же попал удачно, сколько-то душ записано на его совести.

Из нашего чирчикского полка первыми подняли пару командира звена капитана Александра Мухина, находившегося в готовности №1 у своего самолета. За ним вылетела

группа руководства. Азарт был велик, всем хотелось повоевать, отметить в деле. Возвратившись, командиры сразу меняли самолет, пересаживаясь в ожидавшие подготовленные истребители. Остальным приходилось довольствоваться тем, что сидели в кабинах в готовности, ожидая очереди. Прилетали возбужденные, рассказывали: прямо как в кино про Чапаева, стреляли НУРСами из блоков УБ-32 по толпе кавалерии и пешеходов душманов, практически на открытой местности. Нарубили они тогда порядочно.

В начале января первую эскадрилью во главе с зам. командира полка подполковником В. П. Монаховым отправили усиливать ВВС 40-й армии, перебросив в Кандагар на юг Афганистана. Вторую вернули домой в Чирчик переучиваться на самолет поновее — МиГ-21СМ. А нашу третью оставили в Кокайтах — продолжать работу по северу Афганистана. Но оставаться там случилось недолго, меньше месяца. Аккурат в канун Дня Советской Армии 23 февраля готовились к празднованию, отправившись на базар для закупок, когда на рынке появляется «газик» командира, и комэск Зузлов со страшными глазами командует: «Бегом в машину, летим в Баграм!» Все удивились: «Командир, посмотри на небо — какой Баграм при такой погоде?» — «Скорей, это боевой приказ, выполнять немедленно, иначе трибунал!» Едва успели забежать в комнату за туалетными принадлежностями, и по самолетам. Никто не верил, что полетим, — погода была никакая, даже для обычных полетов. И все-таки услышали команду запускаться. Первой поднялась пара комэска Зузлова и замполита эскадрильи майора Сергея Фефелова, следом — замкомэска майор Александр Бобков и старший летчик капитан Иван Рыжков. У Бобкова произошел срыв запуска, и вместо него ведущим пары пошел командир звена капитан Таштамышев. Вся эскадрилья пошла в Баграм, а приготовленный к празднику стол так и остался дома...

Сразу после взлета вошли в облака, ведомые потеряли ведущих,

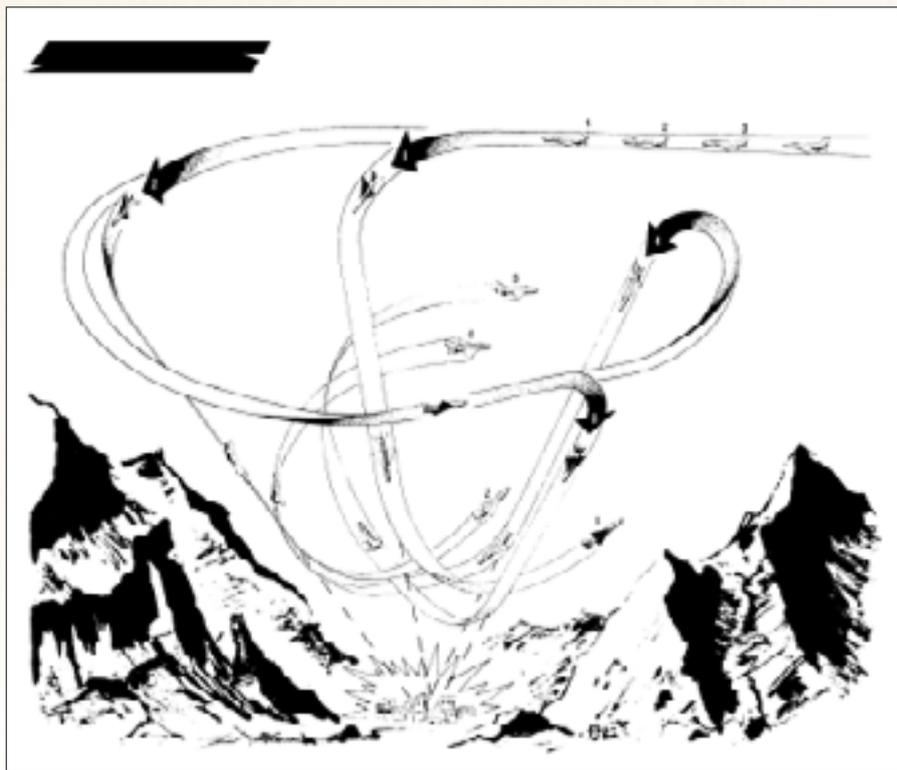
только раз в просвете увидели друга друга и снова воткнулись в сплошную пелену. На эшелоне пришлось не проще: там попали в сильное струйное течение — над горами это частое явление — «сдувало» ощущение, да и должной слетанности в группе еще не было. К тому же на МиГ-21ПФМ навигация на уровне детского конструктора, весь набор — это часы, компас и указатель скорости. Словом, увело нас от линии заданного пути здорово, километров так... на очень много.

Оказались бы неведомо где над горами, и завершение перелета могло оказаться грустным, но выручил КП Баграма. Обнаружили нас идущими бог весть куда, указали место. Доворачивать пришлось на 90°

и добираться до выхода на маршрут еще десять минут. А над Баграмом нагло всей погоде на маршруте светило солнце и стояла стопроцентная видимость, словно в награду за мытарства».

К началу января 1980 года самолеты МиГ-21 составляли основу авиации 40-й армии: из имевшихся тогда в Афганистане 52 боевых самолетов насчитывалось 37 «двадцать первых» — истребителей, истребителей-бомбардировщиков и разведчиков. Их доля в ВВС 40-й армии оставалась преобладающей и в течение всего первого года войны.

Продолжение в следующих номерах альманаха

- ▲ Схема бомбометания группы с использованием «вертушки» или «карусели»: после выхода к цели самолеты группы наносят удар с круга, последовательно заходя на бомбометание с небольшими интервалами. Способ обеспечивал практически непрерывное воздействие на цель, но требовал ювелирного расчета и хронометража — секундные отклонения могли помешать друг другу или привести к паданию под осколки бомб ведущего

Н.Г. КУЗНЕЦОВ, Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза,
в Великую Отечественную войну нарком Военно-Морского Флота

ГЛАВНАЯ ВОДНАЯ МАГИСТРАЛЬ СТРАНЫ

▲ Перевозки людей и боеприпасов

После сталинградской победы противник был отброшен от Волги, однако еще упорно цеплялся за каждую пядь нашей земли. С весны назревали серьезные события в районе Курской дуги. Красная Армия с каждым днем получала все больше самолетов, танков и другой техники. Фронты постоянно требовали горючего. Активизация Балтийского и Северного флотов также увеличила спрос на горючее. В связи с этим Волга по-прежнему оставалась важной стра-

тегической коммуникацией, по которой могла идти бакинская нефть.

От перевозок грузов по Волге во многом зависел наш успех в борьбе с фашистской Германией. Это понимали и немцы. Даже весной 1943 года, когда линия фронта проходила значительно западнее Сталинграда и Волги, над этой стратегической коммуникацией еще нависала опасность. Наше внимание было привлечено тогда к Астрахани, где раньше всего открывается нави-

гация и происходит скопление нефтеналивных судов. Фашистские самолеты время от времени появлялись там, чтобы наносить удары по караванам с горючим. Поэтому в апреле по распоряжению правительства туда вылетели наркомы морского и речного флотов П. П. Ширшов и З. А. Шашков. Туда же Ставка предложила вылететь и мне. Совместными усилиями мы обеспечивали бесперебойное движение караванов и их охрану от мин и воздушных налетов.

▲ Шашков З.А.

Минированием Волги и налетами на караваны судов в районе Астрахани занималась специально выделенная для этого фашистская воздушная эскадра. Командовал ею майор Кляс. Судя по всему, это был отъявленный гитлеровец. Он часто сам принимал участие в воздушных операциях. 19 июня 1943 года Кляс повел свои самолеты для бомбежки и минирования Астраханского рейда. Здесь он и сломал себе шею.

Канонерская лодка "Ленин" подбила самолет Кляса, и он свалился недалеко от маяка "Астраханский приемный". Четыре фашиста были подобраны рыбаками, когда те пытались скрыться на надувной резиновой лодке. Кляс оказался заядлым нацистом. Даже находясь в положении военнопленного, он пытался вступить в драку с рыбаками.

Кляса связали и посадили в трюм. Там он умудрился разбить себе голову о железный рым и испустил дух, уйдя таким образом от возмездия. Под комбинезоном у него обнару-

жили три Железных креста и золотой орден Рыцарского креста. Нацисту с такими наградами, естественно, было не к лицу пребывать в плену.

Надо признать, что после Сталинградской битвы наше внимание к Волге несколько ослабло, и за это мы вскоре были наказаны. Немцы выделили более 100 самолетов 4-го воздушного флота специально для действия над рекой. С ранней весны, как только прошел лед, эти самолеты начали минирование фарватеров. В конце апреля и самом начале мая на минах подорвалось несколько барж с топливом. Нефть горела, разлившись по реке. Движение караванов замедлилось, а в районе Каменного Яра скопилось сорок нефтяных барж.

Это вызывало серьезное беспокойство не только у нас в Наркомате ВМФ, но и в Государственном Комитете Оборона.

Однажды утром из секретариата И. В. Сталина мне позвонил А. Н. Поскребышев: "Немедленно приезжай-

те! Разбирается вопрос о плавании по Волге".

В кабинете Сталина в Кремле собрались члены Государственного Комитета Оборона и работники Генерального штаба.

— Проходите, — предложил Поскребышев, едва увидев меня в приемной.

Сталин, как это часто бывало, ходил вдоль длинного стола, слушая докладчика.

— О значении Волги и перевозок по ней вам, я думаю, говорить не нужно? — сказал он мне и взял со стола какую-то телеграмму. В ней, видимо, говорилось о срыве перевозок по реке.

Задав ряд вопросов, Сталин дал мне указание:

— Вам надлежит выехать на место, разобраться во всем и принять самые решительные меры для обеспечения движения судов.

По обыкновению, он тут же спросил, когда я намерен вылететь в Сталинград. Я попросил разрешения

▲ Ширшов П.П.

задержаться на сутки, чтобы переговорить с А. И. Микояном и наркомом речного флота З. А. Шашковым. С этого момента я полностью переключился на выполнение важного поручения ГКО.

Тогда же произошла смена командования Волжской флотилии.

К Д. Д. Рогачеву у меня не было больших претензий. Как уже говорилось, он хорошо проявил себя в начале войны, командуя Пинской флотилией. Заслуживает похвалы и его руководство Волжской флотилией в борьбе за Сталинград. Но Ставка дала флотилии новые сложные задачи. Командующему предстояло в спешном порядке организовать борьбу с немецкими минами

на всем протяжении реки от Астрахани до Куйбышева. Мне представлялось целесообразным поручить это более опытному в таком деле адмиралу. Вместе с Роговым думаем над кандидатурами новых командующего и члена Военного совета флотилии. Перебрали много фамилий. Понимали, что нельзя допустить ошибки, уж очень сложные задачи ложатся на флотилию.

Я остановился на контр-адмирале Юрии Александровиче Пантелееве. Знал я его давно, еще по совместной службе на крейсере "Червона Украина". После мы встречались с ним, когда он командовал соединениями кораблей, был начальником штаба Балтийского флота, а в самые труд-

ные для Ленинграда дни возглавлял Ленинградскую военно-морскую базу. После этого он работал в Главном морском штабе. Это был хороший организатор, а главное, ему довелось много работать с гражданскими организациями, и он быстро находил с ними общий язык. А это очень нужно было на Волге, где морякам приходилось работать рука об руку с речниками и местными партийными и советскими органами.

Членом Военного совета флотилии И. В. Рогов предложил назначить капитана 1 ранга Н. П. Зарембо, опытного политработника с Тихого океана.

Доложили Сталину. Он долго пытался свести сведения о каждом. Потом сказал:

— Хорошо. Сами представьте их Государственному Комитету Обороны.

Поздно ночью телефонным звонком поднимаем Пантелеева с постели, благо он оказался в Москве. На заседании ГКО чуть не произошло недоразумение. Пантелеева спросили, знает ли он Волгу. Тот ответил, что ни разу там не был.

— Даже в отпуск не плавали по Волге на пароходе?

— Ни разу, — повторил Пантелеев.

Все вопросительно смотрели не столько на Пантелеева, сколько на меня. Я сказал, что адмирал Пантелеев проверен в боях, это очень опытный моряк, а любой моряк с плаванием по реке должен справиться. К тому же его кандидатура уже одобрена Сталиным.

Пантелеева попросили подождать в приемной, а за длинным столом еще некоторое время продолжался спор. Наконец, назначение Юрия Александровича было утверждено. Вопрос о назначении Зарембо решался проще и быстрее.

Уже в машине я объяснил Пантелееву, в чем дело, и объявил о его назначении командующим Волжской военной флотилией.

— Что же вы меня раньше не предупредили?

— Некогда было. Нам и сейчас поспать не придется: приказано утром вылететь в Сталинград.

▲ Пантелеев Ю.А.

▲ Волжская флотилия

Накануне я встретился с Зарембо. Николая Петровича я знал еще по Тихому океану. Как-то он напомнил анекдотический случай. Мы с женой сидели в вагоне, когда с группой моряков вошел Зарембо. Я сказал жене:

— Знакомся, это тот самый Зарембо, на которого ссылался проходимец, занявший у нас двести рублей, конечно, без отдачи.

Зарембо удивленно уставился на меня.

— Какой проходимец?

— А я откуда знаю. Позвонил по телефону, пожаловался, что оказался в беде, и заявил, что обращается ко мне по рекомендации известного мне Зарембо. Делать нечего, вызвал я порученца и велел передать незнакомцу деньги, которые, на несчастье, оказались в кармане.

Зарембо расхохотался до слез.

— Представьте себе, наверное, тот же самый проходимец выцыганил у меня триста рублей, ссылаясь на вашу рекомендацию.

— Слушай, — сказал я, — нам лучше молчать об этом случае: со-

лидные люди и такие простофили. А впредь урок: не всякой рекомендации верить.

Беседа с Зарембо в Москве была деловой и короткой. Он понимал ответственность, какая на него возлагалась, и обещал не пожалеть сил, чтобы успешно выполнить задание.

Впоследствии он, свою работу на Волге описал в интересной книге воспоминаний "Волжские плесы". Там он рассказывает о многих людях флотилии — командирах, политработниках, коммунистах и комсомольцах, об экипажах гражданских судов, колхозниках приволжских деревень, которые вместе с моряками флотилии налаживали нормальное судостроительство на Волге.

Ю. А. Пантелеев в своей книге "Полвека на флоте" уделил много места событиям на Волге. Очень рекомендую читателям прочесть эти правдивые записки.

Начальником штаба флотилии утвердили капитана 1 ранга В. В. Григорьева, которого вскоре сменил капитан 2 ранга Н. Д. Сергеев.

8 мая с З. А. Шашковым и новым командующим Волжской флотилией я вылетел в Сталинград. Было около 14 часов. В прогретом воздухе самолет сильно бросало при порывистом ветре. Моторы работали с надрывом, на максимальных оборотах.

Мы с Шашковым обсуждали вопросы, интересовавшие нас обоих. Еще в Москве вместе с работниками Главного морского штаба решили, что для надежного обеспечения движения судов по Волге от Астрахани до Горького надо как можно быстрее увеличить количество тральщиков. Выделить пригодные для этого суда, обеспечить их переоборудование скорее всего мог Зосима Александрович Шашков.

"С чего начать? — думал я. — Тральщики в нужном количестве будут не сразу, а караваны уже идут, и корабли подрываются на минах". Ответ мог быть только один: прежде всего нужно знать, где и когда сброшены мины, тогда уже будет легче найти и вытралить их. Следовало развернуть большую сеть постов

▲ Рогачев Д.Д.

наблюдения. С этого и начал новый командующий. Для поощрения наблюдателей были выделены денежные средства. Но и без особого поощрения все прекрасно понимали, что о замеченных минах нужно докладывать. Объезжая участок реки где-то около Каменного Яра, мы с ним увидели стоявшую на берегу девушку, которая с волнением крикнула нам: "Совсем недавно вот здесь упала мина!" "Вы в этом уверены?" — спросил Юрий Александрович. Тем временем мы подошли к берегу, и девушка рукой показала место падения мины. Неподалеку от нас буксир тянул несколько барж, до предела загруженных топливом. Пантелеев хотел было остановить движение каравана, но в этот самый момент в указанном девушкой месте поднялся огромный столб воды и песка. Раздался оглушительный взрыв. Мина разорвалась сама по себе на быстром течении реки, не причинив никакого ущерба. Счастливый случай!

▲ Чуюнов А.С.

Когда мы прилетели в Сталинград, я на первое же совещание morning с руководителями пароходств пригласил секретаря обкома партии А. С. Чуюнова. Алексей Семенович оказал большую помощь новому командованию флотилии. Так бывало везде. Партийные и советские органы всегда помогали военным всем чем могли. Так было в Севастополе, Ленинграде, Сталинграде. Летом, когда борьба с вражеской авиацией переместилась вверх по реке в район Саратова и я снова по указанию Ставки вылетал на Волгу, то первым делом обратился к секретарю Саратовского обкома П. Т. Комарову. Тогда, в июне 1943 года, Саратов подвергался яростным налетам немецкой авиации. Отбивать их удавалось только дружными усилиями гражданских властей, зенитчиков ПВО страны и флотилии. Петр Тимофеевич Комаров был связан с моряками еще работая в Вологде, а теперь он приложил особенно много усилий для помощи Волжской флотилии.

Вместе с ним мы побывали в Энгельсе, когда немецкие самолеты рвались к мосту через Волгу. Немецких самолетов было много, но плотная завеса огня кораблей и береговых зениток сбивала их с боевого курса. Ни одна из бомб в мост не угодила. На наших глазах загорелась одна из цистерн нефтехранилища. Городские пожарные команды бесстрашно ринулись к очагу пожара, хотя вокруг еще падали бомбы. Огонь был быстро укрощен.

Пока я был на Волге, остававшийся за меня в Москве адмирал Л. М. Галлер каждый день докладывал мне, что Генеральный штаб постоянно справляется о делах на реке, требует отчета, сколько караванов с топливом прошло вверх по течению. Сражения на фронтах приобретали все больший размах, запасы горючего быстро истощались. Как-то со мной связался начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев. Просьба у него была одна: больше и больше топлива!

▲ Бакинская нефть

— Вы знаете, каждую баржу встречаем с нетерпением и ее содержимое сразу направляем в действующие части.

На Волге в короткий срок сотни гражданских судов — буксиров, катеров — были переоборудованы в тральщики. Каждый подозрительный участок приходилось тралить десятки раз — неизвестно было, на какую кратность ставились магнитные мины. На берегах реки появилось более четырехсот наблюдательных постов, следивших за каждым вражеским самолетом и за каждой сброшенной миной. В это дело включились тысячи добровольных помощников моряков — бакенщиков, местных жителей. И это дало свои результаты: суда перестали подрываться.

На протяжении недели вдоль Волги удалось развернуть сотни новых постов наблюдения. Но это было только начало. Главное и самое трудное еще предстояло.

За движением караванов следили не только в Главном морском штабе, но и в Генеральном штабе и даже в Государственном Комитете Обороны.

Обстановка на Волге докладывалась в Ставку ежедневно оперативными сводками Главного морского штаба.

В помощь флотилии на Волгу командировали начальника минно-торпедного управления Н. И. Шибалева. Удивительно спокойный и работоспособный человек, Николай Иванович проделал огромную работу по организации соединений тральщиков. Прежде всего он заботился о том, чтобы флотилия была обеспечена нужными тралами.

Противник выставил сотни мин новейшего образца. Кроме того,

на фарватерах оставалось немало мин, выставленных еще в 1942 году. Тральщики флотилии вытралили не менее 600 мин. Когда не хватало сил траления, использовались глубинные бомбы: несколько мощных взрывов в месте падения сброшенной немецким самолетом мины — и ее можно было считать нейтрализованной.

Для решительного усиления противовоздушной обороны караванов было спешно сформировано двести отдельных зенитных взводов. Они сопровождали караваны, а иногда даже отдельные особо ценные баржи. На берегу удалось создать 15 береговых батарей ПВО. Эти батареи прикрывали места стоянок караванов.

Помимо сопровождения караванов требовалось постоянно наблюдать за фарватерами и охранять их. Для этого было привлечено 25 хорошо вооруженных кораблей ПВО и 55 различных катеров. Так мы вынудили противника бомбить или сбрасывать мины только с больших высот, пренебрегая точностью попадания. Бомбы стали реже накрывать цель, а мины в основном ложились вне фарватеров.

Командиры бригад речных кораблей капитаны 1 ранга В. А. Кринов

▲ Перевозка грузов

и П. А. Смирнов отвечали за отведенные им районы, которые поделили на участки, чтобы можно было быстрее обнаруживать и тралить мины.

В прокладке новых фарватеров, обозначении их вехами и бакенами, а иногда и в спешной проводке караванов новыми путями главную роль играли гидрографы флотилии. Группа военных гидрографов, усиленная специалистами и работавшая в сотрудничестве с речниками — начальниками участков Волжского бассейна, справилась со своими сложными обязанностями.

Каждый караван на всем пути от Астрахани до места назначения охранялся кораблями флотилии — они отбивали попытки немецких самолетов бомбить суда с ценнейшим грузом.

Налеты на Саратов и Энгельс были последними попытками немцев в борьбе за Волгу. Напрасно Риббентроп в те дни заявлял:

“Как только будет установлено наше господство над главной коммуникационной артерией страны — над Волгой, нашему опаснейшему противнику будет нанесен такой удар, от которого он больше не оправится”. Не вышло. Значение “главной коммуникационной артерии” наше Верховное Главнокомандование понимало не хуже Риббентропа и приняло все

меры, чтобы защитить ее. Понимали это и моряки Волжской флотилии, которые порой шли на смертельный риск ради того, чтобы судоходство на Волге было бесперебойным. Случалось, что в ходе борьбы с минной опасностью мы теряли боевые корабли, но зато, как докладывал мне командующий флотилией, “ни одна баржа с топливом не подорвалась”. Если в июне 1943 года план перевозок был выполнен на 70 процентов, то в июле он был выполнен полностью. Я с радостью докладывал А. И. Микояну о ходе перевозок. Итоги таковы: за лето по реке прошло 8 тысяч судов. Они доставили более 7 миллионов тонн нефтепродуктов. Это говорит об успешном выполнении личным составом флотилии своего долга в трудную пору лета 1943 года.

— Ну как с перевозками на Волге? — спросил меня Сталин однажды в середине августа.

— По-моему, неплохо, — ответил я. Верховный похвалил моряков.

— В победе под Курском есть и их вклад, — сказал он. — Передайте это вашим товарищам.

Немцы не выдержали напряжения борьбы за Волжский путь и прекратили ее. По правде сказать, и у нас был момент, когда, казалось, поставь враг еще сотню-две мин, и движение

будет прервано. Но об этом знали только мы.

Однажды У. Черчилль сказал: “Англичане сначала учитывают обстановку, а затем составляют свои планы. Немцы же сначала составляют планы, а затем начинают учитывать обстановку”. И эти слова не лишены оснований. Над немцами, как правило, планы и инструкции довели больше, чем следует. В этом была своя и положительная и отрицательная сторона. Составив планы, к тому же неплохие, и получив приказ, немцы всеми силами старались провести их в жизнь и часто добивались успехов. Но, однажды составив планы, они с трудом отказывались от них и плохо учитывали обстановку. В борьбе за Волгу как стратегическую коммуникацию они точно выполнили план, поставив на этот раз 300 мин (так гласил приказ). Однако они не оценили обстановку и, прекратив операцию, дали нам возможность обеспечить фронты топливом.

К осени 1943 года волжские фарватеры стали вполне надежными, но флотилия продолжала очищать от мин подозрительные районы.

Трудно выделить кого-либо из участвовавших в этом опасном деле. Рисковали поголовно все. Хочется только сказать, что на тральщиках служило много девушек-краснофлотцев. По отзывам командования, в мужестве они ничуть не уступали мужчинам.

Траление мин на Волге продолжалось еще долго. А фронт уходил все дальше на запад.

На Волге выросли замечательные кадры моряков. Уже в конце лета 1943 года мы стали черпать оттуда кадры для вновь создаваемой Днепровской флотилии. Моряки уходили на Днепр со своими кораблями: катера грузили на платформы и перевозили по железной дороге. Много бронекатеров вместе с командами перебрасывалось на юг. Они участвовали в Керченско-Эльтигенской десантной операции, а затем действовали на Дунае.

В июне 1944 года Волжская флотилия была расформирована. ■

▲ Волга

СОСТОЯНИЕ ТЫЛА КРАСНОЙ АРМИИ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ

Высокий уровень технического оснащения Красной Армии, достигнутый благодаря успехам социалистической экономики в годы первых пятилеток, увеличение ее численности и угроза надвигавшейся войны настоятельно требовали разработки новых форм и способов работы тыла по всестороннему обеспечению войск.

Коммунистическая партия и Советское правительство считали подготовку Тыла Красной Армии к войне одной из важных государственных задач. В основу этой работы было положено известное ленинское положение о том, что «для ведения

войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены».

При разработке структуры Тыла Красной Армии, принципов его организации и работы использовался опыт прошлых войн, особенно первой мировой и гражданской, учитывались социально-экономические, политические и другие условия периода, предшествовавшего Великой Отечественной войне. Большую роль

в решении чрезвычайно сложных проблем предвоенного строительства Тыла Красной Армии сыграли теоретические работы выдающегося советского полковника М. В. Фрунзе и других видных военачальников.

В целях проверки разработанных теоретических положений в ряде военных округов в предвоенные годы были проведены специальные тыловые учения с реальным развертыванием войскового, армейского и фронтового тыла. Выводы этих учений были положены в основу разработки первых уставов по тылу. Еще в 1934 г. был утвержден Устав тыла РККА, часть 1 — «Войсковой тыл»;

в 1936 г. войска получили Устав тыла РККА, часть 2 — «Армейский тыл».

В дальнейшем при разработке вопросов теории тылового обеспечения учитывался опыт работы тыла во время боевых действий в районе реки Халхин-Гол, в Испании, Финляндии и Западной Европе. На этой основе был разработан и в 1941 г. издан новый проект Устава тыла РККА (часть 1 — «Войсковой и армейский тыл»). В этот же период вышли в свет и другие важные наставления и инструкции по работе тыла, в частности Наставление по военным дорогам, Наставление по работе грунтового участка военной дороги и другие.

Накануне Великой Отечественной войны непосредственное руководство тылом центра, военных округов (фронтов), армий, соединений и частей осуществляли общевойсковые штабы. Такой порядок основывался на предположении, что в маневренной войне только общевойсковые штабы будут постоянно осведомлены об оперативной и тыловой обстановке и наиболее правильно

смогут организовать работу тыла при подготовке и в ходе операций. На начальников штабов возлагалась персональная ответственность за организацию и работу тыла по всестороннему обеспечению войск при ведении боевых действий. В составе Генерального штаба Красной Армии имелось Управление устройства тыла и снабжения, в штабах военных округов (фронтов), армий и корпусов — отделы тыла, в штабах дивизий — отделения тыла, в полку — помощник начальника штаба по тылу.

Вопросами планирования, организации и осуществления железнодорожных и водных перевозок, восстановления и заграждения железнодорожных коммуникаций ведало Управление военных сообщений Красной Армии, подчиненное начальнику Генерального штаба. В штабах военных округов (фронтов) и армий имелись отделы военных сообщений, подчиненные непосредственно начальнику штаба. Руководство военно-автомобильными (шоссейными и грунтовыми) до-

рогами, организация и осуществление подвоза материальных средств войскам автомобильным и гужевым транспортом были сосредоточены в отделах тыла, в составе которых накануне войны были созданы отделения автомобильно-дорожной службы. За снабжение войск материальными средствами, техническое, медицинское и ветеринарное обеспечение отвечали соответствующие начальники родов войск и служб, подчиненные непосредственно командующему (командиру). Заместитель (помощник) начальника штаба по тылу должен был направлять работу начальников родов войск и служб по обеспечению и обслуживанию войск.

Таким образом, общевойсковые штабы, отвечая за устройство тыла, планирование материального обеспечения и организацию подвоза материальных средств оперативным объединениям, соединениям и частям, не несли непосредственной ответственности за снабжение войск, так как службы тыла им не подчинялись.

▲ Авто-бронетанковая служба

▲ Служба снабжения горючим

Снабжение войск материальными средствами в мирное время осуществлялось по схеме: центр — округ — дивизия — часть. Наличие в схеме снабжения дивизионного звена позволяло в случае войны быстро перейти на схему снабжения центр — фронт — армия — дивизия — часть.

В центре, в военных округах (фронтах и армиях) имелись следующие службы снабжения и обеспечения: артиллерийского, инженерного, интендантского (продовольственно-фуражного, вещевого и обочно-хозяйственного), автобронетанкового снабжения; снабжения имуществом противохимической защиты, средствами связи, горюче-смазочными материалами; санитарная, ветеринарная и финансовая службы.

В соответствии с предвоенными взглядами на характер будущей войны считалось, что с момента объявления войны до начала военных действий пройдет некоторое время и главные силы вступят в сражение ориентировочно через несколько суток. Исходя из данной предпосылки,

планировалось и мобилизационное развертывание тыла. В первую очередь должны были отобилизоваться тыловые части и учреждения армий прикрытия в большинстве приграничных военных округов, а также основных сил авиации и войск ПВО. Затем одновременно с отобилизованием основных частей и соединений должны были отобилизоваться армейские тыловые части и учреждения большинства военных округов. Фронтные тыловые части и учреждения, военно-учебные заведения и запасные части планировалось отобилизовать после развертывания фронтов, а запасные части и стационарные учреждения в глубине территории страны — в последнюю очередь. Поэтому в мирное время содержалось лишь минимальное количество органов стратегического, оперативного и войскового тыла, необходимое для обеспечения повседневной деятельности войск и развертывания тыла в установленные мобилизационными планами сроки.

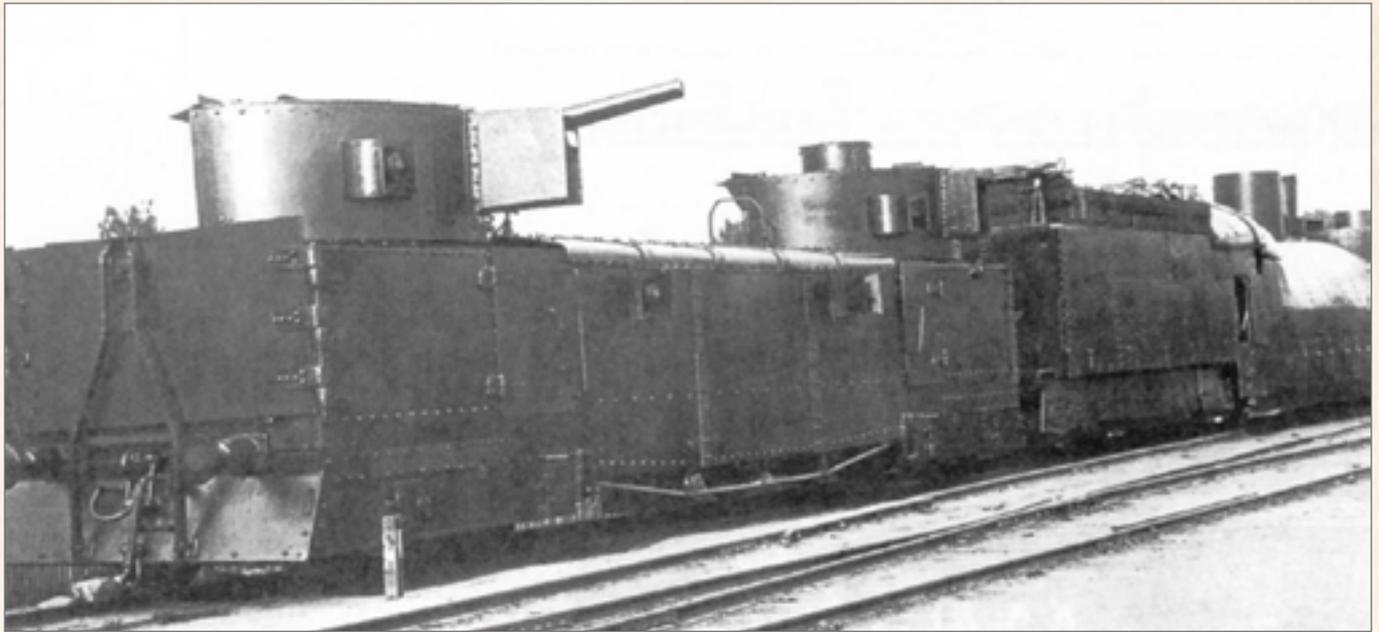
Фронтной и армейский тыл предполагалось развернуть на базе

около стационарных тыловых частей и учреждений. Общее количество тыловых частей и учреждений фронта зависело от его задачи и численного состава и могло, по довоенным взглядам, достигать 400–500 единиц.

Для размещения тыловых частей и учреждений и использования местной материально-технической базы фронту определялся тыловой район, глубина которого могла достигать 500 км. В пределах фронтного тылового района должно было проходить два-три железнодорожных направления, на которых назначались две-три распорядительные станции (РС).

Предполагалось, что фронтной тыл будет стационарным, поэтому на его складах намечалось содержать крупные запасы материальных средств: 3–10 боекомплектов боеприпасов, до 10 заправок горючего, 30 суток продовольствия и фуража. Фронтные склады должны были развертываться вблизи железнодорожных станций с таким расчетом, чтобы при подвозе материальных

▲ Железнодорожные войска

средств из внутренних военных округов к ним и из них в армии исключались переkreщивания маршрутов. Все тыловые части, учреждения и запасы материальных средств требовалось размещать рассредоточенно, чтобы уменьшить потери от ударов авиации противника.

Армейский тыл, как и фронтовой, был также многочисленным. Общее количество армейских тыловых частей и учреждений достигало 90—100 единиц, а личного состава в них — до 10—15 тыс. человек. Все эти части и учреждения предполагалось развернуть на территории армейского тылового района глубиной от 75 до 175 км. На армейских складах содержалось 1—2 боекомплекта боеприпасов, 3 заправки горючего и 5—8 сутодач продовольствия и фуража.

Каждой армии выделялся самостоятельный железнодорожный (водный) участок, на котором назначались: распорядительная станция (пристань), основная армейская станция (пристань) (ОАС), станции (пристань) снабжения по числу стрелковых и механизированных корпусов (СС), станция для снабжения авиасоединений, а на восстанавливаемом участке — головная станция (ГС).

Железнодорожные участки армий, как правило, дублировались

и усиливались армейскими автомобильными дорогами. Армейская автомобильная дорога связывала все станции снабжения на железнодорожном участке армии. Она обслуживалась дорожно-эксплуатационным полком армии, командир которого являлся и начальником дороги. При отрыве войск от станций снабжения на расстояние, превышающее нормальную глубину войскового тылового района (свыше 75 км), за каждым корпусом развертывался грунтовый участок дороги.

Стрелковые корпуса не имели снабженческих функций и своих штатных тыловых учреждений и частей, за исключением ветеринарного лазарета.

Тыловые части соединений и частей размещались в войсковых тыловых районах глубиной до 75 км. В целях обеспечения подвижности войскового тыла предусматривалось все запасы материальных средств держать лишь в транспорте дивизий и полков. На стыках звеньев подвоза предполагалось развертывать дивизионные обменные пункты для передачи материальных средств с дивизионных транспортных средств на полковые.

Принятая организация тыла predeterminedила и систему восполне-

ния израсходованных запасов материальных средств путем подвоза. В стратегическом и оперативном звеньях тыла подвоз осуществлялся в основном железнодорожным (водным) транспортом по принципу «от себя» (сверху вниз). Все транспорты со снабженческими грузами следовали в адрес распорядительных станций фронта. Отсюда грузы поступали на фронтовые склады или переадресовывались на распорядительные станции (станции снабжения) армий.

Подвоз материальных средств в войсковом тылу осуществлялся по принципу «на себя», то есть полк своим транспортом подвозил запасы материальных средств из дивизии (дивизионного обменного пункта), а дивизия — со станций снабжения (армейских складов). Если в ходе наступления войска отрывались от этих станций на 75—100 км, дивизионный транспорт подвоза материальных средств в меру необходимости усиливался армейским автомобильным транспортом, передаваемым в распоряжение начальника грунтового участка. При удалении войск от станции снабжения более чем на 100 км на грунтовом участке у тыловой границы войскового тылового района предполагалось развернуть пере-

довой армейский склад с отдельными перегрузочными площадками по видам снабженческих грузов. Для подвоза материальных средств от станции снабжения до передового армейского склада в распоряжение начальника грунтового участка дополнительно выделялся автомобильный транспорт.

В Военно-Воздушных Силах к началу войны были созданы необходимые органы управления тылом, а также специализированные тыловые части и учреждения. Они входили в состав авиационных соединений и осуществляли строительство, оборудование и ремонт аэродромов, обслуживание и ремонт авиационной материальной части, снабжение авиационно-техническим имуществом, авиационным вооружением и боеприпасами. Снабжение авиационных соединений и частей общевойсковыми видами материальных средств, медицинское, дорожное и некоторые другие виды тылового обеспечения

осуществлялись силами и средствами тыла военных округов и фронтов.

По довоенным, взглядам считалось, что тыл ВВС в военное время должен увязывать свою работу по обеспечению авиации с работой тыла общевойсковых объединений (фронтов и армий), в полосах действий которых он развертывался. На железнодорожных направлениях фронтов и участках армий для авиационных соединений предполагалось выделять специальные железнодорожные станции.

В феврале 1941 г. по решению партии и правительства была начата реорганизация тыла ВВС. Опыт показал, что наличие в составе авиасоединений тыловых частей и учреждений резко снижает их маневренность. Поэтому тыловые части и учреждения выводились из непосредственного подчинения командиров авиасоединений и организовывались по территориальному признаку. В военных округах

создавались районы авиационного базирования (РАБ), в состав которых входили авиационные базы по числу авиационных дивизий. Для обслуживания авиационных полков в базах создавались батальоны аэродромного обслуживания, из расчета один батальон на полк.

Войска ПВО страны до войны, по существу, не имели своего тыла. Их авиацию обслуживал тыл ВВС, а по общевойсковым видам снабжения и обеспечения их потребности удовлетворялись через тыл военных округов, на территории которых они дислоцировались.

Таким образом, уже в то время тыл оперативных объединений Сухопутных войск рассматривался как основа тылового обеспечения всех видов Вооруженных Сил на театрах военных действий.

В соответствии с принятым порядком развертывания тыла и организации тылового обеспечения войск с началом военных действий

▲ Военно-транспортная авиация

в предвоенные годы большое внимание уделялось подготовке театров военных действий в военно-тыловом отношении. Она проводилась с таким расчетом, чтобы в начале войны каждый фронт получил готовую базу для тылового обеспечения войск — железнодорожные, водные, автомобильные и воздушные пути, склады с запасами материальных средств, продовольственные предприятия, ремонтные мастерские, медицинские и ветеринарные учреждения. Наряду с мероприятиями по созданию и развитию единой взаимоувязанной сети транспортных коммуникаций широким фронтом велись работы по строительству и реконструкции аэродромов, баз, складов, созданию и размещению запасов материальных средств.

Генеральным штабом совместно с главными и центральными управлениями Наркомата обороны СССР в 1940 г. и в первые месяцы 1941 г. были исчислены потребности войск в боевой и транспортной технике,

вооружении, боеприпасах, горючем, продовольствии и фураже, вещевом имуществе на ведение войны. Эти данные легли в основу подготовки материально-технической базы для всестороннего тылового обеспечения войск действующей армии и новых воинских формирований в мирное время и с началом войны, а также определения размеров мобилизационных и неприкосновенных запасов.

Определяя размеры мобилизационных и неприкосновенных запасов, Генеральный штаб исходил из необходимости обеспечения Вооруженных Сил материальными средствами в период перевода народного хозяйства на рельсы военного производства. В основу расчетов ложилась предполагаемая численность войск на данном ТВД, их задачи, а также принятые в то время нормы расхода материальных средств в операциях. Считалось, например, что на наступательную операцию фронту необходимо иметь 2,5–3 боекомплекта

боеприпасов, 5–6 заправок автомобильного бензина, 3–4 заправки авиационного горючего.

Количество ремонтных предприятий для фронтов на каждом ТВД определялось наличием в них боевой, транспортной и специальной техники, а также предполагаемым числом ее капитальных ремонтов при подготовке и в ходе операций и в течение года.

При развертывании госпиталей на театрах военных действий из общей коечной сети 30 процентов располагалось в армейских тыловых районах, 45 — во фронтовых и 25 процентов — в глубине территории страны. Для будущих госпиталей готовилось необходимое имущество, оборудование и медикаменты, заблаговременно приспособлялись предусмотренные для этой цели здания (школы, дома отдыха и т. д.).

Осенью 1939 г. Генеральный штаб и отделы тыла военных округов произвели учет экономических возможностей театров военных действий

▲ Железнодорожные войска

▲ Железнодорожные войска

по состоянию на 31 декабря. Были учтены промышленные и ремонтные предприятия всех наркоматов, объем сельскохозяйственного производства, емкости складских помещений, средства хлебопечения, мясоразделочные и мукомольные предприятия, лечебные учреждения. В результате была определена реальная экономическая база на каждом театре, выявлены недостатки, намечены меры по их устранению.

Что касается дислокации тыловых частей и учреждений и запасов материальных средств, то она в основном соответствовала планам мобилизационного развертывания группировок войск. Так как обеспечение этих группировок возлагалось на военные округа, главным образом приграничные, то с целью снижения объема снабженческих перевозок большинство мобилизационных запасов содержалось на окружных складах. Из числа имевшихся на 1 июня 1941 г. складов значительная часть находилась в западных военных округах.

В общем комплексе мероприятий по укреплению и развитию

Тыла Вооруженных Сил в предвоенный период важное место занимала подготовка специальных войск (железнодорожных, автомобильных, дорожных) и служб тыла.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ВОЙСКА содержались по штатам мирного времени и входили в Народный комиссариат обороны (НКО) и Народный комиссариат путей сообщения (НКПС). Они состояли из отдельных железнодорожных бригад, полков и батальонов, отдельных эксплуатационных полков и других частей. Железнодорожные войска обоих наркоматов насчитывали 13 бригад (97,1 тыс. человек). С началом войны их штатная численность должна была резко возрасти.

Однако для восстановления девятнадцати западных железнодорожных направлений, по расчетам Управления военных сообщений Советской Армии, требовалось по меньшей мере 257 тыс. человек — на 87 тыс. больше установленной численности железнодорожных войск в военное время. Для покрытия этой потребности предусматривалось

организовать в системе трудовых резервов подготовку специализированных отрядов призывников общей численностью 100 тыс. человек.

К началу войны десять железнодорожных бригад находилось на строительстве железных дорог в западных приграничных военных округах (3 — в Западном военном округе, 4 — в Киевском, 3 — в Одесском) и 3 — на Дальнем Востоке.

При восстановлении железнодорожных коммуникаций в ходе финляндско-советского конфликта 1939/40 г. выявились некоторые недочеты в комплектовании, техническом оснащении и обучении железнодорожных войск. Недостаточная техническая оснащенность частей железнодорожных войск и суровые условия зимы 1939/40 г. не позволили добиться высоких темпов восстановления железных дорог на Карельском перешейке. В сутки восстанавливалось 1,5–4,5 км вместо 10–12 км, предусмотренных оперативными расчетами. Обобщив боевой опыт железнодорожных войск, Генеральный штаб и органы тыла центра приступили к созданию ча-

▲ Авто-бронетанковая служба

стей железнодорожных войск, специализировавшихся на выполнении определенных строительных и восстановительных работ (путевые, мостовые, связи). Предусматривалось также улучшить их обеспечение средствами механизации наиболее тяжелых и трудоемких работ. Началась переработка устаревших положений и наставлений по восстановлению и заграждению железных дорог в военное время. Были пересмотрены штаты и таблицы железнодорожных частей, подчиненных НКО. С февраля 1941 г. началась коренная реорганизация железнодорожных войск.

Исключительно быстро развивались **АВТОМОБИЛЬНЫЕ ВОЙСКА**. Только за четыре предвоенных года количество автомобилей в Красной Армии увеличилось в 7 раз и на 20 июня 1941 г. составляло 273 тыс., в том числе 257,8 тыс. грузовых. Это обеспечивало штат-

ную потребность военного времени на 41,2 процента. Такая укомплектованность армии автомобильным транспортом в мирное время с учетом сравнительно ограниченного количества автомобилей в стране была достаточно высокой.

Состав автомобильного парка Советской Армии по типам и маркам машин приведен в табл. 1.

Техническое состояние автомобильного парка к началу войны было вполне удовлетворительным.

Распределение автомобильного парка по военным округам показано в табл. 2.

Основное количество автомобилей, поступавших в армию, шло на укомплектование соединений и частей. Во всех дивизиях были созданы автомобильные батальоны или роты подвоза.

Автомобильные части создавались также в оперативном и цент-

ральном звеньях тыла. При определении их состава Генеральный штаб исходил главным образом из потребности автотранспорта для перевозок войск, так как подвоз материальных средств, по существовавшим в то время взглядам, вплоть до армейских станций (пристаней) снабжения, возлагался в основном на железнодорожный (водный) транспорт. По состоянию на 22 июня 1941 г. в непосредственном подчинении оперативных объединений и центра насчитывалось 19 автомобильных полков, 37 отдельных автомобильных батальонов, отдельная автомобильная рота и 65 автомобильных депо (27,3 тыс. автомобилей, то есть 10 процентов состава автопарка Советской Армии). В западных приграничных военных округах находилось 9 автомобильных полков, 6 отдельных батальонов и 8 депо, во внутренних и южных округах — 4 автомобильных

Таблица 1

Тип автомобиля	Количество, тыс. шт.	Тип автомобиля	Количество, тыс. шт.
Грузовые	257,8	Легковые	14,8
В том числе:		В том числе:	
ГАЗ-АА	151,1	М-1	10,5
ЗИС-5	104,2	ЗИС-101	0,6
ЯГ-6	1,6	прочие	3,7
прочие	0,9		

Таблица 2

Военные округа	Количество автомобилей, тыс. шт.	% автопарка Советской Армии
Западные приграничные округа (Ленинградский, Западный, Киевский, Одесский)	149,3	54,6
Внутренние округа (Московский, Орловский, Харьковский, Северо-Кавказский, Закавказский, Приволжский, Архангельский, Среднеазиатский, Уральский, Сибирский)	59,7	21,9
Забайкальский и Дальневосточный	63,6	23,5

полка, 10 отдельных батальонов и 57 депо, в Забайкальском и Дальневосточном военных округах — 6 автомобильных полков и 21 отдельный батальон.

В мобилизационный период развертывание автомобильных частей возлагалось главным образом на автомобильные депо и автомобильные части. За счет призыва личного состава из запаса и техники из народного хозяйства некоторые автополки должны были развернуться в бригады, а 65 депо — в автотранспортные батальоны.

Следует отметить, что перед войной еще не было единой автотранспортной службы, которая могла бы быстро развернуться с началом войны и обеспечить надежное руководство работой автомобильного транспорта. Вопросы формирования автомобильных частей, использования автотранспорта, его ремонта и снабжения техническим имуществом были рассредоточены между автодорожным отделом Управления устройства тыла и снабжения Генерального штаба и Автобронетанковым управлением Советской Армии.

Подготовка **дорожных войск** в предвоенные годы осуществлялась двумя Наркоматами: обороны и внутренних дел. В системе НКО на военное время предусматривалось формирование дорожно-эксплуатационных полков, предназначенных для производства ремонтных работ шоссейных и грунтовых дорог, организации и осуществления регулирования движения, этапной службы и связи на них, а также для управления воинскими автомобильными перевозками на фронтовых и армейских автомобильных дорогах.

Формирование дорожно-строительных и мостостроительных частей возлагалось на Главное управление шоссейных дорог НКВД. Для технического руководства этими частями и их материального обеспечения на военное время создавались полевые органы Главного управления шоссейных дорог — головные дорожные отделы и головные базы при штабах армий и управления уполномоченных Гушосдора при штабах фронтов.

Опыт организации и использования дорожных частей в период боевых действий на р. Халхин-Гол

и на Карельском перешейке показал, что для строительства, восстановления и обслуживания дорог во фронтовом и армейском тылу потребуются большое количество дорожных частей. К концу финляндско-советского конфликта автомобильные дороги каждой армии в среднем обслуживало 8,5–9 тыс. человек. Этот опыт также настоятельно требовал организации военно-автомобильных дорог не только в качестве продолжения железнодорожных коммуникаций и водных путей (грунтовые участки), но и дорог, идущих параллельно действующим железнодорожным направлениям фронтов и участкам армий. В ходе финляндско-советского конфликта впервые в истории тыла Красной Армии были организованы военно-автомобильные дороги Верховного Главнокомандования (Волховстрой — Питкаранта и Обозерская — Сорокская), сыгравшие исключительно важную роль в обеспечении войск.

В марте 1941 г. дорожные части Красной Армии были почти полностью расформированы. Для обеспечения развертывания до-

рожно-эксплуатационных частей в мобилизационный период в НКЮ было оставлено 8 учебных дорожно-эксплуатационных полков и 35 кадрированных управлений дорожно-эксплуатационных полков. На их базе предусматривалось развернуть в течение пяти — восьми дней дорожно-эксплуатационные полки по линии НКЮ, отдельные дорожно-эксплуатационные батальоны и отдельные мостостроительные батальоны по линии Гушосдора НКВД. Данное количество дорожных частей обеспечивало каждую из развертываемых армий примерно двумя батальонами.

В целях обеспечения формируемых частей военно-дорожным имуществом на территории Ленинградского, Западного, Киевского и Дальневосточного военных округов Гушосдором НКВД создавались мобилизационные базы. Для технического оснащения дорожных частей требовалось свыше 4,5 тыс. автомобилей, около 2,2 тыс. тракторов и 150 подвижных компрессоров, а также значительное количество других дорожных машин и механизмов — бульдозеров, лесорам, подвижных электростанций и т.п. Необходимый парк этих машин приписывался к частям из гражданских дорожных орга-

низаций. На период формирования дорожных частей содержание дорог с началом военных действий в приграничных военных округах возлагалось на местные дорожно-эксплуатационные организации.

Помимо формирования дорожно-строительных частей перед Гушосдором НКВД в мобилизационный период стояла задача постройки наплавных мостов через Неман (двух), Западную Двину (двух), Днепр (четыре) и т.д. Для этого в приграничных военных округах создавались запасы необходимых материалов и оборудования.

Специальных частей **военно-транспортной авиации** в предвоенные годы создано еще не было. Задача обеспечения Красной Армии воздушным транспортом в военное время возлагалась на Главное управление Гражданского воздушного флота (ГВФ) под оперативным руководством Наркомата обороны. Планировалось формирование в мобилизационный период из состава территориальных республиканских управлений ГВФ особых фронтовых авиационных групп и отрядов транспортной авиации. Эти группы передавались в оперативное подчинение командования Военно-Воздушных Сил фронтов и флотов.

Оно устанавливало их дислокацию и порядок использования. За Главным управлением ГВФ сохранялось административное, хозяйственное и финансовое руководство и техническое обеспечение.

В ходе финляндско-советского конфликта была создана особая Северная группа Гражданского воздушного флота (ОСГ ГВФ) для доставки материальных средств войскам, действовавшим в отрыве от баз снабжения, и эвакуации раненых. Это был первый опыт использования транспортной авиации ГВФ в военных целях. ОСГ ГВФ доставила войскам 2664 т различных грузов и эвакуировала 21 тыс. раненых. Летом 1940 г. вновь была создана особая транспортная группа Гражданского воздушного флота для обеспечения частей Красной Армии, освобождавших Бессарабию.

Опыт работы особых авиационных групп был положен в основу подготовки гражданской авиации к воинским перевозкам и имел большое значение при планировании работы военно-транспортной авиации в годы войны.

В 1941 г. Главное управление Гражданского воздушного флота развернуло большую работу по подготовке формирования с объявлением

▲ Военно-транспортная авиация

▲ Военно-транспортная авиация

мобилизации фронтовых авиационных групп и отрядов из состава территориальных управлений ГВФ. Часть авиационных групп предназначалась для использования в составе фронтовых объединений на Западном направлении и три отряда — в составе Балтийского, Черноморского и Северного флотов. На их укомплектование выделялось более 50 процентов имевшихся транспортных самолетов, летно-подъемного, технического и обслуживающего персонала. Для обеспечения этих формирований специальным имуществом были установлены нормы мобилизационных запасов материальных средств и резервных фондов материалов для ремонта самолетов. К началу войны было накоплено мобилизационных запасов в пределах 57 процентов установленных норм.

Остальная часть транспортной авиации Гражданского воздушного флота предназначалась для перевозок срочных и наиболее важных воинских и народнохозяйственных

грузов в глубине страны. Управление этими перевозками сохранялось за территориальными управлениями Гражданского воздушного флота.

В последние предвоенные годы начались работы по созданию **трубопроводных войск**. Практика использования складских трубопроводов свидетельствовала о целесообразности использования магистральных трубопроводов для подачи войскам горючего, а следовательно, и создания специальных трубопроводных частей. В сентябре 1940 г. Управление снабжения горючим Красной Армии приступило к разработке проекта магистрального трубопровода, который был в основном завершен к маю 1941 г. Однако начавшаяся война задержала его осуществление.

Несмотря на значительный уровень моторизации Красной Армии, большой удельный вес в подвозе материальных средств войскам к началу войны по-прежнему занимал гужевой транспорт, особенно

в войсковом тылу. В подразделениях и частях стрелковых войск, артиллерии и коннице не только сохранялся, но и усиливался конный обоз. Полная его замена автомобильным транспортом планировалась на 1941 год только в моторизованных и авиационных частях. В составе стрелковой дивизии на военное время по штатам 1941 года насчитывалось 3039 лошадей. Грузоподъемность обоза достигала 352 т. Широко использовался гужевой транспорт и для укомплектования армейских тыловых частей и учреждений, формируемых в мобилизационный период.

Следует сказать, что на военное время войскам требовалось почти в 2,5 раза больше конского состава, чем его имелось в наличии. Для обеспечения этой потребности в каждом колхозе, совхозе и других государственных и кооперативных организациях заблаговременно готовились в фонд обороны 5 процентов лошадей, 10 процентов повозок с упряжью от общего наличия

в совхозах и других государственных предприятиях и одна повозка с упряжью от каждых 50 колхозных дворов.

Служба артиллерийского снабжения, ведавшая вопросами обеспечения войск вооружением и боеприпасами, в предвоенные годы находилась в подчинении Главного артиллерийского управления (ГАУ) Красной Армии. На нее возлагалось планирование, накопление необходимых запасов вооружения и боеприпасов, их распределение и доставка войскам, организация эксплуатации, обслуживания и ремонта вооружения.

Размеры мобилизационных запасов боеприпасов Генеральный штаб и ГАУ исчисляли из потребности в них на первые месяцы войны. Для Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского, Закавказского и Среднеазиатского округов запасы планировались на меньший срок, для Забайкальского и Дальневосточного — на больший. Остальные запасы находились в резерве центра.

К началу 1941 г. Главное артиллерийское управление Красной Ар-

мии имело в своем распоряжении центральные снарядно-сборочные базы, в том числе несколько из них западнее меридиана Москвы, центральную пороховую базу и более десяти складов боеприпасов. На этих складах и базах хранилось необходимое количество боеприпасов для орудий и минометов. Кроме того, боеприпасы содержались на окружных артиллерийских складах.

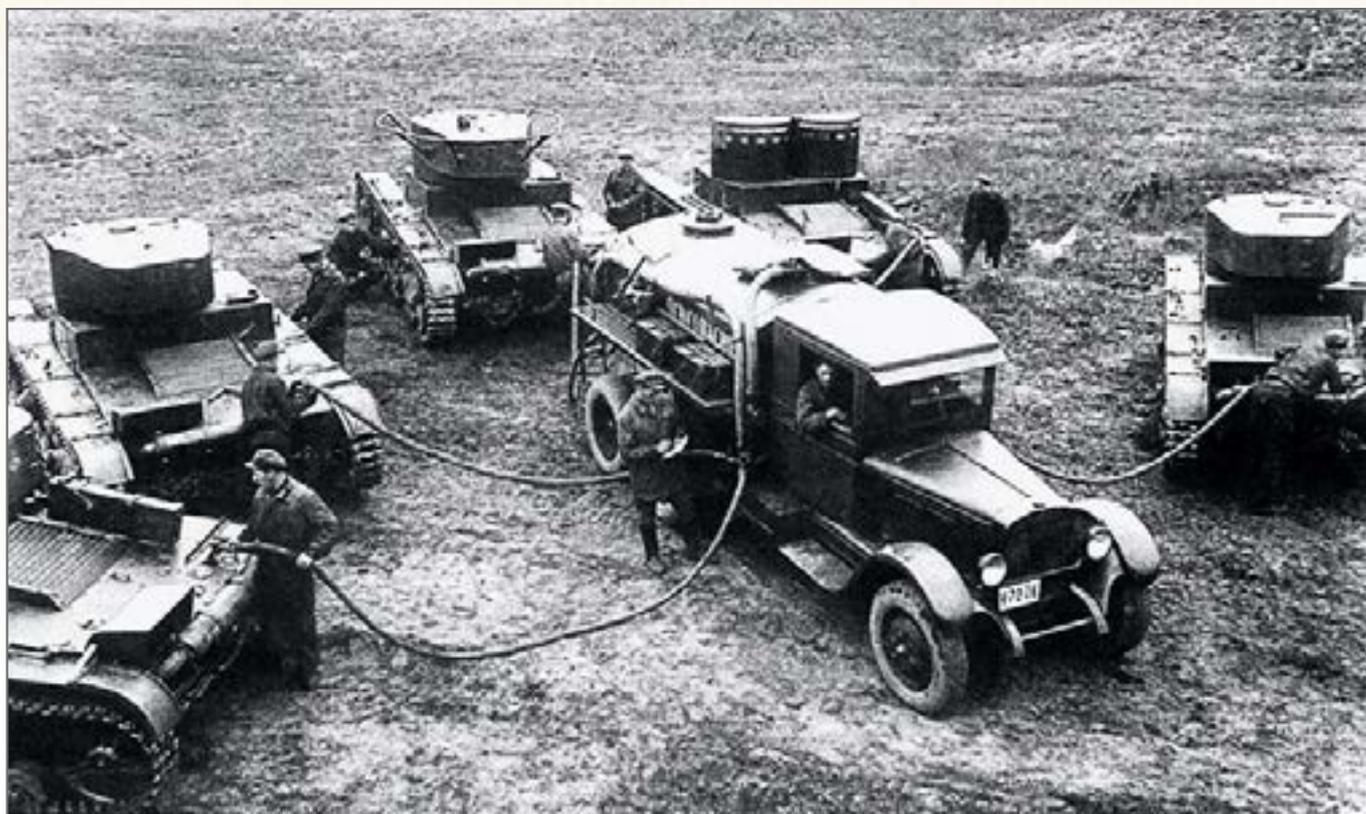
Таким образом, общие запасы боеприпасов к артиллерии и минометам были значительны. Часть их была сосредоточена на центральных складах во внутренних округах, часть — на окружных складах западного направления и меньшая часть — на Дальнем Востоке. Наличие больших запасов боеприпасов в непосредственном распоряжении Главного артиллерийского управления создавало благоприятные условия для широкого маневра ими в случае войны.

Склады боеприпасов на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном стратегических направлениях размещались на территории, уда-

ленной от государственной границы на 50—700 км. Около одной четверти запасов боеприпасов находилось на удалении 50—200 км от государственной границы. Это объяснялось необходимостью обеспечить предполагаемые боевые действия войск с началом войны.

Помимо мобилизационных запасов служба располагала неприкосновенными запасами, содержащимися в войсках. По директиве Генерального штаба, изданной в августе 1940 г., к 1 октября 1940 г. их размеры в войсках западных приграничных военных округов необходимо было довести в стрелковых дивизиях до 1,25 боекомплекта, в кавалерийских, танковых и моторизованных дивизиях (бригадах) — до 3 боекомплектов танковых боеприпасов и до 1,5 боекомплекта по остальным боеприпасам, в артиллерийских полках стрелковых корпусов и резерва Верховного Главнокомандования — до 1,5 боекомплекта.

Служба снабжения горючим была одной из самых молодых служб Тыла Красной Армии. До 1936 г.

▲ Служба снабжения горючим

▲ Служба снабжения горючим

обеспечение войск горючим осуществлялось через инженерную службу.

Резкое увеличение потребления горючего и смазочных материалов армией и флотом вызвали необходимость создания соответствующих запасов на случай войны. Существовавшая система снабжения войск больше не отвечала предъявляемым требованиям, поэтому в феврале 1936 г. было принято решение о создании в системе НКО Управления снабжения горючим Красной Армии и отделов снабжения горючим в военных округах. Приказом Народного комиссара обороны в феврале 1936 г. шестой отдел Генерального штаба был преобразован в Управление снабжения горючим Красной Армии (УСГ). Соответствующие преобразования были проведены и в военных округах.

Развернулась большая работа по подбору и подготовке кадров,

созданию широкой сети военных складов горючего, разработке и производству технических средств, накоплению неприкосновенных и мобилизационных запасов, разработке руководящих документов и мобилизационных планов, а также организации контроля за правильным применением, хранением и экономным расходом горючего.

Основные трудности в создании запасов горючего были связаны с недостатком емкостей, особенно в Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах. Строительство складов горючего на территории Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтийских республик началось только с лета 1940 г. и требовало значительных денежных затрат. Но несмотря на большие трудности, связанные с нехваткой денежных средств, строительных материалов и оборудования, в предвоенные годы была проделана боль-

шая работа по строительству складов горючего. К началу войны служба снабжения горючим располагала достаточной емкостью складов. При этом большая часть всех складов находилась в приграничных военных округах.

До 1940 г. запасы горючего в Красной Армии создавались распоряжением Народного комиссара обороны за счет резервов, которые выделялись Экономическим Советом при Совнаркоме СССР на текущее снабжение. В июле 1940 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР по предложению Народного комиссара обороны приняли постановление «О плане накопления государственных резервов и мобилизационных запасов на 1940 год». Этим постановлением предусматривалось к маю 1941 г. накопить значительные мобилизационные запасы горючего, в том числе авиационных бензинов, автотракторного горючего, авиационного масла,

▲ Служба снабжения горючим

автола, солидола и дизельного масла, что обеспечивало потребность войск приграничных и внутренних военных округов.

К 1 июня 1941 г. в системе Народного комиссариата обороны было накоплено 96,8 процента установленных мобилизационных запасов горючего. Почти половина их размещалась на базах Главнефтебьита в глубине территории страны.

Такое размещение мобилизационных запасов не в полной мере отвечало требованиям военного времени. Поэтому Советское правительство по предложению Генерального штаба в июне 1941 г. утвердило план перемещения более 100 тыс. т горючего из внутренних районов страны на базы Главнефтебьита в западные приграничные военные округа, а также замены 33 тыс. т горючего мобилизационного запаса, хранящегося на нефтебазах Главнефтебьита в глубинных районах, запасами государственного резерва, расположенного на территории приграничных военных округов.

Кроме мобилизационных запасов создавались неприкосновенные запасы горючего в войсках. Нормы их содержания определялись приказом НКО СССР в январе 1941 г.: 2 заправки для механизированных, танковых и стрелковых дивизий, 4–6 заправок для частей ВВС (в зависимости от рода авиации) и 1 заправка для автотранспортных частей.

Помимо мобилизационных и неприкосновенных запасов горючего создавались и государственные резервы горючего в системе Управления государственных резервов. К 1 июня 1941 г. на нефтебазах областных и республиканских контор Главнефтебьита хранилось горючее государственных резервов, в том числе авиационный бензин, автотракторное горючее и смазочные материалы. На нефтебазах Гражданского воздушного флота, Наркомата совхозов и Наркомата земледелия содержались еще десятки тысяч тонн различных видов горючего. В западных районах СССР также хранилось много горючего государственных резервов.

Таким образом, в предвоенные годы, особенно в 1940 г. и в первой половине 1941-го, были накоплены большие запасы горючего в системе НКО. Они были вполне достаточны для обеспечения Красной Армии на длительный период войны. Размещение основных запасов мобилизационного резерва в глубине страны дало возможность сохранить горючее для обеспечения войск действующей армии в последующих оборонительных и наступательных операциях.

Благодаря заботам Коммунистической партии и Советского правительства до войны удалось за короткий срок значительно повысить техническую оснащенность службы снабжения горючим Красной Армии. Количество имущества в войсках и на складах за пять предвоенных лет возросло в несколько раз, и все же к началу войны не хватало автоцистерн, топливозаправщиков, маслозаправщиков, бензоперекачивающих станций. Обеспеченность техническими средствами службы

снабжения горючим Красной Армии по состоянию на 22 июня 1941 г. показана в табл. 3.

Таблица 3

Технические средства	Общая потребность, шт.	Всего имелось, шт.	В том числе имелось		Общая обеспеченность, %
			в военных округах, шт.	на центральных складах и заводах промышленности, шт.	
Автоцистерны и бензоаппараты	24 171	4 285	4 285	—	17,5
Водомаслоаппараты	2 999	762	761	1	25,4
Резервуары РГ-50	19 485	4 686	4 664	22	24,0
Контейнеры КП-20	37 290	28 898	28 406	492	77,4
Бочки оцинкованные и железные (тыс. шт.)	233,0	327,8	324,1	3,5	141,0
Бензоперекачивающие станции	1 247	465	463	2	37,4
Бензомотопомпы	945	605	581	24	64,0
Насосы ручные	26 328	8 472	8 073	409	32,0
Комплекторы складские	140	142	142	—	102,0

В предвоенные годы партия и правительство уделяли серьезное внимание совершенствованию **продовольственного снабжения** армии и флота, улучшению питания личного состава. Особенно большое значение в развитии и укреплении службы продовольственного снабжения имела проведенная в августе 1935 г. реорганизация войскового хозяйства и военно-хозяйственного снабжения. В соответствии с этой реорганизацией служба военно-хозяйственного снабжения была разделена на две самостоятельные службы: продовольственного и обозно-вещевого снабжения. В центре создается Управление продовольственного снабжения, подчиненное главному интенданту Красной Армии, в военных округах — отделы, а в дивизиях — отделения продовольственного снабжения, подчиненные соответственно интенданту округа, дивизии. В полках была введена должность начальника продовольственно-фуражного снабжения, который подчинялся помощнику командира полка по материальному обеспечению. Ре-

организация позволила значительно улучшить обеспечение армии продовольствием и подготовить службу к успешной работе в условиях военного времени.

Были приняты меры по установлению более твердого порядка в организации снабжения армии продовольствием. Выделение годовых фондов Наркомату обороны

▲ Продовольственное снабжение

▲ Продовольственное снабжение

(военным округам) стало осуществляться строго на основании штатной численности личного состава войск, норм продовольственного снабжения и установленных переходящих запасов продовольствия с зачетом имеющегося в наличии. Был установлен четкий порядок учета и отчетности в расходовании продуктов питания и остатков в войсках и на продовольственных складах. Серьезные мероприятия проводились по упорядочению складского хозяйства. Намечалось широкое строительство складских емкостей и холодильников. В полках принимались меры к созданию необходимых запасов продовольствия и фуража.

В соответствии с мобилизационными планами уже к концу 1937 г. были созданы запасы, позволявшие обеспечить потребности войск в военное время в приграничных и внутренних военных округах на первые месяцы ведения войны. Но в связи с количественным ростом Советской Армии и надвигающейся импери-

алистической агрессией Советским правительством был утвержден новый план накопления запасов для обеспечения войск продовольствием и фуражом на военное время. Предусмотренные этим планом размеры мобилизационных фондов позволяли обеспечить потребности Красной Армии в военное время по муке и крупе на 5 месяцев, по мясу, рыбопродуктам и жирам — на 2–2,5 месяца и по сахару — на 3 месяца.

К 22 июня 1941 г. общие запасы продовольствия и фуража были созданы почти полностью в размерах, предусмотренных мобилизационным планом и обеспечивающих четырехмесячную потребность армии. Переходящие запасы продовольствия в мобилизационную обеспеченность военных округов не засчитывались. Они составляли дополнительный резерв Красной Армии. Относительно высокие переходящие запасы продовольствия и фуража позволяли войскам с началом военных действий производить маневрирование про-

дфуражными ресурсами без получения их мобилизационных фондов в течение 20–30 суток.

Значительная часть всех мобилизационных запасов размещалась на комплектных (с полным набором ассортимента продуктов) базах Главного управления государственных резервов. С объявлением мобилизации эти базы передавались в ведение НКО и становились военно-продовольственными складами Управления продовольственного снабжения Красной Армии. Кроме того, мобилизационные запасы хранились во многих гарнизонах и пунктах хранения. Так, в западных приграничных военных округах они размещались в сотнях пунктов (без учета пунктов содержания мобилизационного фонда живого скота).

По состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии имелось построенных или более чем наполовину введенных в эксплуатацию несколько центральных и десятки окружных продовольственных складов.

Для размещения создаваемых мобилизационных запасов продовольствия и фуража и в связи с расширением границ западных военных округов с осени 1940 г. началось строительство ряда новых баз Управления государственных материальных резервов большой емкости. К началу войны их строительство было выполнено на 40–50 процентов.

В связи с нехваткой складской емкости промышленностью по заказам Управления продовольственного снабжения Красной Армии было начато изготовление разборных металлических хранилищ легкого типа емкостью на 30 вагонов каждое. В течение 1939–1940 гг. и первой половины 1941-го военные округа получили несколько сотен таких хранилищ, что увеличило складскую площадь в целом на тысячи вагонов.

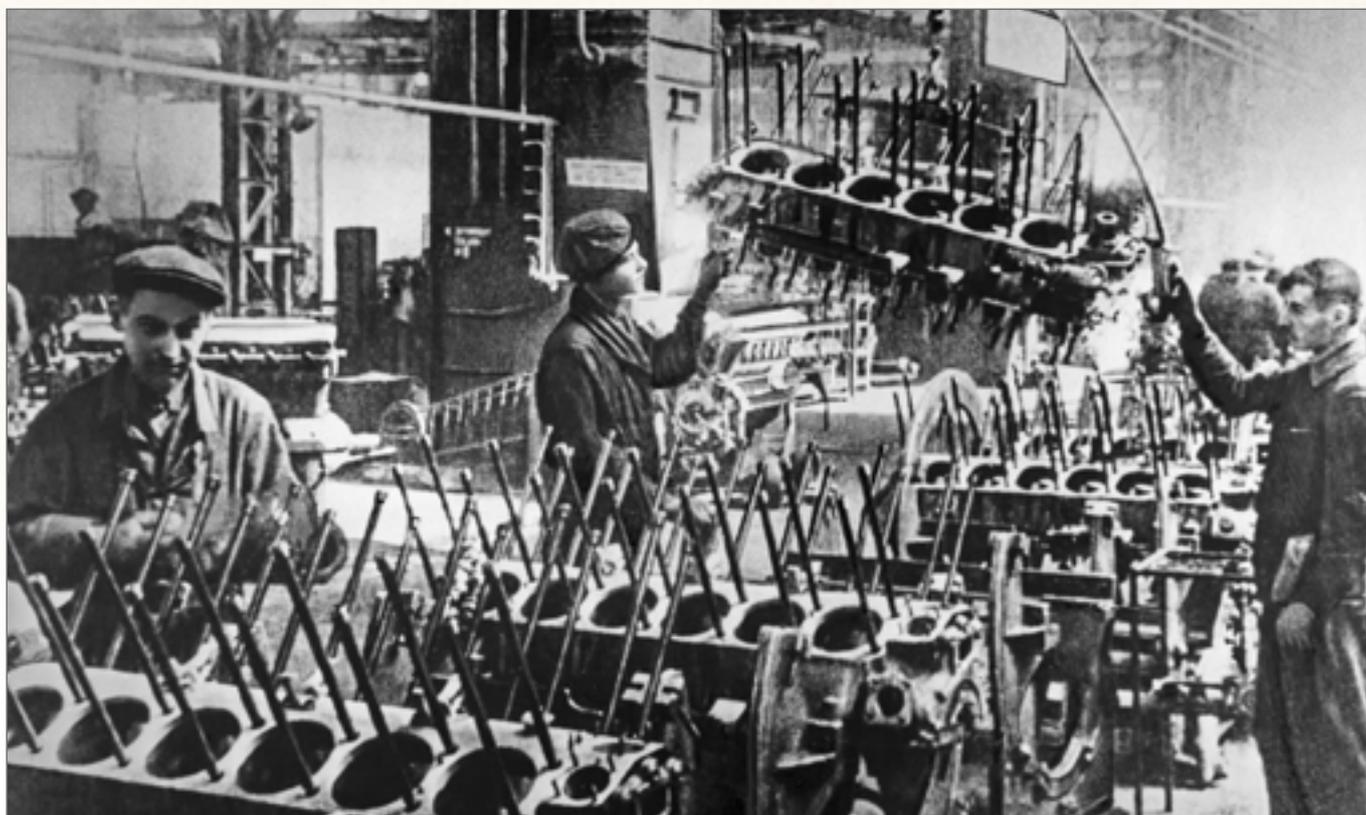
Перед войной значительно возросла и техническая база продовольственной службы. Войска стали оснащаться подвижными средствами полевого хлебопечения на автомобильном ходу, новыми трехкотель-

ными кухнями-автоприцепами, полевыми мельничными установками, авторефрижераторами и другими средствами. В 1940 г. был принят на снабжение полевой автохлебозавод (ПАХ) как основное дивизионное средство полевого хлебопечения в военное время.

С 1939 по 1940 г. армии было поставлено автоприцепных кухонь в полтора раза больше, чем за восемь предыдущих лет. Из всех автохлебозаводов, поступивших в войска к началу 1941 г., большинство было изготовлено в этот период. Но, несмотря на резкое увеличение производства и поставок новой техники службе продовольственного снабжения, мобилизационная потребность удовлетворялась не полностью. Обеспеченность войск полевыми автохлебозаводами, кухнями-автоприцепами и термосами на мобилизационное развертывание была недостаточной. Всего новых кухонь и автохлебозаводов недоставало на укомплектование десятков дивизий. Однако с учетом использования старых образцов техники мобилиза-

ционная потребность армии обеспечивалась полностью.

В подготовке продовольственной службы к обеспечению войск в военное время учитывался опыт, полученный в ходе боевых действий по защите советских государственных границ. В целях увеличения ресурсов продуктов, необходимых для питания войск в полевых условиях, Экономический Совет при СНК СССР обратил особое внимание на расширение производства сухарей, пищевых концентратов, блочного мяса, витаминов и брикетированного комбикорма. Были выделены дополнительные ассигнования на строительство сухарных цехов, пищеконцентратных и комбикормовых заводов. В результате принятых срочных мер производство сухарей для Красной Армии за один год (с февраля 1940 г. по февраль 1941 г.) возросло с 9 тыс. до 32 тыс. т в месяц. На 1 января 1941 г. промышленность увеличила ежемесячный выпуск пищевых концентратов до 5600 т. Однако этого было недостаточно для снабжения армии

▲ Ремонтная служба

в военное время. Поэтому Советское правительство в январе 1941 г. приняло план увеличения производства пищевых концентратов, согласно которому к концу 1942 г. ежемесячный выпуск пищевых концентратов должен был возрасти до 14,6 тыс. т. Кроме того, специальным правительственным постановлением предлагалось организовать к 1 апреля 1941 г. на 23 мясокомбинатах новые цехи для расфасовки мороженого мяса и изготовить во втором квартале 1941 г. для закладки в мобилизационный фонд 2400 т блочного мяса, упакованного в изотермические контейнеры.

Расширилось производство комбикормов для конского состава. Планом предусматривалось довести мощности комбикормовых заводов к началу 1942 г. до 42 тыс. т в месяц (вместо 25 тыс. т).

Накануне войны, 1 июня 1941 г., были введены новые нормы продовольственного снабжения личного состава Красной Армии. Устанавливалось девять различных видов пайков для военнослужащих, в том числе сухой и вегетарианский. Общая калорийность пайка составляла 3622 калории. Такой калорийности продовольственного солдатского пайка к этому времени не имела ни одна армия мира.

Серьезное значение для решения продовольственной проблемы в нашей стране и бесперебойного обеспечения армии продовольствием и фуражом в военное время имели мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по созданию государственных резервов продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

На важность значения резервов продовольствия указывал В. И. Ленин. «Красная Армия, — писал он, — не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует. Без этого нельзя содержать рабочих, работающих на армию». Руководствуясь этим ленинским указанием, Коммунистическая партия и Советское правительство создали

в предвоенные годы в стране значительные резервы продовольствия. Так, к январю 1941 г. резервы зерна и зернопродуктов достигли 6162 тыс. т. В распоряжении Управления государственных резервов перед войной имелись десятки хлебофуражных, бакалейных и комплектных баз, на которых хранились сотни тыс. т различных продуктов. Накопление государственных резервов и мобилизационных запасов дало возможность создать соответствующие фонды продовольствия и фуража для обеспечения армии в военное время.

Таким образом, принятые в предвоенные годы партией и правительством меры по укреплению продовольственной службы, хотя многие из них и не были завершены до начала войны, сыграли решающую роль в обеспечении успешной работы службы в военное время.

Самостоятельная **служба обозно-вещевого снабжения**, как и продовольственная, была создана в 1935 г., когда в августе было сформировано Управление обозно-вещевого снабжения, подчиненное главному интенданту Красной Армии, и соответствующие органы обоз-

но-вещевого снабжения в военных округах (фронтах, армиях), дивизиях и полках. Одновременно была утверждена схема снабжения, установлена категоричность вещевого и обозно-хозяйственного имущества, изменена система учета и отчетности.

Особое внимание партия и правительство обратили на качество имущества, изготовляемого промышленностью. Они обязали наркоматы легкой и местной промышленности, промкооперацию приступить к испытанию в войсках опытных партий обмундирования и обуви с применением заменителей натурального сырья.

Во исполнение решений партии и правительства Народный комиссар обороны потребовал от командования военных округов, армий, соединений и частей, чтобы вопросы снабжения войск пользовались не меньшим вниманием командиров и политработников всех степеней, чем вопросы тактики, стрелкового дела, политработы и прочих отделов боевой подготовки.

Служба разработала новую форму одежды для личного состава армии, отвечающую требованиям современной войны. До 1941 г.

▲ Служба вещевого снабжения

▲ Военно-транспортная авиация

в Красной Армии было многообразие в форме одежды. Имелась особая форма обмундирования для казачьих частей, военно-воздушных сил и бронетанковых войск. Обмундирование начальствующего состава родов войск и служб отличалось цветом кантов. Все это затрудняло производство и снабжение войск вещевым имуществом.

Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в январе 1941 г. был установлен для всех родов войск и служб единый (защитный) цвет обмундирования на мирное и военное время. Особая форма для казачьих частей, а также открытый френч для начальствующего состава военно-воздушных сил и бронетанковых войск со снабжения снимались, окантовка предметов хлопчатобумажного обмундирования и пилоток отменялась.

К началу войны в неприкосновенном запасе были созданы установленные запасы вещевого имущества, которые вместе с имуществом текущего снабжения войск обеспечивали мобилизационное развертывание Красной Армии. Большая часть запасов вещевого имущества находилась в приграничных военных округах,

из них до 90 процентов — на складах соединений и частей.

Существенно улучшилось и техническое оснащение службы. В 1935–1939 гг. были разработаны и запущены в серийное производство механизированные дивизионные походные автомастерские для среднего ремонта обуви (ПОРАМ), обоза (ПОРЕМ) (армейские) и шорно-седельных изделий (ШОРСАМ). К сожалению, к началу войны удалось обеспечить ими лишь от 30 до 60 процентов мобилизационной потребности.

Кроме войсковых ремонтных средств в распоряжении центра и военных округов имелось 34 стационарных вещевых и 16 обозных ремонтных мастерских, производительность которых полностью удовлетворяла потребность войск в капитальном ремонте в мирное время. В случае войны для капитального ремонта вещевого и обозного имущества предусматривалось дополнительно развернуть ремонтные мастерские по линии промысловой кооперации. В пяти западных военных округах намечалось организовать 23 таких мастерских.

В ходе финляндско-советского конфликта была выявлена нереальность некоторых норм снабжения, весьма остро встал вопрос об обеспечении специальным обмундированием лыжников, возникла необходимость разработки и создания запасов женского обмундирования и т.д.

Недостатки быстро устранялись. Еще в ходе боевых действий было сконструировано и изготовлено 70 тыс. комплектов специального обмундирования для лыжников; разработаны и в январе 1941 г. введены новые нормы снабжения личного состава Советской Армии на военное время, начаты работы по конструированию женского обмундирования.

В связи с насыщением войск техникой и вооружением в предвоенные годы все большее значение приобретало **техническое обеспечение**. В основу его организации легла единая для всех родов войск и служб планово-предупредительная система обслуживания и ремонта. Обслуживание и мелкий (текущий) ремонт осуществлялся экипажами (расчетами) и войсковыми ремонтными средствами, средний — в ремонтных учреждениях оперативного звена, капитальный — в ремонтных учреждениях военных округов (фронтов), центра и на предприятиях промышленности.

В Красной Армии техническое обеспечение организовывалось начальниками соответствующих родов войск и служб. Вопросы, связанные с эксплуатацией и восстановлением автобронетанковой техники, снабжением войск и ремонтных учреждений запасными частями и другим техническим имуществом, решались Главным автобронетанковым управлением (ГАБТУ).

В соответствии с принятым порядком организации технического обеспечения была создана необходимая ремонтная база. Для технического обслуживания и ремонта автобронетанковой техники в войсковом звене тыла имелись взводы и роты технического обеспечения, а в оперативном звене — ремонтно-восстановительные батальоны.

▲ Военно-медицинская служба

Средний ремонт автобронетанковой техники осуществлялся в стационарных автобронетанковых ремонтных мастерских, капитальный — на ремонтных базах и заводах. К капитальному ремонту автобронетанковой техники привлекались также заводы промышленности. В военное время в механизированных дивизиях и корпусах предусматривалось иметь ремонтно-восстановительные батальоны, в армиях — отдельные ремонтно-восстановительные батальоны универсального назначения и подвижные ремонтно-восстановительные железнодорожные мастерские, а во фронтах и непосредственном распоряжении ГАБТУ — стационарные ремонтные мастерские базы и заводы.

К началу войны помимо войсковых ремонтных средств в Красной Армии имелось 38 ремонтных баз, 72 гарнизонные авто-бронетанковые мастерские, 20 железнодорожных мастерских и 9 армейских ремонтно-восстановительных батальонов. В целях дальнейшего расширения ремонтной базы в первой половине 1941 г. было развернуто строитель-

ство еще четырех ремонтных заводов и семи ремонтных баз, которые предполагалось ввести в строй в конце 1942 г. Наряду со строительством ремонтных предприятий принимались меры по расширению ремонтных баз и обновлению их оборудования.

Для обеспечения ремонта боевых и транспортных машин в военное время в воинских частях, соединениях, ремонтных учреждениях и военных округах создавались неприкосновенные запасы деталей и агрегатов в специальных комплектах. 15 мая 1941 г. Народным комиссаром обороны был утвержден план закладки в НЗ запасных частей в комплектах на сумму 207 млн. рублей. Помимо этого для обеспечения капитального ремонта авто-бронетанковой техники на заводах промышленности по линии Управления государственных резервов были созданы мобилизационные запасы деталей, агрегатов, полуфабрикатов, материалов и инструментов на сумму 93,7 млн. рублей. Запасы автобронетанкового имущества в Красной Армии содержались на центральных и окружных

складах. Для увеличения запасов автобронетанкового имущества и разгрузки действующих складов в 1941 г. строились один центральный и четыре окружных склада, велись подготовительные работы к развертыванию строительства еще шести складов.

Примерно по такой же схеме строилось техническое обеспечение и по линии артвооружения. Накануне войны был разработан порядок ремонта артиллерийского и стрелкового вооружения в войсках действующей армии. Им предусматривалось производить текущий ремонт вооружения в полку и дивизии, средний — в армии и во фронте, капитальный — частично во фронте, а в основной массе — за пределами фронтовых тыловых районов в арсеналах и на заводах Главного артиллерийского управления Красной Армии (ГАУ) и на предприятиях промышленности. В этих целях предусматривалось укомплектовать дивизии дивизионными артиллерийскими ремонтными мастерскими (ДАРМ), а армии — подвижными артиллерийскими мастерскими (ПАМ) на железнодорожной базе.

В Военно-Воздушных Силах ремонт самолетов и моторов в полевых условиях планировалось осуществлять силами подвижных авиационных ремонтных мастерских (ПАРМ-1) и на стационарных предприятиях.

Таким образом, в Красной Армии в предвоенные годы сложилась стройная система технического обеспечения, были созданы силы и средства для технического обслуживания, ремонта и эвакуации боевой техники и вооружения в полевых условиях, а также стационарные мастерские и ремонтные заводы. Вместе с тем в организации технического обслуживания и ремонта боевой техники и вооружения имелись определенные трудности, связанные с нехваткой подвижных ремонтно-эвакуационных средств.

Состояние **военно-медицинской службы** Красной Армии

в довоенный период находилось в прямой зависимости от успехов развития здравоохранения в СССР. Повседневная забота партии и правительства о народном здравоохранении, высокий уровень отечественной медицинской науки создали благоприятные условия для подготовки медицинской службы к войне. К 1941 г. она располагала развитой сетью лечебных учреждений, высококвалифицированными кадрами, большими запасами медицинского имущества.

По состоянию на 9 июня 1941 г. в Красной Армии насчитывалось 149 постоянных госпиталей общей емкостью 35 540 коек. На базе этих госпиталей и лечебных учреждений Наркомздрава по мобилизационному плану в прифронтовой полосе и в глубине территории страны в течение первых 30 суток планирова-

лось развернуть эвакуационные госпитали на 450 000 коек. В первую очередь разворачивались госпитали в центральных районах страны, а затем далее к востоку до Приволжского военного округа. Тем самым сокращалось плечо эвакуации, повышалась эффективность использования военно-санитарных поездов.

Для оценки готовности медицинской службы к войне существенное значение имеет размещение постоянных госпиталей — основной базы для формирования медицинских учреждений с объявлением мобилизации.

В соответствии со взглядами на возможный характер будущей войны, в целях приближения госпитальной базы к войскам и создания наиболее благоприятных условий для лечения раненых и ухода за ними большинство гарнизонных

▲ Военно-медицинская служба

▲ Военно-медицинская служба

госпиталей приграничных военных округов размещалось в непосредственной близости от границы, а окружных — в крупных промышленных и административно-политических центрах. В крупных городах предусматривалось размещать и подавляющую часть госпиталей, формируемых по мобплану. В Москве планировалось развернуть около 25 тыс. коек из 40 тыс. коек по всему Московскому военному округу, Ленинграде — 18 тыс. коек из 22 тыс. в Ленинградском военном округе, Харькове — 13,8 тыс. коек из 35,5 тыс. в Харьковском военном округе и т. д.

Накануне войны укомплектованность медицинской службы по штатам мирного времени составляла: врачами — на 65 процентов, зубными врачами — также на 65, фельдшерами — на 63,7, фармацевтами — на 58,9 процента. Кроме того, в запасе находилось более 100 тыс.

врачей (мужчин — 36,8 процента, женщин — 63,2), что в основном удовлетворяло мобилизационные потребности.

Наряду с повседневной заботой об укреплении здоровья личного состава войск, снижении заболеваемости и трудопотерь медицинская служба успешно решала многие важные проблемы военно-медицинской науки. Именно в предвоенные годы работами выдающихся советских ученых Н. Н. Бурденко, Н. Н. Петрова, М. Н. Ахутина, С. С. Гирголава, Ю. Ю. Джанелидзе, В. В. Гориневской и других были созданы основные принципы лечения огнестрельных ран, решены в организационном плане вопросы хирургической тактики в условиях военного времени. Важным вкладом в военно-медицинскую науку явилась разработка В. Н. Шамовым, И. Р. Петровым и Н. Н. Еланским проблемы переливания крови, работы А. В. Вишнев-

ского и А. А. Вишневого в области хирургического обезболивания ран, выделение в самостоятельную специальность и развитие нейрохирургии (Н. Н. Бурденко, В. Н. Шамов) и другие. На этой основе в сравнительно короткий срок были разработаны принципиально новые положения военно-полевой хирургии и терапии и созданы благоприятные предпосылки для лечения раненых. Медицинская служба занималась также вопросами дальнейшего развития важнейших принципов организации медицинского обеспечения войск в ходе боевых действий, нашедших свое выражение в системе этапного лечения раненых (больных) с эвакуацией их по назначению. Эта система отражала наиболее передовые, прогрессивные взгляды на организацию лечебно-эвакуационного обеспечения войск и сыграла исключительно важную роль в ходе Великой Отечественной войны.

Официальными документами, изданными перед войной, предусматривалось, что все лечебно-эвакуационные мероприятия должны проводиться по этапам медицинского обеспечения. В батальонном и полковом звеньях — быстрый сбор раненых с поля боя, оказание им доврачебной помощи, срочная эвакуация в полковой медицинский пункт и оказание на нем первой врачебной помощи; с полкового медицинского пункта раненые и больные средствами вышестоящего звена медицинской службы эвакуируются на дивизионный медицинский пункт, где им оказывается квалифицированная медицинская помощь по неотложным показаниям. Таким образом, в войсковом тыловом районе в основном завершалось оказание неотложной квалифицированной медицинской помощи раненым и больным.

Медицинская служба армий организовывала и осуществляла эвакуацию раненых и больных из дивизионных медицинских пунктов в армейские лечебные учреждения, составлявшие госпитальную базу армии, оказание им квалифицирован-

ной и специализированной помощи, а также лечение раненых и больных, не подлежащих дальнейшей эвакуации во фронтовые лечебные учреждения. В области санитарно-гигиенического и противоэпидемического обеспечения войск в армейском звене медицинской службы предусматривалось проводить санитарно-эпидемиологическую разведку и эпидемиологическое наблюдение, осуществлять весь комплекс противоэпидемических мероприятий в очагах инфекционных заболеваний.

На медицинскую службу фронта возлагалась эвакуация раненых и больных из госпитальных баз армий в лечебные учреждения (госпитальные базы) фронта, лечение раненых и больных во фронтовых госпиталях и организация дальнейшей эвакуации раненых, нуждающихся в продолжительном лечении.

Для приема и лечения раненых и больных, поступающих из госпитальных баз фронтов, во внутренних районах страны на главных эвакуационных направлениях должны были развертываться распределен-

тельные и местные эвакуационные пункты (РЭП и МЭП). Основными лечебными учреждениями этих пунктов являлись эвакуационные госпитали, которые в соответствии с мобилизационным планом формировались местными органами Наркомздрава и укомплектовывались полностью гражданским персоналом (за исключением начальника госпиталя и его заместителя по политчасти, являющихся военными служащими). Организация и осуществление лечебной работы в этих госпиталях, обеспечение раненых питанием, медико-санитарным имуществом и т. д. возлагались на местные органы Наркомздрава.

Опыт, полученный в ходе боевых действий у оз. Хасан, на р. Халхин-Гол и в период финляндско-советского конфликта подтвердил верность принятых теоретических установок, новых принципов организации и способов работы по медицинскому обеспечению войск, показал высокую подготовленность медицинской службы, ее частей и учреждений к решению сложных и трудных задач медицинского обеспечения Красной Армии. Вместе с тем выявились не-

▲ Военно-медицинская служба

которые недостатки в организационно-штатной структуре медицинской службы, в подготовке медицинского состава, в обеспечении медицинских частей и учреждений санитарным автомобильным транспортом, техническими средствами и другим медицинским имуществом.

Полученный опыт был подвергнут глубокому и всестороннему изучению, анализу и обобщению. Он явился основой предпринятой накануне войны реорганизации медицинской службы, в ходе которой намечалось устранить несоответствие некоторых сторон штатной организации условиям и требованиям военного времени, внести определенные коррективы в систему лечебно-эвакуационного обеспечения раненых. Значительным изменениям подвергся штат медико-санитарного батальона. В его составе было увеличено число врачей-хирургов, среднего и младшего медицинского персонала, создана госпитальная рота и т. д. Определенные изменения предполагалось осуществить в армейском

и фронтовом звеньях медицинской службы.

Важную роль в предвоенный период играла **ветеринарная служба**. Она осуществляла ветеринарное обслуживание всех животных в войсковых хозяйствах и повседневный надзор за качеством мяса, идущего на довольствие войск, а также принимала активное участие в военно-научной работе и решении таких общегосударственных задач, как оздоровление животноводства и территории страны, разработка ветеринарного законодательства и т. д.

Непосредственное руководство ветеринарной службой осуществляло Ветеринарное управление Красной Армии. В округах имелись ветеринарные отделы, в корпусах, дивизиях и полках — ветеринарные врачи. Служба имела в своем составе Ветеринарный научно-исследовательский институт, центральную и окружные ветеринарные лаборатории, центральный и окружные (по одному на округ) ветеринарные склады, гарнизонные ветеринарные

лазареты, амбулатории и другие учреждения. Укомплектованность службы ветеринарными врачами и фельдшерами достигла 98 процентов. По состоянию на 22 июня 1941 г. в народном хозяйстве страны имелось 13 700 ветеринарных врачей и 16 700 фельдшеров, что полностью покрывало мобилизационные потребности Вооруженных Сил.

В комплексе мероприятий по подготовке ветеринарной службы на нее возлагалось накопление и хранение неприкосновенных запасов имущества, формирование полевых (фронтовых и армейских) органов управления и ветеринарных учреждений, обеспечение мобилизации лошадей, создание резерва личного состава, принятие мер по оздоровлению территории и ряд других задач.

К началу войны неприкосновенные запасы ветеринарного имущества были накоплены полностью в установленных размерах. Они размещались на складах воинских частей, ветеринарных учреждений, военных округов и центра. Для удоб-

▲ Военно-медицинская служба

ства истребования и отпуска все ветеринарное имущество на военное время было скомплектовано в 23 нормы-комплекта.

На базе имевшихся ветеринарных учреждений мобилизационным планом намечалось формирование десятков фронтовых ветеринарных лазаретов, фронтовых ветеринарных лабораторий, фронтовых ветеринарных складов, полевых и эвакуационных ветеринарных лазаретов и головных ветеринарных складов. Кроме того, были приняты меры к подготовке для нужд войск гражданских ветеринарных учреждений, особенно в приграничных военных округах. В первую очередь подготавливались ветеринарные лечебницы особого назначения (ЛОН). В них создавались запасы ветеринарного имущества, приписывались райвоенкоматами штаты обслуживающего персонала из военнообязанных, оборудовались ковочные кузницы, обмывочно-дегазационные пункты и изоляторы. Каждая лечебница рассчитывалась на одновременное стационарное лечение 100 лошадей. Основной задачей их было обслуживание проходящих войск.

Наличие достаточного количества штатных частей и учреждений, запасов материальных средств и квалифицированных кадров, большой опыт работы в мирное время позволили ветеринарной службе успешно справиться со своими задачами с началом войны.

Готовя страну к обороне, Коммунистическая партия и Советское правительство огромное внимание уделяли **подготовке военных кадров**, в том числе и кадров Тыла. В короткий срок была создана широкая сеть высших и средних военно-учебных заведений, готовивших кадры для всех служб.

Основными военно-учебными заведениями по подготовке кадров для служб продовольственного и обозно-вещевого снабжения являлись Военно-хозяйственная

(с 1940 г. — интендантская) академия и Военно-хозяйственная (интендантское) училище. Только за период с 1936 по 1941 г. в них было подготовлено 665 специалистов с высшим и 2544 человека со средним интендантским образованием. В целях ускорения подготовки кадров в связи с нарастающей военной угрозой в апреле 1940 г. были сформированы Омское и Симферопольское интендантские училища, которые свой первый выпуск сделали уже в ходе войны.

Подготовка офицерских кадров для железнодорожных войск, ВОСО, автомобильной и дорожной служб осуществлялась в Военно-транспортной академии, Академии механизации и моторизации Красной Армии, а также в сформированных в 1939–1940 гг. автотехническом и трех автомобильно-мотоциклетных училищах.

Служба снабжения горючим в первые годы после своего создания комплектовалась за счет командного состава других родов войск и выпускников гражданских нефтяных институтов. Однако такой метод комплектования службы не отвечал все возрастающим требованиям. Поэтому в 1939 г. при Академии механизации и моторизации Красной Армии был образован факультет снабжения горючим, а при 1-м Саратовском танковом училище сформирован батальон курсантов по подготовке специалистов службы со средним образованием.

Подготовка кадровых военных врачей велась в двух военно-медицинских и одной военно-морской академиях, а также на трех военных факультетах при гражданских медицинских институтах. Из этих вузов ежегодно выпускалось 1450 военных врачей. Ветеринарная служба готовила свои кадры в Военно-ветеринарной академии и Ленинградском военно-ветеринарном училище.

Оценивая в целом состояние Тыла Красной Армии накануне вой-

ны, можно с полным основанием утверждать, что его подготовка находилась на достаточно высоком уровне. Он имел в своем составе необходимые органы управления, тыловые части и учреждения, располагал достаточными запасами материальных средств, был укомплектован высококвалифицированными кадрами. Организационная структура, техническое оснащение и принципы работы Тыла Красной Армии были по тому времени одними из самых передовых в мире, полностью соответствовали существовавшим взглядам на характер будущей войны и отвечали требованиям советского военного искусства.

В подготовке Тыла имелись и слабые стороны. Тыловые части и учреждения были еще не вполне оснащены автомобильным транспортом и другой техникой, многие технические средства, включенные в их штаты и табели, лишь вошли в серийное производство или осваивались промышленностью и, естественно, не могли в требуемом количестве поступить в войска. Не хватало и некоторых специалистов, особенно для службы снабжения горючим и врачей-хирургов.

Определенные недочеты имелись также в подготовке театров военных действий в тыловом отношении и в размещении запасов материальных средств.

Не удалось до конца провести в жизнь ряд организационных и мобилизационных мероприятий. Слишком мало времени отвела история для подготовки к этой большой и ожесточенной войне, навязанной Советскому Союзу германским фашизмом. Но в целом Тыл Красной Армии был готов к выполнению своих задач и, несмотря на отдельные трудности, успешно справился с ними в ходе Великой Отечественной войны. ■

«ТИХИЕ ДЕЛА» ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

События, которые произошли в период с 1946 по 1950 год в нашей истории, на протяжении длительного периода времени стыдливо замалчивались. Высвечивать неприглядную сторону некоторых представителей советского генералитета и так называемых интеллектуалов от искусства после Победы Советского Союза над гитлеровской Германией никто не хотел...

6 июня 1945 года вышло Постановление СНК СССР № 1325/301 "Об организации Советской военной администрации по управлению советской зоной оккупации в Германии".

Главноначальствующим СВАГ был назначен Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, его первым заместителем генерал армии В.Д. Соколовский, заместителем главкома по делам гражданской администрации комиссар ГБ 2-го ранга И.А. Серов, начальником штаба генерал-полковник В.В. Курасов. В августе 1945 года начальником УКР СМЕРШ СВАГ был назначен генерал-лейтенант П.В. Зеленин.

Известно, что еще до вступления на территорию Германии солдаты и офицеры тыловых частей Красной Армии зачастую прибегали к поиску и "сохранению" различных трофеев в своих руках.

После Победы над врагом, советские солдаты-победители возвращались с войны. Победители со всех войн домой приходят с трофеями. Это закон войны. С этим невозможно было бороться и в 1945 году, поэтому Сталин был вынужден дать свое

▲ Жуков Г.К

устное согласие на то, чего было не миновать, чтобы избежать множества конфликтных ситуаций и уголовных дел, чтобы не омрачать Победу. Хотя по сути это мародерство, и оно было уголовно наказуемо согласно законам СССР того времени. Нам возразят, фашисты нас еще и не так грабили с 1941 по 1944 год. Так это фашисты, уподобляться которым, уже преступление, а уподобляться фашистам советским людям, строившим новое справедливое общество, преступление вдвойне.

Было принято официальное решение, разрешающее бойцам Красной Армии высылать домой полученные трофеи не чаще одной 5 кг посылки, а офицерам среднего звена не чаще одной 10 кг посылки в месяц. Старшим офицерам (в звании майор и выше) разрешалось высылать две посылки 16 кг в месяц. Для этого в каждой из воинской частей, комендатурах, госпиталях и т. д. создавались комиссии (обычно из трех человек) в задачи которых входила проверка содержимого отправляемых на родину посылок. К отправке в посылках не допускалось оружие, изделия из драгоценных камней и металлов, антиквариат и различные другие вещи, связанные с нацистским режимом (например, книги, германские деньги, награды и т. д.). При этом, несмотря на жесткий контроль со стороны представителей УКР СМЕРШ, «почтовые» комиссии выполняли свою работу чисто формально, а все дело в отношении «посылок на родину» со стороны старших офицеров было пущено на «самотек».

Отношение к мародерам в Красной Армии, как в военное, так и послевоенное время, было крайне суровое. Застигнутый за мародерством солдат или офицер, тут же предавался военному трибуналу. Какое решение обычно выносил трибунал по обвинению в мародерстве, можно судить по воспоминаниям солдата-фронтовика Н. Толочко:

«...в июле 1944 года старшина артиллерийской батареи 179-й стрелковой дивизии забрал у литовского крестьянина лошадь для

транспортировки пушки на огневую позицию. Действия старшины квалифицировали как мародерство. Приговор был короткий: расстрел».

Что касается СВАГ то, несмотря на все ранее принятые меры,

по укреплению воинской дисциплины случаи преступлений уголовного характера, в частности мародерства и изнасилования немецких женщин имели место быть. Выписка из доклада военного прокурора 1-го Белорусского фронта:

«...В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих, безусловно, достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее, даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев еще зафиксирован. Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и барахольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т. д.

Считаю необходимым подчеркнуть ряд моментов:

1. Командиры соединений и Военные Советы армий принимают серьезные меры к тому, чтобы ликвидировать факты безобразного поведения своих подчиненных, тем не менее, отдельные командиры самоуспокаиваются тем, что некоторый перелом достигнут, совершенно забывая о том, что до их сведения доходят донесения только о части насилий, грабежей и прочих безобразий, допускаемых их подчиненными.

2. Насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатрированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих.

3. Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая. Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом»...

За период — конец 1944 года первая половина 1945 года органами военной юстиции за мародерство (ст.193 п.27 УК РСФСР) было осуждено 1 790 военнослужащих Красной Армии, за остальные воинские преступления 33 330 человек.

15 марта 1946 года решением СНК СССР Народные комиссариаты были преобразованы в Министерства. НКГБ изменил своё название на МГБ с последующим реформированием своей структуры в соответ-

ствии с приказом №00107 от 22 марта 1946 года. 4 мая 1946 года министром ГБ был назначен генерал-полковник Абакумов В. С.

Именно Абакумову, в начале своей работы в ранге министра, пришлось столкнуться с «волной» различных послевоенных преступлений, ростом жалоб простых советских граждан на злоупотребления в жилищной и торговых сферах, неправомерные действия со стороны некоторых представителей партийных и совет-

▲ Худяков С.А.

▲ Новиков А.А.

ских органов, работников милиции, прокуратуры и отчасти судов...

В марте 1946 года главноначальствующий СВАГ Г.К. Жуков был отозван в Москву.

22 марта 1946 года в Министерстве Вооруженных Сил СССР (МВС СССР) согласно постановления СМ СССР произошли кадровые изменения. Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза А.А. Новиков был арестован органами военной контрразведки в ходе расследования «авиационного дела». На пост командующего ВВС МВС СССР был назначен генерал-полковник авиации К.А. Вершинин, а Маршал Советского Союза Г.К. Жуков был назначен главнокомандующим Сухопутными войсками Министерства Вооруженных Сил СССР.

Кадровые перестановки в Министерстве Вооруженных Сил были не случайны. Послевоенные дела, возбужденные ведомством Абакумова, были «тихими» без лишнего шума и ажиотажа. Первым «тихим» делом,

возникшим в первый послевоенный год, было «авиационное дело», связанное с большими не боевыми потерями авиационной техники в 12-й воздушной армии, которой командовал маршал авиации С.А. Худяков (арестованный органами военной контрразведки в декабре 1945 года). Начатое следствие по его делу вскорее столкнулось с целым рядом «вредительских» фактов, в которых были

замешаны высокопоставленные руководители ВВС и Наркомата авиационной промышленности, в том числе главнокомандующий ВВС А.А. Новиков и нарком НКАП А.И. Шахурин.

30 апреля 1946 года Абакумов направляет докладную записку на имя Председателя Совмина СССР И.В. Сталина с приложением заявления от бывшего главнокомандующего ВВС Новикова А.А.

*30 апреля 1946г.
Совет Министров СССР
товарищу Сталину*

При этом представляю заявление на Ваше имя арестованного бывшего главнокомандующего ВВС — главного маршала авиации Новикова А.А.

АБАКУМОВ

[Приложение]

*Министру Вооруженных Сил СССР И.В. Сталину
от бывшего главнокомандующего ВВС,
ныне арестованного Новикова*

Заявление.

Я лично перед Вами виновен в преступлениях, которые совершались в военно-воздушных силах, больше чем кто-либо другой.

Помимо того, что я являюсь непосредственным виновником приема на вооружение авиационных частей недоброкачественных самолетов и моторов, выпускавшихся авиационной промышленностью, я как командующий Военно-Воздушных Сил, должен был обо всем этом доложить Вам, но этого я не делал, скрывая от Вас антигосударственную практику в работе ВВС и НКАП.

Я скрывал также от Вас безделье и разболтанность ряда ответственных работников ВВС, что многие занимались своим личным благополучием больше, чем государственным делом, что некоторые руководящие работники безответственно относились к работе. Я покрывал такого проходимца, как Жаров, который, пользуясь моей опекой, тащил направо и налево. Я сам культивировал угодничество и подхалимство в аппарате ВВС.

Все это происходило потому, что я сам попал в болото преступлений, связанных с приемом на вооружение ВВС бракованной авиационной техники. Мне стыдно говорить, но я также чересчур много занимался приобретением различного имущества с фронта и устройством своего личного благополучия. У меня вскружилась голова, я возомнил себя большим человеком, считал, что я известен не только в СССР, но и за его пределами и договорился до того, что в разговоре со своей бывшей женой Веледеевой, желая себя показать крупной личностью, заявлял, что меня знают Черчилль, Трумэн и другие.

Только теперь, находясь в тюрьме, я опомнился и призадумался над тем, что я натворил. Вместо того, чтобы с благодарностью отнестись к Верховному Главнокомандующему, который для меня за время войны сделал все, чтобы я хорошо и достойно работал, который буквально тянул меня за уши, — я вместо этого поступил как подлец, всячески ворчал, проявлял недовольство, а своим близким даже высказывал вражеские выпады против Министра Вооруженных Сил.

Настоящим заявлением я хочу Вам честно и до конца рассказать, что кроме нанесенного мною большого вреда в бытность мою командующим ВВС, о чем я уже дал показания, я также виновен в еще более важных преступлениях.

▲ Абакумов В.С.

▲ Сталин И.В.

Я счел теперь необходимым в своем заявлении на Ваше имя рассказать о своей связи с Жуковым, взаимоотношениях и политически вредных разговорах с ним, которые мы вели в период войны и до последнего времени. Хотя я теперь арестован и не мое дело давать какие-либо советы в чем и как поступить, но все же, обращаясь к Вам, я хочу рассказать о своих связях с Жуковым потому, что мне, кажется, пора положить конец такому вредному поведению Жукова, ибо если дело так далее пойдет, то это может привести к пагубным последствиям.

За время войны, бывая на фронтах вместе с Жуковым, между нами установились близкие отношения, которые продолжались до дня моего ареста. Касаясь Жукова, я, прежде всего, хочу сказать, что он человек исключительно властолюбивый и самовлюбленный, очень любит славу, почет и угодничество перед ним и не может терпеть возражений.

Зная Жукова, я понимал, что он не столько в интересах государства, а больше в своих личных целях стремится чаще бывать в войсках, чтобы, таким образом, завоевать себе еще больший авторитет. Вместо того, чтобы мы, как высшие командиры спланировали командный состав вокруг Верховного Главнокомандующего, Жуков ведет вредную, обособленную линию, т.е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе и делает вид, что для них он является «добрым дядей». Таким человеком у Жукова был и я, а также Серов.

Жуков был ко мне очень хорошо расположен и я в свою очередь угодничал перед ним. Жуков очень любит знать все новости, что делается в верхах, и по его просьбе, когда Жуков находился на фронте, я по мере того, что мне удавалось узнать — снабжал его соответствующей информацией о том, что делалось в Ставке. В этой подлости перед Вами я признаю свою тяжелую вину.

Так, были случаи, когда после посещения Ставки я рассказывал Жукову о настроениях Сталина, когда и за что Сталин ругал меня и других, какие я слышал там разговоры и т.д. Жуков очень хитро, тонко и в осторожной форме в беседе со мной, а также и среди других лиц пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандования и в то же время Жуков, не стесняясь, выпячивает свою роль в войне, как полководца и даже заявляет, что все основные планы военных операций разработаны им. Так, во многих беседах, имевших место на протяжении последних полутора лет, Жуков заявлял мне, что операции по разгрому немцев под Ленинградом, Сталинградом и на Курской дуге разработаны по его идее и им, Жуковым подготовлены и проведены. То же самое говорил мне Жуков по разгрому немцев под Москвой.

Как-то в феврале 1946 года, находясь у Жукова в кабинете или на даче, точно не помню, Жуков рассказал мне, что ему в Берлин звонил Сталин и спрашивал какое бы он хотел получить назначение. На это, по словам Жукова, он, якобы ответил, что хочет пойти Главнокомандующим Сухопутными Силами. Это свое мнение Жуков мне мотивировал, как я его понял, не государственными интересами, а тем, что, находясь в этой должности он, по существу, будет руководить почти всем Наркоматом Обороны, всегда будет поддерживать связь с войсками и тем самым не потеряет свою известность. Все, как сказал Жуков, будут знать обо мне.

Если же, говорил Жуков, пойти заместителем Министра Вооруженных Сил по общим вопросам, то придется отвечать за все, а авторитета в войсках будет меньше. Тогда же Жуков мне еще рассказывал о том, что в разговоре по «ВЧ» в связи с реорганизацией Наркомата Обороны, Сталин спрашивал его, кого и на какие должности он считает лучше назначить. Жуков, как он мне об этом говорил, высказал Сталину свои соображения и он с ними согласился, но, тем не менее, якобы сказал: «Я подожду Вашего приезда в Москву и тогда вопрос о назначениях решим вместе». Я этот разговор привожу потому, что, рассказывая мне об этом, Жуков дал понять, что как он предлагал Сталину, так Сталин и сделал.

Ко всему этому надо еще сказать, что Жуков хитрит и лукавит душой. Внешне это, конечно, незаметно, но мне, находившемуся с ним в близкой связи, было хорошо видно. Говоря об этом, я должен привести Вам в качестве примера такой факт: Жуков на глазах всячески приближает Василия Сталина, якобы, по-отечески относится к нему и заботится. Но дело обстоит иначе. Когда недавно уже перед моим арестом я был у Жукова в кабинете на службе и в беседе он мне сказал, что, по-видимому, Василий Сталин будет инспектором ВВС, я выразил при этом свое неудовольствие таким назначением и всячески оскорблял Василия. Тут же Жуков в беседе со мной один на один высказался по адресу Василия Сталина еще резче, чем я и в похабной и омерзительной форме наносил ему оскорбления.

В начале 1943 года я находился на Северо-Западном фронте, где в то время подготавливалась операция по ликвидации так называемого «Демянского котла» и встречался там с Жуковым. Как-то во время обеда я спросил Жукова, кому я должен писать донесения о боевых действиях авиации. Жуков ответил, что нужно писать на имя Сталина и тогда же рассказал мне, что перед выездом из Москвы

▲ Конев И.С.

▲ Ватутин Н.Ф.

он, якобы, поссорился с Верховным Главнокомандующим из-за разработки какой-то операции и поэтому, как заявил Жуков, решил не звонить ему, несмотря на то, что обязан делать это. Если, говорил Жуков, Сталин позвонит ему сам, то тогда и он будет звонить ему. Рассказывал этот факт мне Жуков в таком высокомерном тоне, что я сам был удивлен, как можно так говорить о Сталине.

В моем присутствии Жуков критиковал некоторые мероприятия Верховного Главнокомандующего и Советского правительства. В беседах на эти темы я, в ряде случаев, поддерживал Жукова.

После снятия меня с должности главнокомандующего ВВС, я, будучи в кабинете у Жукова высказал ему свои обиды, что Сталин неправильно поступил, сняв меня с работы и начав аресты людей из ВВС. Жуков поддержал мои высказывания и сказал: «Надо же на кого-то свалить». Больше того, Жуков мне говорил: «Смотри, никто за тебя и слова не промолвил, да и как замолвить, когда такое решение принято Сталиным». Хотя Жуков прямо и не говорил, но из разговора я понял, что он не согласен с решением правительства о снятии меня с должности командующего ВВС.

Должен также заявить, что когда Сталин вызвал меня и объявил, что снимает с должности командующего ВВС и крепко поругал меня за серьезные недочеты в работе, я в душе возмущен поведением Маленкова, который при этом разговоре присутствовал, но ничего не сказал, в то время, как Маленкову было хорошо известно о всех недочетах в приемке на вооружение ВВС бракованной материальной части от Наркомата авиационной промышленности. Когда я об этом поделился с Жуковым, то он ответил мне, что «теперь уже тебя никто не поддержит, все как в рот воды набрали». Я хоть усмехнулся, говорил мне Жуков, когда Сталин делал тебе замечания по работе и сказал два слова — «ничего исправится».

Припоминаю и другие факты недовольства Жукова решениями правительства. После окончания Корсуньско-Шевченковской операции командующий бывшим 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за нее даются другим людям. Тогда же Жуков отрицательно отзывался о Ватутине. Он говорил, что Ватутин неспособный человек, как командующий войсками, что он штабист и если бы не он Жуков, то Ватутин не про-

вел бы ни одной операции. В связи с этим Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провел большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами. Для подтверждения этого Жуков сослался на то, что приказы за проведение тех или иных операций адресуются командующим фронтам, а он — Жуков остается в тени, несмотря на то, что операции проводились и разрабатывались им. Во время этой беседы Жуков дал мне понять, чтобы я по приезду в Москву, где следует, замолвил об этом словечко.

В тот же период времени Жуков в ряде бесед со мной говорил и о том, что правительство его не награждает за разработку и проведение операций под Сталинградом, Ленинградом и на Курской дуге. Жуков заявил, что, несмотря на блестящий успех этих операций его до сих пор не наградили в то время, как командующие фронтами получили уже по несколько наград. В этой связи Жуков высказался, что лучше пойти командующим фронтом нежели быть представителем Ставки.

Жуков везде стремился протаскивать свое мнение. Когда то или иное предложение Жукова в правительстве не проходило, он всегда в таких случаях очень обижался. Как-то в 1944 году, находясь вместе с Жуковым на 1-м Украинском фронте, он рассказал мне о том, что в 1943 году он и Конев докладывали Сталину план какой-то операции, с которым Сталин не согласился. Жуков, по его словам, настоятельно пытался доказать Сталину правильность этого плана, но Сталин, дав соответствующее указание, предложил план переделать. Этим Жуков был очень недоволен, обижался на Сталина и говорил, что такое отношение к нему очень ему не нравится.

Наряду с этим Жуков высказывал мне недовольство решением правительства о присвоении генеральских званий руководящим работникам оборонной промышленности. Жуков говорил, что это решение является неправильным, что, присвоив звание генералов наркомам и их заместителям, правительство само обесценивает генеральские звания. Этот разговор происходил между нами в конце 1944 года, когда я и Жуков находились на 1-м Белорусском фронте.

Осенью 1944 года под Варшавой Жуков также рассказал мне, что он возбудил ходатайство перед Сталиным о том, чтобы Кулика наградили орденом Суворова, но Сталин не согласился с этим, то он — Жуков стал просить о возвращении Кулику орденов, которых он был лишен по суду, с чем Сталин также не согласился. И в этом случае Жуков высказал мне свою обиду на это, что его, мол, не поддержали и что Сталин неправильно поступил, не согласившись с его мнением.

▲ Серов И.А. и Вадис А.А., Германия, 1945

Хочу также сказать Вам и о том, что еще в более близкой связи с Жуковым, чем я, находится Серов, который также угодничает, преклоняется и лебезит перед ним. Их близость тянется еще по совместной работе в Киеве. Обычно они бывали вместе, а также посещали друг друга. На какой почве установилась между ними такая близость, Жуков мне не говорил, но мне кажется, что Жукову выгодно иметь у себя такого человека, как Серов, который занимает большое положение в Министерстве внутренних дел. Я тоже находился в дружеских отношениях с Серовым и мы навещали друг друга.

Когда я был снят Сталиным с должности командующего ВВС, Серов говорил мне о том, чтобы я пошел к Маленкову и просил у него защиты. Во время моего пребывания в Германии Серов действовал мне в приобретении вещей.

Касаясь своих преступлений, я вынужден признать, что после отстранения меня от работы в ВВС, я был очень обижен и высказывал в кругу своих близких несогласие с таким решением Сталина, хотя внешне при людях я лукавил душой и говорил, что со мной поступили правильно, что я это заслужил.

Так, вскоре после состоявшегося обо мне решения, я в беседе со своей женой и ее братом Владимиром говорил, что причина моего снятия заключается не в плохой моей работе, а в том, что на меня наговорили. При этом я всячески поносил и клеветал на Верховного Главнокомандующего и его семью. Я также заявлял, что Сталин несправедливо отнесся ко мне. Когда мне стало известно об аресте Шахурина, Репина и других, я был возмущен этим и заявлял в кругу своих родственников, что поскольку аресты этих лиц произведены с ведома Сталина, то просить защиты не у кого.

Вражеские разговоры я в апреле 1946 года вел со своей бывшей женой Веледеевой М. М., которая проездом останавливалась в Москве. В беседе с Веледеевой я говорил, что Сталин необъективно подошел ко мне и возводил на него злобную клевету. В разговорах с моей теперешней женой Елизаветой Федоровной и с Веледеевой я обвинял правительство и лично Сталина в том, что они не оценивают заслуг людей и, несмотря ни на что, изгоняют их и даже сажают в тюрьму.

Повторяю, что, несмотря на высокое положение, которое я занимал, и авторитет, созданный мне Верховным Главнокомандующим, я все же всегда чувствовал себя пришибленным. Это длится у меня еще с давних времен. Я являюсь сыном полицейского, что всегда довлело надо мной и до 1932 года я все это скрывал от партии и командования.

Когда же я столкнулся с Жуковым и он умело привязал меня к себе, то это мне понравилось и я увидел в нем опору. Такая связь с Жуковым сблизила нас настолько, что в беседах с ним один на один мы вели политически вредные разговоры, о чем я и рассказываю теперь перед Вами.

Признаюсь Вам, что я оказался в полном смысле трусом, хотя и занимал большое положение и был главным маршалом.

У меня никогда не хватало мужества рассказать Вам о всех безобразиях, которые по моей вине творились в ВВС и о всем том что я изложил в настоящем заявлении.

После смерти Сталина, Новиков А. А. станет чуть ли не главным свидетелем на судебном процессе Абакумова и главный обвинитель Руденко (карманный прокурор Хрущева) приложит все свое старание доказать, что арест Новикова был безосновательным, а его показания были получены от Новикова путем того, что "следствие прибегло к извращенным приемам" с "применением мер физического воздействия пыток и истязаний к подследственным...".

Ложь, прозвучавшая в ходе многочисленных судебных процессов в начале «хрущевской оттепели» (точнее хрущевской слякоти) будет тиражироваться на протяжении многих лет, имитируя, интерпретируя и ловко маскируя истинное положение дел второй половины 40-х годов.

1 июня 1946 года дело Жукова было рассмотрено на Высшем Военном Совете в присутствии всех девяти маршалов Советского Со-

юза, каждый из которых высказал своё мнение относительно личности Г. К. Жукова. Совет, коллегиальным решением внес предложение освободить маршала Жукова от должностей главнокомандующего Сухопутными войсками, Советскими оккупационными войсками и заместителя министра Вооруженных Сил СССР. 3 июня Совет Министров СССР утвердил эти предложения.

Приказ Министра Вооруженных Сил Союза ССР №009

г. Москва

9 июня 1946г.

Совершенно секретно

Совет Министров Союза ССР постановлением от 3 июня с. г. утвердил предложение Высшего военного совета от 1 июня об освобождении маршала Советского Союза Жукова от должности главнокомандующего сухопутными войсками и этим же постановлением освободил маршала Жукова от обязанностей заместителя министра Вооруженных Сил.

Обстоятельства дела сводятся к следующему.

Бывший командующий Военно-Воздушными Силами Новиков направил недавно в правительство заявление на маршала Жукова, в котором сообщал о фактах недостойного и вредного поведения со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию.

Высший военный совет на своем заседании 1 июня с. г. рассмотрел указанное заявление Новикова и установил, что маршал Жуков, несмотря на созданное ему правительством и Верховным Главноко-

▲ Маленков Г.М

▲ Молотов В.М

мандованием высокое положение, считал себя обиженным, выражал недовольство решениями правительства и враждебно отзывался о нем среди подчиненных лиц.

Маршал Жуков, потеряв всякую скромность, и будучи увлечен чувством личной амбиции, считал, что его заслуги недостаточно оценены, приписывая при этом себе, в разговорах с подчиненными, разработку и проведение всех основных операций Великой Отечественной войны, включая и те операции, к которым он не имел никакого отношения.

Более того, маршал Жуков, будучи сам озлоблен, пытался группировать вокруг себя недовольных, провалившихся и отстраненных от работы начальников и брал их под свою защиту, противопоставляя себя тем самым правительству и Верховному Главнокомандованию.

Будучи назначен главнокомандующим сухопутными войсками, маршал Жуков продолжал высказывать свое несогласие с решениями правительства в кругу близких ему людей, а некоторые мероприятия правительства, направленные на укрепление боеспособности сухопутных войск, расценивал не с точки зрения интересов обороны Родины, а как мероприятия, направленные на ущемление его, Жукова, личности.

Вопреки изложенным выше заявлениям маршала Жукова на заседании Высшего военного совета было установлено, что все планы всех без исключения значительных операций Отечественной войны, равно как планы их обеспечения, обсуждались и принимались на совместных заседаниях Государственного Комитета Оборона и членов Ставки в присутствии соответствующих командующих фронтами и главных сотрудников Генштаба, причем нередко привлекались к делу начальники родов войск.

Было установлено, далее, что к плану ликвидации сталинградской группы немецких войск и к проведению этого плана, которые приписывает себе маршал Жуков, он не имел отношения: как известно, план ликвидации немецких войск был выработан и сама ликвидация была начата зимой 1942 года, когда маршал Жуков находился на другом фронте, вдали от Сталинграда.

Было установлено, дальше, что маршал Жуков не имел также отношения к плану ликвидации крымской группы немецких войск, равно как к проведению этого плана, хотя он и приписывает их себе в разговорах с подчиненными.

Было установлено, далее, что ликвидация корсунь-шевченковской группы немецких войск была спланирована и проведена не маршалом Жуковым, как он заявлял об этом, а маршалом Коневым, а Киев был освобожден не ударом с юга, с Букринского плацдарма, как предлагал маршал Жуков, а ударом с севера, ибо Ставка считала Букринский плацдарм непригодным для такой большой операции.

Было, наконец, установлено, что признавая заслуги маршала Жукова при взятии Берлина, нельзя отрицать, как это делает маршал Жуков, что без удара с юга войск маршала Конева и удара с севера войск маршала Рокоссовского Берлин не был бы окружен и взят в тот срок, в какой он был взят.

Под конец маршал Жуков заявил на заседании Высшего военного совета, что он действительно допустил серьезные ошибки, что у него появилось зазнайство, что он, конечно, не может оставаться на посту главнокома сухопутных войск и что он постарается ликвидировать свои ошибки на другом месте работы.

Высший военный совет, рассмотрев вопрос о поведении маршала Жукова, единодушно признал это поведение вредным и несовместимым с занимаемым им положением и, исходя из этого, решил просить Совет Министров Союза ССР об освобождении маршала Жукова от должности главнокомандующего сухопутными войсками.

Совет Министров Союза ССР на основании изложенного принял указанное выше решение об освобождении маршала Жукова от занимаемых им постов и назначил его командующим войсками Одесского военного округа.

Настоящий приказ объявить главнокомандующим, членам военных советов и начальникам штабов групп войск, командующим, членам военных советов, начальникам штабов военных округов и флотов.

Министр Вооруженных Сил Союза ССР

Генералиссимус Советского Союза И. СТАЛИН

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 442. Лл. 202-206. Подлинник. Машинопись.

Экз. № 14 июня 1946г.

Секретно

Министру Вооруженных Сил Союза ССР

генералиссимусу Советского Союза

товарищу Сталину И. В.

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 1157—476с от 3-го июня 1946 года, должность главнокомандующего сухопутными войсками Вооруженных Сил Союза ССР и обязанности заместителя министра Вооруженных Сил Союза ССР по сухопутным войскам — 4 июня 1946 года сдал маршалу Советского Союза тов. Коневу Ивану Степановичу.

Маршал Советского Союза
Г. ЖУКОВ

Г. К. Жуков был назначен на должность командующего Одесским военным округом.

Однако «разного рода перипетии» в отношении Жукова не закон-

чились. 23 августа 1946 года Н. А. Булганин направил на имя Сталина нижеследующую докладную записку.

Товарищу Сталину

В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.

При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.

Установлено, что И. О. начальника Тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка:

«Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г. К. в том, что нижепоименованная мебель им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии "Альбин Май" приобретена за наличный расчет и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешен вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный Округ с сопровождающим капи-

таном тов. ЯГЕЛЬСКИМ. Транспорт № 15218431».

Вагоны с мебелью 19 августа из Ягодино отправлены в Одессу.

Одесской таможне дано указание этой мебели не выдавать до получения специального указания.

Опись мебели, находящейся в осмотренных вагонах, прилагается.

Булганин

23 августа 1946 года.

Согласно описи имущества, бывшего из города Хемниц в 7 вагонах находилось: 194 предмета мебели для спальни, гостиной, кабинета, кухни и т. д. Особо выделялась мебель для гостиной, сделанная из красного дерева с обивкой из золотистого плюша и большой круглый стол, сделанный из полированного ореха фирмы Мозер с матовой инкрустацией под кожу под названием "Рафаэль".

История умалчивает о том, какой была реакция Сталина прочитавшего

▲ Булганин Н.А.

текст докладной записки Булганина, однако вскоре, через некоторое время после этого последовала череда событий, которые вошли в послевоенную историю Советского Союза под названием "трофейное дело"...

Судя по документам обстановка в послевоенной Германии была довольно сложной. Так, например, 27 февраля 1946 года начальник опергруппы по Лейпцигскому округу подполковник П. Коломейцев докладывал начальнику оперсектора по федеральной земле Саксония генерал-майору С. Клепову: «...*За последнее время по Лейпцигскому округу как со стороны уголовно-преступного элемента из числа немцев, а также и со стороны военнослужащих Красной Армии участились случаи грабежей, мародерства, убийств гражданского населения. Если в январе месяце с.г. имело место: случаев грабежа — 16, мародерства — 28, убийств не было, то в феврале с.г. процент этих проявлений значительно возрос: случаев убийств — 11,*

▲ Василевский А.М.

грабежа — 83, мародерства — 131. Преступления, учиненные военнослужащими Красной Армии: убито — 5 чел., случаев грабежа — 3, мародерства — 53. Преступления, учиненные преступным элементом из числа немцев: убито — 6 чел., случаев грабежа — 80, мародерства — 78».

Подобные сводки поступали и по другим округам СВАГ. Кроме этого, в начале 1946 года участились случаи воровства с армейских и трофейных складов. За продукты питания в голодной Германии можно было приобрести ценные вещи...

Беспорядки, творящиеся в Красной Армии, несмотря на ее быстрое сокращение, сильно беспокоили Сталина.

После победного мая 1945 года началось резкое сокращение вооруженных сил. Если солдат и офицеров можно демобилизовать, то куда определить генералов и 9 маршалов? Сталин и здесь нашел выход — послал маршалов вместе с генералами командовать военными округами.

Следом за генералами, в путь двинулись вагоны с их военными трофеями...

В последнее время тема корыстных преступлений сотрудников органов государственной безопасности затрагивается историками. Один из авторов — Тепляков — в качестве примера приводит факты, связанные со служебным злоупотреблением начальника УКР СМЕРШ 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.А. Вадиса. «... *А.А. Вадис создал при управлении «нелегальный склад трофейного имущества», из которого делал подарки заместителям начальника ГУКР СМЕРШ Н.Н. Селивановскому, И.И. Вradiю и другим высокопоставленным чекистам. А самому В.С. Абакумову в 1945 году, будучи в Москве, Вадис отправил на квартиру «чемодан с дорогостоящими вещами».* Правда, подобные примеры еще не дают повода говорить о коррупции в аппарате МГБ в целом, и коррумпированности самого Абакумова в частности.

Прояви Абакумов в период войны и после неё «любовь к трофеям» — данный факт немедленно был бы зафиксирован его недоброжелателями, а их у него было, что называется «выше крыши» даже в родном ведомстве после известного приказа по ГУКР СМЕРШ.

ПРИКАЗ №00 170
от 27 сентября 1945 г.

Главное Управление СМЕРШ располагает данными о том, что некоторые органы контрразведки имеют значительное количество не положенного по штату автотранспорта и разного трофейного имущества. Это имущество на учет органами СМЕРШ не взято, что порождает антигосударственное отношение к его расходованию и хранению, а также создает условия для злоупотреблений. В целях наведения порядка в хранении, учете и использовании

имущества, находящегося в органах СМЕРШ, приказываю:

Немедленно произвести тщательную документальную ревизию всего имущества, находящегося в органах СМЕРШ, составить на все имущество подробные описи, которые представить в Главное Управление СМЕРШ, все имущество опечатать и запретить его использование до получения указаний из Главного Управления СМЕРШ. Начальники органов СМЕРШ, у которых после ревизии будет обнаружено имущество, не числящееся на учете или расходуемое не по назначению, будут отданы под суд военного трибунала, невзирая на занимаемые положения.

Абакумов.

Данный приказ был известен и Жукову и Серову... В тот период одно письмо с компроматом в ЦК или напрямую вождю могло решительно сказаться на дальнейшей судьбе.

В ноябре 1945 года Абакумов был в Германии и встречался с Жуковым на партконференции. Об этой встрече позже Жуков вспоминал так: «... Не успели участники конференции разъехаться к местам службы, как в распоряжение Группы войск прибыл генерал Абакумов — заместитель Берии (Абакумов не был заместителем Берии. Ред.). Мне о цели визита не доложил, развернул бурную деятельность. Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как главнокомандующему, почему без моего ведома как главноначальствующего и главнокомандующего арестовывает моих подчиненных? Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить. Самому убраться туда, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву

▲ Говоров Л.А.

▲ Тимошенко С.К.

*под конвоем. Абакумов убыл восво-
яси»...*

Лукавит Жуков, если не сказать хуже. Ему ли, главнотруководящему СВАГ не знать о том, что в Берлин Абакумов прибыл по заданию Сталина для корректировки оперативно-розыскной работы всех подразделений уполномоченного НКВД СССР по СВАГ во всех зонах оперативных секторов. Как известно Серов не смог своими силами обеспечить надлежащую работу в этом вопросе, о чем было доложено Сталину, который дал указание Абакумову как начальнику ГУКР СМЕРШ выделить 300 оперативных сотрудников СМЕРШ в помощь сотрудникам НКВД. Сотрудники военной контрразведки были подключены к этой работе и результаты не замедлили сказаться: к концу декабря 1945 года в советской зоне были ликвидированы 620 организаций и групп так называемого Вервольфа.

Прочитываем некоторые яркие воспоминания Жукова (из бесед с Светлишиным, сотрудником Института военной истории МО и писате-

лем Симоновым) об известных событиях 1946 года:

«...Я был предупрежден, что завтра назначено заседание Высшего военного совета. Поздно вечером приехал на дачу. Уже собирался лечь отдыхать, услышал звонок и шум, вошли трое молодцев. Старший из них представился и сказал, что им приказано произвести обыск... Кем — было ясно. Ордера на обыск они не имели. Пришлось наглецов выгнать, пригрозить, что применю оружие...

А на следующий день состоялось заседание Высшего военного совета, на которое были приглашены маршалы Советского Союза и некоторые маршалы родов войск... Генерал Штеменко занял стол секретаря Совета. Сталин почему-то опаздывал. Наконец он появился. Хмурый, в довоенном френче... Он надевал его, когда настроение было «грозовое».

Недобрая примета подтвердилась... Его взгляд на какое-то едва уловимое мгновение сосредоточился на мне. Затем он положил на стол

папку и глухим голосом сказал: «Товарищ Штеменко, прочитайте, пожалуйста, нам эти документы». Генерал Штеменко раскрыл положенную Сталиным папку и начал громко читать. То были показания находившегося в застенках Берии бывшего члена Военного совета 1-го Белорусского фронта К. Ф. Телегина и бывшего командующего ВВС Советской Армии Главного маршала авиации А. А. Новикова. Суть их была однозначна: маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота. Всего в деле фигурировало 75 человек — из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним в списке был я.

После прочтения показаний генерала Телегина и маршала Новикова в зале воцарилась гнетущая тишина, длившаяся минуты две. И вот первым заговорил Сталин. Обращаясь к сидящим в зале, он предложил выступать и высказывать мнение по существу выдвинутых в мой адрес

▲ Штеменко С.М

▲ Телегин К.Ф.

▲ Рокоссовский К.К.

▲ Рыбалко П.С.

обвинений. Выступили поочередно члены Политбюро ЦК партии Маленков и Молотов. Оба они стремились убедить присутствующих в моей вине. Однако для доказательств не привели каких-либо новых фактов, повторив лишь то, что указывалось в показаниях Телегина и Новикова. После Маленкова и Молотова выступили маршалы Советского Союза Конев, Василевский и Рокоссовский. Они говорили о некоторых недостатках моего характера и допущенных ошибках в работе. В то же время в их словах прозвучало убеждение в том, что я не могу быть заговорщиком. Особенно ярко и аргументировано выступил маршал бронетанковых войск Рыбалко, который закончил свою речь так: «Товарищ Сталин! Товарищи члены Политбюро! Я не верю, что маршал Жуков — заговорщик. У него есть недостатки, как у всякого другого человека, но он патриот Родины, и он убедительно доказал это в сражениях Великой Отечественной войны».

Сталин никого не перебивал. Предложил прекратить обсуждение по этому вопросу. Затем он подошел ко мне, спросил:

— А что вы, товарищ Жуков, можете нам сказать? Я посмотрел удивленно и твердым голосом ответил:

— Мне, товарищ Сталин, не в чем оправдываться, я всегда честно служил партии и нашей Родине. Ни к какому заговору не причастен. Очень прошу вас разобраться в том, при каких обстоятельствах были получены показания от Телегина и Новикова. Я хорошо знаю этих людей, мне приходилось с ними работать в суровых условиях войны, а потому глубоко убежден в том, что кто-то их принудил написать неправду. Сталин спокойно выслушал, внимательно посмотрел мне в глаза и затем сказал:

— А все-таки вам, товарищ Жуков, придется на некоторое время покинуть Москву.

Я ответил, что готов выполнить свой солдатский долг там, где прикажут партия и правительство...»

Зачем Жукову понадобилось искажать действительность и лгать о том, что происходило на Высшем военном Совете, сообщая целый ряд фантастических фактов: «...маршал Жуков возглавляет заговор с целью осуществления в стране военного переворота», приплетать к своему личному делу показания Телегина, напоминать о деле, в котором «... фигурировало 75 человек — из них 74 ко времени этого заседания были уже арестованы и несколько месяцев находились под следствием. Последним в списке был я»?

Парадоксальная... чушь! А ведь в эту чушь искренне верили многие фронтовики, передавая слова маршала из уст в уста...

Ведь на Высшем военном Совете никакой речи о «военном заговоре маршала Жукова» не было, как не было и намека на арест Жукова,

не было никаких показаний Телегина, да и быть просто не могло... Зачем понадобилось Жукову тогда «городить такой огород», рассказывая Симонову небывлицы?

Дело в том, что маршал Жуков (чтобы обелить себя) так до конца и не понял, что произошло с ним весной 1946 года. И выводов на будущее никаких не сделал. Жуков, до конца своих дней, был озлоблен на ряд сослуживцев — маршалов:

Конева, Рокоссовского, Тимошенко, Голикова, Еременко, Голованова, Бирюзова, адмирала Кузнецова, генерала Хетагурова и других.

6 декабря 1947 года сотрудниками военной контрразведки были арестованы генерал Бажанов и подполковник Семочкин А. С. (адъютант Жукова). И тот, и другой довольно быстро и подробно изложили следователям МГБ различные факты, связанные с деятельностью тов. Жу-

кова на посту главноначальствующего СВАГ и его ближайшего окружения. 5 января 1948 года, Абакумов (согласно распоряжения Сталина) приказал сотрудникам МГБ произвести негласный обыск на московской квартире маршала Жукова. Новый 1948 год Жуков встречал в Москве, на своей даче в узком кругу.

9 января сотрудники МГБ провели негласный обыск на квартире и даче Жукова в поселке Рублево.

Совершенно секретно

*Совет Министров СССР
Товарищу Сталину И. В.*

В соответствии с Вашим указанием 5 января с.г. на квартире Жукова в Москве был произведен негласный обыск. Задача заключалась в том, чтобы разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями.

В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальном комнате.

В шкатулке находилось:

часов — 24 штуки, в том числе золотых — 17 и с камнями — 3; золотых кулонов и колец — 15 штук, из них 8 с драгоценными камнями; золотой брелок с большим количеством драгоценных камней; другие золотые изделия (портсигар, цепочки и браслеты, серьги с драгоценными камнями пр.).

В связи с тем, что чемодана в квартире не оказалось, было решено все ценности, находящиеся в сейфе, сфотографировать, уложить обратно так, как было раньше, и произведенному обыску на квартире не придавать гласности.

По заключению работников, проводивших обыск, квартира Жукова производит впечатление, что оттуда изъято все то, что может его скомпрометировать. Нет не только чемодана с ценностями, но отсутствуют даже какие бы то ни было письма, записки и т.д. По-видимому, квартира приведена в такой порядок, чтобы ничего лишнего в ней не было.

В ночь с 8 на 9 января с.г. был произведен негласный обыск на даче Жукова, находящейся в поселке Рублево под Москвой.

В результате обыска обнаружено, что две комнаты дачи превращены в склад, где хранится огромное количество различного рода товаров и ценностей.

Например:

шерстяных тканей, шелка, парчи, панбархата и других материалов — всего свыше 4 000 метров; мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракульчевых, каракулевых — всего 323 шкуры; шевро высшего качества — 35 кож;

дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов и домов Германии, — всего 44 штуки, часть из которых разложена и развешана по комнатам, а остальные лежат на складе; особенно обращает на себя внимание больших размеров ковер, разложенный в одной из комнат дачи;

ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамках — всего 55 штук, развешанных по комнатам дачи и частично хранящихся на складе;

дорогостоящих сервизов столовой и чайной посуды (фарфор с художественной отделкой, хрусталь) — 7 больших ящиков;

серебряных гарнитуров столовых и чайных приборов — 2 ящика;

аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук;

уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других — всего 20 штук.

Это имущество хранится в 51 сундуке и чемодане, а также лежит навалом.

Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также всякого рода безделушки иностранного происхождения.

▲ Толбухин Ф.И.

▲ Антонов А.И.

Заслуживает внимания заявление работников, проводивших обыск, о том, что дача Жукова представляет собой, по существу, антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причем их так много, что четыре картины висят даже на кухне. Дело дошло до того, что в спальне Жукова над кроватью висит огромная картина с изображением двух обнаженных женщин.

Есть настолько ценные картины, которые никак не подходят к квартире, а должны быть переданы в государственный фонд и находиться в музее.

Свыше двух десятков больших ковров покрывают полы почти всех комнат.

Вся обстановка, начиная с мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке.

Зайдя в дом, трудно себе представить, что находишься под Москвой, а не в Германии.

По окончании обыска обнаруженные меха, ткани, ковры, гобелены, кожи и остальные вещи сложены в одной комнате, закрыты на ключ и у двери выставлена стража.

В Одессу направлена группа оперативных работников МГБ СССР для производства негласного обыска в квартире Жукова. О результатах этой операции доложу вам дополнительно.

Что касается необнаруженного на московской квартире Жукова чемодана с драгоценностями, о чем показал арестованный Семочкин, то проверкой выяснилось, что этот чемодан все время держит при себе жена Жукова и при поездках берет его с собой.

Сегодня, когда Жуков вместе с женой прибыл из Одессы в Москву, указанный чемодан вновь появился у него в квартире, где и находится в настоящее время.

Видимо, следует напрямик потребовать у Жукова сдачи этого чемодана с драгоценностями.

Абакумов, 10 января 1948 года.

▲ Голованов А.Е.

▲ Малиновский Р.Я.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО
ЦК ВКП (б)**

**«О т. ЖУКОВЕ Г.К. МАРШАЛЕ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА»**

20 января 1948 г.

ЦК ВКП (б), заслушав сообщение Комиссии в составе тт. Жданова, Булганина, Кузнецова и Шкирятова, выделенной для рассмотрения поступивших в ЦК материалов о недостойном поведении командующего Одесским военным округом т. Жукова Г.К., установил следующее. Тов. Жуков, в бытность Главкомом группы Советских оккупационных войск в Германии, допустил поступки, позорящие высокое звание члена ВКП (б) и честь командира Советской Армии. Будучи полностью обеспечен со стороны государства всем необходимым, тов. Жуков, злоупотребляя своим служебным положением, встал на путь мародерства, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей. В этих целях т. Жуков, давши волю безудержной тяге к стяжательству, использовал своих

подчиненных, которые, угодничая перед ним, шли на явные преступления, забирали картины и другие ценные вещи во дворцах и особняках, взломали сейф в ювелирном магазине в г. Лодзи, изъяв находящиеся в нем ценности, и т.д. В итоге всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т.д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того еще до 30 килограммов разных серебряных изделий, до 50 дорогостоящих ковров и гобеленов, более 60 картин, представляющих большую художественную ценность, около 3 700 метров шелка, шерсти, парчи, бархата и др. тканей, свыше 320 шкурок ценных мехов и т.д. Будучи вызван в Комиссию для дачи объяснений, т. Жуков вел себя неподобающим для члена партии и командира Советской Армии образом, в объяснениях был неискренним и пытался всячески скрыть и замазать факты своего антипартий-

ного поведения. Указанные выше поступки и поведение Жукова на Комиссии характеризует его как человека, опустившегося в политическом и моральном отношении. Учитывая все изложенное, ЦК ВКП (б) постановляет:

1. Признавая, что т. Жуков за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания.
2. Освободить т. Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов.
3. Обязать т. Жукова немедленно сдать в Госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи.

3. Д. 2198. Лл. 28–29. Подлинник. Машинопись.

Приказ о назначении Жукова на должность командующего Уральским военным округом был подписан министром Вооруженных сил Булганиным 4 февраля 1948 года.

Совет Министров СССР
товарищу Сталину И. В.

3 февраля 1948 г. № 3726/А гор. Москва

Докладываю, что МГБ СССР взято обратно с базы госфондов все имущество, изъятое у маршала Жукова.

Абакумов.

АКТ

О передаче Управлению Делами Совета Министров Союза СССР изъятого Министерством Государственной безопасности СССР у Маршала Советского Союза Г. К. Жукова незаконно приобретённого и присвоенного им трофейного имущества, ценностей и других предметов:

- Кулоны и броши золотые (в том числе один платиновый) с драгоценными камнями — 13 штук
  - Часы золотые — 9 штук
  - Серьги золотые с бриллиантами — 2 пары
  - Другие золотые изделия (браслеты, цепочки и другое) — 9 штук
  - Украшения из серебра, в том числе под золото — 5 штук
  - Металлические украшения (имитация под золото) с драгоценными камнями (кулоны, цепочки, кольца) — 14 штук
  - Столовое серебро (ножи, вилки, ложки и другие предметы) — 713 штук
  - Серебряная посуда (вазы, кувшины, сахарницы, подносы и другое) — 14 штук
  - Шерстяные ткани, шелка, парча, бархат, фланель и другое — 3.420 метров
  - Меха (скунс, норка, выдра, нутрии, чёрно-бурые лисы, каракульча) — 323 штуки
  - Шевро и хром — 32 кожи
  - Дорогостоящие ковры и дорожки больших размеров — 31 штука
  - Гобелены больших размеров художественной выделки — 5 штук
  - Художественные картины в золочёных рамах, часть из которых представляет музейную ценность — 60 штук
  - Дворцовый золочёный гарнитур гостиной мебели — 10 предметов
  - Художественно выполненные антикварные вазы с инкрустациями — 22 штуки
  - Бронзовые статуи и статуэтки художественной работы — 29 штук
  - Часы каминные антикварные и напольные — 9 штук
  - Дорогостоящие сервизы столовой и чайной посуды (частью некомплектные) — 820 предметов
  - Хрусталь в изделиях (вазы, подносы, бокалы, кувшины и другое) — 45 предметов
  - Охотничьи ружья зарубежных фирм — 15 штук
  - Баяны и аккордеоны художественной выделки — 7 штук
  - Пианино, рояль, радиоприёмники, фарфоровая и глиняная посуда и другие предметы, согласно прилагаемых поштучных описей.
- Всего прилагается 14 описей.

Сдали: заместитель Министра ГБ СССР генерал-лейтенант Блинов А. С.

Начальник отдела "А" МГБ СССР генерал-майор Герцовский А. Я.

Приняли: Управляющий делами Совета Министров СССР Опарин И. Е.

Согласно докладной записки зам. министра МГБ СССР А. С. Блинова, Жукову было оставлено: часть золотых изделий, 15 пар часов, в том числе 8 золотых, значительная часть другого имущества, приобретение которого Жуковым было подтверждено счетами и квитанциями, в том числе часть мебели, около 500 метров тканей, 1 кожа, 5 ружей, 1 аккордеон и т. д.

За подобные преступления, совершенные Жуковым, согласно УК РСФСР предусматривалась мера наказания — тюремный срок от 10 до 25 лет. Но Г. К. Жуков не был арестован.

Выступая на собрании избирателей Сталинского округа города Москвы 9 февраля 1946 года Сталин сказал: «... *говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности.*»

Понять действия Сталина и Политбюро партии можно. Арест и тюремное наказание одного из маршалов Победы наносили тяжелый моральный удар по СССР, и руководству страны.

Жуков, затаив злобу, тщеславный и крайне амбициозный позже жестоко и подло отомстит. И не только тем, кто расследовал трофейное дело. Сталину, всем, всей стране, всему народу. Жуков поможет заговорщикам Хрущеву, Маленкову и Булганину совершить государственный военный переворот 26 июня 1953 года, военную часть государственного переворота осуществит Жуков, в результате которого к власти в СССР придет Хрущев. Затем в 1956 году спасет Хрущева от отстранения от кормила власти партийной оппозицией. Эти деяния коренным образом изменят судьбу страны, предопределят гибель СССР и социализма. ■

▲ Жданов А.А.

▲ Мерецков К.А.

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА МИРОВЫХ ЛИДЕРОВ

▲ Черчилль, Сталин, Гарриман

Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения. Наше совещание продолжалось около четырех часов. Поскольку наш второй самолет, в котором находились Брук, Уэйвелл и Кадоган, не прибыл, присутствовали только Сталин,

Молотов, Ворошилов, я, Гарриман, а также наш посол и переводчики. Я составил этот отчет на основании записей, которые мы вели, на основании моих собственных воспоминаний, а также телеграмм, которые я посылал в Англию то время.

Брук Алан Френсис (1883-1963), британский фельдмаршал (1944). Во II мировой войне, командующий английского корпуса во Франции, в 1940-1941 командующий войсками

метрополии, в 1941—1946 начальник генерального штаба.

Уэйвелл Арчибалд Персивал (1883-1950), британский фельдмаршал (1943). Участник I мировой войны, в 1916-1917 военный атташе при штабе русской Кавказской армии. С 1939 командующий британскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, в 1941 — британскими войсками в Индии, в 1942 главнокомандующий союзными войсками в Юго-

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874-1965),

государственный, политический и военный деятель Великобритании, один из лидеров консервативной партии. Окончил школу Харроу и Сандхертское военное училище. С 1895 г. служил офицером в войсках, участвовал в колониальных войнах и подавлении национальных восстаний в Индии, Судане и других британских колониях. Во время англо-бурской войны 1899-1902 гг. военный корреспондент в Южной Африке. В 1900 избран в парламент от консервативной партии. В 1904 г. по карьерным соображениям перешел в комитет рабочего представительства (с 1906 лейбористская партия). Многочисленные выступления с критическими речами в адрес правительства способствовали росту его популярности. В 1906 г. вновь избирается в палату общин от лейбористской партии и назначается зам министра колоний. В 1908-1910 гг. министр торговли, в 1910-1911 гг. министр внутренних дел, в 1911-1915 гг. первый лорд адмиралтейства (военно-морской министр). В I мировую войну в 1914 г. участвовал в обороне и эвакуации Антверпена, был одним из организаторов Дарданелльской операции 1915-1916 гг., провал которой привел к его отставке. Премьер-

министр Ллойд Джордж сокрушался, что «Уинстон выступает в роли главного стратега, не имея необходимой квалификации и поддержки энергичных начальников штабов». С 1917 г. — министр военного снабжения, в 1919-1921 гг. — военный министр и министр авиации. В этот период Черчилль, являвшийся, по оценке Ленина, величайшим ненавистником Советской России, выступал одним из главных организаторов антисоветской интервенции. Британский историк Джэйлс Милтон в книге «Русская рулетка» отмечает «в августе 1919 года Черчилль, не задумываясь, принял решение использовать химическое оружие против Красной Армии и деревень, которые контролировались большевиками». В 1921-1922 гг. министр колоний, активно занимался укреплением английских колониальных войск, строительством баз, особенно на Ближнем Востоке, впервые применил военную авиацию для подавления национально-освободительного движения в колониях. В 20-е гг. вернулся в консервативную партию, от которой с 1924 г. до конца жизни был депутатом парламента. Его оппоненты в парламенте отмечали, что у прожженного политика «партии служат в качестве инструмента для достижения собственных целей, мы не можем обнаружить у него ни одного принципа. Он просто держит нос по ветру». В 1924-1929 гг. министр финансов. В 30-е гг. активно выступал против внешней политики Болдуина — Чемберлена, направленной на умиротворение фашистских агрессоров. С вступлением Великобритании во II мировую войну в сентябре 1939 г. был назначен военно-морским министром, в мае 1940 г. — премьер-министром. Понимая, что без военного союза с СССР Великобритания не в состоянии избежать поражения в войне, Черчилль 22 июня 1941 г., сразу после нападения фашистской Германии на Советский Союз, заявил о поддержке борьбы советского народа. В июле 1941 г. Великобритания заключила с СССР соглашение о совместных действиях против фашистской Германии, а в мае 1942 г. был подписан договор о союзе в войне против Германии. Вынужденный ходом истории пойти на эти решения, Черчилль в дальнейшем всячески тормозил выполнение своих союзнических обязательств, в том числе об открытии второго фронта в Европе. Сталин Черчиллю не доверял, считая его «циничной лисой». Черчилль постоянно просил Сталина о помощи, особенно, когда войска союзников попали в тяжелую для них ситуацию в декабре 1944 г. в Арденнах, сам же при каждом удобном случае поступал вопреки интересам Москвы. Участник Тегеранской (1943), Крымской (1945) и Потсдамской (1945) конференций. После победы лейбористов на выборах 1945 г. правительство ушло в отставку, и Черчилль, возглавивший консервативную оппозицию в парламенте, активно включился в антисоветскую деятельность, сколачивание антисоветских блоков. Черчилль, который долгое время уверял Сталина в своих союзнических чувствах, стал главным вдохновителем «холодной войны». 5 марта 1946 г. в Фултоне (США) выступил с антисоветской речью, призвал к созданию военно-политического союза Великобритании и США, направленного против Советского Союза и стран народной демократии. В 1951-1955 гг. Черчилль — вновь премьер-министр, проводил политику усиления военной организации НАТО, ремилитаризации Западной Германии, создания империалистических военных блоков. Западные историки величают Черчилля «пророком гуманизма». Сэр У. Черчилль никогда им не был, это был расист и палач

народов «если погиб один человек — это трагедия, если гибнет миллион человек — это статистика». Для достижения своих целей Черчилль не останавливался ни перед чем. Уильям Бивербрук, лорд хранитель печати отмечал «Черчилль сделан из того теста, из которого лепят тиранов». Черчилля больше всего на свете привлекала азартная политическая игра, главным призом в которой была власть — «власть — это наркотик. Кто попробовал его хоть раз — отравлен навсегда». В 1955 г. Черчилль ушел в отставку и отошел от политической деятельности. Активно занялся литературной деятельностью. В 1964 г. на праздновании 90-летия Черчилля в парламенте Англии за него был предложен тост, как за самого яркого врага большевистской России. Черчилль возразил — «...к сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в тысячу раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

Восточной Азии, Индии и Бирме. В 1943-1947 вице-король Индии.

Кадоган Александр Джордж Монтэгю (1884-1968), британский дипломат. На дипломатической службе с 1908. В 1933-1936 посланник, посол в Китае, в 1938-1946 постоянный зам. министра иностранных дел. Участвовал в Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях. В 1946-1950 постоянный представитель Великобритании в ООН.

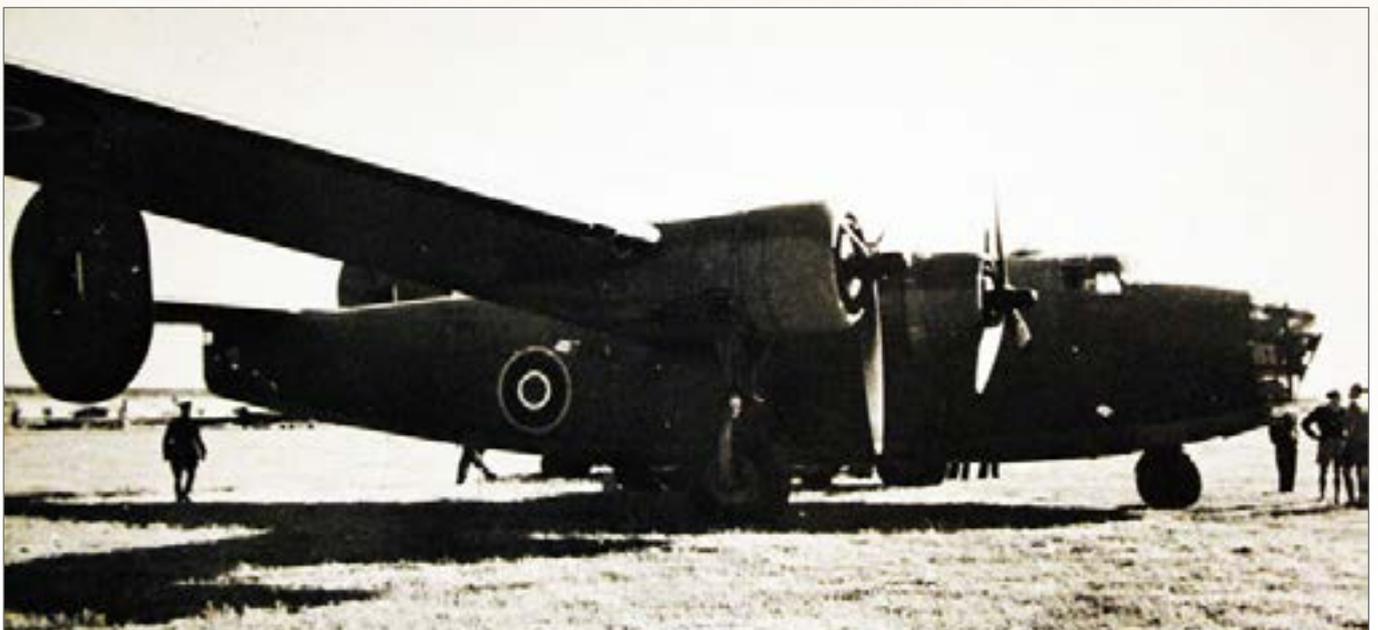
Гарриман Уильям Аверелл (1891-1986), государственный и политический деятель США, дипломат.

В 1943-1946 посол в СССР, в 1946-1948 министр торговли. В 1950-1969 находился на различных дипломатических и административных постах).

Первые два часа были унылыми и мрачными. Я сразу же начал с вопроса о втором фронте, заявив, что хочу говорить откровенно и хотел бы, чтобы Сталин тоже проявил полную откровенность. Я не приехал бы в Москву, если бы не был уверен, что он сможет обсуждать реальные вещи. Когда Молотов был в Лондоне, я говорил ему, что мы пытаемся составить планы диверсии во Франции. Я также разъяснил Молотову,

что не могу дать никаких обещаний относительно 1942 года, и вручил Молотову меморандум по этому вопросу. После этого англичанами и американцами было проведено исчерпывающее изучение проблемы. Английское и американское правительства не считают для себя возможным предпринять крупную операцию в сентябре, являющемся последним месяцем, в течение которого можно полагаться на погоду.

Черчилль умалчивает о том, что для успешной высадки вермахта в Англии операция «Морской лев» требовалось иметь превосходство в воздухе и на море. Немцы этого превосходства не имели. Но Англия и США в 1942-м имели

▲ В-24 Либератор — на нем прибыл Черчилль в Москву в августе 1942 года

▲ Черчилль и де Голль

в зоне Ла-Манша значительное превосходство и в воздухе, и на море. Кроме того, они могли высадить не 150—200 тысяч войск, а гораздо больше. Только на Британских островах имелось 35 английских дивизий. США предполагали доставить в Англию 10 дивизий. Необходимые десантные средства имелись. Однако союзники, вместо того чтобы сосредоточить силы на форсировании 30-километрового пролива, предпочли направить 13 дивизий и 850 кораблей судов в далекую Африку.)

Однако, как это известно Сталину, они готовятся к очень большой операции в 1943 году. С этой целью сейчас установлены сроки прибытия в Соединенное Королевство миллиона американских солдат на их сборный пункт весной 1943 года, что составит экспедиционную армию в 27 дивизий, к которым английское правительство готово добавить 21 дивизию. Почти половину этих войск составят бронетанковые войска. Пока что в Соединенное Королевство прибыли только 2,5 американской

дивизии, однако большие перевозки будут осуществлены в октябре, ноябре и декабре.

Я сказал Сталину, что хорошо понимаю, что этот план не дает никакой помощи России в 1942 году, но считаю возможным, что, когда план 1943 года будет готов, вполне может оказаться, что немцы будут иметь более сильную армию на Западе, чем теперь. В этот момент лицо Сталина нахмурилось, но он не прервал меня. Затем я сказал, что у меня есть серьезные доводы против атаки на французское побережье в 1942 году. Имеющихся у нас десантных судов хватит лишь для высадки первого эшелона десанта на укрепленном побережье — их хватит для того, чтобы высадить шесть дивизий и поддерживать их. Если высадка окажется успешной, могли бы быть посланы и другие дивизии, но лимитирующим фактором являются десантные суда, которые теперь строятся в очень большом количестве в Соединенном Королевстве, а особенно в Соединенных Штатах. Вместо одной дивизии, которая могла бы быть доставлена в этом году,

в будущем году окажется возможным доставить восемь или десять. Сталин становился все мрачнее и мрачнее; казалось, он не был убежден моими доводами и спросил, разве невозможно атаковать какую-либо часть французского побережья. Я показал ему карту, из которой было видно, насколько трудно создать воздушное прикрытие где-либо, кроме как непосредственно по сторону Ла-Манша. Он, казалось, не понял этого и задал несколько вопросов о радиусе действия самолетов-истребителей.

Разве они не могли бы, например, все время прилетать и улетать? Я разъяснил, что они, конечно, могли бы прилетать и улетать, но при таком радиусе у них не оставалось бы времени, чтобы сражаться, и я добавил, что воздушное прикрытие необходимо держать развернутым для того, чтобы оно приносило какую-то пользу. Он затем сказал, что во Франции нет ни одной германской дивизии, представляющей какую-нибудь ценность. Я возражал против этого заявления. Во Франции находится 25 германских дивизий, причем 9 из них являются дивизиями

первой линии. Он покачал головой. Я сказал, что взял с собой начальника имперского генерального штаба, чтобы подобные вопросы могли быть подробно рассмотрены с русским генеральным штабом. Существует граница, за пределами которой государственные деятели не могут вести переговоры такого рода.

Сталин, мрачное настроение которого к этому времени значительно усилилось, сказал, что, насколько он понимает, мы не можем создать второй фронт со сколько-нибудь крупными силами и не хотим даже высадить шесть дивизий. Я ответил, что дело обстоит так. Мы могли бы высадить шесть дивизий, но их высадка принесла бы больше вреда, чем пользы, ибо она сильно повредила бы большой операции, намечаемой на будущий год. Война — это война, но не безрассудство, и было бы глупо навлечь катастрофу, которая не принесет пользу никому. Я выразил опасение, что привезенные мною известия не являются хорошими известиями. Если бы, бросив в дело 150—200 тысяч человек, мы могли оказать ему помощь, отвлекая

с русского фронта существенные германские силы, мы не отказались бы от такого курса из-за потерь. Однако если это не отвлечет с русского фронта солдат и испортит перспективы 1943 года, то такое решение было бы большой ошибкой.

Сталин, который стал держать себя нервно, сказал, что он придерживается другого мнения о войне. Человек, который не готов рисковать, не может выиграть войну. Почему мы так боимся немцев? Он не может этого понять. Его опыт показывает, что войска должны быть испытаны в бою. Если не испытать в бою войска, нельзя получить никакого представления о том, какова их ценность. Я спросил, задавался ли он когда-нибудь вопросом, почему Гитлер не вторгся в Англию в 1940 году, когда его мощь была наивысшей, а мы имели только 20 тысяч обученных солдат, 200 пушек и 50 танков. Он не вторгся. Факт таков, что Гитлер испугался этой операции. Не так легко преодолеть Ла-Манш. Сталин ответил, что здесь не может быть аналогии. Высадка Гитлера в Англию встретила бы сопротивление народа,

тогда как в случае английской высадки во Франции народ будет на стороне англичан.

Я сказал, что поэтому тем более важно, чтобы в результате отступления народ Франции не оказался перед угрозой мести Гитлера и, чтобы не потерять зря этих людей, которые будут нужны во время большой операции в 1943 году.

Наступило гнетущее молчание. В конце концов, Сталин сказал, что, если мы не можем произвести высадку во Франции в этом году, он не вправе требовать этого или настаивать на этом, но он должен сказать, что не согласен с моими доводами.

* * *

Затем я развернул карту Южной Европы, Средиземного моря и Северной Африки. Что представляет собой второй фронт? Представляет ли он собой только высадку на укрепленном побережье против Англии? Или он способен принять форму какого-нибудь другого большого предприятия, которое может быть полезным для общего дела? Я считал, что лучше постепенно обратить его вни-

▲ Бомбардировки Лондона

▲ Операция «Торч»

мание на Юг. Если бы, например, мы могли удерживать врага у Па-де-Кале путем концентрации наших войск в Англии и в то же время атаковать в другом месте, например, на Лураре, на Жиронде или, возможно, на Шельде, — это было бы многообещающим делом. Была, конечно, дана общая картина большой операции будущего года. Сталин опасался, что она неосуществима. Я сказал, что, конечно, будет трудно высадить миллион солдат, однако нам придется проявить настойчивость и попытаться.

Затем мы перешли к бомбардировкам Германии, что вызвало общее удовлетворение. Сталин подчеркнул, что очень важно наносить удары моральному состоянию германского населения. Он сказал, что придает величайшее значение бомбардировкам и что ему известно, что наши налеты имеют громадные последствия в Германии.

После разговора на эту тему, который ослабил напряжение, Сталин заметил, что в результате нашей долгой беседы создается впечатление,

что мы не собираемся предпринять ни «Следжхэммер», ни «Раунд-ап» и что мы хотим довольствоваться бомбардировками Германии. Я решил покончить с самым худшим вначале и создать подходящую атмосферу для проекта, сообщить о котором я прибыл. Поэтому я не пытался сразу же рассеять мрачную атмосферу. Я специально просил, чтобы в момент опасности между друзьями и товарищами проявлялась полная откровенность. Однако во время беседы господствовала обстановка вежливости и достоинства.

* * *

Наступил момент пустить в ход «Торч». Я сказал, что хочу вернуться к вопросу о втором фронте в 1942 году, ради чего я приехал. Я не считаю, что Франция является единственным местом для такой операции. Есть другие места, и мы с американцами приняли решение относительно другого плана, который американский президент разрешил мне сообщить секретно Сталину. Сейчас я приступил к этому. Я под-

черкнул большое значение секретности. При этом Сталин привстал, улыбнулся и сказал, что, как он надеется, никакие сообщения по этому поводу не появятся в английской печати.

Затем я точно разъяснил операцию «Торч». Когда я закончил свой рассказ, Сталин проявил живейший интерес. Прежде всего, он задал вопрос, что случится в Испании и вишистской Франции. Несколько позднее он заметил, что операция правильна с военной точки зрения, однако у него есть политические сомнения относительно ее влияния на Францию. Он, в частности, спросил о сроках, и я сказал — не позднее 30 октября, однако президент и все мы стараемся передвинуть срок на 7 октября. Это, казалось, вызвало большое облегчение у троих русских.

Я затем говорил о том, какие, военные преимущества принесет освобождение Средиземного моря — оно даст возможность открыть еще один фронт. В сентябре мы должны одержать победу в Египте, а в октябре — в Северной Африке, все время удерживая врага в Северной Франции.

Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы, и эта операция должна рассматриваться в сочетании с операцией 1943 года, что и есть то, что мы с американцами решили сделать.

Чтобы проиллюстрировать свои разъяснения, я тем временем нарисовал крокодила и объяснил Сталину с помощью этого рисунка, как мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила, в то время как мы атакуем его жесткую морду. Сталин, который был теперь очень заинтересован, сказал: «Дай бог, чтобы это предприятие удалось».

Я подчеркнул, что мы хотим облегчить бремя русских. Если мы попытаемся сделать это в Северной Франции, то натолкнемся на отпор. Если мы предпримем попытку в Северной Африке, то у нас будут хорошие шансы на победу, и тогда мы могли бы помочь в Европе. Если бы мы могли овладеть Северной Африкой, то Гитлеру пришлось бы отозвать свои воздушные силы в противном случае мы

уничтожили бы его союзников, даже, например, Италию, и произвели бы высадку. Операция окажет серьезное влияние на Турцию и на всю Южную Европу, и я боюсь только того, что нас могут опередить. Если Северная Африка будет завоевана в этом году, мы могли бы предпринять смертельную атаку против Гитлера в следующем году. Это явилось поворотным моментом в нашем разговоре.

Сталин затем начал говорить о различных политических трудностях. Не будет ли неправильно истолкован во Франции захват англичанами и американцами районов, где намечена операция «Торч»? Что мы предпримем в отношении де Голля? Я сказал, что мы не хотим, чтобы на этом этапе он вмешивался в операцию. Французы (вишистские), вероятно, станут стрелять в деголлевцев, но вряд ли они будут стрелять в американцев. Гарриман очень настойчиво поддержал это, сославшись

на сообщения, которым президент доверяет, от американских агентов на всей территории проведения операции «Торч», а также на мнение адмирала Леги.

* * *

В этот момент Сталин, по-видимому, внезапно оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в ее пользу. Во-первых, это нанесет Роммелю удар с тыла; во-вторых, это запугает Испанию; в-третьих, это вызовет борьбу между немцами и французами во Франции; в-четвертых, это поставит Италию под непосредственный удар. Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Оно показывало, что русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут

понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно.

Я упомянул пятую причину, а именно, сокращение морского пути через Средиземное море. Сталину хотелось знать, можем ли мы пройти через Гибралтарский пролив. Я сказал, что все будет в порядке. Я сообщил ему также об изменениях в командовании в Египте и о нашей решимости дать там решающий бой в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им нравится «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли осуществить эту операцию в сентябре.

Затем я добавил: «Франция подавлена, и мы хотим подбодрить ее». Франция поняла значение событий на Мадагаскаре и в Сирии. Прибытие американцев приведет к тому, что французская нация перейдет на нашу сторону. Это испугает Франко. Немцы,

▲ Молотов, Павлов, Черчилль

может быть, сразу же скажут французам: «Отдайте нам ваш флот и Тулон». Это вновь возбудило бы антагонизм между Виши и Гитлером.

Я затем коснулся вопроса о возможности использования англо-американской авиации на южном фланге русских армий, чтобы защищать Каспийское море и Кавказские горы и вообще сражаться на этом театре. Однако я не говорил о деталях, поскольку нам, конечно, надо было сначала выиграть нашу битву в Египте и я не был знаком с планами президента относительно участия американцев. Если Сталину понравится эта идея, мы займемся детальной ее разработкой. Он ответил, что они будут очень благодарны за эту помощь, но вопрос о размещении английской авиации потребует детального изучения. Я был очень заинтересован этим проектом, ибо он привел бы к более ожесточенным боям между англо-американской авиацией и немцами и все это помогло бы завоевать господство в воздухе при более бла-

гоприятных условиях, чем тогда, когда надо сидеть и ждать возникновения опасности над Па-де-Кале.

Затем мы собрались около большого глобуса, и я разъяснил Сталину, какие громадные преимущества даст освобождение от врага Средиземного моря. Я сказал Сталину, что если он захочет опять увидеться со мной, то я в его распоряжении. Он ответил, что по русскому обычаю гость должен сказать о своих желаниях и что он готов принять меня в любое время. Теперь он знал самое худшее, и мы все-таки расстались в атмосфере доброжелательства.

Встреча продолжалась почти четыре часа. Потребовалось полчаса с небольшим, чтобы добраться до государственной дачи номер 7. Хотя я был сильно утомлен, я продиктовал после полуночи телеграммы военному кабинету и президенту Рузвельту, а затем крепко и надолго заснул с сознанием, что, по крайней мере, лед сломлен и установлен человеческий контакт.

МОСКВА. ОТНОШЕНИЯ УСТАНОВЛЕНЫ

На следующее утро я проснулся поздно в моем роскошном помещении. Был четверг 13 августа — этот день всегда был для меня «днем Бленгейма». Я договорился, что в полдень нанесу визит Молотову в Кремле, чтобы разъяснить ему полнее и яснее характер различных операций, которые мы имели в виду. При встрече я сказал, что было бы вредно для общего дела, если бы вследствие взаимных обвинений из-за отказа от операции «Следжхэммер» мы были бы вынуждены публично доказывать нецелесообразность таких операций. Я разъяснил также более подробно политическое значение операции «Торч». Он слушал вежливо, но ничего не говорил. Я предложил ему, чтобы моя встреча со Сталиным состоялась в 10 часов этим вечером. Позднее, днем, мне сообщили, что удобнее было бы устроить встречу в 11 часов

▲ Ворошилов К.Е.

▲ Молотов В.М.

▲ Кадоган А.Д., Павлов В.Н., Черчилль У.С., Гарриман А., Сталин И.В., Молотов В.М.

вечера. Меня спросили, не захочу ли я взять с собой Гарримана, поскольку речь будет идти о тех же вопросах, что и накануне вечером. Я ответил «да» и сказал, что мне хотелось бы также взять с собой Кадогана, Брука, Уэйвелла и Теддера, которые тем временем благополучно прибыли из Тегерана на русском самолете, поскольку существовала опасность возникновения пожара на их самолете «Либерейтор».

Прежде чем покинуть эту изысканную строгую комнату дипломата, я повернулся к Молотову и сказал: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу». Молотов впервые перестал быть чопорным. «Сталин, — сказал он, — очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

* * *

Мы все прибыли в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым, при которых находился их переводчик. Затем начался крайне неприятный разговор. Сталин передал мне документ. Когда он был переведен, я сказал, что отвечу на него в письменной форме и что Сталин должен понять, что мы приняли решение относительно курса, которому надо следовать, и упреки тщетны. После этого мы спорили почти два часа. За это время он сказал очень много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся сражаться с немцами и что если бы мы попытались это сделать, подобно русским, то мы убедились бы, что это не так уж плохо; что мы нарушили наше обещание относительно «Следжхэммера»; что мы не выполнили обещаний в отношении поставок России и посылали лишь остатки после того, как взяли себе все, в чем мы нуждались. По-видимому, эти жалобы были адресованы

в такой же степени Соединенным Штатам, как и Англии.

Я решительно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Мне кажется, он не привык к тому, чтобы ему неоднократно противоречили. Однако он вовсе не рассердился и даже не был возбужден. Он повторил свое мнение, что англичане и американцы смогли бы высадить шесть или восемь дивизий на Шербурском полуострове, поскольку они обладают господством в воздухе. Он считал, что если бы английская армия так же много сражалась с немцами, как русская армия, то она не боялась бы так сильно немцев. Русские и, конечно, английская авиация показали, что немцев можно бить. Английская пехота могла бы сделать то же самое при условии, если бы она действовала одновременно с русскими.

Я вмешался и заявил, что согласен с замечаниями Сталина по поводу храбрости русской армии. Предложение о высадке в Шербуре не учитывает существования Ла-

▲ Синилов К.Р. — военный комендант города Москвы, Шапошников Б.М., Молотов В.М., Черчилль У.С.

Манша. Наконец Сталин сказал, что нет смысла продолжать разговор на эту тему. Он вынужден принять наше решение. Затем он отрывисто пригласил нас на обед в 8 часов следующего вечера.

Принимая приглашение, я сказал, что вылечу на самолете на рассвете следующим утром, то есть 15-го. Джо, казалось, был несколько озабочен этим и спросил, не смогу ли я остаться дольше. Я ответил, что, конечно, могу, если это принесет какую-нибудь пользу, и что, во всяком случае, я останусь еще на день. Я воскликнул затем, что в его позиции не чувствуется уз товарищества. Я проделал большой путь, чтобы установить хорошие деловые отношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать это делать. Мы были покинуты в полном одиночестве в течение года в борьбе против Германии и Италии. Теперь, когда три великие нации стали союзниками, победа обеспечена, при условии, если мы не разойдемся и т.д. Когда я говорил

это, я был несколько возбужден, и, прежде чем сказанное мною успели перевести, Сталин заметил, что ему нравится тон моего высказывания. После этого начался разговор в несколько менее напряженной атмосфере.

Сталин начал длительное обсуждение, касающееся двух русских минометов, стреляющих ракетами, действие которых, по его словам, было опустошительным. Он предложил показать их нашим экспертам, если они могут обождать. Он сказал, что предоставит нам всю информацию об этих минометах, но не будет ли нами дано что-нибудь взамен? Не должно ли существовать соглашение об обмене информацией по поводу изобретений? Я сказал, что мы дадим им все, не торгуясь, за исключением лишь тех приспособлений, которые, если они окажутся на самолетах над вражескими позициями и будут сбиты, сделают для нас более трудной бомбардировку Германии. Он согласился с этим. Он также согласился с тем, чтобы его

военные представители встретились с нашими генералами, и такая встреча была намечена на 3 часа дня. Я сказал, что им потребуется, по крайней мере, 4 часа, чтобы полностью разобраться в различных технических вопросах, связанных с операциями «Следжхэммер», «Раунд-ап» и «Торч». Он как-то заметил, что операция «Торч» «правильна с военной точки зрения», но что политическая сторона дела требует более деликатного, то есть более внимательного отношения. Время от времени он возвращался к «Следжхэммеру» и выражал свое недовольство по этому поводу. Когда он сказал, что наше обещание не было выполнено, я ответил: «Я отвергаю это заявление. Каждое обещание было выполнено». И я сослался на памятную записку, которую передал Молотову. Он как будто извинился, заявив, что выражает свое искреннее и честное мнение, что между нами нет недоверия, а существует только расхождение во взглядах.

Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь, и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: «Да, конечно». Линия фронта русских, до которой враг еще не дошел, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придется держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать, а также подробно говорил о силе Черноморского флота, который был сосредоточен в Батуми.

Вся эта часть беседы была менее напряженной, однако, когда Гарриман задал вопрос по поводу планов доставки американских самолетов через Сибирь, на что русские лишь недавно дали согласие после продолжительных настояний американцев, он ответил отрывисто: «Войны не выигрывают планами». Гарриман все время поддерживал меня, и ни один из нас не сделал ни малейшей уступки и не произнес ни одного горького слова.

Сталин раскланялся с нами и протянул мне на прощание свою руку, и я пожал ее.

***

Этим вечером мы были на официальном обеде в Кремле, на котором присутствовало около 40 человек, в том числе некоторые высокопоставленные военные, члены Политбюро и другие высшие официальные лица. Сталин и Молотов радушно принимали гостей. Такие обеды продолжаются долго, и с самого начала было произнесено в форме очень коротких речей много тостов и ответов на них. Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращаются в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал и его коллеги неизменно пили после то-

стов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали.

Во время обеда Сталин оживленно говорил со мной через переводчика Павлова. «Несколько лет назад, — сказал он, — нас посетили Джордж Бернард Шоу и леди Астор». Леди Астор предложила пригласить Ллойда Джорджа посетить Москву, на что Сталин ответил: «Для чего нам приглашать его? Он возглавлял интервенцию». На это леди Астор сказала: «Это неверно. Его ввел в заблуждение Черчилль». «Во всяком случае, — сказал Сталин, — Ллойд Джордж был главой правительст-

ва и принадлежал к левым. Он нес ответственность, а мы предпочитаем открытых врагов притворным друзьям». «Ну что же, с Черчиллем теперь покончено», — заметила леди Астор. «Я не уверен, — ответил Сталин. — В критический момент английский народ может снова обратиться к этому старому боевому коню». Здесь я прервал его замечанием: «В том, что она сказала, много правды. Я принимал весьма активное участие в интервенции, и я не хочу, чтобы вы думали иначе». Он дружелюбно улыбнулся, и тогда я спросил: «Вы простили меня?» — «Премьер Сталин говорит, — перевел Пав-

▲ Черчилль и Сталин

▲ Молотов, Шапошников, Гарриман, Черчилль на аэродроме

лов, — что все это относится к прошлому, а прошлое принадлежит Богу».

***

Во время одной из моих последних бесед со Сталиным я сказал: «Лорд Бивербрук сообщил мне, что во время его поездки в Москву в октябре 1941 года вы спросили его: «Что имел в виду Черчилль, когда заявил в парламенте, что он предупредил меня о готовящемся германском нападении?» «Да, я действительно заявил это, — сказал я, — имея в виду телеграмму, которую я отправил вам в апреле 1941 года». И я достал телеграмму, которую сэра Стаффорд Криппс доставил с задержанием. Когда телеграмма была прочтена и переведена Сталину, тот пожал плечами: «Я помню ее. Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиг-

рать еще месяцев шесть или около этого». Во имя нашего общего дела я удержался и не спросил, что произошло бы с нами всеми, если мы не выдержали натиска, пока он предоставлял Гитлеру так много ценных материалов, времени и помощи.

***

Меня обижало многое, что говорилось на наших совещаниях. Я делал всяческие скидки на то напряжение, которое испытывали советские руководители в условиях, когда они вели кровопролитные сражения на фронте почти в 2 тысячи миль и немцы находились в 50 милях от Москвы и двигались к Каспийскому морю. Технические военные переговоры шли не особенно успешно. Наши генералы задавали всевозможные вопросы, на которые их советские коллеги не были уполномочены отвечать. Единственное требование

Советов было — «второй фронт сейчас». В конце концов, Брук даже повел себя несколько резко и военное совещание было прервано довольно внезапно.

Нам предстояло вылететь на рассвете 16-го. Накануне вечером, в 7 часов, я отправился попрощаться со Сталиным. Состоялась полезная и важная беседа. В частности, я спросил, сможет ли он удержать кавказские горные проходы и помешать немцам достигнуть Каспийского моря, захватить нефтепромыслы в районе Баку, воспользоваться связанными с этим преимуществами и затем рвануться на юг через Турцию или Персию. Он разостлал на столе карту и сказал со спокойной уверенностью: «Мы остановим их. Они не перейдут через горы». Он добавил: «Ходят слухи, что турки нападут на нас в Туркестане. Если это верно, то я смогу расправиться

и с ними». Я сказал, что нет такой опасности. Турки намерены держаться в стороне и, конечно, не захотят ссориться с Англией.

Наша беседа, длившаяся час, подходила к концу, и я поднялся и начал прощаться. Сталин вдруг, казалось, пришел в замешательство и сказал особенно сердечным тоном, каким он еще не говорил со мной: «Вы уезжаете на рассвете. Почему бы нам не отправиться ко мне домой и не выпить немного?» Я сказал, что в принципе я всегда за такую политику. Он повел меня через многочисленные коридоры и комнаты до тех пор, пока мы не вышли на безлюдную мостовую внутри Кремля и через несколько сот шагов пришли в квартиру, в которой он жил. Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре — «столовая, кабинет», спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца. Он взглянул на меня с усмешкой в глазах,

и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью». Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею. Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество — он может пить». Тогда я снял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной Даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 часов 30 мин. утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне. В свое время я уже рассказал об этом инциденте. В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

«Г-н Сталин спрашивает, — сказал Павлов несколько нерешительно, — разве у английского флота нет чувства гордости?» Я ответил: «Вы

▲ Отъезд Черчилля из Москвы

должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне». «Это означает, — вмешался Сталин, — что я ничего не знаю». «Россия сухопутный зверь, — сказал я, — а англичане морские звери». Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение. Я перевел разговор на Молотова: «Известно ли маршалу, что его министр иностранных дел во время своей недавней поездки в Вашингтон заявил, что он решил посетить Нью-Йорк исключительно по своей инициативе и что его задержка на обратном пути объяснялась не какими-нибудь неполадками с самолетом, а была преднамеренной».

Хотя на русском обеде в шутку можно сказать почти все, что угодно, Молотов отнесся к этому довольно серьезно. Но лицо Сталина просияло весельем, когда он сказал: «Он отправился не в Нью-Йорк. Он отправился в Чикаго, где живут другие гангстеры».

Когда отношения были, таким образом, полностью восстановлены, беседа продолжалась. Я заговорил о высадке англичан в Норвегии при поддержке русских и объяснил, что если бы нам удалось захватить Нордкап зимой и уничтожить там немцев, это открыло бы путь для наших конвоев. Этот план, как можно заключить из предыдущего, всегда был одним из моих излюбленных планов. Казалось, Сталину он понравился, и, обсудив средства его осуществления, мы договорились, что нам следует выполнить его по мере возможности.

* * *

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне, — спросил я, — на вас лично так же тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну, нет, — сказал он, — политика коллективизации была страшной борьбой».

«Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, — сказал я, — ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, — сказал он, подняв руки. — Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, — ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: — Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» — спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, — ответил он. — Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было

другие сорта, помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Сталина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух.

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров. До сих пор Сталин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике. Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?» ■

И.Г. ЗАВЬЯЛОВ, генерал-полковник, доктор военных наук

М. В. ФРУНЗЕ И ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

▲ Гражданская война 1920

В жизни вооруженных сил любого государства, их строительстве, обучении и боевой деятельности определяющую роль играет военная доктрина. Это положение целиком и полностью относится и к советской военной доктрине. У ее истоков стояли наша Коммунистическая партия, В. И. Ленин и один из его верных учеников, крупный военный теоретик, выдающийся советский полководец и государственный деятель Михаил Васильевич Фрунзе. Высказанные ими положения о ее логической структуре и содержании до сих пор актуальны.

Советская военная доктрина, как и доктрины других социалистических государств, представляла собой учение, основанное на объективных законах общественного развития, законах войны. В ней учитываются социально-политические, военно-экономические, моральные и другие возможности государства и его вооруженных сил по укреплению обороны страны и отражению агрессии. Она выражает интересы всего государства, всего народа. Как учение советская военная доктрина не равнозначна военной науке, в которой допускаются различия взглядов

и мнений, борьба между ними, в результате чего рождается истина. В военной же доктрине находит отражение единство научно обоснованных и официально принятых взглядов, положений и требований, которых должны придерживаться Вооруженные Силы в своей практической деятельности как в мирное время, так и в ходе войны.

Чтобы иметь общегосударственное значение и обладать большой жизненной силой, военная доктрина должна быть официально признанной, то есть получить подтверждение в соответствующих руководящих ука-

▲ Фото 1944 года

Завьялов Иван Григорьевич (1907-1999) — советский военачальник, военный ученый, генерал-полковник, доктор военных наук (1975), родился 18 (31) января 1907 года в деревне Шипухино Тверской губернии в крестьянской семье. В Красной Армии с сентября 1929 года. Окончил одногодичные курсы 3-й Кавказской Краснознаменной дивизии Северо-Кавказского военного округа. Командир взвода 48-й стрелковой дивизии Московского военного округа, командир взвода полковой школы 150-го стрелкового полка 50-й стрелковой дивизии. С августа 1932 года служил в 80-м отдельном пулеметном батальоне в составе ряда укрепрайонов на Дальнем Востоке, с февраля 1934 — командир учебной роты, с октября 1936 года начальник штаба батальона, с июля 1938 года командир батальона 94 стрелкового полка 32 стрелковой дивизии Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Во главе батальона участвовал в боях у озера Хасан в июле-августе 1938 года. За умелые действия батальона награжден орденом Красная Звезда. С января 1939 года помощник командира 96-го стрелкового полка по строевой части. В апреле 1939 года направлен на учебу в Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1941 году закончил академию. Участник Великой Отечественной войны с июня 1941 года во главе 860-го стрелкового полка воевал на Брянском

фронте, участвовал в наступательных боях на территории Сумской области. В ходе немецкого генерального наступления на Москву 30 сентября его полк в составе 283 стрелковой дивизии попал в окружение, но в ходе Орловско-Брянской оборонительной операции в ночь на 5 октября вся дивизия прорвалась из окружения и сразу же заняла оборону. После месяца упорных оборонительных боев 8 ноября 1941 года Завьялов получил тяжелое ранение в живот. Несколько месяцев лежал в госпиталях, было сделано несколько операций, военно-врачебной комиссией был признан ограниченно годным к военной службе, на фронт уже не попал. В июле 1942 года назначен начальником штаба 37-й запасной стрелковой бригады в Приволжский военный округ. В 1944 году бригада была развернута в 37-ю дивизию, Завьялов начальник штаба дивизии. До конца войны он занимался подготовкой личного состава для действующей армии. После войны командовал стрелковым полком, был начальником штаба стрелковой бригады. В 1948 году окончил Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова. После академии служил в Генеральном штабе. Кроме оперативной и мобилизационной работы занимался вопросами военного строительства Вооруженных сил, военной доктрины, стратегии, оперативного искусства, автор свыше 40 научных работ. За большие заслуги в области военной науки награжден тремя орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР», став полным кавалером этого ордена. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1 степени, тремя орденами Красная Звезда, боевыми медалями и иностранными орденами.

заниях, постановлениях и решениях государственных органов, уставах, наставлениях и других руководящих документах Вооруженных Сил, в подготовке офицерских кадров, обучении и воспитании войск.

Жизнь и деятельность Советских Вооруженных Сил основывалась на единой военной доктрине. В этом их сила и мощь. Ни одна область социальной и общественной жизни людей не требует такой строгой регламентации, как военная, и ни один орган государства не нуждается так в единстве взглядов, организации и действий, руководства и управления, как Вооруженные Силы и их дея-

тельность в мирное и военное время. Эта регламентация и единство выражены в военных уставах и наставлениях, которые отражают важнейшие положения и требования военной доктрины.

Для Советских Вооруженных Сил военная доктрина являлась руководством в их подготовке к отражению агрессии и ведению военных действий. Она связывала воедино теорию и практику всего военного дела. В ней кристаллизировались основные взгляды на сущность, содержание и характер войны, а также принципиальные положения военной науки и требования военного

искусства, принятые и практически применяемые в Вооруженных Силах. Военная доктрина может быть действенной лишь в том случае, если она оказывает организующее и мобилизующее влияние на боеспособность и боевую готовность Вооруженных Сил, личный состав которых должен хорошо знать основные положения и требования военной доктрины, глубоко понимать их, а неукоснительное выполнение считать своим воинским долгом.

В Советском государстве вопрос о военной доктрине остро встал с первых дней его существования и создания Вооруженных Сил. Нуж-

но было иметь ясное представление о возможном характере военных столкновений, которые суждено выдержать первому в мире социалистическому государству, о создании, строительстве и подготовке армии нового типа, способной защитить страну от вражеского нападения, о способах ведения войны и о многих других проблемах, связанных с организацией обороны молодого Советского государства.

Ответы на эти вопросы закономерно вытекали из характера социалистического общественного строя Советского государства и его политики, из опыта боевых действий Красной Армии в годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции и не были одинаковыми. Они нуждались в обобщении, обработке и систематизации. Необходима была единая военная доктрина, которая давала бы направления в решении оборонных задач не только сегодняшнего дня, но главным образом смотрела бы вперед.

Такой доктрины с начала образования молодой Советской Республики не было, да и не могло быть, поскольку Советская Россия стала первым в мире социалистическим государством, которому предстояло впервые решать массу новых задач по укреплению своей обороноспособности и военному строительству. Мы не могли воспользоваться для этого военной доктриной царской России, а также теоретическими разработками военных вопросов, принятыми в царской армии, поскольку в них отражалась идеология самодержавного капиталистического государства, интересы которого диаметрально противоположны социалистическому общественному строю. Стояла задача разработки новой, невиданной доселе военной доктрины социалистического государства.

В годы Гражданской войны и военной интервенции основные положения советской военной доктрины были отражены в программных документах партии и правительства, в мудрых ленинских словах и призывах к защите социалистического Отечества, в его высказываниях

по военным вопросам, указаниях и распоряжениях фронтам и армиям. Они объединяли и целеустремленно направляли действия Красной Армии на разгром интервентов и белогвардейских армий, служили первоосновой зарождавшейся советской военной доктрины, которая уже тогда представляла собой учение, выражала научно обоснованные взгляды на характер и способы ведения войны, навязанной мировым империализмом молодому, еще не окрепшему социалистическому государству.

Неоценимую роль в разработке теоретических основ советской военной доктрины и их практическом применении сыграл М.В. Фрунзе. Он придавал огромное значение уче-

нию о единой военной доктрине для всего военного строительства. «Учение это, — отмечал он, — должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса».

Он всесторонне изучил военные доктрины развитых капиталистических государств — Германии, Англии, Франции, а также статьи по этим вопросам бывших генералов царской армии. Анализируя их, М.В. Фрунзе сделал ряд основополагающих выводов о сущности и содержании военной доктрины, которые и поныне не потеряли своего значения.

Все военное дело государства, в том числе и военная доктрина, писал он, определяются общими

▲ Михаил Фрунзе, 1921 год

▲ Революция, 1917

условиями его жизни и характером политики того класса, который стоит во главе страны. Доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все ее основные элементы даны в окружающей среде — общественном строе государства, его политике, уровне развития экономики, духовных сил народа. И от того, в какой мере военная доктрина соответствует государственным целям, его материальным и духовным ресурсам, зависят ее содержание и жизненность.

Эти выводы и вытекающие из них задачи по разработке единой военной доктрины для Красной Армии М. В. Фрунзе изложил в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», опубликованной в июле 1921 года в журнале «Армия и Революция». В ней впервые с особой остротой был поставлен вопрос о необходимости единой военной доктрины, раскрыты ее логическое построение и основные вопросы

содержания, дано научное определение этого понятия.

В капиталистических государствах в те годы и в последующее время много говорили и говорят о военных доктринах, но не всегда раскрывают их подлинную суть. Предпринималось и предпринимается немало попыток дать понятию военной доктрины такое определение, которое соответствовало бы интересам господствующих эксплуататорских классов и было бы жизненным. Но единого мнения так и не достигнуто.

В чем причина такого положения? Она кроется в том, что в капиталистических странах многие государственные и военные деятели усматривают в военной доктрине только одну, чисто военную сторону, не связывая ее с общественным строем государства, его политикой и идеологией, поскольку это неизбежно привело бы к раскрытию характера развязываемых империализмом несправедливых войн и разоблачению их истинного виновника.

В противоположность одностороннему определению понятия военной доктрины, принятому в капиталистических государствах, М. В. Фрунзе раскрыл в ней две диалектически связанные между собой и взаимозависимые стороны — политическую и техническую, точнее военно-техническую. *К первой он относил положения, раскрывающие социально-политическую сущность и содержание войны*, к которой готовится или ведет государство, направленность его политических целей и задач в этой войне, а также вытекающие из них требования к строительству вооруженных сил, к способам ведения войны и подготовке к ней страны, армии и флота.

Вторая сторона военной доктрины охватывает военно-технические вопросы. К ним относятся: взгляды на характер возможной войны, содержание стратегических задач вооруженных сил, вытекающих из политических целей войны,

намечаемые способы ее ведения, вопросы строительства и подготовки вооруженных сил к войне и их материально-технического обеспечения, обучения и воспитания, а также общие основы подготовки страны к войне. Эта часть военной доктрины определяется ее политическим содержанием и зависит от уровня экономики государства, ее способности обеспечить вооруженные силы всем необходимым для ведения войны, от морального духа народа, степени развития военной науки и военного искусства.

Исходя из такой структуры военной доктрины, М. В. Фрунзе впервые в истории дал ей наиболее правильное, научное определение. Он писал: «...единая военная доктрина есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые

уровнем развития производительных сил страны».

Такое определение понятия военной доктрины без особых изменений сохранялось и в последующее время. Оно предполагало диалектическую взаимосвязь двух образующих ее сторон, которая характеризовалась следующими основными моментами.

Во-первых, обе стороны неотделимы одна от другой, образуют диалектическое единство **военной доктрины**. Нет и не может быть военной доктрины, выражающей только одну из указанных сторон. Политические цели войны, вытекающие из политики государства, обязательно предполагают средства и способы их достижения. Как нельзя отделить войну от политики, форму от содержания, явление от его сущности, так невозможно оторвать и техническую сторону военной доктрины от политической. Нельзя правильно решить ни одного вопроса подготовки страны к войне и ведения войны или определить стратегические задачи вооруженных сил, не учитывая направленность общей и военной политики государства.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на некоторую неточность в понимании характера советской военной доктрины, допущенную в книге «М. В. Фрунзе. Военная и политическая деятельность». Авторы пишут, что М. В. Фрунзе отчетливо выделял оборонительный характер советской военной доктрины в ее политической части. В то же время он постоянно подчеркивал, что оборонительная суть отнюдь не типична для военно-технической стороны. В действительности такого противопоставления двух сторон военной доктрины у М. В. Фрунзе нет. Это противоречит принципу ее единства.

Речь идет не о характере той или иной стороны советской военной доктрины, а о ее общей оборонительной направленности, суть которой состоит в том, что Советский Союз никогда ни на кого не нападал и нападать не собирается. Ему как социалистическому государству вообще чужды войны как средство решения спорных международных проблем. На протяжении всей своей истории он неизменно проводил миролюбивую политику. Но в случае нападения

▲ Гражданская война

▲ Красная армия, 1918 год

на него или его союзников он даст самый решительный отпор — с использованием всей военно-экономической мощи государства и боевых возможностей его Вооруженных Сил. Наступление и другие активные способы действий М. В. Фрунзе рассматривал именно с точки зрения оборонительной направленности советской военной доктрины. Так, ссылаясь на Маркса, он подчеркивал, что «наступление является самым лучшим видом обороны».

Во-вторых, выраженные в военной доктрине взгляды на политические цели войны должны в полной мере соответствовать экономическим возможностям государства, боевой мощи его вооруженных сил и намечаемым способам действий. Опасно задаваться такими целями в войне и способами ее ведения, которые не обеспечиваются политическими, экономическими, моральными и военными возможностями государства. Расчеты на победу, построенные не на реальном учете сил и возможностей сторон, а в надежде на действие

временных, привходящих факторов вроде внезапности нападения и неподготовленности противника, в конечном счете ведут к авантюризму в политике и к поражению в войне. В военной истории примеров тому немало.

Так, политическое и военное руководство кайзеровской, а затем фашистской Германии как в первой, так и во второй мировых войнах преследовало явно непосильные и в своей основе авантюристические цели установления мирового господства. Оно не располагало для этого необходимыми силами и средствами, недооценивало противника и преувеличивало свои военно-экономические возможности, ставило перед вооруженными силами явно не выполнимые стратегические задачи. В результате этого в обеих войнах Германия потерпела полное поражение, несмотря на то, что она начинала их в более благоприятных условиях по сравнению со своими противниками.

Наряду с соответствием политических целей военно-экономическим

возможностям государства и боевой мощи его вооруженных сил нужно, чтобы этому отвечали намечаемые и применяемые способы ведения войны. В жизни нередко бывали случаи, когда цели войны соответствовали боевым возможностям вооруженных сил, а применяемые ими способы военных действий не обеспечивали выполнение поставленных стратегических задач, и войска терпели поражение.

Например, одной из главных причин поражения англо-французских войск в 1940 году в войне с фашистской Германией является несоответствие примененных ими способов ведения войны сложившейся обстановке. К началу войны Англия и Франция развернули такие силы, которых было достаточно не только для отражения фашистского нападения, но и для перехода к активным действиям. Однако они с первых же дней войны применили пассивную оборону.

И главная тому причина: руководящие государственные деятели Англии и Франции рассчитывали на то, что им удастся направить фа-

шистскую агрессию против Советского Союза и тем самым уничтожить первую в мире страну социализма, а заодно ослабить в этой войне фашистскую Германию и затем заключить с ней мир на выгодных для себя условиях. Чем это кончилось — известно. Фашистская армия нанесла такое поражение англо-французским войскам, в результате которого Франция оказалась оккупированной, а английские войска, бросив военную технику, поспешно эвакуировались на свои острова.

В-третьих, взаимосвязь сторон военной доктрины характеризуется тем, что военно-техническая занимает подчиненное положение по отношению к политической стороне. Все строительство вооруженных сил, их подготовка к войне, стратегические задачи и характер действий определяются политикой и экономическими возможностями государства, количеством и качеством населения. Это, конечно, не означает, что между по-

литическими целями войны и стратегическими задачами существует какая-то резко очерченная грань. Наоборот, «политика и стратегия так тесно переплелись между собой, что их разделение, — как отмечал М.В. Фрунзе, — может быть проделано лишь путем сложного теоретического анализа».

При этом «область политики, — подчеркивал он, — все теснее и теснее переплетается с областью военной деятельности. Одно переходит в другое. Стратегия в узко военном смысле этого слова является частью стратегии политической». Однако и при таком положении политика не может не быть приматом по отношению к стратегии.

При подготовке страны к войне по требованию политики экономические, идеологические, дипломатические и другие формы борьбы перестраиваются на обеспечение военных приготовлений. А в ходе войны она направляет их на достижение победы.

В-четвертых, взаимосвязь между политической и военно-технической сторонами военной доктрины характеризуется большей устойчивостью первой стороны по сравнению со второй.

Политическая сторона реже претерпевает изменения по сравнению с военно-технической и оказывает на последнюю большее влияние. Это объясняется тем, что принципиальные политические положения военной доктрины вытекают из характера общественного строя государства и проводимой им политики, выражающей коренные интересы стоящих у государственной власти общественных классов. Эти положения в своей основе остаются почти неизменными, пока сохраняется данный общественный строй.

Конечно, содержание политической стороны военной доктрины претерпевает и определенные, порой довольно значительные изменения при одном и том же общественном строе. Но они не касаются

▲ Американские интервенты, Владивосток, 1918

▲ Фрунзе, принимающий парад на Красной площади

коренных, принципиальных основ отношения государства к проблемам войны и мира. Эти изменения предопределяются сложившейся военно-политической обстановкой и вытекающими из нее задачами государства и вооруженных сил на том или ином этапе исторического развития и конкретной войны.

Так, во время Великой Отечественной войны политическая сторона советской военной доктрины была нацелена на полный разгром фашистской Германии. Эта цель поддерживалась и тогдашними союзниками СССР — Англией, США и другими государствами антигитлеровской коалиции, несмотря на яв-

ную непоследовательность их политики. Однако после достижения победы над фашистской Германией США, Англия и Франция вместе с рядом других стран Западной Европы открыто изменили военному союзу с СССР, образовали агрессивный блок НАТО, направленный против Советского Союза и дружественных ему социалистических государств. Впоследствии в этот враждебный социалистическим странам блок в качестве равноправного члена была принята и Федеративная Республика Германии. В этих условиях претерпела определенные изменения и политика Советского Союза, а вместе с нею и политическая сторона его военной доктрины. Но это не повлияло на общие основы военных доктрин капиталистических государств и Советского Союза. Первые сохранили свою прежнюю агрессивную сущность и враждебное отношение к Советскому Союзу, а советская военная доктрина — свою оборонительную направленность.

Что касается военно-технической стороны военной доктрины, то она более подвижна и претерпевает изменения значительно чаще, чем политическая сторона. Это объясняется тем, что на нее воздействуют не только серьезные перемены в общественном строе и политическом содержании военной доктрины, но и такие факторы, как изменение уровня экономики и ее возможностей по обеспечению вооруженных сил материально-техническими средствами, появление нового оружия и другой военной техники, изменение боевых и морально-политических качеств личного состава армии и т. д.

Эти факторы в той или иной степени воздействуют на характер строительства вооруженных сил, на их организацию, вооружение, а отсюда и на способы ведения войны. В конечном счете все это находит свое выражение в определенных положениях и принципах военной науки и военного искусства.

Наконец, нельзя не сказать и о взаимном воздействии обеих сторон военной доктрины друг

на друга. Это вытекает из марксистско-ленинского положения о взаимосвязи войны и политики. Политика оказывает влияние на все военное дело непосредственно и через экономику, являющуюся материальной базой войны, а также через людей путем воздействия на их моральное состояние. Например, она может в большей или меньшей степени подчинять развитие экономики государства военным целям и тем самым увеличивать или снижать боевые возможности вооруженных сил.

Воздействие военно-технической стороны военной доктрины на ее политическую сторону выражается в том, что в мирное время она как бы соразмеряет политические цели возможной войны с возможностями Вооруженных Сил. Во время войны определяющее влияние на характер этих целей оказывают успехи или поражения на фронте.

Короче говоря, изменения, которые вносятся в военную доктрину,

с закономерной необходимостью вытекают из объективных тенденций общественного развития — из политики государства, возможностей его экономики, происходящих изменений в средствах и способах ведения войны, морально-боевых качеств вооруженных сил, из возникновения новых идей в области военного дела, которые выдвигаются военной наукой и военным искусством. При этом классовая сущность и политическая направленность военной доктрины сохраняются.

Какое большое значение придавал М.В. Фрунзе разработке научных основ военной доктрины, видно из его слов о том, что «для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наставления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы, и особенно ее командной части». Он считал вполне целесообразным основные

практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы «основным катехизисом Красной Армии».

Принципиально по-иному М.В. Фрунзе рассматривал и вопросы формирования военной доктрины. Он высмеял несостоятельность утверждений военных идеологов капиталистических государств о том, что военные доктрины создаются талантом отдельных выдающихся лиц. М.В. Фрунзе подчеркнул, что военной доктрины изобрести нельзя. Все ее основные элементы даны в окружающей среде и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, сведении их в систему и приведении в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

М.В. Фрунзе считал, что формирование военной доктрины — это обязанность как государства в целом, так и его военного аппарата. Госу-

▲ Гражданская война, Урал, 1918

▲ Дальний Восток, интервенты-японцы, 1918

дарство должно заранее определить характер общей и военной политики, согласно ей наметить возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на общегосударственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и создать прочное единство вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов на характер самих военных задач и способы их разрешения.

В зависимости от проводимой государством политики определяются направленность строительства вооруженных сил, характер и система подготовки как одиночных бойцов, так и крупных

войсковых соединений, а также военно-политическая пропаганда и вся система воспитания в стране.

Свои взгляды по теоретическим основам военной доктрины М. В. Фрунзе продолжал развивать в ряде других статей и выступлений, в частности в «Докладе и заключительном слове на совещании военных делегатов XI съезда РКП (б)» и «Докладе на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черного и Азовского морей 1 марта 1922 г.». Его идеи о единой военной доктрине встречали упорное противодействие не только со стороны многих старых военных специалистов, но и троцкистов, считавших ее разработку ненужным делом.

Особенно большую роль в становлении советской военной доктрины сыграли доклад и заключительное слово М. В. Фрунзе на совещании военных делегатов XI

съезда РКП (б). Он выступил с резкой критикой Троцкого, который отрицал руководящую роль партии и рабочего класса в армии, недооценивал вклад Красной Армии в развитие военного искусства в годы Гражданской войны, на первое место ставил не активные наступательные действия, а оборону, требовал отказаться от обсуждения общих задач строительства армии и больше заниматься бытовыми вопросами и т. д.

В результате выступлений М. В. Фрунзе почти никто из делегатов съезда не поддержал ренегатские высказывания Троцкого.

Одновременно с разработкой теоретических основ военной доктрины М. В. Фрунзе раскрыл важнейшие принципиальные вопросы, на которые она должна отвечать. К их числу относятся: к какой войне и с каким противником необходимо готовить страну и ее Вооруженные Силы, какие цели и задачи могут стоять

перед ними в этой войне, какой их состав и какие материальные средства потребуются для достижения этих целей, какими способами вести войну в случае ее развязывания агрессором. Статьи и выступления М.В. Фрунзе по этим вопросам служили практическому претворению в жизнь положений и требований советской военной доктрины при подготовке страны и Красной Армии к отражению возможной агрессии.

Первый и основной вопрос, на который должна была дать ответ советская военная доктрина, это к какой войне и с каким противником необходимо готовить страну и ее Вооруженные Силы. В его решении М.В. Фрунзе исходил из ленинского положения о том, что сущностью войны является продолжение политики определенных классов или государств насильственными средствами, а ее политическое содержание определяется их экономической и политической заинтересованностью. Исходя из этого, он считал, что будущая война станет войной «двух различных, исключаящих друг друга общественно-политических и экономических систем». Со стороны Советского Союза это будет война классовая, революционная и оборонительная по своим целям. Со стороны империалистических государств — агрессивное нападение в целях уничтожения первого в мире социалистического государства.

При этом он отмечал, что во всякой будущей крупной войне задачи будет решать не одна армия, а вся страна в целом. Война втянет в свой круговорот и подчинит себе решительно все стороны общественного быта, подвергнет испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон, потребует напряжения всех производительных сил, вызовет необходимость мобилизации экономических ресурсов страны в целом.

Самое широкое применение в войне получат все новые сложные технические средства. Это будет если не целиком, то в значительной мере война машин. Театрами военных действий станут громадные террито-

рии с десятками и сотнями миллионов жителей.

Исходя из такого представления о войне, М.В. Фрунзе делал вывод, что любая большая война будет вестись всей страной, всем государственным аппаратом. Это будет война не на живот, а на смерть. «Мы уже теперь, — отмечал он, — должны будем наметить такие условия, которые позволили бы нам в момент мобилизации сразу перейти на военное положение всем фронтом, и не только фронтом военным, но и гражданским».

Отвечая на вопрос, для какой цели и какую армию мы строим, М.В. Фрунзе писал, что мы строили и строим классовую армию, армию трудящихся для защиты пролетарской революции от буржуазно-помещичьей контрреволюции и натиска мирового империализма. Она должна быть тесно связана с народом. Для ведения большой войны, писал он, нам нужна многомиллионная, хорошо технически вооруженная армия, сплоченная сверху донизу единством цели и задач и готовая к их выполнению на любом участке возможного будущего фронта войны.

Она должна воспитываться на идеях маневра, активных наступательных действий. В отношении политико-морального состояния она явится «точным сколком, точным слепком с нашей рабоче-крестьянской страны». Особенно большое значение М.В. Фрунзе придавал техническому оснащению Красной Армии. Он подчеркивал, что мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову современной техники, армию, которая в этом отношении будет стоять на равной доске, если не выше, с армией любого буржуазного государства.

Учитывая возможность столкновения и борьбы двух враждебных миров — социализма и капитализма, главной задачей Красной Армии М.В. Фрунзе считал поддержание и укрепление ее постоянной боевой готовности.

Вообще вопросы военного строительства получили наиболее широкую разработку в трудах М.В. Фрунзе. При этом огромное значение он придавал руководящей роли Коммунистической партии в Вооруженных Силах.

«Партия, — писал он, — играла и будет играть руководящую роль

▲ Интервенты в Архангельске, 1918

▲ Военно-политическое руководство, второй слева Фрунзе 1925 г.

во всей нашей военной политике. Вне такой работы партии мы не мыслим себе укрепления военной мощи нашей страны, укрепления мощи, внутренней спайки, сплоченности и дисциплинированности нашей Красной Армии. Это же сказывается на всех основных вопросах нашего военного строительства».

Все воспитание и обучение Красной Армии, отмечал М. В. Фрунзе, должно проводиться на основе единых взглядов по главным вопросам строительства и методов ведения боевых действий. У нас единство взглядов формируется на почве тех положений, какие даются Коммунистической партией. Она является бесспорным организатором наших побед.

Большое внимание М. В. Фрунзе уделял проводимой в Вооруженных Силах политической работе. В лице политработы, подчеркивал он, Красная Армия получила новое оружие, которое укрепляло и увеличивало

ее боевую мощь. Такой она была и останется навсегда.

М. В. Фрунзе рассматривал военное строительство как неотъемлемую часть всего государственного строительства. Оно должно проводиться на базе единых, проникающих всю толщу армии взглядов по основным вопросам строительства Красной Армии и методов ведения боевых операций. Он считал, что совокупность этих взглядов, сведенных в систему и выраженных в уставах, приказах и наставлениях Красной Армии, дает ей необходимое единство воли и мысли.

При непосредственном участии и под руководством М. В. Фрунзе проводилась огромная работа по реорганизации Красной Армии. Была разработана и осуществлена смешанная система ее формирования, которая представляла собой наличие территориальных соединений и частей с одновременным существованием небольшой кадровой армии.

Однако введение такой системы он рассматривал как временную и вынужденную меру, вызванную ограниченностью средств, выделяемых государством на военные цели. Она не обеспечивала надежную обороноспособность страны, и в конце 30-х годов Советские Вооруженные Силы полностью перешли на кадровую организацию.

Большая работа в Вооруженных Силах была проведена по реорганизации военного аппарата в центре и на местах, созданию более маневренных дивизий, подготовке командных кадров и введению в армии принципа единоначалия. Надо, чтобы командир, утверждал М. В. Фрунзе, был не только военным руководителем, но, чтобы он отвечал и за военно-политическое воспитание личного состава.

Одним из главных, узловых, вопросов военной доктрины является вопрос о способах ведения войны. Действия армии в будущей войне,

писал М. В. Фрунзе, должны носить высоко активный, маневренный характер. Их основой должно быть проведение широких наступательных операций. Вместе с тем он не сбрасывал со счетов и возможности обороны. При этом он отмечал, что позиционные формы борьбы могут быть широко использованы на отдельных особо важных рубежах. Но их нельзя признать в качестве основных для Красной Армии.

Действия Красной Армии, подчеркивал М. В. Фрунзе, будут пропитаны высокой активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций. Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона, только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение. Это положение М. В. Фрунзе называл принципом высшей стратегии.

М. В. Фрунзе допускал и возможность отступления, но рассматривал:

его как часть наступления. «Допущения идеи отступления, как таковой, отступления абсолютного, оторванного от идеи перехода в наступление, — писал он, — по нашему мнению, быть не должно. Отступление — понятие, целиком входящее в понятие наступления».

Рассматривая различные способы действий, их положительные и отрицательные стороны, М. В. Фрунзе отмечал, что для нас самым опасным делом является рутинерство, увлечение какой-нибудь определенной, схемой и каким-нибудь определенным методом. Искусство командира проявляется в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время.

М. В. Фрунзе требовал разносторонней подготовки командных кадров, «Наши полководцы должны быть во всеоружии знаний не толь-

ко военных, но и политических и экономических, ибо теперь все это переплетается в одно единое целое, и без знания этих моментов с успехом руководить армией нельзя. Вопросы военной стратегии, стратегии политической и экономической теснейшим образом переплетаются в единое целое».

В разработке военной доктрины большое внимание М. В. Фрунзе уделял вопросам тыла и подготовки страны к войне. Фронт и тыл в будущей войне, писал он, будут представлять единое целое, руководимое единым действенным аппаратом, который одновременно охватит и военную область, и гражданскую. Связь фронта с тылом станет гораздо более тесной, непосредственной и решающей. «Мы и должны будем повести свою работу так, чтобы наш будущий тыл как в области экономики, так и моральной устойчивости был застрахован от всяких слу-

▲ Интервенция Дальний Восток, 1918

чайных потрясений и бурь». В таких условиях на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки тыла страны еще в мирное время.

М. В. Фрунзе подчеркивал, что «без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немыслимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций».

Важное значение М. В. Фрунзе придавал науке. Он считал необходимым мобилизовать научную деятельность для военных целей. «Представители науки, — писал он, — в будущем будут играть, может быть, более важную роль, чем все мы, взятые в целом». Он требовал расширить фронт научно-исследовательских работ по военным вопросам. При этом подчеркивал, что военная теория не может дать никакого готового шаблонного решения; она может служить лишь руководящим, направляющим началом.

К числу важнейших требований военной доктрины М. В. Фрунзе относил укрепление воинской дисциплины. В каждом красноармейце необходимо воспитать сознание беспрекословного и точного исполнения всех служебных распоряжений и уставов. Революционная дисциплина, — тяжкое бремя лишь для того, кто не понимает ее целей и значения. Он требовал вести самую решительную борьбу со всеми проявлениями халатности, разгильдяйства и недисциплинированности. Ни один случай неисполнения служебного распоряжения с чьей бы то ни было стороны не должен оставаться безнаказанным. Более жесткие требования должны предъявляться к командному составу. Высокий авторитет командира является первым условием укрепления воинской дисциплины.

Оценивая в целом роль М. В. Фрунзе в разработке теорети-

ческих основ советской военной доктрины и практическом применении их в строительстве Вооруженных Сил первого в мире социалистического государства, можно сказать, что нет таких вопросов, которые не получили бы то или иное освещение в его трудах. При этом особую ценность представляет умелое применение им марксистского диалектического метода в решении многочисленных военных вопросов.

Невелики по объему труды М. В. Фрунзе по военной доктрине. Но непревзойденными и единственными являются они по глубине мыслей, по богатству содержания, по разнообразию поднятых в них вопросов. Применив марксистский диалектический метод познания общественных явлений, он впервые в военной истории дал научно обоснованное определение военной доктрины, раскрыл ее логическую структуру, в частности две ее стороны — политическую и военно-техническую, и разработал важнейшие принципиальные положения, касающиеся их соотношения и содержания, сделал на основе научных разработок прогноз характера будущей войны, в которую мог бы быть втянут Советский Союз, ее политических целей, средств и способов ведения, строительства Вооруженных Сил, подготовки их и страны в целом к отражению агрессии и по ряду других вопросов. При этом он не только разработал научно-теоретическое содержание этих вопросов, но и вложил огромный труд в их практическое применение в строительстве Красной Армии.

Выдающуюся роль М. В. Фрунзе сыграл в утверждении руководящей роли партии в Вооруженных Силах, их строительстве, обучении и воспитании личного состава в мирные годы и во время войны.

Высказанные М. В. Фрунзе мысли о военной доктрине, марксистский диалектический метод исследования ее содержания не потеряли своего значения и в последующем.

На прочном фундаменте принципиальных положений советской военной доктрины создавалась и воспитывалась Рабоче-Крестьянская Красная

Армия в годы Гражданской войны и военной интервенции и вышла победительницей. Опираясь на принципиальные положения и требования единой военной доктрины, строилась Красная Армия в годы мирной передышки и готовилась к отражению возможной агрессии со стороны мирового империализма. Строго придерживаясь ее принципиальных положений в годы Великой Отечественной войны, наши Вооруженные Силы добились величайшей победы над ударной силой мирового империализма — фашистской Германией. На основе принятой у нас военной доктрины, ее принципиальных положений и требований Советские Вооруженные Силы были готовы к отражению любой возможной агрессии со стороны империалистических государств.

В последующие годы происходили крупные изменения в международном положении, изменялась обстановка и внутри нашей страны, стремительными, темпами развивались оружие и другая военная техника, иным стал количественный и качественный состав Вооруженных Сил. Но сохранили свое значение принципиальные положения и требования советской военной доктрины. Неизменной оставалась и ее оборонительная направленность. Такой характер военной доктрины вытекал из социалистического общественного строя нашего государства, его миролюбивой внешней политики. Однако оборонительная направленность советской военной доктрины содержала в себе явно выраженные идеи активной, защиты социалистических завоеваний советского народа, решительного разгрома агрессора, если он попытается посягнуть на нашу социалистическую Родину.

Таким образом, с первых дней существования Советского государства и его Вооруженных Сил наша военная доктрина сохранила свою преемственность и поступательное развитие. В ней воедино слиты миролюбивый характер политики Советского государства с постоянной готовностью дать решительный отпор любому агрессору. ■

Н.Ф. ЧЕРВОВ, генерал-полковник, участник Великой Отечественной войны,
кандидат военных наук

ДЕЛА СЕПАРАТНЫЕ И ТРАГИЧЕСКИЕ

▲ Мюнхенский сговор. Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини, Чиано

Нынешние политические оркестры, а их сегодня развелось не счесть, обвиняют Сталина в сепаратизме, сочиняя на этот счет замысловатые небылицы в цветастой идеологической упаковке.

Излюбленной темой в числе небылиц в наше время по-прежнему является все тот же советско-германский договор о ненападении, который бездоказательно преподносится лжеисториками чуть ли не как сговор Сталина с Гитлером против мира. При этом лжеисторики обладают

поистине редкостным лицемерием, ибо спустя более 60 лет продолжают не считаться с таким знаменательным историческим фактом, как мюнхенский сговор Англии, Франции, Германии и Италии, который привел мир ко Второй мировой войне.

Что произошло тогда в сентябре 1938 г. в Мюнхене?

Англия (Чемберлен) и Франция (Даладье) сдали на съедение Гитлеру своего союзника — Чехословакию. Они открыто перед всем мировым сообществом заняли сторону агрес-

сора и заставили чехословацкое правительство согласиться со всеми требованиями гитлеровской Германии.

В обмен на предательство Чемберлена и Даладье фюрер подписал декларации (соглашения) о ненападении между гитлеровской Германией, Великобританией и Францией. Это были пакты о ненападении между этими странами.

Позорная сделка западных демократов с фашистами происходила за закрытыми дверями: чехословацкие представители сидели в со-

▲ Сталин

седней комнате и на переговоры о чехословацкой проблеме не были допущены. Они узнали о результатах своей судьбы только на другой день.

Не был приглашен в Мюнхен и Советский Союз, который имел с Чехословакией договор о взаимной помощи (1935 г.) и требовал своего участия в совещании для защиты интересов ЧССР и в целях создания единой системы коллективной безопасности. Не имея возможности быть на совещании, СССР тем не менее выступил на стороне чехословацкого народа, предложив военную помощь ЧССР. Однако чехословацкое буржуазное правительство предпочло подчиниться империалистическому диктату, принеся в жертву интересы своего народа.

После мюнхенскогоговора участники совещания обменялись памятными историческими любезностями. Они заслуживают того, чтобы вспомнить о них вновь.

Чемберлен на прощанье сказал Гитлеру: «Для нападения на СССР теперь у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах».

Даладье при этом заверил Гитлера: «Наши отношения с Германией урегулированы раз и навсегда... Угрозой для нас является коммунизм, а не фашизм».

Гитлер после Мюнхена искренне удивлялся: «Неслыханное достигнуто!.. Я не верил, что Англия и Франция вступят в войну, но я был убе-

жден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем; то, что произошло, может произойти лишь раз в истории».

Такова была политическая слепота руководителей западной демократии. Своей близорукостью эти кретины-миротворцы за одну ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. потеряли свою политическую невинность и превратили свои великие державы (Англию и Францию) в соучастников Гитлера в разжигании большой войны в Европе. Ведь это они в позорную акцию раздела Чехословакии втянули Польшу (оккупировала Тешинскую область) и Венгрию (урвала южные районы Словакии и Закарпатской Украины), предали союзные малые страны, открыли дорогу Гитлеру в Польшу. Именно здесь кроются корни и истоки развязывания Второй мировой войны. Все было тщательно спланировано и рассчитано.

Если судить по-крупному, то Мюнхен фактически уничтожил французскую систему безопасности, оторвал СССР от европейского урегулирования, оставил в одиночестве панскую Польшу. Мюнхен — это величайший моральный позор западной демократии в XX столетии.

Западные демократы отвергли единственно правильные для того времени предложения Сталина о создании коллективной безопасности против агрессора, настойчиво пытаются направить войну на Восток против Советского Союза. Сталин видел враждебные действия западной демократии в отношении СССР, видел ее готовность идти на союз с Гитлером, создать международную изоляцию советской стране, прямую военную угрозу нашей безопасности.

Все эти факты невозможно умолчать или переиначить. «Чтобы западная демократия жила, большевизм должен умереть» — вот тогдашняя идеология Лондона и Парижа. Она выражала классовую ненависть к социализму, оказалась сильнее чувства самозащиты и была основой политики умиротворения. Закономерный ее финал — мюнхенский договор.

Что оставалось делать Сталину в условиях грозящей междуна-

ной изоляции и возможности ведения войны на два фронта (на Западе и Востоке)?

В той критически сложной обстановке у него не было иного пути, кроме защиты своих государственных интересов своими собственными силами. Для этого требовалось разрушить складывающийся союз западной демократии и фашизма, вывести страну из международной изоляции, создать необходимые условия своей безопасности, чтобы противопоставить фашистскому насилию собственную мощную военную силу.

Конечным итогом сталинского предвидения и действия в сложной международной паутине того времени явилось принятие предложения Гитлера о заключении советско-германского договора о ненападении (пакт Молотова—Риббентропа), который был подписан в Москве 23 августа 1939 г.

В свете абсолютного большинства рассекреченных по этой теме документов не подлежит сомнению, что советско-германский договор о ненападении является одним из следствий мюнхенского соглашения. В нем нет и грана «сепаратизма» со стороны Сталина. На повестке дня решалась судьба нашего государства: быть ему свободным или поработанным. Поэтому упомянутый договор и протокол к нему не могут вызывать сколь-нибудь серьезных политических сомнений.

Другое дело — действия нацистов и западных миротворцев. Например, Гитлер шел на договор с Россией для того, чтобы не допустить союза Англии и Франции с Россией. Он был уверен, что если такого союза не будет, то у Германии будут развязаны руки, чтобы разбить Польшу без опасного конфликта с Западом. После Польши последует Франция и т. д. Это было коварство.

Англия и Франция шли на союз с Гитлером, чтобы столкнуть лбами Германию и СССР, а самим выйти сухими из воды. Это было двурушничество. Не разобравшись, где союзник, а где противник, Париж и Лондон за свое двурушничество жестоко заплатились.

Договор о ненападении 1939 г. и секретный протокол к нему — тема многогранная, ей посвящено много публикаций и исследований, включая сообщения Комиссии демократов 1989 г. К сожалению, в большинстве документов под видом «честного анализа» повторяются по инерции прокурорские заявления о том, что пакт Молотова—Риббентропа — это самая серьезная ошибка Сталина, что в данном случае «Сталин не выиграл, а проиграл», что «Сталин и Молотов были ловко обмануты Гитлером».

Считаю, что подобные однозначные оценки не выдерживают критики, а приводимые в их защиту доводы страдают однобокостью, поверхностным суждением, стремлением сыграть на нравственной стороне вопроса в ущерб определения его объективной значимости на ход и исход Великой Отечественной войны, особенно ее начального периода.

Что давал Советскому Союзу пакт о ненападении с Германией? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что этот договор вместе с секретным протоколом давал Советскому Союзу в условиях того времени принципиально важные, существенные преимущества, а именно:

Сталин вынудил Гитлера пойти на серьезные территориальные уступки, в частности, по дополнительному протоколу к договору Прибалтийские республики (Литва, Латвия, Эстония) и Финляндия стали сферой влияния СССР, Бессарабия возвращалась в состав Молдавии, а Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с советскими республиками. Таким образом, без применения оружия Сталин получил территории в 300 тыс. км² с населением около 20 млн человек. Война была отодвинута от наших границ на сотни километров западнее. А Гитлер лишился стратегических плацдармов, владея которыми он мог бы в 1941 г. «пропороть» нашу страну с этих направлений и завершить блицкриг по плану «Барбаросса». Но эту угрозу отвел от России Сталин.

Пакт о ненападении с Германией позволил Советскому Союзу избежать ловушки, в которую хотели его заманить Англия и Франция («международная изоляция и война против всех на два фронта»); расколоть «мюнхенский фронт» западных держав, расшатать весь антикоминтерновский блок; сорвать захватнические планы Японии, правительст-

▲ Пакт Молотова — Риббентропа

▲ 22 июня, 1941 года

во которой, узнав о пакте, оказалось в растерянности и ушло в отставку.

Удалось спасти Москву и Ленинград от захвата их гитлеровцами в 1941 г.; улучшить военно-стратегическое положение СССР в целом и в особенности обезопасить себя на Дальнем Востоке; создать условия для образования будущей антигитлеровской коалиции.

Кроме того, наша страна выиграла время (почти 2 года) для повышения своей обороноспособности, реорганизации всех видов воору-

женных сил и их технического перевооружения, укрепления порядка и дисциплины в войсках.

По моей оценке, пакт Молотова—Риббентропа является примером политической и дипломатической прозорливости Сталина, его умения разобраться в сложной паутине международных отношений и разгадать предательскую игру лидеров западной демократии того времени. В этом состоит его огромная заслуга перед советским народом.

Фальсификаторы истории из числа нынешних демократов, в основном бывшие верные «ленинцы» (яковлевы, поповы и др.), пытаются обвинить Сталина в отходе от ленинских норм внешней политики, от принципов социализма и интернационализма. Это, конечно, хитрый прием. Но делается он не чистыми руками, так как их обвинения не более чем спекуляция перевертышей, выполненная по заказу Запада в числе других акций по развалу Советского Союза.

Делая свое грязное дело, эти политические отступники уходят от ответа на главный вопрос: как развивались бы события в случае ведения Советским Союзом войны на два фронта — против Германии на Западе и Японии на Востоке — да еще при угрозе нападения Турции с юга? Такой губительный сценарий готовили Англия и Франция, и он был реальностью. Сталин сумел разобраться в этих коварных замыслах империалистов, понял всю глубину опасности Советскому государству и нашел правильный выход из почти безвыходного положения, благодаря которому он, по выражению Черчилля, «своего врага уничтожал своим врагом».

Теперь о других делах — «сепаратных». Они связаны с теми историками, которые по идеологическим или корыстным соображениям заинтересованы опорочить или поставить под сомнение деяния Сталина не только накануне, но и в ходе войны. Эти «историки» плетут такие демократические кружева в сочинениях, что не вдруг разберешься.

Писатель Ан. Уткин в книге «Россия над бездной» рассказывает о том, что Сталин, получив официальное сообщение о нападении Германии на СССР (примерно в 5.00 22 июня. — Н.Ч.), проявил инициативу: отдать Гитлеру значительную часть советской территории и на этой основе заключить новый Брестский мир с Германией. «Но эта последняя интрига Кремля была феерической... Только когда стало окончательно ясно, что попытки восстановить статус-кво бессмысленны, Советское

правительство объявило о нападении Германии».

Такие серьезные заявления автору следовало бы документировать, указать источник. Почему читатель должен верить, что так было? Может быть, Уткин присутствовал в Кремле в это время или ему об этом лично говорил Сталин? Учитывая, что в книге не приводятся источники появления такой лихой версии, то пусть эта феерия останется на совести автора, именовавшим себя известным российским историком.

Вызывает сомнение построенная на слухах версия Волкогонова о том, что Сталин после падения Минска (28 июня, через неделю после войны) оказался настолько растерянным, что был готов идти на капитуляцию перед Гитлером — отдать ему Советскую Прибалтику, Молдавию, Западную Украину и Белоруссию, чтобы подписать с Гитлером перемирие, подобное Брестскому договору. Этот вопрос обсуждался им с Молотовым и Берией, а в качестве посредника

с Берлином имелось в виду использовать болгарского посла в Москве И. Стоянова.

Слухи эти поведал Волкогонову будто бы маршал Москаленко, который обнаружил в «деле Берии» после его ареста соответствующие показания. Правда это или дезинформация — Волкогонов ответа не дает.

Предположение Волкогонова не подтверждается фактами. Наоборот, сама обстановка того времени опровергает его. Во-первых, в первые дни войны Сталин находился в гуще всех событий, происходящих в стране и на фронте, которые исключали возможность подготовки секретных переговоров с Гитлером. В частности, с 26 по 29 июня, будучи то в Наркомате обороны или Генштабе, то в Ставке Главного командования, Сталин детально разбирается с положением дел на Западном фронте, принимает меры по стабилизации обстановки на западном направлении путем организации обо-

роны на рубеже р. Западная Двина и в глубине на рубеже Смоленска.

30 июня происходит заседание Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, на котором принимается совместное постановление об образовании ГКО и создании Ставки Верховного Главнокомандования. Главнокомандующим назначается Сталин. Положение в руководстве вооруженными силами и страной в целом существенно улучшается, несмотря на тяжелейшую, отчаянную ситуацию на фронтах. Как вспоминает Г. К. Жуков, в этот момент во всех «...органах правительства и народного хозяйства сразу же почувствовалась его твердая рука... А растерян он был всего два часа начавшейся войны».

3 июля Сталин выступает с известной речью перед страной, в которой призывает советский народ подняться на защиту своей Родины. На следующий день он подписывает решение о формировании соединений народного ополчения.

▲ Выступление Сталина 3 июля 1941 года

▲ Черчилль 22 июня 1941 года

7 июля английский посол Криппс посетил Сталина и передал ему первое письмо У. Черчилля, в котором британский премьер говорил о помощи СССР путем воздушных бомбардировок Германии. В беседе с Криппсом Сталин высказался в том плане, что Англия и СССР должны бы заключить соглашение, содержащее два пункта: первый — об оказании взаимной помощи во время войны; второй — обязательство не вести сепаратных переговоров, не заключать перемирия или мирного договора с Германией, кроме как с обоюдного согласия.

12 июля СССР и Англия заключают соглашение, воспрещающее сепаратные переговоры с противником. По поводу этого соглашения У. Черчилль 15 июля в палате общин заявил: «Оно является, безусловно, союзом, и русский народ теперь наш союзник». В Кремле заявление британского премьера одобрили.

Не стоит забывать и такой исторический факт: после тяжелого Смоленского сражения Гитлер заскулил: «Где русские берут все новые и новые дивизии? Где они взяли реактивное оружие? Мы до сих пор не знаем, что

находится за большевистской дверью». К этому времени фюрер зафиксировался на эфемерной мысли: вынудить Сталина пойти на сепаратный мир. Американцы и англичане, узнав об этом, забеспокоились. Посол США в Москве Дж. Дэвис предлагал Рузвельту: «Попыткам Гитлера (вынудить Москву на сепаратный мир) может быть дан хороший отпор, если Сталин получит какие-то заверения в том, что, невзирая на идеологические разногласия, наше правительство бескорыстно и без предубеждения желает помочь ему разгромить Гитлера... Следовало бы сообщить непосредственно Сталину, что наша историческая политика дружелюбия к России не предана забвению». *(Шереуд Р. Рузвельт и Гопкинс. 1957. Т.1. с.500-501)*

Рузвельт согласился с предложением своего посла, и по его указанию уже 11 июля стали оформляться первые поставки СССР по каналам ленд-лиза. Сталин был срочно информирован об этом.

Я назвал лишь малую толику исторических событий первых дней войны внутри и вне страны. И мож-

но ли представить себе, чтобы в обстановке мобилизации всей России на отечественную войну против немецко-фашистских захватчиков и при выраженной готовности Англии и США прийти к нам на помощь Сталин пошел бы на сепаратный разговор с Гитлером, к тому же в нарушение заключенного в это время с Англией соглашения, запрещающего это делать? Практически невозможно.

Есть тайны и мистификации. Версия Волкогонова относится к разряду последних, ее цель оболгать Сталина, показать его двуликим и трусливым руководителем.

Между тем известно, что для Сталина подписанные им договоры и соглашения, в том числе англо-советское от 12 июля, всегда были святы. Политработник-фальсификатор, забыв эту деталь в характере вождя, попытался бросить ком зловонной грязи в нашу историю, но промахнулся. Единожды солгав, кто тебе поверит?

Сепаратные переговоры описывает на свой манер известный писатель В.В. Карпов в книге «Генералиссимус». Вот что он пишет на этот счет:

«Сталин приказал разведке найти выходы на гитлеровское командование и от его, Сталина, имени внести предложение о перемирии и даже большие (далеко идущие планы) — о коренном повороте в войне... Разведчики связались с немецкими «коллегами»: встреча состоялась в Мценске 20 февраля 1942 г. Мценск в то время находился на оккупированной гитлеровцами территории».

Предложения германскому командованию, оформленные якобы документом, сводились к следующему:

1) С 5 мая 1942 г. начиная с 6 часов по всей линии фронта прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 г. до 18 часов...

2) После передислокации армий вооруженные силы СССР к концу 1943 г. готовы будут начать боевые действия с германскими вооруженными силами против Англии и США.

3) СССР готов будет рассмотреть условия об объявлении мира между нашими странами и обвинить в разжигании войны международное еврейство в лице Англии и США, в течение последующих 1943—1944 гг. вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства...

Верховный Главнокомандующий Союза ССР
И. СТАЛИН Москва, Кремль, 19 февраля 1942 г.».

В. Карпов утверждает, что под «документом» имеется автограф (подпись) Сталина, хотя это всего лишь черновик, «напечатанный не на государственном или партийном бланке, а на простом листе бумаги».

Как пишет В. Карпов, по докладу первого заместителя НКВД СССР Меркулова переговоры состоялись с 20 по 27 февраля 1942 г. в г. Мценске с представителем германского командования, начальником персонального штаба рейхсфюрера СС с группенфюрером СС К. Вольфом. «Германское командование, — заявил Вольф, — не исключает, что мы можем создать единый фронт против Англии и США... При переустройстве мира, если руководство СССР примет требования германской стороны, возможно, Германия потеснит свои границы на Востоке в пользу СССР».

Что можно сказать об изложенном выше опусе о сепаратизме?

▲ Бои под Смоленском

Только одно — это безграмотная фальшивка. В ней даже неверно указана должность Сталина (правильно: Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР); г. Мценск был не пригоден для переговоров такого масштаба, так как к этому времени он находился на переднем крае и на его окраине велись бои; что касается содержания предложений, то они, безусловно, относятся к разряду особо важных и оформлять их документально для целей переговоров в тех конкретных условиях было бы нежелательно. Поэтому невозможно себе представить, чтобы Сталин поставил свой автограф и дату под непроверенным документом.

Но главная липа опуса кроется во времени проведения сепаратных переговоров. Что происходило тогда?

Завершалась великая битва под Москвой. Немцы отступали, неся огромные потери. Стратегическая инициатива была на стороне Советского Союза. Блицкриг провалился. «Гит-

леру стало ясно, начиная с того момента как зимой 1941/42 г. разразилась катастрофа, ни о какой победе не может быть и речи». (Показания от 15.05.45 гг. генерал-полковника Альфреда Йодля на Нюрнбергском процессе.) Весь мир приветствовал победу Красной Армии под Москвой, поработанные народы Европы увидели луч надежды. Возросло Движение Сопротивления фашизму. Под давлением Советского правительства и прогрессивной общественности мира правительства Англии и США оказались вынужденными дать обязательство открыть второй фронт в 1942 г. (однако вскоре отказались от него). Завершалось юридическое оформление боевого союза СССР, США и Англии, при этом Сталин и Черчилль еще летом 1941 г. договорились о том, чтобы не идти на сепаратные переговоры с Германией. По инициативе Сталина в приглашении от 12 июля было записано, что «в продолжении этой войны они не будут ни вести переговоров,

ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия».

Налицо был важнейший исторический факт того времени — наметился коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Высоко поднялся международный авторитет СССР и Красной Армии.

А что было на противоположной стороне? Германия «зализывала» свои раны от поражения. Зимой 1941/42 г. на полях Подмоскovie, под Тихвином, Ростовом, в Донбассе и в Крыму немцы потеряли около 50 дивизий, более 830 тыс. убитыми. В Германии была объявлена тотальная мобилизация. На советско-германский фронт было направлено 800 тыс. маршевого пополнения, а с Запада переброшено 39 дивизий и 6 бригад.

В Москве внимательно следили за происходящей в германской армии кадровой чехардой: в декабре 1941г. Гитлер снял с должности глав-

▲ Рузвельт Ф.Д.

▲ Фельдмаршал фон Рундштедт

▲ Ханс фон Сект

нокомандующего сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича и сам занял его место; командующий группы армий «Центр» фельдмаршал фон Бок ушел в отставку; в течение декабря—февраля сменилось четыре командующих 4-й армией (фельдмаршал фон Клюге, генерал Кюблер, генерал Штумме, генерал Хейнрици). Чистка и перестановка высших офицеров ослабляла боеспособность немецкой армии, вносила нервозность в управление войсками.

В Москву поступала информация о пораженческих настроениях в Берлине и среди генералитета вермахта. 29 ноября 1941 г. министр по делам вооружения и боеприпасов Германии Фриц фон Тодт обратился к Гитлеру с призывом: «Мой фюрер, войну необходимо немедленно прекратить, поскольку она в военном и экономическом отношении нами уже проиграна». Фельдмаршал фон Рундштедт (командующий группы армий «Юг») предложил Гитлеру отступить на границу с Польшей и закон-

чить войну с Советами политическим путем. Командующий 3-й танковой группой (с 8 октября 1941 г. — 17-й армией) генерал-полковник Герман Гот высказывал мнение о том, что «нападение на Россию было политической ошибкой и что поэтому все военные усилия с самого начала были обречены на провал». Аналогичного мнения придерживались другие генералы вермахта.

Думаю, не требуется большого ума, чтобы понять нелепость заявления о том, что в условиях победоносного завершения Московской битвы Сталин будто бы, вопреки взятым на себя договорным обязательствам не идти на сепаратные переговоры и сделки с Гитлером, стал искать примирения с Германией с целью совместного ведения войны против США и Англии. Неуклюжесть такого утверждения очевидна, какие бы доводы на этот счет ни приводились (ради спасения Отечества, выиграть время, отдышаться и подготовиться, ввести в заблуждение, политический блеф и т. д.).

Все эти аргументы притянуты за уши к той реальной обстановке. Они не выдерживают критики по указанным выше причинам, а также еще и потому, что в то время военная угроза на московском направлении была минимальной. И это Сталину было хорошо известно по докладам военной разведки.

3 марта 1942 г. разведчик Главного разведывательного управления Генерального штаба (агент «Гано») сообщил в Москву о том, что Германия «планирует весной 1942 г. начать наступление в направлении на Кавказ. Для этих целей Берлин достиг договоренностей о направлении на Восточный фронт 16 новых румынских, 22 итальянские, 10 болгарских, 2 словацкие дивизии полного состава.

12 марта агент ГРУ ГШ Шандор Радо шифрорадиограммой в Москву передал: «Основные силы немцев будут направлены против южного крыла Восточного фронта с задачей достигнуть рубежа р. Волги—Кавказа, чтобы отрезать армию и насе-

ление Центральной части России от нефтяных и хлебных ресурсов».

Эти разведывательные факты от надежных и проверенных агентов советской военной разведки немедленно докладывались Сталину. Сообщалось, что с 1 января по 10 марта 1942 г. в планируемый район наступления немцы перебросили 35 дивизий. Всего для наступления Гитлер выставит вместе с союзниками 65 дивизий. Главный удар следует ожидать в направлении Ростов—Сталинград.

Таким образом, военные усилия сторон сосредоточивались на южном крыле советско-германского фронта, на московском направлении ожидалось относительное затишье. Все это, очевидно, писателю В. Карпову известно. Тогда позволительно спросить, какие же военные причины вынуждали Сталина идти, как написано в «Генералиссимусе», на сепаратные переговоры с Гитлером? Таких причин не было.

Другое дело, что в то время могли появиться всякого рода «дезы» о сепаратизме. Например, со стороны Гитлера, который тогда находился как «волк на псарне» и был бы не прочь втянуть Сталина в «игру в кости», чтобы «отдышать-

▲ Еременко А.И

ся», если удастся, то сразу убить двух зайцев: посеять рознь между союзниками по антифашистской коалиции, а также исправить ход войны, выиграть время и спасти вермахт от разгрома.

«Деза» фюрера с такой целью в тот период была бы кстати.

Что касается Сталина, то он иг-

рал тогда победную партию в шахматы. Если бы союзники вняли его просьбе и согласились с ним об открытии второго фронта на Западе, то война могла бы закончиться намного раньше. В этой шахматной партии у советского лидера не было запрограммировано ни компромисса, ни тем более сепаратной сделки с Германией. «Деза» с его стороны на заданную тему, видимо, тоже не исключалась, чтобы с помощью ее повлиять на Рузвельта и Черчилля в выполнении их союзнического долга и одновременно сбить с толку Гитлера.

В чем причина того, что В. Карпов пропагандирует мифологию? Причина, видимо, в том, что уважаемый мною автор оказался в плену обнаруженной фальшивки, принял ее за истину и поведал как сенсацию. Трудно сказать, какие у него были замыслы при этом. Очевидно, он хотел, как лучше. А получилось наоборот.

Что касается упомянутых в заголовке статьи «делах трагических», то я имею в виду события «черного октября» 1941 г.

Речь идет о трагической ситуации, сложившейся на дальних подступах к Москве на западном

▲ Ворошилов К.Е., Соколовский В.Д., Буденный С.М

направлении. К этому времени, то есть в начале октября, обстановка на советско-германском фронте была крайне тяжелой: завершилась трагедия Юго-Западного фронта, Киев пал, Украина потеряна, немцы ворвались в Крым, Ленинград в блокаде.

Союзники — США и Англия — отказались открыть второй фронт на Западе, чтобы отвлечь на себя часть германских войск с нашего фронта. Поставки оружия и техники с их стороны были мизерными.

Что происходило на главном, московском направлении? Обстановка здесь с каждым днем предвещала быть угрожающей. Против наших трех фронтов: Западного (командующий генерал-полковник И. С. Конев), Резервного (командующий маршал С. М. Буденный), Брянского (командующий генерал-лейтенант А. И. Еременко), расположенных на этом направлении, действовала немецкая группа армий «Центр» (9, 4-я и 2-я ПА и три Тгр — 3, 4, 2). Их поддерживал 2-й воздушный флот. Соотношение сил и средств к началу генерального наступления немцев (30 сентября 1941 г.) было в пользу противника: по личному составу — 1,4:1, по танкам — 1,7:1, по артиллерии и минометам 1,8:1, по самолетам — 2:1.

В целом на московском направлении были сосредоточены крупные силы Красной Армии (1250 тыс. человек, около 1000 танков). Однако наши полководцы Конев, Еременко и Буденный не научились еще полководческому мастерству, не смогли вскрыть замысел и группировку противника, не умели еще воевать по всем правилам военного искусства. Их оборона была неглубокой (10—15 км), разжиженной по фронту (на 1 км 1—2 танка, 6—9 орудий), ощущался недостаток обученности войск ведению оборонительных сражений.

Противник на избранных направлениях наступления создал крупное превосходство своих сил и средств (таблице 1).

Таблица 1

	Личный состав	Танки	Орудия и минометы
Западный фронт (в полосе 30 и 4 А)	3:1	1,7:1	3,8:1
Резервный фронт (в полосе 24 и 43 А)	3,2:1	8,5:1	7:1
Брянский фронт (в полосе 13 А)	2,6:1	абсолютное	4,5:1

Используя численное и техническое превосходство, подвижные соединения немцев, перейдя в наступление, нанесли мощный первоначальный удар, разорвали нашу хилую оборону и устремились вперед. 7 октября они окружили в районе Вязьмы пять армий ЗФ и РФ (16*, 19, 20, 24, 32, оперативную группу генерала Болдина — всего 37 дивизий), а 5 октября были окружены в районе Брянска соединения трех армий (3, 13, 50) БФ. Именно в эти дни Гитлер кричал на весь мир: «Враг на Востоке сокрушен и никогда больше не восстановит свою силу. Завершается последняя и решающая битва войны. Москва совсем рядом!» * *Когда 16А*

была в окружении, К. Рокоссовский не командовал ею. По письменному приказу Конева он передал войска армии (6 дивизий) в состав 20А. Лично сам, управление и штаб 16А к 14 октября по приказу Жукова вышли в район Волоколамска.

Действительно, до Москвы оставалась одна треть пройденного гитлеровцами пути. Для нашей страны беда состояла в том, что после вяземской и брянской катастроф в начале октября 1941г., когда войска Красной Армии потеряли многие сотни тысяч своих бойцов, в нашей обороне образовалась брешь почти в 500 километров. Закрыть ее было нечем, так как никаких резервов

▲ На фронт

в руках командования не оставалось. Прикрывающие Москву Резервный и Брянский фронты как оперативные объединения фактически перестали существовать. Западный фронт понес тяжелейшие потери. Путь на Москву для противника, можно сказать, был открыт. Нависла страшная катастрофа!

У меня нет слов описать опасность той угрозы, которая в те дни черной тенью легла на нашу землю. Все люди тогда поняли, что настал момент истины, когда решалась судьба страны.

По оценке Г. К. Жукова, «Конев под Вязьмой фронт открыл. Шестьсот тысяч попало тогда к немцам. Шестьсот тысяч человек по его вине... Он немцам на Москву путь открыл. Все было оголено. Вы не представляете, что было. Оголено было все вплоть до Москвы»**. ** *Маршал Жуков. Каким мы его знаем. С- 310.*

Нужно было срочно создать новый фронт обороны, во что бы то ни стало остановить врага. 5 октября ГКО принял специальное решение о защите столицы.

Именно в этот период Сталин показал выдающийся военный талант полководца, организатора и руководителя, нацеленного на оборону Москвы. Только благодаря его способностям и воле Ставка ВГК, используя огромные мобилизационные возможности страны и патриотизм советского народа, сумела за сравнительно короткий срок восстановить боеспособность Западного фронта, организовать новый Калининский фронт, создать Можайский рубеж обороны, Московскую зону обороны (по окраинам столицы, окружной ж. д. и по Садовому кольцу). Все это происходило в ходе жестоких сражений.

Для создания нового стратегического фронта обороны на подступах к столице потребовались огромные напряженные усилия. По указанию Сталина 7 октября на Можайском рубеже заняли оборону курсантский полк военного училища имени Верховного Совета РСФСР, Московское военно-политическое училище, два подольских училища, Московское

военно-инженерное училище и некоторые части, собранные в столице и Подмоскowie. Затем по приказу Сталина из резерва Ставки, а также за счет перегруппировки войск с соседних фронтов на Можайский рубеж обороны в течение недели прибыли 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков, 45 отдельных батальонов. *(На Можайскую линию, кроме того, отходили отступающие войска Западного фронта и часть личного состава окруженных соединений, которым удалось вырваться из вражеского кольца).*

Одновременно срочно формировались заново 16, 5, 43-я и 49-я армии Западного фронта.

На Урале шла подготовка новых резервов, а из Сибири, Забайкалья и с Дальнего Востока под Москву мчались сотни эшелонов с кадровыми войсками. Полмиллиона москвичей были мобилизованы для строительства траншей, рвов, окопов, других оборонительных сооружений по всему периметру столицы. Московская партийная организация для удержания столицы послала на фронт 100 тыс. коммунистов и 260 тыс. комсомольцев.

Неимоверными усилиями советские войска сумели восстановить линию фронта. По существу, была создана новая стратегическая группировка войск, которая защитила Москву, нанесла гитлеровской армии сокрушительное поражение, выиграла зимнюю кампанию 1941/42 г.

***

Оценивая «черный октябрь» с позиции противоборства воюющих сторон, необходимо признать, что возрождение нового стратегического фронта обороны в ходе жестоких сражений фактически означало восстановление заново военной мощи Красной Армии в самый опасный период Московской битвы. С точки зрения военного искусства это было одним из самых выдающихся достижений военной истории. Оно связано с именем Сталина. Однако этот исторический факт обычно обходят мимо или говорят о нем скупой, походя,

▲ Конев И.С.

▲ Огонь гвардейских минометов

а о Сталине упоминают сквозь зубы, приписывая советскому лидеру лишь ошибки и промахи.

Например, маршал И. С. Конев в своих мемуарах все наши неудачи в начале войны свалил на Сталина, показав объемно личные полководческие успехи. «И ведь как написано. Совершенно несамокритично. Ни одной ошибки у него нет. Операция осуществляется как по написанному. Ни единой ошибки... Как это он не сказал ни разу о своих ошибках! Его два раза снимали... Его Сталин хотел под военно-полевой суд отдать. Я заступился» (Жуков).

В таком же духе написаны мемуары А. И. Еременко, который чуть ли не «всех собак» навешал на Сталина. «Это он не позволил привести войска в боевую готовность, это он не обеспечил армию современным оружием, это он не принял стратегическое решение на случай войны, не определил группировку войск в приграничных округах, не дал указаний о подготовке к активной обороне,

недооценил вероломство Германии» и т. д. Все эти упреки военачальника — не более чем попытка переложить ответственность с больной головы на здоровую.

Поразительно другое. Постигшую нас трагедию в начальный период войны, в том числе «черный октябрь» 1941 г., он спустя 20 лет не заметил и написал в своей книге о том, что это были всего лишь «...некоторые погрешности стратегического порядка, допущенные в начальный период войны... они носили не принципиальный, а частный характер и не были связаны с основой нашей стратегии».

Надо обладать редкостным фехерическим воображением, чтобы, оценивая так называемые «погрешности» в начале войны, не увидеть суровую правду того периода и сделать, на мой взгляд, весьма поверхностный вывод, который не дает ответ на причины катастрофы Красной Армии и страны в целом. Зато маршал Еременко в излишней мере припи-

сывает себе умение, предвидение, успехи и лавры, а главковоерху Сталину — просчеты, промахи, недооценки и ошибки. Разве это справедливо?

«Черный октябрь» показал низкие боевые качества высшего командного состава фронтового звена, а также отсутствие полководческого предвидения со стороны Генерального штаба. Как известно, Ставка ВГК 27 сентября отдала приказ Западному, Брянскому и Резервному фронтам перейти к жесткой обороне и предупредила о времени перехода противника в наступление. Однако Генеральный штаб и командование фронтов не сумели определить направления главных ударов и состав группировок немецкой группы армий «Центр», организовать жесткую оборону с учетом замысла действий противника. Поэтому, несмотря на стойкость войск и, откровенно говоря, незначительное (1,5:1 — 2:1) общее превосходство противника, наши три фронта в течение 7—9 суток фактически были разгромлены.

Не случись «черного октября», события могли развиваться по-иному и немецкий «Тайфун» можно было укротить «далеко от Москвы». Но Конев, Еременко и Буденный вновь повторили трагические дни начального периода войны, когда обстановка была неясной, запутанной, когда связь с войсками и даже со Ставкой постоянно терялась; когда никто не знал, где противник, где наши войска; когда командующие фронтами проявляли бездействие, отсутствие распорядительности, принимали странные решения. Примеры: приказ Конева о передаче дивизий 16А в состав 20А и выдвижении управления 16А в район Вязьмы для организации контрудара силами, которых реально не существовало; не отвечающие обстановке распоряжения о выходе войск из окружения*. Где же здесь военное искусство? Его нет. * Окруженные под Вязьмой войска героически сражались против 28 немецких дивизий до ночи 13 октября. Ценой жизни они замедлили рывок против-

ника на Москву, давали нашему командованию время для организации обороны на Можайском рубеже.

Качество полководческого мастерства в ходе «черного октября» было еще не на высоте и за науку побеждать пришлось платить невероятно большую цену. Однако в битве за Москву армия возмужала, появилось много новых талантливых полководцев, возросло мастерство старшего и младшего офицерского состава. В ходе контрнаступления наука побеждать была на нашей стороне: немцы не в состоянии были сдержать натиска наших войск и панически отступали, бросая боевую технику. А после Сталинграда Красная Армия стала как закаленный клинок, способный сокрушить любую армию того времени.

На Отечественной войне мне пришлось повоевать с ноября 1941 г. по май 1945 г. в пехоте в должностях командира пулеметного расчета, взвода, роты, батальона.

Войну знаю не по книжкам, а по фронтовым дорогам, которые

прошел от Москвы до Праги. Поэтому имею право высказать свое мнение и о причинах первых наших неудач, и о науке воевать, и о потерях, и о штрафных ротах и заградительных отрядах, о которых ныне толкуют и так, и сяк.

В ельцинское время и по сию пору многие вопросы о войне сознательно искажаются в угоду тем, кто хотел бы очернить нашу Победу, исковеркать наше боевое прошлое, заставить нынешнее поколение забыть свою историю, свою религию, свой язык и литературу, свою культуру. Замысел коварный и наглый — вредить формированию духовных устоев россиян, попытаться подменить русский менталитет унижительной политикой русофобии.

Думаю, читателю полезно будет знать, как некоторые сегодняшние русофобы, вбрасывая провокационные сенсации в общество, унижают наш народ, ненавидят все русское, топчут грязными ногами священную душу ветеранов войны. ■

▲ Пополнение

П. А. СУДОПЛАТОВ, генерал-лейтенант, в 30-е годы заместитель начальника Иностранного отдела НКВД. Во время войны начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) управления НКВД-НКГБ, после Победы возглавлял особую группу МГБ, был заместителем начальника Первого (разведывательного) главного управления МГБ.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ЗАДАЧИ ОГПУ-НКВД

Центральный госпиталь КГБ, новое здание недалеко от станции метро «Щукинская». Отделение кардиологии. Небольшая палата, больничная койка. Неприятельная обстановка. Шепотом говорящие люди. За дверью слышны чьи-то неторопливые шаги. В палате все время горит свет. Это несколько напоминает тюремную камеру. Тем не менее разница огромна. Там можно было только думать, а тут

не только думать, но и писать без постоянного контроля над тобой. После августа 1991 года и развала советского государства как-то по-особому ярко и четко вспоминается то великое и историческое время, когда ценой огромных усилий, человеческих жизней, колоссальным напряжением сил отстаивалась от нашествия фашиско-немецких полчищ шестая часть земли с названием Союз Советских Социалистических Республик.

Из головы все время не выходит катастрофа страшного обвала, потрясающей грызны, предательства

военных, предательства чекистов, когда никто не вспомнил ни о присяге, ни о долге, чтобы защитить страну, защитить государство, интересами которого жили все советские люди. Если говорить по большому счету, то никто не встал на пути страшной кровавой драмы, которая развязалась на глазах всего мира. Сейчас огненные языки войны, локальные и этнические конфликты подступают к самому сердцу России со всех сторон. Война протекает то в явной, то в скрытой форме. На душе тревога, что будет впереди? Мы явно вступаем в новый мир.

***

Память то и дело возвращает к кануну 1941 года, ко времени, когда неуклонно нарастала опасность беспощадного столкновения с враждебным нам миром. Выбор был прост: или мы останемся суверенным государством, или нас уничтожат. Сейчас много выходит различных рассказов из-под пера лиц, допущенных к архивам, к старым секретным документам, освещающим зигзаги и повороты нашей истории. Но полезно все-таки взглянуть на то, о чем мало пишут и не говорят, — каким путем мы шли к созданию великой державы, попытаться разобраться во всем этом с позиций того, что происходило на Лубянке в то время.

Роль органов госбезопасности в советской истории можно оценить только после того, как не стало Советского Союза, неотъемлемой частью которого они были, вернее, были опорой той системы. В журналистике, да и в литературе, существует утверждение о том, что с созданием ОГПУ вместо ЧК после Гражданской войны менялись главные функции наших разведывательных и контрразведывательных

вателей органов. Отчасти это так.

ЧК существовала в условиях чрезвычайных, в условиях гражданской войны. После смерти Ленина главная спецслужба страны была реформирована в объединенное государственное политическое управление. Однако она по-прежнему оставалась аппаратом осуществления политических репрессий как внутри страны, так и за границей. Очень важно при этом понять, что репрессии рассматривались партией и советским руководством как необходимое, вынужденное действие, цель которого — подавление политической оппозиции и укрепление советского государства. Одновременно ОГПУ стало тем, что было несвойственно ЧК. Оно выполняло важнейшую задачу информационно-аналитического обслуживания руководства страны. В тридцатые — пятидесятые годы без соответствующего заключения ОГПУ-НКВД-МГБ о «фактическом», как говорил Ленин, «положении дел» руководство страны, как правило, не принимало никаких решений по кардинальным вопросам внутренней и внешней политики.

Создание внешней разведки в органах госбезопасности было продиктовано необходимостью проведения прежде всего контрразведывательной работы за рубежом среди эмиграции. Поэтому все операции против эмиграции первоначально осуществлялись контрразведывательным отделом ОГПУ под руководством А. Артузова. И не случайно, что он, руководитель контрразведки в 1930 году, сменил М. Трилисера на посту начальника внешней разведки. Внешняя разведка вплоть до 1939 года контрразведывательные задачи за границей решала в качестве главного направления своей деятельности.

Лишь в 1941 году после создания наркомата госбезопасности и организации в его структуре 1-го (разведывательного) управления перед разведкой были поставлены главные задачи в получении информации о намерениях правительств ведущих капиталистических стран, выявлении политических планов буржуазных государств, получении агентурным путем новых технологий для советской промышленности.

▲ Артузов А.Х.

▲ Розенберг М.И.

Разведка также должна была «активно сопровождать» мероприятия внешней политики СССР как крупнейшей державы мира. Но наряду с этим продолжалась и работа, начатая в контрразведывательных отделах ГПУ, по выявлению направленных против СССР заговоров и подрывной деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций, по вскрытию шпионской террористической деятельности на территории нашей страны иностранных разведывательных органов.

Смещение задач было связано с тем, что к началу 1941 года, то есть к кануну войны, разгром террористических, повстанческих и других антисоветских эмигрантских организаций в основном был завершен. Можно судить да рядить по поводу методов этой борьбы, однако очевидным является то, что активная оппозиция, жаждавшая войны против СССР и ратующая за сотрудничество с ведущими капиталистическими державами, была обезглавлена. В частности, было ликвидировано руководство Российского общевосточного союза. Он был полностью дезорганизован и никакой заметной политической роли в советско-германской войне уже сыграть не смог. Такой же эффект был получен и после ликвидации верхушки украинского националистического движения.

Нанося последние удары в тридцатых годах по руководителям ОУН и РОВС, спецслужбы СССР последовательно лишили эмиграцию доверия ведущих капиталистических государств, то есть того подспорья, на которое рассчитывали спецслужбы и военные круги западных стран, планируя будущее военное столкновение с Советским Союзом. Для руководителей западных спецслужб было совершенно очевидно, что ставка на ослабленную нами эмиграцию в борьбе против СССР хотя и важна и может принести ущерб нашей стране, но вместе с тем бесперспективна. В военном противоборстве с Советским Союзом придется рассчитывать только на свои силы.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Создание агентурного аппарата и агентуры влияния за границей, опирающейся на Коминтерн, позволило решить важную задачу получения необходимой информации о намерениях противника. При этом следует иметь в виду, что поскольку дипломатические отношения были ограничены, а права послов — полномочных представителей Советского Союза за границей до 1939 года, в особенности до прихода Молотова, — были огромными, несопоставимыми с правами послов сороковых — пятидесятых годов, важность каналов разведки приобретала особое значение для предварительной проработки ряда крупных внешнеполитических акций, осуществляемых советским правительством по усилению роли СССР как великой державы.

Надо сказать, что координация деятельности органов внешней разведки и спецслужб всегда являлась ахиллесовой пятой в советском государстве. Первоначально роль координатора работы военной разведки, ОГПУ, наркомата иностранных дел, Коминтерна и зарубежной разведки выполнял М. Розенберг, работник ЦК РКП(б), известный как первый представитель Советского Союза в Лиге Наций в качестве заместителя ее генерального секретаря, первый посол СССР в республиканской Испании. Но вопрос координации деятельности спецслужб заключался не в том, чтобы ставить перед кем-то какие-то задачи, дополнявшие функции военной разведки, ОГПУ и дипломатии или чтобы поддерживать конкуренцию между спецслужбами. Реальность тогда состояла в том, что в главных капиталистических странах в двадцатые — тридцатые годы действовали объединенные резидентуры ОГПУ и Разведупра Красной Армии, тесно взаимодействовавшие с отделом международной связи — нелегальным аппаратом Коминтерна. На первом этапе это помогло создать мощный агентурный зарубежный ап-

парат. Однако объединенные резидентуры Разведупра и НКВД в канун войны и когда она началась оказались очень уязвимыми. Связники и курьеры зачастую знали агентов, принадлежавших к различным советским спецслужбам. А провалы советской разведки в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Польше и Китае вообще заставили в 1939 году отказаться от работы в рамках объединенных резидентур военной и политической разведки.

Важный момент для понимания событий того времени — соотношение деятельности Разведупра и разведки органов госбезопасности. Возьмем судьбу знаменитого руководителя советской разведки, вышедшего из контрразведки А. Артузова. Пишут как-то вскользь о том, что Артур Христианович Артузов, в оперативной переписке «Алексеев», возглавлял одновременно и Разведупр Красной Армии, и ИНО ОГПУ. Почему это произошло? Потому что руководство страны после провалов в Европе и Китае искало наиболее приемлемую для себя форму координации разведывательной деятельности.

В 1930 году Бюро по координации деятельности разведки во главе с Розенбергом было упразднено. Тогда же на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность советской внешней разведки подверглась всестороннему критическому анализу, причем закордонная работа ОГПУ получила неудовлетворительную оценку. После вскрытия предательства Блюмкина Трилиссер был заменен Артузовым. В свете изменения внешнеполитической обстановки было принято решение пересмотреть приоритеты в работе разведки. Белоэмигрантское движение, противостояние которому являлось основной задачей ОГПУ в течение двадцатых годов, перестало представлять первостепенную угрозу для СССР.

Важнейшими направлениями работы Иностранного отдела (ИНО) были признаны создание надежной агентуры, способной добывать достоверную информацию политического, экономического и научно-тех-

▲ Трилиссер М.А.

▲ Серебрянский Я.И.

нического характера, внедрение ее на жизненно важных объектах буржуазных государств. В 1933 году была определена структура центрального аппарата Иностранного отдела ОГПУ.

В 1934 году на Политбюро ЦК ВКП(б) был вновь поднят вопрос о закордонной работе советских спецслужб: Разведупра Красной Армии и Иностранного отдела ОГПУ. Для разработки плана специальных операций за границей была образована постоянная комиссия в составе руководителей этих служб. Начальник ИНО ОГПУ А. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведупра Красной Армии.

В 1934 году в СССР существовало четыре самостоятельные разведывательные службы. Это Иностранный отдел НКВД, Разведуправление Красной Армии, отдел международной связи Коминтерна и Специальная группа особого назначения при наркомате внутренних дел (СГОН) Я. Серебрянского («Группа Яши»). В этих условиях Артузов по совместительству был назначен заместителем начальника военной разведки. Почему? Потому что речь шла о необходимости кардинального укрепления контрразведывательного

обеспечения закордонной работы нашей разведки. Опыт Артузова, знание им русской эмиграции, которая была одним из основных источников формирования агентуры, больше всего нужны были в этот период. Вскоре Артузова в качестве начальника ИНО сменяет А. Слуцкий. Артузов возвращается вновь в НКВД в 1937 году в качестве консультанта, рядового сотрудника.

Возьмем период репрессий. Ведь не случайно в 1937 году Разведупром Красной Армии руководил старший майор госбезопасности Гендин. Дело в том, что, возглавляя одно время военную контрразведку, Гендин имел довольно хорошее представление о работе аппарата военной разведки, знал компрометирующие материалы на его основных сотрудников. В годы войны мы также искали формы организационного взаимодействия в работе разведывательных органов как по линии госбезопасности, так и по линии военной разведки.

Мне довелось возглавлять не только 4-е управление НКВД-НКГБ, известное как диверсионно-разведывательное управление, но по совместительству в течение

всей войны, за исключением, кажется, шести месяцев 1942 года, вплоть до июня 1946 года быть заместителем начальника всей внешней разведки госбезопасности. Этого требовала необходимость координации деятельности спецслужб, ибо зафронтовая работа против противника базировалась на использовании всего потенциала агентурных, оперативных и технических возможностей НКВД-НКГБ как внутри страны, так и за рубежом.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В канун войны произошло очень важное, мало кем замеченное событие — персонификация внешней политики. Она замкнулась на конкретных руководителях советского государства: Сталина и Молотова. Разведка, как правило, не посвящалась в те внешнеполитические стратегические задачи, которые рассматривались высшим руководством страны. Только по мимолетным суждениям Молотова, Берии, Микояна и Вышинского можно было иногда судить о мотивах принятых решений. Поскольку соображения «за»

ГЛАВНОЕ ИЗ ГЛАВНЫХ

Главными подразделениями в НКВД накануне войны были: 1-е разведывательное управление, 2-е управление, 3-е, недолго просуществовавшее, секретно-политическое управление (СПО) и управление особых отделов.

Основным направлением в работе органов разведки и контрразведки являлось немецкое.

Главным направлением в работе особых отделов и военной контрразведки также было немецкое.

Главным направлением в работе секретно-политического направления по-прежнему был разгром антисоветских политических партий, остатков «троцкистского подполья» и тому подобных оппозиционных организаций внутри страны.

Первый отдел контрразведывательного аппарата был самым важным. Он разрабатывал агентуру немецкой и польской разведок. Второе направление было нацелено на Японию, которая считалась одним из главных наших противников. Третье направление занималось отслеживанием действий английской и американской резидентур. Разрабатывали контрразведчики и наших неактивных противников — главным образом действия спецслужб ней-

и «против» обсуждались на самом верху, для разведки была определена главная задача — поставлять руководству не анализ разведанных, а информацию о жизни советского общества и об обстановке за рубежом. Разведка, в дополнение к излагаемым данным, должна была докладывать «наверх» лишь соображения о том, заслуживает ли источник информации и его сведения доверия. Сообщения, касающиеся необходимости корректировки внешней политики государства по линии НКВД-НКГБ, Сталину в 1939–1941 годах не представлялись. Очень важно отметить, что эта традиция, установленная еще в советское время, продолжается зачастую и сейчас.

Если мы почитаем докладные записки того времени, направленные руководством наркоматов внутренних дел и государственной безопасности руководству страны, то увидим, что в них содержатся просьбы получить согласие на проведение очередной крупной операции, которая в военно-политическом плане означала новые нюансы в отношениях с иностранным государством, либо они касались вербовки особо важных сотрудников и использования определенных финансовых средств.

А с какими инициативами выступало руководство наркомата внутренних дел или наркомата госбезопасности в канун и во время войны, по каким вопросам государственного строительства? Чаще всего речь шла о расстановке кадров, о получении санкций на проведение агентурно-оперативных мероприятий, имеющих существенное политическое или международное значение. Но чаще всего предложения НКВД и наркомата госбезопасности накануне и в годы войны касались реализации директив правительства.

Иерархическая пирамида представления информации тех лет выглядела так. «Наверх» выходил народный комиссар, министр. Он докладывал и формулировал вопрос. Когда существовал Комитет информации под руководством

члена Политбюро ЦК ВКП(б), 1-го заместителя председателя Совмина СССР, министра иностранных дел В. Молотова с 1947 по 1949 годы, то Молотов имел самостоятельный выход на Сталина. Начальник разведки выходил или на наркома, или на его заместителя. Такими людьми в канун и в годы войны были В. Меркулов и Б. Кобулов. Кобулов — заместитель Берии по НКВД в 1939–1941 годах — был единственный заместитель наркома госбезопасности в разгар войны, в 1943–1945 годах. Других заместителей, курировавших агентурную работу в НКГБ в тот период, не было. И это при громадном ее значении.

Важно и то, что начальник Разведупра Красной Армии имел, в отличие от начальника разведки НКВД-НКГБ, в ряде случаев право самостоятельного выхода на высшее руководство, то есть на Сталина. Сталин регулярно принимал у себя в Кремле и на даче руководителей военной разведки, причем зачастую без участия в беседе начальника Генерального штаба. Однако руководителей внешней разведки органов госбезопасности и закордонных резидентов НКВД-НКГБ он всегда принимал вместе с их непосредственными руководителями — Берией, Меркуловым и Кобуловым.

▲ Молотов В.М. и Сталин И.В.

▲ Кобулов Б.

тральных стран на нашей территории. Очень важно отметить, что в составе контрразведывательного отдела было специальное подразделение, которое занималось охраной дипломатического корпуса.

В организации разведывательной работы за границей опять-таки ведущее направление было немецкое.

Второе — связано с Францией, Италией, странами, оккупированными немцами. Третье — нацелено на США. Оно также включало в себя научно-техническую разведку. Четвертое направление касалось Японии, Маньчжурии, Кореи и Китая. Специальным направлением считались Синьцзян, Монголия и другие территории на Дальнем Востоке.

Наряду с этими обстоятельствами следует отметить, что контрразведывательное управление и управление военной контрразведки, а также транспортное управление имели самостоятельные выходы за границу через соответствующую агентуру. Большую разведывательную работу проводило управление пограничных войск, которое имело свои собственные разведывательные отделы и в соответствии с положением о нем также отвечало за разведку театра военных действий в прифронтовой полосе. Это смешение функ-

▲ Меркулов В.Н

ций очень отчетливо себя проявило в том, что информация, поступавшая по различным источникам, нуждалась в правильной координации деятельности основных оперативных разведывательных подразделений. Зачастую это не удавалось осуществить. Скажем, управление пограничных войск вообще вышло в 1941 году из структуры органов госбезопасности и перешло в НКВД. Это удлинило сроки ознакомления с материалами разведки погранвойск руководства органов безопасности. Усложнилась реализация этих материалов. Курирование основных направлений работы также усложнилось, например, транспортное управление в канун войны осуществлялось в большой степени по линии НКВД, так как его начальник С. Мильштейн имел личный выход на Берию как на наркома внутренних дел, хотя формально работал в аппарате наркомата госбезопасности.

Контрразведывательную и разведывательную работу курировал заместитель наркома госбезопасности Б. Кобулов. К нему стекалась вся информация.

Эта структура НКВД-НКГБ дает нам основания понять два момента. Во-первых, не было никаких иллюзий, что главным противником яв-

ляется Германия, и, во-вторых, что источник войны находится в пределах Европейского театра военных действий. Работа Секретно-политического управления (СПУ) заключалась в том, чтобы парализовать во время войны, в особых обстоятельствах использование остатков антисоветских политических партий и организаций — основного резерва вражеских спецслужб в противоборстве с советским государством. Еще одно направление в работе СПУ, перешедшее из иностранного отдела, — недопущение вооруженных выступлений националистических организаций в поддержку главного вероятного противника. Главная нацеленность на оперативно-розыскные мероприятия всего аппарата госбезопасности сыграла очень большую роль в будущей войне. Никаких организованных групп, которые бы выступили в поддержку немцев, в нашем тылу не могло возникнуть. Так было всюду, за исключением Прибалтики и Западной Украины. По учетам НКВД, основные лица, которые могли сотрудничать с противником, были известны.

Но тем не менее масштаб содействия немцам в годы войны был все равно значительным. Во власовской армии и вспомогательных формированиях служило свыше 250 тысяч человек. После разгрома фашистской Германии у нас был создан мощный учетный аппарат. С его помощью мы хорошо знали участников формирований, оставшихся в эмиграции, а также тех, кто был захвачен в плен. После войны мы обладали всеми реальными возможностями не допустить использование этой силы в массовом порядке против советского государства. Мы знали людей, которых могли бы завербовать для своих целей западные спецслужбы. И это обеспечило локализацию так называемых повстанческих выступлений в Прибалтике и на Западной Украине в 1944–1950 годах. Исключена была возможность перехода вооруженной борьбы на внутренние районы страны.

КТО РУКОВОДИЛ КОНТРРАЗВЕДКОЙ?

Так совпало, что мое назначение заместителем начальника иностранного отдела в мае 1939 года было связано со значительными кадровыми перестановками, проведенными в аппарате органов госбезопасности и военной разведки.

Кто возглавлял главные направления работы госбезопасности в предвоенный период и во время войны в области контрразведки? Прежде всего, следует отметить смену руководителей оперативных подразделений. 1-й отдел ГУГБ, отвечавший за охрану Сталина, в 1939 году возглавлял Власик, который от рядового работника охраны дошел до поста начальника охраны Сталина. Но, думаю, следует остановиться на тех, кто непосредственно руководил разведывательной и контрразведывательной работой. Среди деятелей этого направления того времени следует выделить прежде всего П. Федотова, первоначально возглавлявшего секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, то есть 2-й отдел, как он тогда именовался, и позднее тот же Федотов возглавлял 3-й отдел ГУГБ — контрольно-разведывательный. Первым заместителем его был Л. Райхман.

Петр Васильевич Федотов — кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и содружество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года, когда Федотов возглавил уже внешнюю разведку, первоначально в МГБ СССР, а потом в Комитете информации.

Надо сказать, что Райхман в 1946–1951 годах продолжал руководить контрразведывательной работой, став первым заместителем Е. Питовранова, начальника контрразведывательного управления

с 1946 года, а позднее заместителя министра госбезопасности. Фактически всю эту работу инициативно направлял Райхман вплоть до своего ареста в октябре 1951 года. Он был незаурядным, очень хорошо знающим агентурную работу человеком, совершенно искренне считавшим свою деятельность специальным направлением партийной работы. Райхман сам провел ряд важных агентурных комбинаций, в его распоряжении был мощный аппарат.

Первоначально особый отдел, то есть военную контрразведку, возглавлял В. Бочков — выпускник военной академии имени Фрунзе, пришедший по партийному набору. Он обладал довольно широким военным кругозором. В 1940 году он неожиданно был выдвинут на должность Генерального прокурора. Дело в том, что М. Панкратьев, сменив Вышинского, обвинил Берия в прекращении дел против «врагов народа», в освобождении лиц, по которым прокурор не усматривал оснований прекращения уголовного преследования. Было создано две комиссии по этим вопросам. Почему две? Панкратьев писал на Берия заявления дважды. Одно заявление было написано в 1939 году, сразу как Панкратьев стал Генеральным прокурором. По этому заявлению ра-

ботала комиссия, которая не нашла злоупотреблений служебным положением и халатности по прекращенным делам. В 1940 году Панкратьев вновь написал заявление, в котором утверждал, что опять прекращаются дела, возбужденные в отношении врагов народа, и их прекращение, на его взгляд, является необоснованным, недостаточно согласованным с прокуратурой. Вторая комиссия также осуществила проверку и снова не нашла подтверждений. После этого Панкратьев был снят с должности Генерального прокурора, а на его должность был выдвинут Бочков, юридически совершенно неподготовленный человек, окончивший военную академию. Но тем не менее считалось, что он может провести в жизнь все необходимые директивы по правоохранительной деятельности.

С обстоятельствами отставки В. Бочкова с поста Генерального прокурора связаны трагические события, а именно убийство дочери посла СССР в Мексике К. Уманского и самоубийство сына министра авиационной промышленности Шахурина. Было возбуждено уголовное дело. Следствие по нему вел лично заместитель наркома ГБ Б. Кобулов и начальник секретно-политического управления, предшественника иде-

▲ Федотов П.В.

▲ Райхман Л.Ф.

▲ Берия Л.П.

ологической контрразведки КГБ, Н. Сазыкин. Бочков стремился замаять его. Но Сталин приказал дать ему ход и рассматривать его как пример бытового разложения членов семей советского руководства. Дело быстро приняло политическую подоплеку. В него оказались втянутыми дети других ответственных работников, в частности члена Политбюро А. Микояна. Семьи Микояна, Шахурина и других наркомов жили в атмосфере постоянного напряжения и страха. Дети ответственных работников, принадлежавшие к «золотой молодежи» того времени, были осуждены за незаконное хранение и использование чужого огнестрельного оружия. Пытавшийся замаять это дело Бочков был снят с должности Генерального прокурора и вернулся на службу в конвойные войска.

Значительно больший след в военной контрразведке оставил В. Михеев. Он запомнился мне инициативным работником, понимавшим, что главная задача военной контрразведки заключалась в ограждении наших вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыве разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу наших пограничных

▲ Чичаев И.А.

военных округов. Однако реализовать эту задачу было непросто, так как за военной контрразведкой тянулся очень большой след старых дел 1936–1937 годов. Целые направления работы нацеливались «на разработку остатков троцкистско-бухаринского подполья и военных заговорщиков — сторонников Тухачевского в армии и на флоте».

Военная контрразведка в ущерб отслеживанию боеготовности Красной Армии интенсивно занималась перепроверкой показаний соучастников и свидетелей так называемого военного заговора 1937–1938 годов. Михеев не раз говорил мне и Фитину об удручающей картине компрометирующих показаний на большую часть командного состава Красной Армии, запрашивая заграничные материалы на наших военных руководителей.

Много раз встречавшийся со мной сотрудник отдела политических репрессий администрации президента Российской Федерации Л. Решин показывал мне ряд материалов о том, что после массовых арестов 1937–1938 годов советское руководство в индивидуальном порядке решало вопрос о достоверности и серьезности этих материалов.

По существовавшей тогда жесткой практике выписки из компрометирующих показаний на командный состав Красной Армии докладывались ЦК ВКП(б) в обязательном порядке. А вот «наверху», похоже, отдавали себе отчет в том, что достоверность этих материалов вызывала сомнения.

Практика докладов о компрометирующих сигналах на высоких военных существует во все времена. В военном аппарате об этом прекрасно знают, так же, как и то, что используют эти документы лишь из соображений политической целесообразности, за исключением случаев очевидных провалов в работе или конкретной вины за чрезвычайные происшествия. На среднем уровне НКВД существовало некоторое недоумение, что материалы уходили «наверх», как в песок. Так было не только с военными, но и группой видных деятелей нашей творческой и технической интеллигенции. Несмотря на «компрометирующие», по данным НКВД, факты, их награждали орденами и медалями за заслуги перед Родиной, за вклад в развитие науки, литературы и искусства.

Говоря о работе Райхмана, Федотова, Михеева, нельзя не остановить

ся на тех структурных направлениях, которые обеспечивали функционирование аппарата госбезопасности. В системе НКВД и МГБ была еще одна организация, обычно ассоциирующаяся с самыми темными делами, которые осуществлялись в период, условно можно сказать, сталинской эпохи ВЧК-НКВД. Речь идет о так называемом Особом бюро при наркоме внутренних дел СССР.

Многие отмечают, что в системе НКВД и в органах разведки и контрразведки в начале войны не существовало информационно-аналитических подразделений, поэтому информация агентуры очень часто получала субъективную оценку Сталина и Молотова. Но это не совсем так. Особое бюро при наркоме внутренних дел как раз и было центром информационно-аналитической работы. В его состав входило специальное отделение по систематизации и обобщению информации, направляемой в правительство. Эту большую работу возглавлял заместитель начальника Особого бюро А. Коссой, ставший позднее видным советским экономистом. На заверша-

ющем этапе войны и вплоть до конца 1946 года мне пришлось по совместительству возглавлять Особое бюро. Мы занимались подготовкой методических пособий, рассылкой указаний, обобщением информации о работе разведывательных и контрразведывательных органов противника, обобщением опыта чекистской работы. Справочная картотека Особого бюро на государственных деятелей зарубежных стран была важным подспорьем для оперативных отделов разведки и контрразведки. Информационная работа аналитиков велась четко, и зачастую материалы Особого бюро по запросу правительства представлялись в более короткие сроки, нежели справки, которые получались из разведывательных и контрразведывательных подразделений НКВД-НКГБ.

Транспортное управление, обеспечивающее контрразведку на транспорте, возглавлял С. Мильштейн, который одно время руководил секретно-политическим управлением НКВД. Это был довольно грамотный человек, необычной работоспособности, имевший опыт работы

не только в органах государственной безопасности, но и в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте. Некоторое время он возглавлял сельскохозяйственный отдел ЦК партии Грузии. Мильштейн был одним из немногих, кто во время оперативных совещаний мог позволить себе разговаривать с Берией на «ты». Надо отдать должное аппарату, который возглавлял Мильштейн. Ни одной крупной диверсии не удалось совершить противнику на транспорте в канун и во время войны. Оперативная работа Мильштейна была построена очень эффективно, система функционировала безотказно.

Мощным подспорьем в деятельности ведущих оперативных подразделений стала получившая значительное развитие шифровальная и дешифровальная работа и радио-контрразведка, возглавляемая Копытцевым, Шевелевым и Блиндерманом. В канун войны мы читали шифропереписку японского посольства в Москве и японского МИД. Связано это было с двумя мероприятиями, которые мы успешно осуществили. Японский МИД свою диппочту в Москву

▲ Коссой А. И.

▲ Малли Т.С.

отправлял нашими поездами без сопровождения. Во Владивосток она доставлялась в специальных вализах. 3-й специальный отдел НКВД сумел так наладить дело, что прямо в почтовом вагоне была создана небольшая лаборатория, сотрудники которой вскрывали японскую диппочту, фотографировали ее, вновь запечатывали так, что никаких следов вскрытия не оставалось.

Не могу не отметить, насколько скромно в количественном отношении формировался штат руководящих работников госбезопасности. Высшее руководство НКВД в 1939 году состояло из четырех заместителей наркома внутренних дел. Один из них — Меркулов. Он вел Главное управление госбезопасности. Первым замом Меркулова короткое время числился И. Серов, а затем Б. Кобулов. В феврале 1941 года было, как известно, принято важное решение о создании НКГБ, который должен был выполнять функции госбезопасности и охраны правительства. Его выделили из наркомата внутренних дел. Наркомом был Меркулов, первыми замами — Серов и Кобулов. Надо учесть и то, что в самый пик работы, с 1943-го по 1945 год, Меркулов имел только двух заместителей, причем один из них был замом по кадрам. Все это говорит о том, что штаты руководящих работников не раздувались. Работали сверх человеческих сил.

СПЕЦАГЕНТЫ ИЗ ИНОСТРАНЦЕВ

Когда мы говорим о кадрах советской разведки и ее нелегального аппарата, важно выделить следующее обстоятельство. Что такое были для нее двадцатые — тридцатые годы? Становление советского государства с использованием кадров Коминтерна неизбежно ставило вопрос о том, что иностранные граждане и подданные в качестве спецагентов и источников информации зачастую превращались в штатных оперативных сотрудников Разведупра Красной Армии, ИНО ОГПУ-НКВД и Особой группы Серебрянского. Достаточно припомнить

такие фигуры, как бывшие польские офицеры в контрразведывательном и позднее в разведывательном отделах ОГПУ — Сосновский и Бодеско. Яркими личностями были нелегальные резиденты, ныне широко известные венгр Теодор Мали, австриец Ст. Дейч. Заметную роль в становлении советской разведки органов безопасности сыграл австриец подполковник Георг Миллер — участник рабочего движения, организатор и создатель «паспортного стола» — документов прикрытия для советских нелегалов в тридцатые — сороковые годы. Репрессии его не коснулись, так как он был уникальным специалистом. Он дал путевку в жизнь советским офицерам — мастерам паспортного дела, в частности полковнику П. Громушкину, изготовившему в годы войны прекрасные документы прикрытия для известного всей стране Пауля Зиберта — Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Наконец, начальник иностранного отдела Артузов также был советским гражданином иностранного происхождения.

Нельзя не отметить, что в штатах ОГПУ и Разведупра Красной Армии на положении граждан иностранного происхождения оказалось много высокопоставленных сотрудников. Однако в тридцатые годы в связи с провозглашенным Сталиным «освежением кадров» началась закономерная проверка обстоятельств зачисления их в кадры советской разведки. На положении лиц, подлежащих тщательной проверке, оказалось подавляющее большинство спецагентов ОГПУ за границей, ставших штатными сотрудниками аппаратов разведки в центре и на периферии. Среди них оказались те, кто сыграл громадную роль в становлении разведывательной службы. Но после того, как советское государство укрепило свои позиции, как произошел разгром троцкистской оппозиции внутри страны и за рубежом, изменились отношения с ведущими капиталистическими странами и появились, наконец, свои кадры, получившие профессиональную подготовку и высшее образование, вопрос был поставлен руководством страны

по-другому. Лица иностранного происхождения и имеющие родственников за границей не имели права состоять на действительной службе в советских органах военной и внешнеполитической разведки и в системе органов безопасности. Это позволяет нам понять, почему, скажем, Теодор Мали, погибший в 1937 году, ряд видных работников разведки иностранного происхождения и т.д., будучи кадровыми сотрудниками, подвели под собой своеобразную черту. Ни Филби, ни Маклейн, приехавшие в СССР позднее, ни Кэтрин Гаррисон, она же Кэти Харрис, кроме агентов и источников, будучи иностранцами, несмотря на получение советского гражданства, кадровыми сотрудниками не стали. И дело не в том, что кто-то бежал сюда, пройдя тюрьму, кто-то был более удачлив и оказался в Советском Союзе, не будучи формально засвеченным иностранной контрразведкой. Дело в том, что совершенно по-новому подбирались руководящие и оперативные кадры. Отбор происходил через систему специальных учебных заведений, появившуюся еще в тридцатые годы, которая применительно к разведке оформилась по указанию Сталина в Школу осо-

▲ Сосновский И.И.

▲ Арвид Харнак

бого назначения. Поэтому прекращение существования Коминтерна в 1943 году было логичным прежде всего с точки зрения создания совершенно нового кадрового наполнения как Народного комиссариата иностранных дел, так и аппарата военной разведки и аппарата органов государственной безопасности.

Еще один важный вопрос, который заслуживает специального освещения. Это источники информации. Очень много пишется о том, что репрессии парализовали работу советской разведки. Это верно. Но они имели и другие далеко идущие последствия. Дело в том, что многие не отдают себе отчета в том, что в работе советской разведки было два этапа. Вначале была автономность, самостоятельность как за кордоном, так и внутри страны, когда резиденты и крупные работники имели право вербовки людей в ряде случаев без одобрения Центра. Этот период начал завершаться при Артузове в середине тридцатых годов. Если появлялся источник информации, то оформлялись соответствующие учеты, автоматически заводили дело, в котором подшивались все материалы по аген-

▲ Шульце-Бойзен Х.

ту. Но идеальных агентов не бывает. В любом деле накапливаются положительные и компрометирующие материалы. Переход к бюрократизации в середине тридцатых годов был связан с заведением пространств дел.

И арест, и увольнение из органов разведки довольно видных людей автоматически ставили вопрос о доверии к источникам информации и приобретенной агентуре.

Кроме того, сейчас, когда рассуждают о том, как можно было бросить недоверия на такие важнейшие источники информации, как Филби, Маклейн, Берджесс, Арвид Харнак и Харро Шульце-Бойзен, ставить под вопрос существование преданных нам кадров, которые в условиях подполья поставляли исключительно важную информацию? Здесь следует отметить важнейшее обстоятельство. Помимо репрессий и сфальсифицированных дел против сотрудников внешней разведки, применительно к группе Кембриджской пятерки, временное недоверие к ним было обусловлено наличием реального перебежчика В. Кривицкого, которого пытаются поднять на щит «борьбы со сталинизмом», и невозвращен-

ца Орлова-Никольского. В. Кривицкий, сотрудничавший с английскими и американскими спецслужбами, дал им общую наводку на Филби и Маклейна. Орлов-Никольский знал подробности об их работе. И никто не мог поручиться, что, сбегав на Запад, он не предал этих людей. Не исключалось также, что Орлов-Никольский мог стать на путь сотрудничества с противником и спровоцировать перевербовку этих источников. Для любого имеющего опыт разведывательной работы является аксиомой прекращение контактов с агентами, если они находились на связи у оперативного работника, который исчез, а потом объявился на Западе. Не следует забывать и о том, что Филби, Маклейн, Берджесс лишь в годы войны и в последний период своей деятельности выросли в исключительно ценных агентов.

Наконец, есть еще одно очень важное обстоятельство. О разведывательной работе и сотрудничестве с нами знаменитой Кембриджской пятерки имел более или менее ясное представление один из близких этим людям человек, широко известный у нас в стране и за рубежом, —

Виктор Ротшильд. Занимая видное положение в английской разведке, он фактически действовал как «двойник» — мы получали от него важную информацию. Близость к Ротшильду бросала тень подозрений на характер этой информации, поступавшей в Москву от Филби и Берджесса. Ротшильда как источника информации и как канал дезинформации через наших резидентов в Лондоне А. Горского, И. Чичаева, К. Кукина мы использовали в течение всей войны. Покинувшего службу в английской разведке В. Ротшильда, как мне говорили, вплоть до восьмидесятых годов регулярно приглашали на все официальные приемы в советское посольство в Лондоне.

ЗНАКОВОЕ СОБЫТИЕ

3 февраля 1941 года произошло разделение наркомата внутренних дел на наркомат госбезопасности и наркомат внутренних дел. Военная контрразведка тогда же формально была передана в подчинение наркомата обороны. Это событие можно считать знаковым. Видимо, у Сталина, как мне представляется, созрело решение о разделении функций спецслужб с целью выведения из-под контроля одного человека — Берии и непосредственного подчинения лично себе разных аспектов деятельности в области госбезопасности и охраны правопорядка. Что лежало в основе того, что военная контрразведка стала специальным органом, который был придан наркомату обороны? Насколько мне известно (мне говорил об этом В. Меркулов), главной причиной такого решения было то, что Ворошилов — нарком обороны — мало получал документов непосредственно о реальной боеготовности войск, о реальном положении дел в округах. Почему? Да потому, что главными потребителями информации были ЦК ВКП(б) и управление кадров наркомата обороны. Причем их интересовала довольно своеобразная информация — наличие компрометирующих материалов и проверки руководящего состава офицерского корпуса. Как ни странно, информаци-

ей о боеготовности в округах, их мобилизационной готовности, о реальном состоянии дел в Красной Армии больше интересовался не Ворошилов, а Сталин и Молотов как председатель Совета народных комиссаров.

НКВД возглавлял Ежов, секретарь ЦК, кандидат в члены политбюро. Свои доклады Ежов и его предшественник Ягода строили как переписку со Сталиным. Административная цепочка доведения до наркома обороны информации, проверенной через агентуру, о фактической боеготовности войск автоматически удлинялась. Когда Берия стал наркомом, порядок не изменился. Берия тоже был кандидатом в члены политбюро. И опять-таки переписка по этим вопросам, даже доклады по боеготовности и т.д. представлялись прежде всего Сталину и Молотову и только во вторую очередь доходили до Ворошилова. Ведь только Сталин, а позднее Хрущев, Брежнев лично принимали решение, следует ли рассылать поступавшую к ним от органов госбезопасности информацию «вкруговую» среди других членов Политбюро. Кроме того, в перечне докладов, которые направлялись НКВД «наверх», вопросы боеготовности Красной Армии не стояли как приоритетные. Руководство страны искало после неудач в зимней войне с Финляндией наиболее рациональные варианты того, чтобы подкрепить деятельность наркомата обороны необходимой оперативной информацией.

Но, думается, тут дело в другом. Было принято половинчатое решение — фактически о двойном подчинении органов военной контрразведки. Во-первых, они подчинялись непосредственно наркомату обороны, минуя Генштаб, то есть это был канал информации о реальном положении дел, в том числе в наркомате и в Генштабе. Во-вторых, существовал так называемый межведомственный совет, который регулировал взаимодействие военной контрразведки с другими органами безопасности — с территориальными и центральным аппаратом.

Военная контрразведка сама по себе работать самостоятельно не могла. Почему? У нее не было сво-

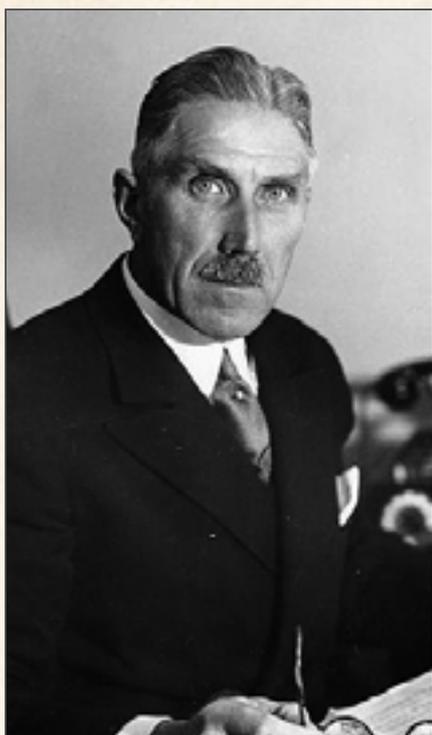
их следственных изоляторов и оперативно-технической поддержки. Для успешной работы она должна была заимствовать подразделения наружного наблюдения, оперативно-го и слухового контроля. Она имела весьма и весьма ограниченную базу. Вместе с тем выделение военной контрразведки вскрыло необходимость дополнительных инструкций, нормативных актов о порядке взаимодействия всех оперативных служб органов госбезопасности. К сожалению, сделать это до войны не удалось. Организационные изменения в структуре органов госбезопасности, если они предварительно не проработаны в плане оперативного взаимодействия отдельных служб, пагубно сказываются на эффективности работы разведки и контрразведки.

Однако выделение военной контрразведки из НКВД-НКГБ накануне войны было кратковременным — с февраля 1941-го по июль 1941 года. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы можно было понять, что такого рода реорганизация пагубно

▲ Ким Филби

▲ Фон Папен

отразилась на выполнении военной контрразведкой ее функции и взаимодействии с внешнеполитической и военной разведкой.

Мне как руководящему работнику не помнится, чтобы военная контрразведка, будучи подчиненной нарком обороны Тимошенко, ставила какие-либо принципиальные вопросы перед ним, за исключением вопросов кадровой проверки. Между тем поступавшие руководству страны данные о том, что происходило в округах, об изменениях штатного расписания Красной Армии, ее пополнении, о развертывании дополнительных армий, реорганизации механизированных корпусов, строительстве аэродромов, хранении боеприпасов, нуждались в тщательной агентурной проверке. К сожалению, это делалось лишь эпизодически. И руководство страны — Сталин, Молотов, да и сам нарком обороны — не имело реальной информации о боеготовности войск приграничных округов.

Самая, пожалуй, трагичная глава в этой части истории связана с особыми отделами Красной Армии. Оглядываясь назад, можно

предъявить огромные претензии военной контрразведке. До сих пор белым пятном остается роль материалов военной контрразведки в проведении тех репрессий, которые впоследствии были признаны необоснованными и преступными по отношению к руководящему составу армии непосредственно перед войной и в самом ее начале. Однако надо сказать, что те материалы, в которых шла речь о боеготовности Военно-воздушных сил, об авариях самолетов, использовались только при вынесении взысканий руководству ВВС, не только для смещения должностных лиц, но для обвинений политического характера, обвинений во вредительстве в ВВС Красной Армии. В какой степени эти материалы были связаны с соперничеством в среде командиров Красной Армии, сказать трудно, поскольку прошло очень много времени. Однако они явились формальным поводом для ареста и расстрелов командования ВВС и ПВО Смушкевича, Штерна, Рычагова и других, для ареста и расправы над руководящими работниками Главного артиллерийского управления Красной Армии.

НОВОЕ ВРЕМЯ — НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Что собой представлял фон, на котором весной 1939 года резко активизировалась деятельность советской разведки? Благодаря закрытости общества все попытки разведывательной работы против нас Германии, Англии, Польши с использованием национальных кадров — поляков, немцев и других иностранцев и членов их семей — находились под неослабным наблюдением советских органов безопасности. Почему хотелось мне выделить — и правомерно — 1939 год, важный год кануна войны и важный год перестройки в работе органов безопасности. Именно в этом году страна вступила в явный предвоенный период и перед разведывательными и контрразведывательными органами были впервые поставлены новые активные задачи.

Из беседы, состоявшейся в кабинете Сталина весной 1939 года, во время которой шла речь о необходимости развертывания операции «Утка» по ликвидации Троцкого, Сталин говорил и об изменении в приоритетах работы в целом. С чем были связаны эти изменения? Тут есть смысл вспомнить миф о том, что назначение Молотова народным комиссаром иностранных дел означало якобы «переворот» во внешнеполитической ориентации советского руководства, которая означала переход от попытки противодействовать германской агрессии к сговору с Гитлером. В частности, И. Эренбург и другие публицисты во время так называемой перестройки в 1988–1991 годах безосновательно писали о том, что Литвинов последовательно противился этой линии и был сторонником сохранения сотрудничества с ведущими западными державами, которые должны быть якобы нашими партнерами по обеспечению безопасности в Европе. Но все было несколько иначе. В январе 1939 года, когда наша резидентура фактически прекратила работу в Германии, оттуда поступили сигналы о том, что в немецком руководстве имеются влиятельные сторонники развития нормальных отношений с СССР, что, несмотря на глубокие идеологические разногласия и расхождения, советско-германское сотрудничество возможно. Кстати, подобные высказывания, например, влиятельного промышленника Шахта были известны в Кремле и Литвинову еще в 1935 году. Мне представляется, что обстановка того времени предполагала взаимное маневрирование всех крупных держав мира, а также взаимное прощупывание позиций в предстоящей схватке за передел мира.

Много путаницы в оценке значимых бесед, подходов друг к другу политиков и видных дипломатов, разговоров того времени. В связи с этим вспоминается новогодний прием 1939 года в Берлине. Тогда Гитлер оказал определенные знаки внимания советской стороне. Беседа с нашим послом Меркаловым, он дал понять, что немецкая сторо-

на отнюдь не блокирует какое-либо экономическое сотрудничество с Советским Союзом, она готова обсуждать даже политические вопросы отношений между странами и будущее Европы.

Затем уже весной 1939 года с довольно откровенным прощупыванием возможностей урегулирования разногласий между СССР и Германией выступили авторитетные немецкие деятели. Некоторые историки считают, что в этом велика роль чиновников немецкого МИД, в частности заведующего экономическим департаментом Шнурре. Но при этом недооценивают роль бывшего немецкого канцлера фон Папена, назначенного Гитлером послом в Турцию. Именно он впервые выступил с программой урегулирования советско-германских отношений в апреле-мае 1939 года, и это было предметом соответствующих докладов наверх, в том числе это породило специальный запрос в НКВД о том, какую роль играет фон Папен в формировании немецкой политики и выражении мыслей правящих кругов Германии.

Фон Папен выступил с широкой программой германо-советского сотрудничества, построенного на базе долгосрочных интересов. В их основе лежало, по его мнению, противодействие англо-французскому диктату в Европе. Сама по себе эта информация, пришедшая из Германии и Турции, заслуживала самого пристального внимания.

Фон Папен, несомненно, действовал по поручению Гитлера. Немцы не случайно избрали Турцию местом зондажных бесед. Вплоть до 1938 года турецкие руководители брали на себя выполнение ряда деликатных поручений советского руководства по выяснению важных для Кремля намерений руководителей стран Запада в отношении Советского Союза. Через Турцию мы провели ряд важных внешнеэкономических операций на Западе, в которых нам нежелательно было «засвечиваться» напрямую. Немцы, имея сильные позиции в Турции, несомненно, об этом знали. И хотя наши отношения с Турцией с 1938 года

стали ухудшаться, немцы предпочли именно в этой стране через авторитетного своего представителя предпринять в отношении нас первые зондажные шаги по установлению доверительного обмена мнениями.

Нельзя представлять себе ситуацию таким образом, что советское правительство с весны 1939 года ориентировалось на соглашение с Гитлером против Англии и Франции в той обстановке, которая складывалась в Европе. Ситуация была совершенно иной. Наша дипломатия и разведка в глубокой тайне действовали на два фронта. Сейчас на фоне распространения всяких версий о политике Сталина накануне войны упускается из виду главное. Для СССР участие в военном конфликте, вспыхнувшем в Европе в 1939 году, было неприемлемо. И не потому, что мы боялись Гитлера или англо-французов. Военное столкновение было исключительно опасным для нас, если бы Запад выступил против СССР сплоченным.

Как начальник подразделения не только в годы войны, руководивший разведывательно-диверсионной работой, но уже и после войны возглавлявший аппарат, который был специально создан для действий в особый период, могу со всей ответственностью утверждать, что советское руководство всегда ставило перед собой цель — не допустить втягивания страны в крупный военный конфликт с ведущими капиталистическими странами. При этом главной проблемой было не переступить опасную грань «большой войны», когда могло иметь место перерастание локальных конфликтов и наших операций по дестабилизации обстановки в ряде важных для капиталистического мира районов в масштабные военные действия. Такая опасность существовала в ходе операций в Западной Украине, Польше, Финляндии и Молдавии в 1939–1940 годах, в Иране в 1946 году, в Корее и Маньчжурии в 1950–1953 годах.

▲ Бенеш

Советская военная и политическая разведка, начиная с тридцатых годов, поддерживая антианглийские, антияпонские и антигерманские силы на Балканах и Дальнем Востоке, решала важную задачу по отвлечению внимания от Советского Союза, что заставляло правящие круги Запада ввязываться в затяжные локальные конфликты. Это не позволяло Англии, США, Японии бросить против нас все свои ресурсы и резервы. Сталин никогда не был теоретиком и организатором мировой революции. Наоборот, наша поддержка революционного движения в капиталистических и колониальных странах целиком строилась на геополитических соображениях укрепления позиций Советского Союза как ведущей мировой державы. Иными словами, советская дипломатия и разведка в тридцатые — сороковые годы должны были успешно решить исключительно трудную задачу — использовать во благо страны страх правящих кругов Запада перед военной опасностью в Европе и на Дальнем Востоке вследствие агрессивной политики Гитлера и Японии.

НЕДОСТИГНУТЫЕ ЦЕЛИ

Мало кто знает о попытке Сталина и Молотова создать три «буферные зоны» отношений с капиталистическим миром. Советская разведка и дипломатия действовали по трем направлениям ведения тайных переговоров о разделе сфер влияния и противодействию агрессии Германии и Японии — в Центральной Европе, Скандинавии и Китае.

В Финляндии мы активно поддерживали политические партии, в частности мелких хозяев, которые выступали за то, чтобы Финляндия и Швеция стали посредниками между странами Запада и Советским Союзом в открытии постоянного коридора для поставок советского сырья в Европу. Наш посол в Швеции А. Коллонтай неоднократно высказывалась в доверительных беседах о необходимости установления особых отношений между СССР и Скандинавией. В обмен на гарантированный благоприятный нейтралитет наша страна готова была предоставить серьезные экономические льготы для Швеции и Финляндии, включая даже право реэкспорта древесины, нефтепродуктов из СССР в третьи страны.

Кроме каналов Иностранного отдела НКВД, имевшего сильные агентурные позиции в Скандинавии, не было иной возможности выйти на неофициальные и неформальные переговоры с финским руководством. Знаменательно, что резидент в Финляндии Б. Ярцев-Рыбкин (Кин) вел секретные переговоры с финским руководством втайне от советского посла в Финляндии Деревянко, который после их неудачного завершения о зондажных выходах на финнов вместе с наркомом иностранных дел Литвиновым был поставлен об этом в известность.

Другое направление — чехословацкое. Первый координатор деятельности советских спецслужб М. Розенберг, используя свои доверительные отношения с крупнейшим и авторитетным публицистом Западной Европы Женеьевой Табуи, добился серьезнейшего перелома в советско-французских отношениях — подписания

в 1935 году в Париже советско-французского соглашения о сотрудничестве и взаимопомощи. Однако широкой общественности до сих пор не известно, что локомотивом этого соглашения выступил президент Чехословакии Э. Бенеш. Именно Чехословакия выступила инициатором вступления СССР в Лигу Наций.

Мы нашли особые подходы и плодотворно сотрудничали с президентом Бенешем. Сейчас многие пишут и существует масса иллюзий и мифов о том, что Бенеш поддался на немецкую уловку о заговоре в Красной Армии против Сталина, предупреждал Кремль о «предательстве» Тухачевского и будто бы вошел в контакты с Ежовым для этого. Упускается из виду, что господину Бенешу не было смысла входить в тайные переговоры со Сталиным в 1937 году, ибо еще в 1935 году было подписано беспрецедентное секретное соглашение о сотрудничестве разведок Чехословакии и Советского Союза, о совместном осуществлении ряда внешнеполитических акций и обмене информацией в связи с возрастанием военной опасности в Европе.

Конкретно это сотрудничество привело к тому, что нам удалось использовать чешские каналы для поставок оружия республиканской Испании, через чехословацкого представителя Розенберг договорился о том, чтобы чехи поставили вопрос о нашем вступлении в Лигу Наций. Советско-французское соглашение с П. Лавалем было подписано в противовес Германии, усилению влияния Гитлера. В планы Бенеша входило в опоре на советско-французское соглашение укрепить позиции балканских стран в противостоянии Гитлеру.

Наша разведка проводила специальные мероприятия по проверке лояльности Бенеша. Ближайшему окружению Бенеша, завербованному НКВД, Людмиле Каспариковой и Яромиру Смутному был устроен побег

из Чехословакии. Для этого были выделены деньги, при этом мы вывезли из Праги в Москву значительную часть чехословацкого архива и специальной переписки, в том числе об особых отношениях Бенеша с руководителями Запада.

После того как немцы оккупировали Чехословакию, Бенеш бежал первоначально в Америку, затем в Англию. Советский посол в США Уманский по указанию Москвы принимал Бенеша и вел с ним доверительные беседы, потому что он в условиях временного свертывания нашей разведывательной работы в Вашингтоне в 1939 году по указанию Москвы взял на себя выполнение ряда функций главного резидента НКВД в Америке. На должность посла его назначили после успешной работы как корреспондента ТАСС и в отделе печати НКВД. Уманского я хорошо знал лично. Его часто можно было встретить в 1941–1942 году в коридоре седьмого этажа здания НКВД на Лубянке, где размещалось Разведывательное управление, и в приемной Берии и Меркулова. Это был очень способ-

▲ Свобода Л.

▲ Суриц Я.З.

ный, эрудированный человек, значение которого прекрасно понимало американское правительство, некоторые представители которого позволяли себе вести с ним неофициальные беседы. Любопытно, когда министр финансов США Моргентау принимал его, то удалял стенографисток и переводчиков, и обсуждение деликатных вопросов совместного американо-советского противодействия японской агрессии в Китае в 1939–1941 годах шло один на один.

Уманский не только беседовал с Бенешем в США, но и докладывал об этом сразу в две инстанции — в наркомат иностранных дел и в НКВД. Какие же вопросы обсуждали они? Речь прежде всего шла о будущем Европы. Бенеш выражал благодарность за нашу позицию, потому как мы не признали оккупацию немцами Чехословакии. Бенеш просил неофициально подтвердить, получена ли чехословацкая переписка и архив советской стороной. Он также ставил вопросы о будущей роли Чехословакии в надвигающейся войне, говорил и о чехословацкой армии, которая будет участвовать в войне, о том, что она будет формироваться в Англии. Забудьте, все это говорилось еще до того,

▲ Уманский К.А.

как началась война, до того, как немцы предъявили свой ультиматум Польше. Бенеш говорил также о необходимости сохранения «иностранный легиона Чехословацкой армии», который будет находиться в Польше или в СССР. Война еще не началась, а ему уже ясно, что будущая война будет обязательно между Германией и Советским Союзом. В качестве союзников, считал он, выступят США и Англия. Он говорил и о Восточном фронте, о том, что там будет развернуто две-три чехословацких дивизии. Знаменитый Людвиг Свобода, тогда еще никому не известный подполковник, вместе с чехословацким легионом был отправлен в Польшу, где его интернировали поляки. Легион держался на всякий случай. Когда советские войска заняли Польшу, чехословацкий легион оказался интернированным, и мы единственное что сделали — его разоружили. Никаким репрессиям никто подвергнут не был.

Со Свободой непосредственно работал начальник отделения контрразведывательного управления НКВД М. Маклярский. Свободу поселили на даче НКВД и держали в особом резерве. Держали не потому, что к нему было какое-то особое внимание, а потому, что он был человеком Бенеша,

а к людям Бенеша относились, по указанию Сталина, с очень большим вниманием и тактом.

Потом плодотворное сотрудничество, активный обмен разведывательной информацией осуществлялись нами с полковником, позднее генералом, Моравцем, начальником чешской разведки. Но не как с завербованным агентом, а как с человеком, целиком выполнявшим приказания и поручения Бенеша.

До сих пор история тайных советско-чешских отношений продолжает скрываться, хотя в этом нет ничего секретного, если смотреть на вещи трезво, после распада СССР и краха социализма в Чехословакии. Возможно, открытие архивов невыгодно только для тех, кто идеализирует и превозносит Бенеша, Масарика и других деятелей либерально-демократической Чехословакии. Обнажение их тайных связей с советским руководством в реализации целей советской внешней политики подтверждает очевидную истину. Малые страны Европы обязательно попадают в чью-либо сферу влияния и активно стремятся использовать свое положение посредника в больших политических играх, но только с выгодой для себя вне зави-

симости от идеологических симпатий.

Среди советских дипломатов предвоенной поры К. Уманский, наш посол в США, был сравнительно молодым выдвиженцем. Ранее важные зондажные поручения выполняли дипломаты первого поколения — Я. Суриц, Б. Штейн, И. Майский. Зарубежных представительств СССР было сравнительно немного, и значение советского посла за границей, его полномочия были неизмеримо шире, нежели те, которые давались нашим дипломатам высокого ранга во время войны, не говоря уже о послевоенном периоде. На ключевых направлениях, там, где необходимо было вести зондаж, были расставлены не профессиональные дипломаты, а представители разведки НКВД или тесно связанные с ней лица, такие, например, как Уманский в США, комкор Красной Армии Луганец-Орельский и пришедший ему на смену в 1939 году посол-резидент НКВД А. Панюшкин в Китае.

Туда, где речь шла о временном замораживании отношений, а не о проработке каких-то вопросов, посылались люди, не имевшие никакого дипломатического опыта. Взять хотя бы

ситуацию с руководством нашего посольства в Германии в 1939 году, когда Меркалов, простой директор завода, оказался в роли посла в Германии. Судьба Меркалова уникальна. Он закончил свою жизнь директором завода, так и не опубликовав своих воспоминаний об интереснейшем периоде 1939 года.

Чем связаны были дипломатия и разведка? Их взаимодействие характеризуется, по моему мнению, двумя этапами. До 1939 года можно говорить об особом периоде советской внешней политики и разведывательной деятельности, обусловленном в значительной мере внешнеполитической изоляцией Советского Союза. Это не являлось только следствием политики западных держав. Англия, Франция, Германия, США, Италия, Япония блокировали Советский Союз, стремясь лишить нас возможности использовать международные экономические связи для создания промышленности за счет вырученных средств от продажи сырья на мировом рынке. Но изоляция нас от мира была обусловлена также нашей сознательной линией на сохранение закрытости советского общества.

Провозглашенный Лениным в Генуе новый курс на отказ от выплаты царских долгов важно понять с точки зрения добровольного отказа от внешнеэкономического сотрудничества с нашей стороны с враждебными СССР мощными экономическими группировками Запада. Руководство Советского Союза опасалось в двадцатые — тридцатые годы, что широкие экономические связи с капиталистическим миром в сочетании с наличием в СССР сильной антисоциалистической оппозиции, остатков белого движения и обострением борьбы за власть в верхних эшелонах партии таят в себе громадную потенциальную угрозу для советского государства. Разведка и дипломатия ориентировались лишь на «ло-

кальные» прорывы в обеспечении экономических связей СССР не со всеми странами Запада, а с теми государствами, которые активно конфликтовали с главными державами капиталистического мира или играли в нем подчиненную роль недавно проигравших войну государств. Хорошие экономические отношения складывались у нас с Германией и Турцией.

Прежде всего разведка нацеливалась на использование раскола среди держав Запада и противоречий, которые существовали между ними. В условиях внешней политической изоляции рассчитывали мы и на активную дипломатическую деятельность, настойчиво добивались признания со стороны ведущих стран Запада. Важное значение в этой связи придавалось работе разведки и сотрудничавших с ней дипломатов по выяснению предварительных условий дипломатического признания СССР. Этот период завершился к началу 1939 года.

Угроза войны ставила Советский Союз в исключительное положение. Отсюда суть нашей позиции — поддержка Афганистана, Турции, наше участие в гражданской войне в Испании и т.д. Мы прощупывали, расшатывали слабые звенья в капиталистической системе. Но никогда не позволяли себе напрямую ввязаться в военный конфликт, который бы выходил за рамки локального. Руководство страны решало прежде всего внутренние задачи экономического и политического характера.

Молотов, Вышинский, Потемкин, с одной стороны, Берия, Меркулов — с другой, стали непосредственно у руля дипломатии и разведки тогда, когда Советский Союз, подписав известный пакт о ненападении с Германией и секретные протоколы к нему, превратился в крупнейшую мировую державу, чьи действия с 1939 года на международной арене предопределили исход Второй мировой войны и весь характер мирового развития в сороковые — пятидесятые годы. Два этапа советской политики за рубежом и людей, которые обслуживали эти этапы, следует трезво оценивать. ■

▲ Масарик Я.

А. Б. МАРТИРОСЯН

О ВЫСШЕМ ЗАКОНЕ ГЕОПОЛИТИКИ

▲ Землепроходцы

Мы живем в мире, не зная самих основ его существования. Соответственно не знаем основополагающих механизмов бытия человеческой цивилизации и взаимоотношений между Западом и Востоком. А, не зная этого, мы обречены на благостное восприятие любой пропагандистской лжи. Между тем над всеми нами, над Западом и Востоком, Севером и Югом безраздельно правит основополагающий Закон геополитического бытия человеческой цивилизации на Земле — Высший закон высшей мировой геополитики и политики. И малейшее неосторожное обращение с его постулатами всенепременно и неумолимо приводит к кровавой трагедии, в том числе и во всемирном масштабе. Даже при абсолютном отсутствии злого умысла, чего, к слову сказать, в высшей мировой политике никогда

не было и быть не может по определению, иначе испокон веку все жили бы в мире и согласии, любое неосторожное обращение с его постулатами с той же фатальной неизбежностью приводит к кровавой трагедии. Потому как от Сотворения мира этот суровый Закон (*Duralex, sedlex* — Закон суров, но это закон!) гласит: «Вне какой-либо связи с целями и причинами ее утверждения, монополия пути сообщения безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии заселения в ареале действия первой, причем именно теми методами, которыми она и была установлена. Однако в прямой зависимости от целей, причин и методов ее утверждения, монополия заселения столь же безальтернативно принуждает к автоматическому установлению также и своей монополии пути сообщения

в ареале действия первой, и именно теми методами, которыми она была установлена, но при соблюдении гарантии абсолютной незыблемости ее существования впредь!»

От Сотворения мира обе неотъемлемые части этого Закона являются абсолютно непримиримыми антагонистами. От того, какими методами была установлена та или иная монополия, и, самое главное, во имя чего она была установлена, напрямую зависят и последствия для другой. Над самим Законом никто и ничто не властно, но именно его «железная длань» управляет всей историей человечества, ибо неумолимо суровая логика этого Закона в самом прямом смысле в генетике основных геополитических инстинктов всех наций, народов и государств мира, тем более великих. Но и тривиальная земная корысть никогда не оста-

валась не у дел. Один из периодов в развитии земной цивилизации, к примеру, называется «эпохой Великих географических открытий». Но в действительности её суть в банальной корысти. Только на уровне государств. Она была не чем иным, как эпохой ожесточенно свирепой борьбы за монополию пути сообщения (в основном за монополию морских коммуникаций, морскую гегемонию) не столько даже на Восток как таковой, сколько прежде всего к источникам его сказочных богатств, легенды о которых сводили с ума весь Запад. Естественно, что стремление к владению ими немедленно и автоматически превращалось в кровавый колониальный разбой. И ничего другого и быть не могло. Ведь новые земли открывались и захватывались, а затем и перезахватывались грубой силой. Соответственно грубой же силой устанавливалась и «монополия заселения». Как за счет уничтожения

аборигенов, так и за счет вывоза на новые территории колонистов.

Высший закон универсален. В своем функционировании он охватывает все без исключения сферы земной цивилизации. Его влияние на ход истории на Земле происходит автоматически и невидимо. И, как правило, человечество фиксирует только последствия его функционирования. Между тем оно таково, что запросто может привести к образованию новых национальных (этнических) сообществ, наций и народов, государств и их коалиций, империй и гегемоний, в том числе и всемирного масштаба. Функционирование Закона даже может положить начало новым эпохам в истории мировой цивилизации — от Великих географических открытий и порождения новых религий (учений) до новых видов транспорта и коммуникаций.

Но точно так же воздействие этого Закона на ход истории столь же

запросто может снести с лица земли любые цивилизации, гегемонии, империи, государства, населявшие (населяющие) их народы и даже целые эпохи в самой истории человечества. Функционирование Высшего закона неумолимо. Сколько в истории погибло различных государств, империй и их коалиций — едва ли кто-либо сможет сосчитать. Если, например, обратиться к недавней истории, то в числе первых, естественно, следует привести пример целенаправленного уничтожения Российской империи, СССР и Югославии. Болтология о прогнившем царизме, тоталитаризме, коммунизме и т. п. — всего лишь дымовая завеса для сокрытия подлинных геополитических причин.

Не менее известны и факты полного исчезновения многих народов и этносов, а также цивилизаций как древности, так и недавней современности, в том числе и очень могущественных некогда. Главным

▲ На поиски Нового Света

образом вследствие геноцида различных народов. Прежде всего, это «красный» геноцид — то есть физического уничтожения армян, евреев, цыган, американских индейцев, курдов и множества других европейских, азиатских, африканских, австралийских и американских племен. Это и так называемый «белый» геноцид, которым завершились «деяния» первого — то есть насильственная ассимиляция, в том числе и через религию. К примеру, кровавая «германизация» с последующим онемечиванием ряда народов Европы, прежде всего славян. Или насильственное окатоличивание части западных славян, исламизация некоторых некогда христианских народов или их определенной части и т.д. Ныне происходит ещё более глобальный процесс — англизация всего мира.

Такие постоянно происходящие в истории человечества глобальные процессы требуют соответствующего обоснования. Потому им и сопутствуют зарождение новых или ренессанс в силу каких-то исто-

рических обстоятельств длительное время пребывавших в «консервации» религий, доктрин и учений. Это и протестантизм, и учения о капитализме, социализме и коммунизме, и бурный ренессанс масонства (как особой квинтэссенции тайных учений прошлого), и сионизм, и шизмизм, и ваххабизм, и пантюркизм с панисламизмом, всевозможные Pax Britannica, Pax Americana, Pax Germana, Pax Ottomana и т.д. Нельзя не упомянуть и о современных «изма» — глобализме и антиглобализме. Все они оказали и по-прежнему оказывают исключительное воздействие на историю и современность мировой цивилизации.

От Сотворения мира у Высшего закона есть до чрезвычайности страшная своими кровавыми последствиями особенность. С седых библейских времен существуют как возможность, так и ничем не укротимый соблазн прочитать его, как Бог (соответствующий) на душу положит! Образно говоря, не только от начала и до конца, или слева направо,

но и справа налево, а также хоть по диагонали, хоть в порядке обратной логики. Короче говоря, как угодно. Но как только в высшей мировой геополитике и политике предпринимают попытки прочитать его так, как Бог на душу положит, то даже если это происходит всего лишь на уровне мыслительного процесса, человечеству тем не менее уже гарантированы особо трагичные, кровавые последствия. А если от корыстных задумок ещё и к «делу» перейдут, то человечество неизбежно погрузится в пучину столь коллапсовых и кровавых потрясений и катаклизмов, что просто диву даешься, как оно ещё выживает! Потому как их масштабы носят, по сути дела, тектонический характер, а экономические, социальные, демографические и политические последствия столь ужасающие, что едва ли найдется хотя бы относительно точный термин, чтобы как-то их обозначить.

Исторически беспрецедентную роль в подобных последствиях проявления Высшего закона играют

▲ Захват Рима готами

войны, которых к началу III тысячелетия насчитывалось уже без малого 16 тысяч (в рамках письменной истории человечества). Таковы, например, любые межрасовые, межэтнические и этноконфессиональные войны, столкновения и конфликты прошлого и настоящего. В их сути нет абсолютно ничего ни от рас или этносов в них участвующих — лишь бесчисленные человеческие жертвы, ни от религий, ими исповедуемых, кроме опять-таки бесчисленных человеческих жертв, приносимых на алтарь религиозного фанатизма. Зато всегда в безмерном избытке глубинные геополитические причины, о которых абсолютное большинство жертв, как правило, даже и не догадывается.

Исторически так сложилось, что взаимоотношения между двумя неотъемлемыми частями этого Закона являют собой уникальный геополитический «перпетуум мобиле». Именно он от Сотворения мира непрерывно воспроизводит абсолютно непримиримое, основополагающее противоречие между Западом и Востоком, сконцентрировавшееся впоследствии в аналогичном противоречии, прежде всего между англосаксонским Западом (веками в лице Англии, ныне США и Англия) и Россией как единственной в мире единой, подлинно трансконтинентальной евразийской державой. Потому как если в соответствии с логикой Высшего закона принципиально схематизировать историю становления Запада и Востока, то увидим, что, например, Запад складывался в прочные государственные образования, как правило, в рамках логики первой части Высшего закона. В абсолютном большинстве случаев это происходило от установления — как правило, в форме умышленного захвата вооруженным путем и соответствующими ему методами монополии пути сообщения, которая, в свою очередь, неизбежно автоматически вела к установлению теми же методами также и монополии заселения пришельцев. Коренное население захваченных территорий едва ли не в прямом смысле слова вырубалось под

▲ Геноцид англичан в Индии

корень, особенно элита. Оставшихся в живых ожидала неизбежная в таких случаях участь — «белый» геноцид, то есть насильственная ассимиляция, в том числе и с помощью религии. В истории, например, Европы этим «славилась» германцы. «Метод» так и называется в истории — «общегерманский». На века «ославились» и многие представители Азии.

Исторически эта схема была абсолютно неизбежна, ибо геополитические основы всего того, что теперь мы привычно называем Запад, создавали ближайшие потомки тех самых варваров (гуннов, готов и т.п.), что завоевали и разрушили Древний Рим, являвшийся, к слову сказать, таким же классическим проявлением первой части Высшего закона на рубеже эр. Однако возникшие на руинах древнеримской империи новые государственные образования имперского типа самым наглядным образом доказали, что произошла исторически беспрецедентно уни-

кальнейшая гибридизация основных геополитических инстинктов разрушенного прошлого и воцарившегося на его обломках разрушительно-нового. С тех пор все западные империи устанавливались в рамках логики первой части Высшего закона, то есть огнём и мечом. В своей знаменитой книге «О Божьем граде» блаженный Августин назвал это весьма «изящно» — «Libido dominandi» («Страсть к властвованию»).

Но от продиктованной Высшим законом генетики никуда не денешься. Захватившие и разрушившие Древний Рим варвары действовали в рамках логики первой части всё того же Закона, то есть от установления вооруженным путём своей монополии пути сообщения на Запад к установлению тем же путем и своей монополии заселения на том же Западе. Более того, в кратчайшие же исторические сроки варваров настиг и геополитический момент истины. Столкнувшись с непреодолимым для них, тем более в начале первого ты-

сячелетия нашей эры, барьером — Атлантическим океаном, они неминуемо оказались вынуждены повернуть свои взоры вспять, то есть на Восток, откуда и пришли их пращурь. Так зародился впоследствии до печальности пресловутый девиз «Дранг нах Остен» — «Вперед, на Восток!». И, несмотря на то, что в устах, например, того же Гитлера это звучало как плагиат, тем не менее оно было закономерно. Речь шла о продвижении далеко на Восток не просто сущности Европы, а именно геополитической сущности Европы! А она — геополитическая сущность Европы (а затем и всего Запада) — еще с тех далеких времен, а с периода Карла Великого, то есть с конца VIII — начала IX веков н.э., уже окончательно и безальтернативно на века воплотилась именно в агрессии! Ничего удивительного в том не было: генетика — она и в геополитике генетика.

В результате получилось, что в основе создания, а затем и созидания Запада лежит агрессия — она же и основополагающий фактор его бытия в целом, в чем легко убедиться из ежедневных сообщений СМИ.

Путь Востока, особенно континентального, принципиально иной, главным образом на последнем, финишном этапе Второго от Рождества Христова тысячелетия, то есть в XX веке. В прочные государственные образования Восток институционализировался в рамках логики второй части Закона. То есть от утверждения, причем, как правило, в форме отстаивания, в том числе, а нередко и прежде всего, вооруженным путем, своей монополии заселения на своей же территории к установлению, в основном также вооруженным путем, своей монополии пути сообщения в ареале действия своей же монополии заселения. Если обобщенно, то это прежде всего национально-освободительная борьба за провозглашение своего суверенитета, независимости и территориальной целостности.

Путь от непрерывного отстаивания вооруженной рукой своего права на жизнь к утверждению военной силой монополии собствен-

▲ Таджикистан, 1992 год

ного заселения как основы гарантии от физического уничтожения с последующим формированием своей государственности, как прямого воплощения своего права на свою же монополию пути сообщения в пределах границ действия своей же монополии заселения прошла и Россия. Изначальным импульсом к этой действительно непрерывной вооруженной борьбе, в первую очередь за право на жизнь, послужило предрешенное логикой первой части Высшего закона неоднократное кровавое «знакомство» оседлых восточных славян всё с теми же гуннами, готами и другими степняками. Прорываясь на Запад, они далеко не единожды и не один век кряду волна за волной накатывались на земли восточных славян, опустошая их. В переводе на язык Высшего закона это означает, что варвары огнем и мечом и, к сожалению, далеко не безуспешно, пытались установить свою монополию пути сообщения

на Запад через земли восточных славян. Вследствие этого изначально осознававшаяся как вооруженная борьба за право на жизнь едва ли не мгновенно перетекала в плоскость отстаивания всё тем же вооруженным путем, но уже монополии заселения оседлых восточных славян. Дойдя же впоследствии до возможной в те далекие времена высшей в своем развитии стадии, такая организационная база превратилась в краеугольный камень фундамента, опираясь, в свою очередь, на который и под воздействием логики второй части Высшего закона стали генерироваться зачатки основ будущей государственности восточных славян, в том числе и Руси изначально.

В принципиальной схеме этого пути и сокрыта тайна происхождения значения безопасности как основы бытия, созидания и процветания России. Организационные формы её вооруженной борь-

бы за свою монополию заселения последовательно прошли стадии:

- сопротивления внешней опасности, организовывавшегося сначала в рамках ареала проживания конкретного племени;
- трансформации, по мере же расширения масштабов внешней угрозы и роста её интенсивности, в борьбу уже племенного союза (то есть союза родственных племен);
- превращения, когда интенсивность и масштабы внешней опасности приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, в отстаивание своего права на жизнь и собственную монополию заселения при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. Только этот вариант имел реальный шанс на успех в противостоянии постоянно действующей глобальной угрозе.

Под прямым воздействием логики второй части Высшего закона с этого момента и начался процесс генерирования первых зачатков будущей государственности. Постоянно довлывшая глобальная задача обеспечения безопасности всех входивших в союз союзов членов автоматически стала основополагающим импульсом, положившим начало этому процессу. В части, касающейся нашей Родины, это означает следующее. В основу создания, а затем и созидания Руси изначальной, Киевской Руси, Русского централизованного государства и, наконец, России, в том числе и как имперского образования, вне какой-либо зависимости от существовавших (или существующих) в ней режимов, форм государственного и общественного устройства, изначально генетически была заложена безопасность как основополагающая базовая ценность.

Мудро подмечено, что «география — это судьба народа», а «исто-

рия России есть история преодоления географии России». Создавшие основы будущей Руси-России пращуры проживали в основном на территории Русской равнины, которая по своей основной характеристике является плоской. Именно с этим обстоятельством и связана природа происхождения основополагающего импульса к расширению Руси-России как к стремлению обезопасить себя. Потому что когда интенсивность и масштабы внешней опасности приняли характер постоянно действующей глобальной угрозы, то отстаивать свое право на жизнь, собственную монополию заселения стало возможным не только при безусловной опоре на все силы и ресурсы союза союзов. В той географической ситуации и метод обороны был единственный — пращуры, а затем и Русь изначальная вынуждены были занять круговую оборону. Потому как сам плоский характер Русской равнины делал её уязвимой практически

▲ Варяги

со всех сторон. И только опора на все силы союза союзов позволяла занять именно круговую оборону.

Между тем в статусе испокон веку не оспариваемой аксиоматической истины в военном деле с седых библейских времен утвердился следующий принцип: в условиях плоской равнины оборона должна быть не только круговой, но и активной. То есть вслед за парированием удара противника обороняющаяся сторона должна и сама делать выпад, контратаковать. На уровне сугубо военных задач — это военное искусство. Однако на уровне геополитики и политики, тем более протоэмбриона будущего государства, зачатие которого происходило под непрерывным шквалом отличавшихся особой жестокостью войн и нашествий с разных сторон, выпад. Контратака должны были означать и, естественно, означали, единственное — отодвигание рубежей обороны как можно дальше от центра обороны по всему её периметру. До тех рубежей, с которых предположительно должна была начаться всегда ожидавшаяся следующая война (или нашествие). В во-

енном деле это называется одним кратким словом — предполье. Однако в геополитике и политике это уже совсем иное — речь идет о наиболее безопасном варианте границ. Данное обстоятельство и стало тем самым основополагающим импульсом к продвижению Руси, а затем и России шаг за шагом вперед во всех направлениях, по всем азимутам. Ибо любой из всего-то четырех азимутов являл собой направление очередного главного удара очередного же агрессора. Нередко нападения происходили сразу с двух, а то и трех направлений.

Потому-то Русь-Россия и расширялась исключительно в силу всё того же соображения безопасности — когда совершенно мирным путем, когда военным, но всегда во главе угла стояла именно безопасность, а не стремление к захвату как таковому. Эта особенность России давно подмечена. И действительно оно так и было в Истории, чему в немалой степени способствовали и чисто географические обстоятельства. Потому как оно могло происходить и происходило в действительности не в силу какого-то корыстного, тем более зло-

го умысла, а только по соображениям Безопасности. Именно этим объясняется то обстоятельство, что её расширение происходило только до естественных преград. То есть до морей и океанов, в том числе и в одинаковой степени в целях равноправного общения с внешним миром посредством морских коммуникаций, до непреодолимых для врагов гор и горных хребтов или до границ ареалов иных миров и цивилизаций. Именно так, то есть сугубо по соображениям безопасности, Россия стала в итоге единственной в мире единой, трансконтинентальной, евразийской державой.

Такова наиглавнейшая и принципиальнейшая особенность нашей Родины: в основе созидания, бытия и процветания России лежит именно и только безопасность! Именно в этом смысле её исторический путь и является классикой пути Востока, особенно континентального. И, собственно говоря, именно поэтому-то в абсолютном большинстве случаев России и удается, с тем или иным успехом, находить общий язык с Востоком.

▲ Бой с печенегами

▲ Владимир Мономах, Любечский съезд

И ещё об одной, едва заметной в толще минувших веков, но тем не менее имеющей столь же исключительное геополитическое значение детали. Хотя и в зачаточном по тем временам виде, но тем не менее проблема Безопасности изначально носила явный цивилизационный характер. Ведь кровавое «знакомство» восточных славян с прорывавшимися на Запад гуннами, готами и прочими степняками было ничем иным, как прямым столкновением зачатков будущих цивилизаций Запада и Востока: те оседлые, эти кочевники. Так оно и пошло впоследствии. Основопологающее и абсолютно непримиримое противоречие между Западом и Востоком (Россией прежде всего) — это не только беспрецедентно принципиальный, непримиримый антагонизм между агрессией и безопасностью, но и в абсолютно равной степени принципиально непримиримое, антагонистическое противоречие сугубо цивилизационного характера. Не случайно поэтому, что даже столь разные по своему значению звезды российской культуры — А.С. Пушкин и П.Я. Чаадаев, — хотя и в разных

формулировках, но абсолютно точно выразили одну и ту же, исторически же обоснованную мысль:

А.С. Пушкин — «Поймите же, что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, что история её требует иной мысли».

П.Я. Чаадаев — «Мы не Запад... у нас другое начало цивилизации».

У России настолько иное начало цивилизации, что действительно требуется не просто другая, а четко выверенная историческими фактами принципиально иная мысль. Те же причины, что безальтернативно привели пращуров к мысли о необходимости слияния всех племенных союзов в один союз, а затем безальтернативно вынудили их занять также и круговую оборону, слившись воедино, привели также к тому, что Русь осознанно избрала единственный возможный вариант будущей государственности — самодержавие. Потому как в условиях круговой обороны, опирающейся на все силы и ресурсы союза союзов, выбор формы власти предрешен самой целью, ради которой племенные союзы объединились. Соображения Безопасности практи-

чески безальтернативно выдвинули в повестку дня вопрос о безусловной централизации власти и её единоначалии. И вопрос этот был решен однозначно в пользу самодержавия. Таким образом, централизация, единоначалие и неминуемое их последствие — беспримерно высокий уровень политической дисциплины всех классов и сословий тогдашнего общества, иначе круговая оборона с опорой на все силы и ресурсы союза союзов невозможна, — явились суровым ответом и пращуров, а затем и самой Москвы на исторический вызов. «Необходимость централизации, — подчеркивал такой борец с самодержавием, как А.И. Герцен, — была очевидна, без неё не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена. Она стала сильной, великой...» За многие столетия самодержавие претерпело различные изменения по форме и названию, но, заметьте, не по сути. Никому не дано безнаказанно нарушать Высший закон, тем более, когда это касается сути основы державы.■

Ю.А. НЕРСЕЦОВ

ЕВРОПЕЙСКИЙ АРСЕНАЛ РЕЙХА

▲ Французский танк R-35 с чешской пушкой

В советские времена заявляя, что на гитлеровскую Германию работала вся Европа, историки редко баловали нас конкретными данными, да и теперь их особо стараются не вспоминать. Между тем цифры получаются более чем впечатляющие. Особенно по части сырья. В ходе территориальной экспансии Третьего Рейха в 1938–1941 гг., ему, отчасти мирным путём, отчасти входе кратковременных военных действий, удалось поставить под контроль всю континентальную Европу, за исключением Швеции, Швейцарии и стран Пиренейского полуострова. К началу 1938 года

на этой территории добывалось в 6,3 раза больше железной руды и в 7,3 больше нефти, чем в Германии. Лишившись в 1918 году Эльзаса и Лотарингии, Рейх по добыче руды сравнялся с крохотным Люксембургом, а Франция, отвоевав в 1918 году эти богатые земли, превосходила его в 4,7 раза.

Не овладев ресурсами соседей, Германия никак не могла бы столь долго и успешно воевать. Её европейские приобретения стали основой похода на восток, а попустительство Великобритании и США гарантировало лёгкость формирования гитлеровского Евросоюза.

Правда, СССР в 1939–1941 гг. тоже присоединил значительные территории, но их экономическое значение было ничтожно. Западная Украина и Западная Белоруссия являлись наиболее отсталыми сельскохозяйственными провинциями Польши, Бессарабия занимала такое же положение в Румынии, да и прибалтийские республики не имели сколь-нибудь серьёзной тяжёлой промышленности и запасов полезных ископаемых. Поскольку население вновь приобретённых территорий тоже разделилось примерно пополам между Сталином и Гитлером, можно сделать вывод, что основная польза

от их присоединения заключалась в продвижении границы на восток. В результате немцы атаковали Ленинград не от Нарвы, а от Кёнигсберга, и на Москву пошли от Бреста, а не от западных окраин Минска. Ну, и от отсутствия в армии вторжения 60 польских и прибалтийских дивизий тоже хуже не стало.

В то же время Советскому Союзу не удалось воспользоваться ресурсами нейтральных государств, зато Германия извлекла из них максимум возможного. Как и из нейтральной Турции, поставившей Рейху около 16,7 миллионов тонн хромовой руды, или Испании с Португалии из которых было получено 3770 тонн вольфрама. Без этих легирующих элементов с броневой сталью у вермахта были бы серьёзнейшие проблемы.

Нейтральная Швейцария продавала Гитлеру оптические прицелы, детонаторы, зенитные автоматы «Эрликон», снаряды, авиаприборы и другую оборонную продукцию. Для закупки оружия немцы получали кредит в швейцарских банках. Только в 1940–1941 гг. Германии были выданы 315 миллионов швейцарских франков, а всего до 1944 года Берлин приобрёл у Берна оружия и военно-

го снаряжения на 980 миллионов швейцарских франков.

Этими поставками содействие Швейцарии Третьему Рейху не ограничивалось. Здесь Гитлер приобретал станки и высокоточное оборудование, покупал за рейхсмарки необходимое ему для международной торговли золото. В свою очередь, швейцарские предприниматели с охотой вкладывали деньги в германские предприятия, получая свою долю прибыли с использовавшегося в них рабского труда военнопленных и жителей оккупированных территорий. Свою долю внесли и европейские филиалы швейцарских компаний. В частности, французский филиал автомобильной компании «Заурер» в 1943–1944 гг. передал Германии 1758 грузовиков.

Кроме того, именно через Швейцарию шла основная часть военного транзита между Италией и Германией. Из четырёх альпийских перевалов на путях, связывавших обе страны, три — Лёчберг, Сен-Готард и Симплон — находились в Швейцарии, и только один — Бреннер — в Австрии. Швейцарское правительство запретило транзит лишь в 1944 году, когда исход войны был уже пред-

решён.

Среди нейтральных стран, сотрудничавших с Германией, ещё более значительную роль играла Швеция. В 1939–1940 годах из 60 432 тысяч тонн руды, полученной немцами, 19 298 тысяч тонн было закуплено у Стокгольма, отправлявшего Гитлеру 60 % своей добычи, а ещё 1071 тысячи тонн поставила Норвегия. Поскольку среднее содержание металла в германской руде составляло 26 процентов, а в шведской — 43, своими первыми победами Германия почти наполовину обязана скандинавскому железу. Впоследствии эта доля немного снизилась, но лишь потому, что французская руда оказалась дешевле. Зато транзит гитлеровских войск и перелёты германской авиации через Швецию продолжались до 29 июля 1943 года и прекратились только после провала немецкого наступления под Курском.

Именно в Германию шли 60 % подшипников, изготавливаемых флагманом их европейского производства, компанией SKF. Часть товара, произведённого филиалом SKF в США, успешно перепродавалась через нейтральные страны. Всего в те годы, когда Штаты и Рейх воевали между

▲ Танковые траки

▲ Немецкая САУ с 47 мм чешской ПТ пушкой

собой, Гитлер, таким образом, получил из-за океана примерно 2 миллиона подшипников американского производства и важную техническую документацию. В американском филиале подшипникового гиганта работал брат жены Германа Геринга Гуго фон Розен, являвшийся по совместительству одним из координаторов германского промышленного шпионажа за океаном.

Кроме выгодной торговли с Берлином, Стокгольм немало сделал для повышения боеспособности армии ближайшего соседа. В 1940–1943 гг. финны получили от шведов изрядное количество оружия и военного снаряжения, вплоть до 40-мм самоходных зенитных установок. Также Финляндия получала от Швеции чугун, продовольствие и кредит в 300 миллионов крон.

Как и Швеция, часть покорившихся и присоединившихся стран обладала развитой промышленностью, а все они вместе взятые выплавляли 66 % стали и 51,7 % алюминия от германского производства, выпускали почти столько же автомобилей, а по судо-

строению значительно превосходили Германию. По данным Центра военной экономики Германии, только на 31 марта 1944 года военные расходы стран, оккупированных в 1939–1941 гг., составили 81 миллиард 35 миллионов рейхсмарок. Почти на 13 миллиардов 866 миллионов оружия и снаряжения поступило в распоряжение фюрера из цехов 857 заводов ранее присоединённой Чехии, и ещё больше из воссоединённой с Германией Австрии.

Контраст с захваченными территориями СССР налицо. Отступая на восток, Красная Армия уничтожала промышленность оставленных земель так основательно, что за все годы оккупации немцы смогли ввести в строй лишь около 200 предприятий из почти 32 тысяч работавших там до войны. Даже от 271 завода так называемого «генерал-губернаторства» — одной четверти территории довоенной Польши — немцы получили продукции на 5015 миллионов рейхсмарок, тогда как из западных областей Советского Союза лишь на 4900 миллионов.

Первыми пополнила арсеналы фюрера радостно воссоединившаяся с Рейхом Австрия. Оружия у многочисленной австрийской армии было не густо, но унаследованная от империи Габсбургов военная промышленность при должной организации труда обещала дать куда больше. Так и случилось: за годы войны дисциплинированные рабочие концерна «Штейр-Даймлер-Пух» и ряда других предприятий радовали вермахт и его союзников до самого захвата Австрии советскими войсками. Отсюда войска объединённой вокруг Германии Европы получили свыше 10 тысяч танков и бронемашин, включая мощнейшие в мире тяжёлые самоходки «Фердинанд» и «Ягдтигр», 9 тысяч самолётов, 17 тысяч авиамоторов и более 12 тысяч артиллерийских установок различных калибров.

Другим крупнейшим арсеналом гитлеровского Евросоюза стала капитулировавшая без сопротивления Чехия с её мощными военными заводами и многочисленной, хорошо вооружённой армией. Особенно

кстати оказалась здешняя бронетехника. Германская и словацкая армии получили 308 лёгких танков LT-35, 21 предназначенный для Литвы тоже лёгкий LT-40, 70 танкеток АН-1 и 75 броневедомостей. Ещё 126 LT-35 и 35 АН-1 Чехословакия ранее поставила присоединившейся к гитлеровскому блоку Румынии.

LT-35 с 37-мм пушкой были значительно сильнее составлявших основу танкового парка Рейха пулемётных Т-I и вооружённых 20-мм орудием Т-II. Переименованные в 35(t), они стали основной машиной прославленной 6-й танковой дивизии вермахта, за невиданную скорость продвижения получившей во Франции прозвище «призрачной». Впоследствии она успешно наступала на Ленинградском направлении, а на южном фланге советско-европейского фронта действовали LT-35 1-й румынской танковой и 1-й словацкой моторизованной дивизий. Там же воевали чешские танкетки словацкой мотодивизии и шести дивизий румынской кавалерии.

Кроме бронетехники, от чехов в 1939 году было получено более 1 миллиона винтовок и пистолетов, свыше 40 тысяч пулемётов, около 4,5 тысяч орудий и миномётов и огромное количество другого военного имущества. К 1 сентября 1939 года чешским оружием оснастили пять пехотных дивизий (с 93-й по 96-ю и 98-ю), не считая прочих частей и подразделений. С чешскими винтовками и пушками пошёл в бой и участвовавший во вторжении в Польшу словацкий корпус из двух пехотных дивизий и мотобригады. В следующем году чешское оружие и снаряжение получили ещё четыре пехотные дивизии — 81-я, 82-я, 83-я и 88-я, а к началу Великой Отечественной войны количество соединений, полностью или частично оснащённых изделиями чешских оружейников, выросло в несколько раз.

Как и в Австрии, куда важнее трофеев оказалось для Рейха приобретение мощных военных концернов «Шкода», ЧКД и «Зброевка». Через неделю после оккупации, 22 марта

1939 г., генеральный управляющий ЧКД Климент Ружичка чрезвычайно конструктивно пообщался со вторым человеком Германии рейхсмаршалом Герингом. Пан Ружичка получил от него заверения, что за вовремя поставленный товар высокого качества новый хозяин, в лице руководимого рейхсмаршалом концерна «Герман Геринг-верке», готов щедро платить.

Немецкая сторона сдержала обещание. Исполняющий обязанности имперского протектора Богемии и Моравии начальник Главного управления имперской безопасности Рейнхардт Гейдрих

установил на чешских предприятиях гибкую систему поощрений. Вскоре обнаружилось, что под оккупантами жить вполне можно. Ежели старательно трудиться — и на сардельки с пивком хватит, и на домик отложить, да ещё и на отдых в Карловых Варах останется! А что область применения родного языка уменьшилась и фрицы всюду командуют, так соплеменникам Швейка к тому было не привыкать. Они сидели под немецкой династией Габсбургов почти четыре столетия и не особенно рыпались. После вялого пражского мятежа 12–17 июня 1848 года национально-освободительное движение до конца

▲ Чешские танки

▲ Артиллерийский тягач, Прага

Первой мировой войны ограничивалось в основном парламентским бухтением и бытовым пьяным мордобоем. Ну, и ещё сочинением псевдо-исторических фальшивок вроде истории о победе над монголо-татарами под Оломоуцем в 1242 году, которую придумал талантливый жулик Вацлав Ганка в 1817 году. Неудивительно, что возвращение «старших партнёров» Чехия, восприняла совершенно спокойно.

Крайне тёплые отношения складывались и между военными обеих сторон. «Чехи передали в наше распоряжение всю необходимую информацию о своих танках, — восторженно вспоминал немецкий инженер-полковник Икен. — Чешские офицеры были уверены, что их машины полностью соответствуют потребностям вермахта... Сотрудничество с чешскими офицерами было очень плодотворным и дружественным. Нам ни разу не пришлось столкнуться с акциями саботажа или какого-либо сопротивления». (Д. Форти. «Германская бронетехника во Второй Мировой войне»).

Недаром, решив ликвидировать Гейдриха, англичане имели в виду помимо прочего и порушить налаженное им германо-чешское сотрудничество. Немцы действительно

озверели и много народу казнили почём зря. Но на производстве это не отразилось. Напротив, доля чешских предприятий в производстве танков росла до самого конца войны. С января по март 1945 года из 3932 танков и самоходок, изготовленных для еврагитлеровских войск, чехи дали 1136, то есть почти треть! Последние сошли с конвейера 5 мая 1945 года, уже после самоубийства Гитлера и падения Берлина и прямо перед тем, как жители Праги, опасаясь, что война закончится, а их не возьмут в ряды победителей, решили немножко восстать.

В 1939–1942 гг. пражские и пльзеньские заводы поставляли для фюрера лёгкий танк LT-38, получивший немецкое обозначение 38(t). Имея скорость 40 км/час, 37-мм пушку и броню, усиленную до 50 мм в лобовой части, он считался одним из лучших в своём классе. Доля LT-35 и LT-38 в вермахте непрерывно росла. К 22 июня 1941 года в 17 танковых дивизиях первого эшелона 810 чешских машин составляли четверть танкового парка. В шести сосредоточенных севернее Полесских болот дивизиях — 6-й, 7-й, 8-й, 12-й, 19-й и 20-й — их было две трети от общего количества. Воевавший в «призрачной» дивизии,

подполковник Гельмут Ритген признавал, что «без чешской военной промышленности и чешских танков у нас не было бы четырёх танковых дивизий, что сделало бы невозможным нападение на Советский Союз». (Там же).

Превосходя пулемётный Т-I и вооружённый 20-мм пушкой Т-II и не уступая Т-III ранних модификаций, 38(t) оказался сильнее и советских лёгких танков. Его лобовая броня неплохо держала бронебойные снаряды наших 45-мм орудий, которые, ввиду перекалки металла, зачастую действовали хуже, чем ожидалось. В то же время чешская 37-мм пушка с гарантией пробивала 20–25-мм лобовые плиты лёгких танков Красной Армии. Разумеется, Т-34 и КВ даже модернизированные 38(t) противостоять не могли. Поэтому, выпустив 1461 танк, включая полсотни в разведывательном варианте, чешские заводы перешли на производство самоходных артиллерийских установок на его базе. Всего до конца войны на фронт ушло 4146 истребителей танков, вооружённых либо 75-мм пушкой, либо (344 САУ) 76-мм советским орудием. Ещё 312 получили 150-мм пехотное орудие, 140 — 20-мм зенитный автомат, а 284 самоходки были переделаны

из повреждённых 38(t). На их лишившихся башен шасси трудолюбивые чехи установили рубки с 175 — 75-мм, 19 — 76-мм и 90 — 150-мм орудиями, после чего битая техника снова пошла на фронт.

Особенно по душе пришёлся немцем созданный на основе 38(t) истребитель танков «Хетцер», признанный лучшей лёгкой противотанковой самоходкой Второй мировой войны. Последние из 2827 «Хетцеров» сошли с конвейеров также 5 мая 1945 года. Трудолюбие и дисциплина чешских танкостроителей, а главное, их преданность германским партнёрам заслуживают всяческого восхищения. И наш восторг возрастёт, если подкрепить его простейшей арифметикой, подсчитав чешскую долю в выпуске бронетехники для фюрера и его друзей. На каждые семь танков и самоходок, выпущенных германскими и австрийскими предприятиями, приходится как минимум одно чешское изделие, не считая выпущенных по лицензиям танков германской конструкции! Для маленькой страны доля весьма внушительная — и, кстати, превосходящая процент британских и американских машин в советском танковом парке. А ведь Прага и Пльзень снабжали войска объединённой Европы не только танками, но и полугусеничными бронетранспортёрами немецкой разработки, а также стрелково-артиллерийским вооружением. Только в последние полтора года войны здесь произвели свыше 4 тысяч пехотных и противотанковых орудий, миномётов и зенитных установок, сотни тысяч винтовок, пистолетов и пулемётов и огромное количество боеприпасов.

Промышленность Франции работала на фюрера ничуть не хуже, чем у чехов с австрийцами. Список использованной для нужд Рейха французской бронетехники смотрится достаточно внушительно. На 22 июня 1941 года для действий на Восточном фронте было выделено два отдельных батальона трофейных машин. Танковые части с французской техникой действовали главным образом на флангах Восточного фронта.

Производство танков для германских вооружённых сил

Немецкие танки	
T-I	1737, включая командирские
T-II и T-II L «Рысь»	2142, в том числе огнемётные
T-III	6142, включая командирские и огнемётные
T-IV	8519
T-V «Пантера»	5976
T-VI «Тигр» и T-VIB «Королевский тигр»	1843

Немецкие САУ	САУ
75-мм противотанковые	12347, в том числе 201 с 76-мм советским орудием
88-мм противотанковые	976
105-мм гаубицы	1888
128-мм противотанковые	79
150-мм гаубицы и пехотные	1048
20 и 37-мм зенитные	387
Итого:	43084

Чешские танки	танки
LT-35 и LT-40	455, включая командирские
LT-38	1461, включая командирские и разведывательные
АН-1	118

Чешские САУ	САУ
75-мм противотанковые	4146, в том числе 344 с 76-мм советским орудием
150-мм пехотные	312
20-мм зенитные	140
Итого	6632

Так, в составе наступающей с финской территории армии «Норвегия» находился 211-й батальон, состоявший из 41 лёгких танков Н-38/39 и 18 средних S-35. Другой батальон, отмеченный в документах под номером 102, был направлен на прорыв Перемышльского укрепленного района. В нём имелось 30 тяжёлых В1, в том числе 24 огнемётных. Наконец, ещё 15 S-35 придали бронепоездам, а 4 из них вместе с бронепоездом № 28 участвовали в штурме Брестской крепости.

Наступавшая сперва на кишинёвском, а затем на одесском направлении танковая дивизия «Великая Румыния», наряду с LT-35, имела 75 лёгких R-35, из которых 41 был заку-

плен во Франции до войны, а прочие реквизированы у бежавших в Румынию поляков. Всего на советской границе к 22 июня 1941 года стояло 179 французских машин, что соответствовало парку полноценной танковой дивизии.

В дальнейшем количество французских танков в вермахте и вооружённых силах его союзников продолжало расти. Около сотни машин немцы передали Болгарии и Хорватии. Италия получила 109 R-35 и 32 S-35, часть которых воевала на Сицилии. Ещё 174 R-35 переделали в 47-мм противотанковые самоходки, а свыше сотни таких танков использовали как командирские машины батарей этих САУ или в отдельных

взводах, придаваемых пехотным дивизиям.

Из более быстроходных H-35 и S-35 немцы сформировали две резервные танковые бригады общей численностью более 500 машин. Впоследствии сформированные на их базе отдельные батальоны действовали против югославских партизан и участвовали в обороне Франции. Часть S-35 использовали для пополнения 21-й танковой дивизии, а около сотни H-35 переделали в 75-мм противотанковые САУ, 105-мм самоходные гаубицы и носители пусковых установок реактивных снарядов. До полусотни 75 и 105-мм самоходных орудий соорудили на базе лёгких FCM-36 и тяжёлых В-1, а всего последних служило в германской армии 160 штук, включая 60 огне-мётных. Кроме собственно танков, не менее активно включались в состав германских частей и другие гусеничные боевые машины. На базе бронетранспортёра «Лоррэн» было установлено 170 75-мм противотанковых пушек, 10 105-мм и 94 150-мм

гаубицы. До 200 разведывательных танков AMR получили вместо снятых башен 81-мм миномёты. Наконец, свыше 600 лёгких бронетранспортёров UE хозяйственные немцы переделали в самоходки с 37-мм противотанковыми пушками, а ещё несколько сотен — в пулемётные танкетки и носители реактивных снарядов. Добавив сюда около трёх сотен танков правительства Виши, также неоднократно вступавших в бой с союзниками, получим цифру, переваливающую за три тысячи.

В 1941 году «французы» превосходили большинство германских танков по броневой защите, что делало их неплохим средством поддержки пехоты. Модернизированные В-1 всю войну оставались наиболее мощными огнемётными танками гитлеровского Евросоюза, и оснащённая ими рота особо отличилась при взятии Севастополя. Даже к началу Курской битвы из 6127 танков и самоходных орудий вермахта французских машин было около 700 (хотя к тому моменту они уже устарели и применялись

главным образом в боях с партизанами). В общей сложности, Франция и Чехия предоставили в распоряжение Гитлера около 10 тысяч танков, самоходных орудий и базовых машин для их создания только своих разработок. Это почти вдвое больше, чем официальные союзники Рейха Италия и Венгрия, пополнившие танковый парк коалиционной армии лишь 6 тысячами боевых машин. Нельзя считать чисто немецкими и многие из остальных 43-х тысяч танков. Изрядная часть их вышла из цехов Австрии и Чехии, а ещё больше были изготовлены там частично. Например, танковые корпуса и башни почти всю войну производились на австрийских же заводах «Братья Бёлер» и «Шеллер Бекман», верхнедунайских железодельных заводах в Линце, чешской фирме «Польди» в Кпадно, французском автогиганте «Пежо» и других европейских предприятиях. С подобными мелочами вклад территорий, лежащих вне германской границы 1937 года, оказывается куда большим, чем представлялось раньше, и уж всяко превосходит долю ленд-лизских танков в частях Красной Армии.

Наряду с танками и самоходными орудиями, объединённая Европа обильно снабжала армию фюрера другими видами бронетехники. В части вермахта поступило несколько сотен бронеемобилей реквизированных у разбитых армии Франции, Нидерландов и других стран, большая часть которых была использована на Восточном фронте. Одних только броневиков «Панар» 178 к 1941 году немцы имели без малого две сотни. Уже упоминавшиеся лёгкие гусеничные бронетранспортёры UE использовались в качестве артиллерийских тягачей и различных транспортных машин. На базе другого французского полугусеничного бронетранспортёра — «Сомуа», устанавливались 75-мм противотанковые пушки, 81-мм миномёты и установки для запуска реактивных снарядов. Большое количество устаревших или повреждённых танков переделывалось в транспортёры боеприпасов и ремонтно-эвакуационные маши-

▲ Бронеемобиль-дрезина, Франция

ны, а их башни использовались для усиления долговременных огневых сооружений. Артиллерия старых танков широко применялась и для вооружения бронепоездов — в частности, башни французских D2 стояли на броневгонах, поставленных немцами для бронепоездов хорватской армии.

Для полноты картины попытаемся сравнить эту бронированную армаду с европейскими трофеями Восточного фронта. Здесь немцы и финны послали в бой примерно по три сотни захваченных советских танков и ещё некоторое количество передали румынам и венграм. Даже с учётом не попавших в боевые сводки получается немногим больше тысячи, да и те частично компенсируются трофейными машинами в Красной Армии. Не слишком велика и доля советских артсистем в оснащении немецкой самоходной артиллерии. Из без малого 19 тысяч гитлеровских истребителей танков 76-мм пушку Грабина получили лишь 764 САУ.

Не стоит забывать и широко распространённую в европейском союзе Гитлера производственную кооперацию. Тысячи танков и самоходок, формально считающиеся чисто немецкими, имели детали, изготовленные в оккупированных странах. Например, некоторые комплектующие для лёгких танков Т-II, средних Т-III и сконструированных на базе Т-II 105-мм самоходных гаубиц «Оса» выпускались в Варшаве.

Европейские предприятия производили для Рейха и стрелковое оружие. Доминировали тут австрийские и чешские фирмы, но свою лепту внесли и другие партнёры. Из Бельгии в 1940–1944 гг. было получено более 200 тысяч автоматических пистолетов «Браунинг», а часть оккупационных войск во Франции получила выпускавшиеся после капитуляции страны автоматические винтовки MAS36.

Чрезвычайно значительную роль промышленность оккупированных стран сыграла и в снабжении гитлеровской армии артиллерией. С германских заводов в границах на 14 марта 1939 года (то есть вклю-

▲ 150 мм САУ, Франция

чая австрийские) войска получили 16 539 37-мм, 9568 50-мм и 23 453 75-мм орудия, 2500 противотанковых пушек более крупного калибра, 80 128-мм, а также 463 40- и 75-мм противотанковые пушки с коническим стволом. В то же время от Чехии к Германии и её союзникам попало 1724 37-мм и 755 47-мм орудий: из Польши — 621 37-мм пушка, от Австрии и Франции соответственно 507 и 823 47-мм орудий. Ещё 3872 французские 75-мм полевые пушки были переделаны в противотанковые. Таким образом, всего на борьбу с вражеской бронетехникой было направлено 8128 орудий жертв оккупации. Считая примерно сотню бельгийских, нидерландских и норвежских, но без учёта ограниченно используемых 25-мм французских противотанковых пушек — 16,2 % от продукции заводов Рейха.

Правда, можно вспомнить и о почти двух тысячах советских противотанковых пушек, захваченных Германией и её союзниками на Восточном фронте, но немало таких трофеев, в свою очередь, взяла и Красная Армия. Однако даже если забыть об этом, советские орудия составляют лишь 3 % противотанковой артиллерии вермахта.

Теперь обратимся к полевой артиллерии среднего калибра. За предвоенные и военные годы Гитлер по-

лучил 8096 150-мм гаубиц, а также 193 пушки и 4565 пехотных орудий того же калибра. В тот же период чехи передали в общеевропейские арсеналы 439 шкодовских гаубиц и 41 пушку, поляки — 219 гаубиц фирмы «Шнейдер-Крезо» 155-мм калибра, а свыше 3 тысяч таких гаубиц и пушек было получено от французской армии. Будем совсем честными и учтём около тысячи 152- и 155-мм гаубиц, захваченных вермахтом у Великобритании, СССР и США. Всё равно более 22 % 150–155-мм орудий вермахта оказывается подарочком от континентальных соседей Берлина. И лишь от силы 5 % составляют прочие трофеи.

Сколько смертоносных гостинцев размером с упитанного поросёнка отправили чешские и французские стволы в советских солдат, неизвестно. Явно, что немало — особенно если вспомнить, что чешские и французские заводы производили такие подарочки самым исправным образом. Как, впрочем, и боеприпасы к 8 с лишним тысяч 75–145-мм трофейных орудий и миномётов, а также многочисленной артиллерии словацкой, хорватской и вишистской армий.

Ещё более впечатляющим оказался вклад будущих стран Евросоюза по части любимого детища берлинских правителей — тяжёлой и сверхтяжёлой артиллерии. Если

на предприятиях Рейха орудий калибра от 203-мм и выше изготовили около тысячи, то от Чехии, Франции и поляков со скандинавами подобных установок было получено свыше шестисот. По сверхмощным стволам от 305 до 807-мм калибра и вовсе почти полное равенство — 96 германских против 91 французского и чешского.

Для обстрела Ленинграда части группы армий «Север» использовали две 340-мм, шесть 400-мм и одну 520-мм гаубицы французского производства, а также шесть чешских 305-мм мортир, не считая десятков стволов меньшего калибра. Установок германского производства здесь было почти столько же, но из сверхтяжёлых орудий по городу стреляла лишь одна 420-мм мортира. Поэтому первенство изделий чехов и французов в разрушении Северной Пальмиры неоспоримо. Даже составители «Книги рекордов Санкт-Петербурга» сочли необходимым упомянуть 520-мм гаубицу как самую большую артсистему, когда-либо стрелявшую по городу. Ничего более увесистого, чем её 1654-килограммовые снаряды, на питерские кварталы никогда не падало. Всего же оккупированная Европа пополнила артиллерию Адольфа Алоизовича почти 40 тысячами стволов.

Это не намного меньше, чем имела вражеская армия вторжения 22 июня 1941 года, и почти вдвое больше количества ленд-лизовских орудий, поставленных для СССР.

Пока гитлеровские сухопутные силы вовсю пополнялись европейскими танками и артиллерией, другие рода войск тоже пытались взять своё и преуспели в этом. Самой распространённой зарубежной машиной в люфтваффе и ВВС союзников Германии стал лучший истребитель Франции «Девуатин-520». В боях на стороне Рейха было задействовано свыше 600 из 905 выпущенных самолётов. Аэроплан оказался не самым выдающимся, но и ничуть не хуже поставляемых в Советский Союз «Харрикейнов» и «Киттихоков». Кроме D-520, на вооружении немецкой, итальянской и вишистской авиации числилось до пятисот других самолётов французских ВВС, часть из которых участвовала в боях с союзниками. Ещё около сотни французских истребителей MS-406 и ранее состоявших на вооружении ВВС Франции и Норвегии штатовских «Киттихоков» получила Финляндия. Наконец, 358 машин чешского производства были переведены в словацкую авиацию, а свыше сотни югославских аэропланов действова-

ли на стороне хорватских усташей. В сумме выходит не особенно много, но кроме самолётов, Германия использовала ещё и 10 тысяч французских авиадвигателей. И вот с ними картина получается совсем иная.

Именно французские авиамоторы «Гном-Рон» стояли на единственном в люфтваффе полноценном противотанковом штурмовике «Хеншель-129». Двигатели этой же фирмы поднимали в воздух крупнейший в мире немецкий транспортный самолёт «Мессершмитт-323», лёгкий транспортник «Гота-244» (выпускался в прославленных Ярославом Гашеком Будейовицах), самолёт связи «Хейнкель-70» и ряд других машин. Правда, транспортных «Мессершмиттов» было выпущено всего 198, но каждый из них мог поднять почти в семь раз больше груза, чем любой из 5 тысяч основных немецких воздушных транспортников «Юнкерс-52». Если «Юнкере» перевозил за раз 18 полностью экипированных солдат или 1,5 тонны груза, то «мессершмиттовский» монстр с шестью «Гном-Ронами» легко брал на борт 126 пехотинцев или 10 тонн военного имущества, без проблем доставляя к месту даже броневика.

Учитывая, что на французских предприятиях изготавливались и лицензионные BMW, и авиамоторы других германских фирм, можно согласиться с оценкой их работы, данной Управлением экономической деятельностью США в зарубежных странах. Американцы подсчитали, что каждый восьмой двигатель для люфтваффе был родом из Франции. Немецкие самолёты выпускались там и целиком. Например, Ю-52 изготавливались французским заводом «Амиот», поставившим свыше 500 машин — шестую часть всех выпущенных во время войны. Производство же «мессершмиттов» в Чехии приобрело такой размах, что продолжалось и после капитуляции Германии. В 1948 году именно чешские «мессеры» составили основу истребительной авиации юных израильских ВВС.

И, наконец, ни с чем не сравнимы заслуги французов и чехов в производстве, пожалуй, самого ненавистно-

▲ 16 ствольный миномет, Франция

▲ Самоходный 80-мм миномет, Франция

го для красноармейцев самолёта — знаменитой «рамы». Двухкорпусные артиллерийские корректировщики «Фокке-Вульф-189» часами висели над советскими позициями, указывая артиллеристам, куда лучше целиться. Истребители и зенитчики считали делом чести сбить «раму», но получалось не часто — хорошее оборонительное вооружение, большая высота и потрясающая живучесть делали её весьма непростой добычей. Настырные корректировщики удалось вычистить с неба лишь к последнему году войны.

Но вряд ли проклинаящие их солдаты могли предположить, что из 894 выпущенных «рам» с конвейера завода «Фокке-Вульф» в Бремене сошло лишь около двух сотен. Зато в Праге, совместными усилиями компаний ЧКД и «Аэро», люфтваффе было передано 357 «рам», а в Бордо стараниями фирмы SNCASO ещё 393. Ну никак мужики не могли допустить, чтобы их сограждане и старшие немецкие братаны предназначенные для того же Ленинграда снаряды зря расходовали! Точно определить долю самолётов оккупированных

стран в составе люфтваффе почти невозможно. Этому мешает, прежде всего, образцовая кооперация военных предприятий гитлеровского Евросоюза. В самом деле, куда следует отнести свыше тысячи немецких самолётов с французскими авиадвигателями? Воистину, они столь же интернациональны, как и отличившийся в ударах по Югославии и Ливии британо-германо-итальянский истребитель «Торнадо». Однако с учётом 9 тысяч самолётов австрийского производства, чешских «мессершмиттов» и «гот», французских «юнкерсов», французских и чешских «рам» воздушная армада получается вряд ли меньше ленд-лизовой.

Ещё круче, чем по части военно-воздушных сил, дружественная Европа помогала Рейху, обеспечивая его автотранспортом. Историки, обожествляющие военные поставки западных союзников, особо любят смаковать количество прибывших в СССР автомобилей и паровозов. Действительно, более 400 тысяч американских машин и 1981 локомотив выглядят весьма солидно. Но только до тех пор, пока не узнаёшь, что одна

Франция имела к середине 1940 года 2,3 миллиона автомобилей, большая часть которых досталась Гитлеру.

Много это или мало по сравнению с общим количеством автотранспорта в европейских вооружённых силах? По Мюллеру-Гиллебранду, на 22 июня 1941 года из 209 немецких дивизий 92 имели автомобили либо трофейные, либо «текущего французского производства». Подобная формулировка не случайна — машины, произведённые на территориях Австрии и Чехии после их присоединения к Рейху, считались уже полностью своими и к трофеям не причислялись.

На Восточном фронте пользовались немалой популярностью французские грузовики повышенной проходимости фирм «Лаффли», «Латиль», «Гочкис», «Берлие» и «Бернар». В тяжёлых российских условиях их вездеходные качества оказались весьма кстати, и часть «Лаффли», наряду с полугусеничными тягачами «Уник», успешно переделали в бронетранспортёры.

Не раз получалось, что французских призывников везли на отечест-

венных машинах, как это случилось с правнуком наполеоновского ветерана и солдатом вермахта Ги Сайером. Вспоминая подвиги на востоке, тот особо подчёркивал, что ехал в бой на родном «Рено». Иногда всерьёз привязывались к импортным железным лошадам и немцы. Например, гауптман 19-го моторизованного корпуса Вернер Этцольд настолько любил доставшийся ему под Дюнкерком «Лаффли», что так и доехал на нём до самых московских окраин, где обоих разнесло одной бомбой.

Теперь посмотрим, как работала французская автопромышленность после оккупации. По данным уже упоминавшегося американского Управления экономической деятельностью за рубежом, она поставила Гитлеру свыше 20 % выпущенных для военных нужд грузовых автомобилей. Германская статистика полностью подтверждает выводы американцев. Согласно фундаментальному труду Вернера Освальда «Полный

каталог военных автомобилей и танков Германии 1900–1982 гг.», в армии за годы войны использовалось чуть больше 350 тысяч грузовых автомобилей и автобусов. Основная часть их — 232 512 машин — вышла из цехов с 1940 по 1944 год, после чего германские автозаводы тихо испустили дух (за январь–апрель 1945-го армия получила всего 5043 автомобиля и тягача всех типов). Данные Освальда подтверждает и Мюллер-Гиллебранд, писавший о наличии в вермахте к началу войны около 120 тысяч грузовиков.

Сравним эти цифры с работой французов. Мсье Рено изготовил для фюрера 35 тысяч грузовиков, в основном 2,5-тонных моделей ANS, 3,5-тонных ANH и 5-тонных ASR. Нескольким меньшим оказался вклад компании Пежо — около 26 тысяч грузовичков, но зато сверх этого ещё свыше 100 тысяч легковых автомобилей. Третий автомобильный гигант Франции, концерн Ситроен, на радость фюреру выпустил 15 тысяч 2-х

тонных машин типа «23R» и 4,5-тонных типа «45», да и более мелкие компании не остались в стороне. Компания «Панар» поставила около 1400 грузовиков, фирма «Берлие» чуть меньше 1300. Французские машины составили почти 23 % от общего грузового автопарка 1940–1944 гг. выпуска, что соответствует американским данным. Сверх того, «Пежо» поставляла запчасти и комплектующие к германским «Фольксвагенам», фирма «Тэлбот» — комплектующие для грузовиков «Бюссинг», а компания «Симка» выпускала двигатели для полугусеничных тягачей.

Не меньше, чем французы, отличились австрийские соплеменники Адольфа Алоизовича. Только «Штейров» и «Аустро-Даймеров» в армию гитлеровского Евросоюза поступило 24 241 штука. Плюс ещё 14 500 «Зауреров», 13 300 «Фросс-Бюссингов» и 13 800 грузовых автомобилей, построенных по лицензии германской фирмы MAN. Сверх того, на «Заурерс» построили пару тысяч тягачей,

▲ БТР, Франция

▲ Чешский броневедомо-мобиль

а компания «Греф-Штирт» (к известному российскому реформатору отношения не имеет) передала армии 170 автобусов.

В свою очередь, «Прага» и «Шкода» с «Татрой» порадовали фюрера примерно 5 тысячами грузовиков и почти 6 тысячами тягачей (не считая попавших в армии Венгрии и Словакии). В ходе работы между австрийцами и чехами произошла ожесточённая схватка, которую последние вдрызг проиграли. Драка случилась за право производить тягачи-вездеходы, предназначенные специально для покорения хоронящихся в лесах и болотах русских варваров.

Первыми гусеничный тягач с говорящим само за себя названием RSO (Raupenschlepper Ost — Восточный гусеничный вездеход) разработали по собственной инициативе конструкторы «Штейра». Без приказа Берлина, чисто из сочувствия барахтающимся в грязи героям Восточного фронта, австрийские инженеры создали замечательную машину, составившую почти треть общего парка армейских тягачей,

а также применявшуюся как носитель 75-мм противотанковой пушки и 20-мм зенитного автомата. Более 7 тысяч штук австрийцы собрали сами, а остальные произвели по лицензии немецкие заводы. Для вермахта австрийская инициатива была неоченима. Большинство прочих тягачей, в отличие от 28 151 RSO, были колёсными или полугусеничными, то есть куда менее пригодными для проклятья всех агрессоров — российского бездорожья. Там, где они безнадёжно вязли, «Штейры» трудолюбиво преодолевали наши величественные лужи и гордые колдобины. Машины оказались столь выносливы и надёжны, что и десятилетия спустя после войны, переоборудованные в трелёвочные трактора, таскали дёрвья в советских леспромпхозах.

Чехи сильно завидовали успеху «Штейра» и в качестве альтернативы попытались навязать берлинскому оборонному ведомству свой RSO на колёсах большого диаметра. Однако машина оказалась куда хуже австрийской, поскольку жрала слишком много топлива и была чрезвычайно

трудоёмка в изготовлении. После выпуска 200 тягачей «Шкода» прекратила производство, признав своё поражение в национал-социалистическом соревновании.

Но главное не победа, а участие — и здесь обе стороны отличились на славу. Из примерно 500 тысяч грузовиков, автобусов и тягачей, выпущенных в Рейхе и на присоединённых территориях, австрийские заводы изготовили почти 56 тысяч, а чешские, по неполным данным, свыше 11 тысяч. Вместе с 80 тысячами французских автомобилей выходит почти треть грузопассажирского автопарка гитлеровской евроармии. Если же вспомнить о 40 067 поставленных за военные годы «Фордах» G917, G997 и GS18TS берлинской и кёльнской сборки, ещё 14 426 американских грузовиках, переданных Рейху с бельгийских заводов, 10 620 «Фордах» с французских филиалов и 3417 тягачей, выпущенных в Нидерландах, доля негерманских машин переваливает за 40 %.

И это без трофейных грузовиков, выпущенных западными соседями

▲ Бельгийский тягач

Германии до 1940 года! Подавляющее большинство их, наряду с гражданскими машинами, а также бельгийскими, голландскими, датскими, норвежскими и польскими грузовиками, досталось немцам. Только за 1940–1942 гг. французский автопарк сократился, в основном в пользу Гитлера, с 2,3 миллиона до 400 тысяч машин. Из одной Бельгии немцы вывезли 350 тысяч автомобилей — почти столько же, сколько Советский Союз получил за четыре года из США!

Похожая ситуация сложилась и в области железнодорожного транспорта. Согласно работе Института экономических исследований ФРГ «Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг.», сама Германия произвела в 1940–1944 гг. 14 981 паровоз. В то же время перед войной Третий Рейх имел около 20 тысяч паровозов, а из одной только Франции в 1940–1941 гг. было вывезено 5 тысяч, что позволило к началу вторжения в СССР иметь почти 28 тысяч локомотивов.

Немцы не могли нарадоваться на своих французских партнёров,

что впоследствии тем вышло боком. Например, Луи Рено столь ударно работал на единую Европу, что впоследствии даже подвергся репрессиям. Вернувшийся с американскими дивизиями де Голль национализировал его фирму, а самого босса отдал под суд, после чего тот от огорчения помер.

Куда хитрее оказались наследники основателя другого французского автогиганта мсье Арманда Пежо. Работая на немцев не хуже Рено, они вовремя почуяли, откуда ветер дует. Узнав, что британские агенты собираются взорвать завод, не заложили их гестапо, и 5 ноября 1943 года часть цехов взлетела на воздух. Впоследствии немцы смогли восстановить производство, но зато хозяева заводов Пежо завоевали репутацию стойких патриотов, благодаря чему фирма и поныне принадлежит его наследникам.

Само собой, сейчас европейцы стараются не вспоминать о своих трудовых подвигах, а, напротив, утверждают, что злобные немцы заставляли их клепать технику под угрозой отправки в газовую каме-

ру. Да вот только все эти сказки без труда опровергаются фактами инициативных разработок типа тех же вездеходов RSO. Немало интересного рассказывают об атмосфере на предприятиях оккупированных стран и немецкие партнёры.

Как работали на Гитлера чехи, вы уже знаете, а вот свидетельство весьма осведомлённого по роду службы автора о французах. «Промышленность и экономика продолжали ритмично работать, на предприятиях Рено в Булонь-Билланкур с конвейера бесперебойно сходили грузовики для вермахта, — свидетельствует помощник главы германской военной разведки адмирала Канариса Отто Райле. — И на множестве других предприятий французы без всякого принуждения производили в больших объёмах и без рекламаций продукцию для нашей военной промышленности». («Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945)»).

Нельзя не отметить и существенную роль невинных жертв агрессии в развитии германского флота. Из 218 тральщиков, построенных для

кригсмарине в 1936–1945 гг., 60 спущено на воду с верфей оккупированных Нидерландов, а 18 изготовлено при участии французских судостроителей в Тулоне. Кроме того на верфях Нидерландов, Дании и других стран оккупированной Европы было построено и отремонтировано немало кораблей других классов, прежде всего десантных.

Германия вместе с Италией также активно осваивали трофейные корабли. В строй было введено 12 эсминцев и миноносцев (5 французских, 4 норвежских, голландский, греческий и югославский), и не менее 14 тральщиков (6 датских, 6 норвежских и 2 голландских). Полдюжины устаревших крейсеров и броненосцев береговой обороны (2 норвежских, 2 голландских, датский и югославский) использовались как зенитные плавбатарей и для поддержки приморских операций вермахта, а захваченные субмарины пригодились для обучения германских подводников.

Самым полезным трофеем германского флота стал мирный польский сухогруз «Бильско». Вооружив судно шестью 150-мм пушками, ше-

стью зенитными автоматами и двумя торпедными аппаратами, немцы называли его вспомогательным крейсером «Михель» и пустили пиратствовать на коммуникациях союзников. За 19 месяцев похода по Атлантическому, Индийскому и Тихому океану «Михель» потопил и захватил 17 судов общим водоизмещением 122 тысячи тонн, пока 17 октября 1943 года его самого не пустила ко дну американская подлодка. Для сравнения: специально предназначенный для рейдерских операций «карманный линкор» «Адмирал граф Шпее» потопил неприятельских транспортов на 57 тысяч тонн, однотипный с ним «Адмирал Шеер» на 100 тысяч тонн, а линейные крейсера «Шарнхорст» и «Гнейзенау» — 132 тысячи тонн вдвоём. Трофейный сухогруз оказался эффективнее бронированных гигантов.

По части военных и оборонных перевозок для нужд Рейха отличились скандинавы. Часть их гражданского флота британцы предварительно зафрахтовали, немало судов сбежало или осталось в английских и шведских портах, но треть судов

тоннажем около 900 тысяч тонн возили продукцию для Гитлера, что им часто выходило боком.

В советском флоте счёт потопленным норвежским кораблям открыла 11 сентября 1941 года Щ-422, пустившая на дно транспорт «Оттар Ярл». Затем 26 декабря на минах, поставленных К-23 и К-1, подорвался «Осло», а 15 февраля 1942 года на этом же заграждении утоп со всем экипажем «Бирк». Чуть раньше, 19 января К-22 расстреляла застрявшую на мели «Мимону», и наконец, 23 апреля 1942 года мины, выставленные Щ-401, отправили в морские глубины «Штензаас».

Не остались без внимания советских субмарин и суда прочих невинных жертв оккупации. Одна из самых удачливых балтийских подлодок «Лембит» 13 октября 1944 года положила конец плаванию датского сухогруза «Хельма Лоу», а 27 сентября 1942-го С-9 удачно торпедировала голландское судно «Анна В». Что касается датского транспорта «Орион», то хотя выпущенной между 16 и 19 июня 1942 года торпеды Щ-317 оказалось для него недостаточно,

▲ Огнеметный танк В2, Франция

▲ Тягач с 45-мм орудием

перепуганная команда в панике сбегала, и унесённое в шведские воды судно было для немцев потеряно. Если учесть 4 потопленных шведских транспортов, то из 55 судов, уничтоженных подводниками, 13 или почти четверть, не входили в состав ни германского флота, ни флота её официального союзника Финляндии.

У нас про это не писали раньше и почти не пишут сейчас. В наши дни предпочитают просто не поднимать тему, а раньше на читательские уши целыми кастрюлями вешалась лапша о пролетарской солидарности чешских и французских работяг с советскими братьями по классу. Несчастных якобы гнали к станкам едва ли не под дулами автоматов. И вот так, невыносимо страдая, трудовые коллективы тысяч предприятий Франции, Бельгии, Нидерландов и других невинных жертв оккупации из года в год наращивали выпуск своей продукции.

Конечно, нельзя сказать, что всё шло абсолютно гладко. И коммунисты, повинаясь приказам из Москвы, и агенты британского Управления специальных операций по заданию Лондона, и отдельные лихие ребята, действовавшие самостоятельно, регулярно портили, взрывали и топили, всё что можно. Но их героические усилия мало что решали. Подавляющее большинство мсье, панов и прочих херров трудились на единую Европу и любимого фюрера добровольно и с песнями. Доходило до анекдотов: когда союзная авиация нанесла несколько бомбовых ударов по работающим на Германию норвежским заводам, руководство местного подполья выступило с протестом.

Бывали и недоразумения, произошедшие от разницы мировосприятия работников и новых хозяев. Привыкшие к разнузданной демократии европейцы устраивали чисто экономические забастовки, чтобы добить-

ся повышения зарплаты, а оккупанты подобных вольностей не приветствовали. То есть иногда шли навстречу, как случилось во время 100-тысячной стачки металлургов Льежа 10 мая 1941 года — тогда бельгийские пролетарии под руководством лидера компартии Жульена Ляо таки смогли выдать из Гитлера 8 % прибавки к зарплате. Но так получалось далеко не всегда. Частенько немцы бастующих сажали, а то и ставили к стенке.

Подобная свирепость привела к неоднозначному результату. Одни выходили на работу с удвоенным рвением, другие — напротив, зверели, занимались саботажем или даже уходили в партизаны. Но последних в войну было сравнительно немного — зато после краха Третьего Рейха в герои-подпольщики попали и граждане, всего-то хотевшие снять с фюрера несколько лишних рейхсмарок.■

ЧУДОДЕЕВ Ю.В.

ОКАЗАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩИ КИТАЮ

▲ Летчики-добровольцы у И-16

Морально-политическая поддержка, а также военная и экономическая помощь, которые оказывало Советское государство народу Китая, продолжались на всем протяжении его борьбы за свободу и национальную независимость. В 1911-1913 гг. в Китае произошла буржуазно-демократическая

революция, в результате которой была свергнута Цинская императорская династия. Тем не менее, феодальные порядки и колониальная зависимость страны от империалистических держав, ее раздробленность остались в прежнем виде. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

в Китае начался новый революционный подъем. На юге страны было создано революционно-демократическое правительство во главе с Сунь Ятсеном, установившим связь с Советской Россией. По его просьбе СССР направил в Китай политических и военных советников, предоставил вооружение, оказал помощь в фор-

Юрий Владимирович Чудодеев — российский китаевед, специалист по новой и новейшей истории Китая, историк, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН. Родился в Москве 28 августа 1931 года. Окончил исторический факультет МГУ (1954). Совершенствовал знания в КНР в Пекинском университете. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию «Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции накануне Синьхайской революции в Китае». Тематика его научных разработок: общественно-политическая борьба в Китае накануне и после победы революции 1911 года; история советской советнической помощи Китаю в 1920-30-е годы; эволюция социопсихологических и политических стереотипов китайско-японского взаимовосприятия; международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1970-80-х годах. Автор более 60 научных работ. Ответственный редактор ряда сборников научных статей и воспоминаний советских добровольцев в Китае.

мировании и обучении Народно-революционной армии (НРА), а также в руководстве ее боевыми действиями против милитаристских группировок, а позднее — и против японских захватчиков. В марте 1923 г. из Москвы на юг Китая выехала первая группа советников. Тогда же правительство СССР ассигновало и необходимые средства в сумме 2 млн. долларов. С 1924 по 1927 г. в Китае работало до 135 советских военных советников. Они представляли различные рода войск. Среди них были и такие известные военачальники, как П. А. Павлов, В. К. Блюхер, А. И. Черепанов, В. М. Примаков, В. К. Путна, А. Я. Лапин, Н. И. Пяткевич и другие. В Китай шла из СССР помощь оружием, боеприпасами, военным снаряжением, медикаментами, хотя в то время наша страна сама остро нуждалась во многом. Сложная международная обстановка, угроза агрессии вынуждали Советское правительство расходовать значительные средства на нужды обороны. И все-таки советский народ помогал братскому Китаю. В начале 30-х годов XX в., после захвата северо-восточных провинций Китая, Япония стала превращать захваченную территорию в плацдарм для продвижения в Северный Китай и для нападения на Советский Союз. В Маньчжурии японские войска находились в непосредственной близости от советских границ. Летом 1937 г. войска агрессора были направлены в Северный Китай. Начался новый этап борьбы китайского народа с японскими захватчиками. По инициативе

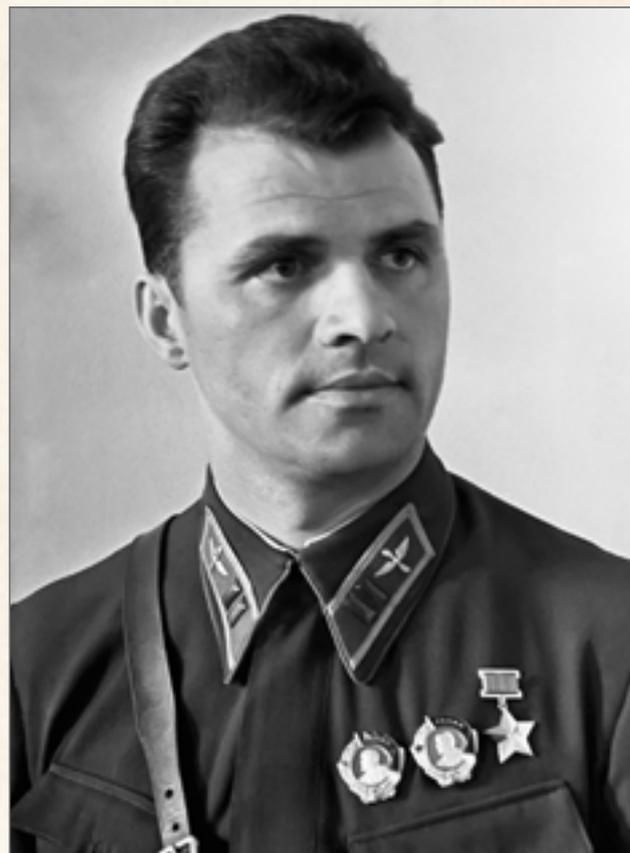
Китайской компартии, вступившей в сотрудничество с находившимся у власти гоминьданом, был создан единый антияпонский фронт. Образовалось несколько освобожденных районов, где сосредоточились значительные силы китайской Красной армии. Но в создавшихся условиях Китай оказался под угрозой оккупации японскими войсками. Только быстрая и всесторонняя советская помощь могла предупредить агрессию, обеспечить Китаю независимое государственное существование. И такая помощь пришла. Всего из СССР на основе договоров Китаю поставлено (с ноября 1937 по январь 1942 г.): самолетов — 1285 (из них — истребителей 777, бомбардировщиков — 408, учебных — 100), орудий разных калибров — 1600, танков средних — 82, пулеметов станковых и ручных — 14 тыс., автомашин и тракторов — 1850, большое количество винтовок, артснарядов, винтовочных патронов, авиационных бомб, запасных частей к самолетам, танкам, автомобилям, имуществу связи, бензина, медикаментов и медицинского оборудования. В это тяжелое время для Китая советские военные специалисты по просьбе правительства Китая вновь встали рядом с китайскими воинами. Советские инструкторы-танкисты готовили экипажи китайских танков. В августе 1938 г. была создана на базе советской техники первая в истории китайской армии механизированная дивизия. Артиллеристы с крупными партиями орудий прибыли в Китай в апреле 1938 г. Они многое сде-

лали по организации и обучению орудийных расчетов, а офицеров-артиллеристов и офицеров-пехотинцев — основам боевого взаимодействия. Инструкторы артиллерии, как и инструкторы-танкисты, принимали непосредственное участие в боевых действиях. В отражении японской агрессии велика заслуга советских летчиков-добровольцев. Они в связи с поставками самолетов из СССР стали инструкторами и преподавателями в китайских авиационных школах и на курсах, активно участвовали в боевых действиях. Все это значительно укрепило военную авиацию Китая. Летчики-добровольцы не щадили своей жизни, приняв на себя главный удар японской авиации. Особо отличившимся в боях 1939 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот их имена: Ф. П. Польшин, В. В. Зверев, А. С. Благовещенский, О. Н. Боровиков, А. А. Губенко, С. С. Гайдаренко, Т. Т. Хрюкин, Г. П. Кравченко, С. В. Слюсарев, С. П. Супрун, М. Н. Марченков, Е. М. Николаенко, И. П. Селиванов, И. С. Сухов. К середине февраля 1939 г. в Китае работали и участвовали в борьбе с японскими захватчиками 3665 советских военных специалистов. Всего с осени 1937 г. до начала 1942 г., когда советские советники и специалисты в основном выехали из Китая, в тылу и на фронтах антияпонской войны трудились и воевали более 5 тыс. советских людей. Многие из них отдали жизни ради свободы братского китайского народа. В ожесточенных боях в воздухе и на земле погибли или умерли

▲ Губенко А.А.

▲ Супрун С.П.

от ран 227 советских добровольцев. Их захоронения разбросаны на значительной части территории КНР. Значительное число погибших в авиакатастрофах связано с перегоном самолетов на большие расстояния в сложных метеоусловиях, без аэронавигационного обеспечения полетов и слабой летной подготовкой молодых летчиков. На обелиске, возвышающемся в парке "Освобождение" в Ухане начертано: "Память о советских летчиках будет вечно жить в сердцах китайского народа. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую нерушимую дружбу китайского и советского народов".

ПОДВИГ В НЕБЕ КИТАЯ

Постоянная и бескорыстная по мощь Советского Союза на всех этапах национально-освободительной борьбы китайского народа является ярким примером верности

советских людей своему интернациональному долгу. Еще в начале 20-х годов, когда в Китае небывалый подъем национально-освободительного движения вылился в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг., Советское государство оказало большую поддержку революционным силам. Советские политические и военные советники во главе с выдающимися партийными деятелями и известными полководцами Красной Армии М.М. Бородиным, П.А. Павловым, В.К. Блюхером и другими помогли сплотить единый антиимпериалистический фронт гоминьдана и КПК, сформировать Национально-революционную армию Китая (НРА), успешно провести Северный поход, ставший важнейшим событием революции 1925–1927 гг. Их имена навсегда сохранятся в истории китайской революции.

Новый этап советской помощи Китаю был связан с драматическим периодом национально-освободительной борьбы китайского народа против японской агрессии.

В начале 30-х годов Япония, захватив северо-восточные провинции Китая и образовав там марионеточное государство Маньчжоу-Го, начала создавать плацдарм для нападения на Советский Союз и дальнейшего наступления на Китай. На дальневосточных рубежах СССР были сосредоточены огромные военные силы — миллионная Квантунская армия, участвовали провокации против Монгольской Народной Республики. Широкому развертыванию японской агрессии на Дальнем Востоке способствовала антисоветская внешняя политика правительств США, Англии и Франции. Намекаясь задушить национально-освободительное движение в Китае руками японской военщины, правящие круги этих стран стремились использовать Японию и как ударную силу против Советского Союза. Они считали, что чем больше уступок будет сделано японскому агрессору за счет Китая, тем скорее начнется японо-советская война. Под ширмой традиционного изоляционизма, политики «невме-

▲ Кравченко Г.П.

▲ Зверев В.В.

шатательства» и «нейтралитета» правящие круги Соединенных Штатов, в частности, значительно усилили снабжение Японии металлоломом, горючим и другими стратегическими материалами. Защищая Японию в Лиге наций, Англия непосредственно провоцировала ее агрессивные действия против Китая. Английское правительство в то время считало, что сильная Япония могла бы служить не только орудием борьбы против СССР, но и противовесом США на Дальнем Востоке. Как известно, политика «дальневосточного Мюнхена» привела в конечном счете к обширной войне на Тихом океане, втянувшей в свою орбиту США и Англию.

В 1933–1937 гг. Япония, используя капитулянтскую политику гоминьдановского правительства, сумела укрепиться не только в Дунбэе, но и в провинциях Хэбэй, Чахар и частично в Суйюани и Жэхэ. Летом 1937 г. она приступила к осуществлению своих планов захвата всего Ки-

тая. Инцидент 7 июля 1937 г., спровоцированный японской военщиной в районе Лугоуцяо под Пекином, послужил поводом для начала очередного этапа войны в Китае более широкого масштаба. Японские войска оккупировали Пекин, Тяньцзинь, Чжанцзякоу (Калган). Японский десант высадился в крупнейшем промышленном центре страны — Шанхае. Захватив плацдармы в Северном и Центральном Китае, японское командование приступило к подготовке дальнейших операций.

Сделав ставку на «молниеносную войну», японские правящие круги хотели помешать начавшемуся процессу создания единого антияпонского фронта, побудить гоминьдановское правительство вернуться к братоубийственной гражданской войне, продемонстрировать свою военную мощь фашистскому партнеру по «антикоминтерновскому пакту». При этом они рассчитывали на военно-техническую отсталость Китая, отсутствие политического единства

в стране и на нежелание или неспособность других государств оказать помощь Китаю.

Казалось, ничто не могло помешать японским милитаристам осуществить свою идею «одноактной» войны в Китае. Экономическая и техническая отсталость, отсутствие в достаточном количестве иностранной валюты не позволили Китаю обеспечить свою армию необходимой боевой техникой и вооружением. В начале войны японские войска превосходили армию своего противника по оснащению огневыми средствами в 4–5 раз, по авиации — в 13 раз, по танкам — в 36 раз. Под напором превосходящих сил противника китайские войска были вынуждены отойти в глубь страны. Оправдался также расчет агрессоров на невмешательство крупнейших империалистических держав в захватническую войну, начатую Японией.

Однако японские милитаристы просчитались. Китайский народ решительно встал на защиту своей

родины. Неоценимую помощь в их справедливой борьбе оказали советские люди.

Следуя ленинским принципам пролетарского интернационализма, всемерной поддержки национально-освободительной борьбы колониальных и зависимых народов, а также народов, подвергшихся империалистической агрессии. Советский Союз и в эти годы неуклонно и последовательно защищал Китай на международной арене, а также оказывал моральную, экономическую и военную помощь борющемуся китайскому народу. В то же время национально-освободительная борьба китайского народа в определенной степени сковала силы агрессора, затрудняя подготовку войны против первого в мире социалистического государства. В этом нашла свое проявление историческая закономерность взаимодействия на мировой арене сил социализма и национально-освободительного движения в борьбе против общего врага — империализма.

Чрезвычайно важное значение имело для Китая восстановление (в декабре 1932 г.) дипломатических отношений с СССР, прерванных в 1929 г. по вине гоминьдановского правительства. Руководствуясь неизменным стремлением к миру и упрочению безопасности на Дальнем Востоке, Советский Союз требовал в то время от Лиги наций принятия эффективных мер по обузданию агрессора. Гарантировать прекращение японской агрессии в этом районе мог только единый фронт СССР и Китая. Поэтому сразу же вслед за восстановлением дипломатических отношений с Китаем Советское правительство поставило вопрос о заключении советско-китайского пакта о ненападении, который в тех условиях значительно укрепил бы международное положение Китая, способствовал развитию связей с СССР.

Однако гоминьдановское правительство, которое проводило капитулянтскую политику «умиротворения»

агрессора и не стремилось к действительному улучшению отношений с Советским Союзом, боясь расширения влияния страны социализма на патриотические силы китайского народа, отказалось подписать такой пакт. Лишь после того как 7 июля 1937 г. началась агрессивная война против Китая и патриотическое движение в стране приняло небывалый размах, правительство Чан Кайши было вынуждено изменить свою позицию. 21 августа 1937 г. между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении. В тот период это был, по существу, единственный международно-правовой документ, укреплявший позиции Китая в начавшейся войне. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, которая рассчитывала на международную изоляцию его.

Сразу же вслед за подписанием договора о ненападении Советский Союз оказал Китаю и материальную

▲ Хрюкин Т.Т.

▲ Сухов И.С.

▲ ТБ-3

помощь. Нельзя забывать, что Советский Союз до начала японо-китайской войны более года оказывал значительную военную поддержку испанскому народу, сражавшемуся против мятежников Франко и итало-германских фашистов. Кроме того, сложная международная обстановка и надвигающаяся вторая мировая война требовали укрепления обороноспособности Страны Советов. Японские правящие круги рассчитывали, что в этих условиях Советский Союз не в состоянии будет помочь и борющемуся Китаю. Японская печать писала об этом с подчеркнутым удовлетворением и откровенным цинизмом. Однако прогнозы японских милитаристов не оправдались. Хотя соглашение о первом советском кредите Китаю на сумму 50 млн. долл. было оформлено лишь в марте 1938 г., доставка оружия из СССР в Китай началась уже с октября 1937 г. Это был беспрецедентный случай в международной практике, который тем более примечателен,

что именно в то время представители китайского правительства вели безрезультатные переговоры с западными державами в надежде получить хоть какую-нибудь помощь. Китайский историк Пын Мин особо подчеркивал это обстоятельство, видя в нем яркое свидетельство «большой заботы и поддержки, которые оказывала страна социализма — Советский Союз — делу национального освобождения Китая».

В июле 1938 и в июне 1939 г. в Москве были подписаны соглашения о новых кредитах — соответственно в размерах 50 млн. и 150 млн. долл. В счет советских кредитов, предоставленных в самый критический для страны период, Китай получал вооружение, боеприпасы, нефтепродукты, медикаменты. Всего с октября 1937 по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение. В 1938–1940 гг. авто-

тракт от Алма-Аты через Синьцзян до Ланьчжоу протяженностью 3 тыс. км в связи с установлением в начале войны полной блокады китайского побережья фактически превратился в «дорогу жизни» для Китая.

«О размахе помощи вооружением, — вспоминал участник национально-освободительной борьбы китайского народа, генерал-лейтенант инженерных войск А. Я. Калягин, — можно судить по объему производившихся перевозок. Грузовые порты Дальневосточного и Черноморского пароходств выделили на эти цели десятки грузовых океанских судов; на территории СССР использовалось свыше 5,5 тыс. железнодорожных вагонов; синьцзянский тракт обслуживало около 5,2 тыс. грузовых автомашин ЗИС-5. Для доставки срочных грузов была организована авиалиния, обслуживаемая транспортными самолетами ТБ-3. В целом на отправке грузов — упаковке, погрузке, транспортировке — были заняты десятки тысяч

советских людей, которые работали, не считаясь со временем и погодными условиями. Такую помощь могла осуществить только социалистическая страна, народ которой воспитан на принципах социалистического интернационализма».

Помощь Советского Союза была важнейшим фактором отпора Китая японским милитаристам. В начале войны в решающих оборонительных сражениях китайская армия потеряла почти все самолеты, танки, артиллерию и военно-морской флот. Благодаря самоотверженным усилиям СССР Китай не только выстоял под сильным ударом агрессора, но и сумел к середине 1939 г. восстановить и развернуть крупные вооруженные силы: 245 пехотных, 16 кавалерийских, одну механизированную дивизию (всего 3 млн. человек).

Существенную помощь китайскому народу своим опытом и знаниями оказали советские военные советники и специалисты, первая группа которых (27 человек) прибыла в Китай в конце мая — начале июня

1938 г. К октябрю 1939 г. их число возросло до 80. Посланцы советского народа помогали разрабатывать планы операций для организации отпора японскому наступлению, обучали и готовили китайских военных к активным боевым действиям против захватчиков. К сожалению, некоторые их рекомендации и пожелания саботировались Чан Кайши, военным министром Хэ Инцинем и антисоветски настроенными военачальниками.

К середине февраля 1939 г. в Китае работало и участвовало в борьбе с японскими агрессорами 3 665 советских военных специалистов. Именно с их участием связывали длительную оборону Уханя (июль-октябрь 1939 г.), продержавшегося более четырех месяцев (в то время как Шанхай оборонялся три месяца, Нанкин — пять дней, Гуанчжоу — один день). Среди советских советников, направленных в Китай, были такие видные военачальники, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, А. И. Черепанов, А. Я. Каля-

гин и многие другие.

Помощь Советского Союза Китаю помимо военного имела еще и другой аспект. Она оказала существенное влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране, сыграв чрезвычайно важную роль в образовании и сохранении, особенно в течение первых четырех лет войны, единого национального фронта. Совершенно очевидна взаимосвязь между договоренностью Китая с СССР о помощи и официальным заявлением гоминьдановского руководства о создании единого фронта, фактически оформленного в сентябре 1937 г. Благодаря единому фронту, который умножил силы сопротивления китайского народа, японский империализм не смог осуществить план «молниеносной войны» в Китае. Единый фронт дал возможность патриотическим силам увеличить давление на правящие круги гоминьдана. Особенно важную роль единый фронт сыграл в укреплении революционных сил Китая, прежде всего КПК и контролируемых ею

▲ Камонин Б.Б., китайский летчик, Лебедев А.А. — переводчик

армий. Все эти факторы, несмотря на многочисленные попытки гоминьдановского руководства сорвать единый фронт, способствовали тому, что на протяжении всей войны сохранилось единство народа и не возобновилась гражданская война. Особый вклад в укрепление обороноспособности Китая в период войны внесли советские летчики-добровольцы, мужественно сражавшиеся за свободу китайского народа.

К концу 1937 г. китайская авиация, понесшая серьезные потери, по существу, утратила свое значение. Это сразу же начало сказываться на состоянии фронта и тыла. Японские бомбардировщики получили возможность безнаказанно совершать налеты на китайскую территорию. Они бомбили мирное население, беженцев, медицинские и культурные учреждения. Часто совершались налеты на районы, далеко отстоявшие от линии фронта. «От бомбардировок особенно страдали крупные города, — вспоминал Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. П. Полынин. — Зажигательные бомбы вызывали многочисленные пожары, и люди гибли тысячами в огне. Японская авиация буквально деморализовала население и войска. Советский Союз протянул своему дальневосточному соседу руку помощи. Советские летчики-добровольцы, прибывшие в Китай в конце 1937 г., способствовали резкому изменению положения. У китайского народа появился в воздухе не только надежный щит, но и разящий меч».

В ответ на настоятельные просьбы китайской стороны, в сентябре 1937 г. Советское правительство приняло решение об отправке в Китай первой партии самолетов. На фронт национально-освободительной борьбы китайского народа была направлена из Советского Союза первоклассная авиационная техника: истребители И-15 и И-16, скоростные бомбардировщики СБ, тяжелые бомбардировщики ТБ-3, бомбардировщики дальнего действия ДБ-3. Всего в 1937–1941 гг. из СССР в Китай было поставлено 1250 самолетов разных марок. Только в первые годы войны

(октябрь 1937 — сентябрь 1939 г.) Китай поступило из СССР 347 истребителей И-15, 218 истребителей И-16, 292 бомбардировщика СБ, 24 бомбардировщика ДБ и 6 бомбардировщиков ТБ. Для эффективной эксплуатации боевой авиационной техники и обучения китайских солдат и офицеров летному делу Советское правительство дало согласие отправить в Китай группу советских авиационных специалистов. Но высшим проявлением интернационализма по отношению к борющемуся народу было направление в Китай советских летчиков-добровольцев, которые приняли непосредственное участие в боевых действиях.

В октябре 1937 г. начал действовать «воздушный мост» Алма-Ата — Ланьжоу — Ханькоу. По нему в Китай были переправлены первые две эскадрильи — скоростных бомбардировщиков СБ и истребителей И-16, — укомплектованные лучшими советскими летчиками-добровольцами. Из числа добровольцев выбирали самых опытных воздушных бойцов, преимущественно коммунистов. Личный состав первых двух эскадрилий насчитывал 254 человека. К 21 октября 1937 г. для дальнейшего следования в Китай в Алма-Ату съехались 447 человек. Среди них были летчики, авиатехники, авиамеханики, радисты, метеорологи, начальники аэродромов, шифровальщики, шоферы, инженеры, рабочие бригад по сборке самолетов, врачи.

Уже сам перелет в Китай, часто сопряженный с риском для жизни, был серьезным испытанием воли и мужества наших летчиков. Трасса проходила через пустынные и гористые районы Северо-Западного Китая. Промежуточные аэродромы не были приспособлены для приема тяжелых воздушных машин типа СБ, между ними полностью отсутствовала связь, не было сведений о метеорологических условиях. А ведь наши самолеты шли по маршруту, перегруженные боеприпасами и людьми, и малейшая ошибка могла привести к тяжелым последствиям.

Еще большие трудности ожидали наших летчиков в Китае. Им

пришлось воевать в незнакомой и сложной обстановке, вдали от Родины. Противник на первых порах имел подавляющее численное преимущество. Китайцы располагали ограниченным числом аэродромов, к тому же малопригодных для базирования современных самолетов. Через разветвленную шпионскую сеть японцы имели возможность получать срочную информацию о наличии советских самолетов на тех или иных аэродромах и нападать на них в самый выгодный момент. Это обстоятельство усугублялось отсутствием надежной противовоздушной обороны, а также средств связи, ремонтной базы, нехваткой обслуживающего персонала.

Первые группы советских летчиков-добровольцев совершили посадку на нанкинском аэродроме в ноябре-декабре 1937 г., когда над столицей Китая нависла смертельная опасность. Фронт проходил в 60–70 км от города, и японская авиация совершала непрерывные массированные налеты на него и стоявшие в обороне китайские войска. Советским летчикам, истребителям и бомбардировщикам, пришлось вступить в бой с врагом буквально и первые же часы после приземления. В их числе были Ф. И. Добыш, Д. А. Кудымов, М. Г. Мачин.

В первой воздушной схватке над Нанкином 1 декабря 1937 г. с 20 японскими самолетами участвовало 7 советских летчиков-добровольцев на отечественных истребителях И-16. Советские летчики-истребители, прибывшие на нанкинский аэродром, 5 раз поднимались в воздух, чтобы вступить в бой с японскими бомбардировщиками. В итоге противник недосчитался нескольких самолетов: были сбиты два японских бомбардировщика и истребитель И-16.

Одновременно успешно воевали летчики бомбардировочной авиации. Девять бомбардировщиков СБ с нанкинского аэродрома совершили налет на Шанхай, где подвергли бомбардировке аэродром и скопление судов на шанхайском рейде. Точными бомбовыми ударами было уничтожено много самолетов про-

тивника, Потоплен японский крейсер и повреждено шесть других военных кораблей.

В первые годы войны советские летчики-добровольцы, число которых постепенно увеличивалось, составляли основу китайской авиации. В ноябре 1937 г. в Китай была направлена вторая группа бомбардировщиков СБ под командованием капитана Ф.П. Польшина. В ее состав (около 150 человек) вошли также летчики из Забайкалья, которые перелетели свои самолеты в Китай через монгольские степи по новой трассе: Иркутск — Ланьжоу — Ханькоу. Комплектовал забайкальскую группу и организовывал ее перелет в Китай выдающийся советский летчик Г.И. Тхор, незадолго до этого вернувшийся из республиканской Испании.

В конце 1937 — начале 1938 г. тремя группами в Китай была направлена эскадрилья истребителей И-15 под командованием капитана А.С. Благовещенского. Истребители транспортировали на автомаши-

нах до Хами (провинция Синьцзян), их собирали, облетывали и затем воздушным путем переправляли в Ланьжоу. После падения Нанкина центрами базирования советской авиации в Китае стали Ханькоу и — Наньчан. Советниками китайской авиации и организаторами боевых действий в небе Китая были выдающиеся советские военачальники П.Н. Анисимов, П.Ф. Жигарев, Ф.П. Польшин, А.Г. Рытов, П.В. Рычагов, Г.И. Тхор, Т.Т. Хрюкин и др. Война для многих из них началась раньше, в небе над Мадридом и Гвадалахарой. Например, комбриг П.В. Рычагов, летчик-истребитель, сбил в Испании более 20 фашистских самолетов. Он приехал в Китай уже будучи Героем Советского Союза.

Прибытие в Китай осенью и зимой 1937 г. советских летчиков-добровольцев и советской авиационной техники усилило мощь китайской авиации, положило конец безнаказанности варварских налетов японцев. Так, 18 февраля 1938 г.

в воздушном сражении над Уханем советские летчики сбили 12 японских самолетов. После этого боя противник более двух месяцев, но осмеливался появляться над городом. «Меч справедливости» — так назвали в Китае советских добровольцев, оборонявших Ухань с воздуха.

23 февраля 1938 г. группа советских летчиков-бомбардировщиков под командованием Ф.П. Польшина совершила смелый воздушный рейд на остров Тайвань и нанесла сильный удар по базе японских военно-воздушных сил близ Тайбэя. Были уничтожены 40 самолетов противника и трехгодичный запас горючего. Этот налет, проведенный в 20-ю годовщину Советских Вооруженных Сил, имел и большое морально-политическое значение.

Для Ф.П. Польшина это была вторая командировка в Китай. Еще в 1933–1934 гг. он вместе с группой советских авиаторов по просьбе китайских властей принимал участие в организации авиационной школы

▲ Благовещенский А.С., Рытов А.Г., Рычагов П.В., Польшин Ф.П.

▲ Кудымов Д.А.

в Синьцзяне, а также помогал разгрому антиправительственного мятежа, инспирированного японской агентурой в этой провинции. После налета на Тайвань он совершил еще много ратных дел в небе Китая. Его эскадрилья наносила мощные бомбардировочные удары по аэродромам противника, кораблям, шоссе, дорогам, бомбила скопления японских войск на переправах, железнодорожных станциях, поддерживала действия китайской армии на поле боя. В 1938–1939 гг. Ф. П. Польшин снова был направлен на работу в Китай начальником авиационной трассы Алма-Ата — Ланьчжоу. Он обеспечивал сборку самолетов (в Алма-Ате и Хами) и их дальнейшую перегонку в Китай. В течение года по этому «воздушному мосту» борющийся народ Китая получил 400 боевых машин.

До прибытия советских летчиков в Китай там подвизалась небольшая группа иностранных наемников. Из них была сформирована, в частности, так называемая

▲ Кулишенко Г.А.

мая 14-я бомбардировочная эскадрилья, состоявшая из 12 летчиков во главе с Винсентом Шмидтом. Их действия в Китае не принесли никакой пользы, а поведение представляло разительный контраст самоотверженности и бескорыстия советских добровольцев. «Кучка летчиков-волонтеров из Англии, США и других капиталистических стран, — вспоминает Я. П. Прокофьев, — прибыла в Китай в надежде разбогатеть. Эти «защитники» не искали боя, а предпочитали вообще не подниматься в воздух, отсиживались на тыловых аэродромах, развлекались, собирали сувениры и делали бизнес». Успехи советских летчиков-добровольцев позволили китайскому правительству отказаться от услуг иностранных наемников. 1 марта 1938 г., вскоре после налета на Тайвань группы Польшина, было объявлено о расформировании этой эскадрильи, которая так и не совершила ни одного боевого вылета.

Весной 1938 г. ожесточенные воздушные сражения разверну-

лись над Уханем. 29 апреля, в день рождения японского императора, 54 японских самолета совершили массированный налет на город, но получили сокрушительный отпор советских летчиков. Го Можо, которому довелось наблюдать эту воздушную схватку, так описывал ее в своих воспоминаниях:

«Высоко в голубом небе плыли белые облака, распускались цветы от разрывов зенитных снарядов. Треск зениток, рев самолетов, взрывы бомб, непрерывный стрекот пулеметов — все сливалось в нескончаемый грохот. Ослепительно сверкали на солнце крылья машин, то взлетающих вверх, то стремительно падающих вниз, то бросавшихся влево, то вправо. У англичан есть специальный термин для определения жаркого воздушного боя — «дог файтинг», что означает «собачья схватка». Нет, я бы назвал этот бой «игл файтинг» — «орлиной схваткой». Одни самолеты, внезапно объятые пламенем, врезались в землю, другие

взрывались в воздухе. Небо стало полотном живой картины «Плач чертей и рев богов». Тридцать напряженных минут — и снова все стихло. Очень жаркий бой! Блестящие результаты: сбит 21 вражеский самолет, наших — 5».

Последующие события укрепили боевую славу советских летчиков-добровольцев. 31 мая 1938 г. в третьем воздушном сражении над Уханем японцы недосчитались еще 14 самолетов. В ожесточенных боях советские парни лишили многих японских асов ореола непобедимости. Одна за другой, по словам китайского историка Пын Мина, подверглись жестокому разгрому такие японские авиаэскадрильи, как «Воздушные самураи», «Четыре короля неба», «Кисарадзу» и «Сасебо». К 1940 г., по официальным данным, японские захватчики потеряли на земле и в воздухе 986 самолетов. Эти успехи неразрывно

связаны с героическими усилиями советских добровольцев.

Описание многих ожесточенных воздушных боев с сильным и коварным врагом в небе борющегося Китая мы находим в воспоминаниях генерал-полковника А. Г. Рытова (в Китае он был советником и одновременно комиссаром группы советских летчиков), а также других участников событий — летчиков-истребителей А. З. Душина и Н. Г. Козлова, летчика-бомбардировщика А. И. Пушкина. В обеспечении боевой деятельности китайской авиации велика была роль советских авиационных техников и других специалистов.

Помощь советских летчиков была настолько эффективной, что японское правительство в апреле 1938 г. обратилось по дипломатическим каналам к СССР с требованием отозвать их из Китая. Это требование было категорически

и недвусмысленно отвергнуто. Борющийся народ продолжал получать помощь Страны Советов.

Немало побед одержали советские летчики и в период уханьской оборонительной операции (июль-октябрь 1938 г.). Незадолго до ее начала в Китай прибыло новое пополнение советских добровольцев, в частности эскадрилья бомбардировщиков СБ в составе 66 человек во главе с полковником Г. И. Тхором. Особенно успешными были бомбежки японских боевых кораблей на р. Янцзы. Всего в битве за Ухань советские летчики-добровольцы отправили на дно 92 (в том числе авианосец водоизмещением свыше 10 тыс. т) и повредили 16 кораблей противника.

Важным делом являлась подготовка кадров летного состава для китайской авиации. Советские летчики не только несли на своих плечах основную тяжесть ведения

▲ Коккинаки К.К..

▲ Тхор Г.И.

▲ Жигарев П.Ф.

боевых действий, но одновременно и обучали китайских авиаторов летному делу и боевому мастерству. Китайские летчики, подготовленные советскими добровольцами, принимали активное участие в совместных боевых операциях.

Героизм и самоотверженность советских добровольцев, боровшихся за свободу китайского народа, снискали к ним любовь и уважение простых людей Китая. Однако правящим кругам внушали беспокойство рост авторитета Страны Советов и горячие симпатии китайских трудящихся к ее представителям. Поэтому они стремились помешать интернациональной миссии советских добровольцев, ослабить и нейтрализовать действенность помощи Советского Союза. В этих целях распространялись клеветнические слухи, устраивались провокации, искусственно создавались трудности в повседневной жизни и боевой работе советских лет-

▲ Слюсарев С.В.

чиков, организовывалась слежка за ними. Советские представители не раз были вынуждены официально обращаться по этим вопросам к китайским властям.

Несмотря на все инциденты и недоразумения, советские люди героически продолжали выполнять свой интернациональный долг перед китайским народом.

В Китае воевали хорошо известные в Советских Военно-воздушных Силах (ВВС) авиаторы А. С. Благовещенский, А. А. Губенко, Г. Н. Захаров, К. К. Коккинаки, Г. П. Кравченко, Г. А. Кулишенко, С. П. Супрун и др. Защищая китайское небо, они проявили чудеса героизма и самопожертвования, вынесли на своих плечах тяжесть многих воздушных сражений.

Советские летчики-добровольцы шли на смертельный риск во имя жизни, во имя своего интернационального долга. Грозой «воздушных самураев» был летчик-

истребитель Антон Губенко. 31 мая 1938 г. в одном из воздушных боев, израсходовав патроны, он таранил самолет противника, за что был награжден Золотым орденом Китайской республики. Всего в Китае А. А. Губенко сбил семь японских самолетов. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Добился разрешения выехать в Китай, чтобы принять участия в войне сопротивления, и выдающийся летчик-испытатель Степан Супрун. В Советском Союзе он прошел отличную летную подготовку под руководством В. П. Чкалова. В Китае майор С. Супрун, командуя группой истребителей, показал себя мастером ночных воздушных боев. Впоследствии он стал заместителем главного авиационного советника по истребительной авиации.

В г. Ваньсянь (провинция Сычуань) высится памятник советскому летчику-добровольцу Г. А. Кулишен-

ко. Его имя еще при жизни стало легендарным, вошло в китайские поэмы, стихи и песни. Кулишенко командовал советским добровольческим отрядом бомбардировщиков дальнего действия ДБ-З, который прибыл в Китай в июне 1939 г. Много сил и энергии отдал он подготовке китайских летчиков. Во время трех налетов на крупнейшую авиационную базу в Ханькоу группа Кулишенко уничтожила 136 вражеских самолетов. Во время налета 14 октября 1939 г. он был вынужден посадить свою поврежденную машину на водную гладь Янцзы. Раненый герой утонул в глубоководной реке.

Более 200 советских летчиков отдали свою жизнь за свободу и национальную независимость китайского народа. Среди них — командиры добровольческих отрядов Воробьев, А. Рахманов, летчики-добровольцы Ф. Гурлей, И. Гуров, М. Кизельштейн, Д. Кулешин, В. Песоцкий, Н. Терехов и многие другие. В Китае с благодарностью вспоминали этих мужественных и бесстрашных людей. «Когда японские самолеты, заправленные американским бензином, сбрасывали на мирные китайские города бомбы из американской стали, — говорил маршал Фэн Юйсян, — из Советского Союза прибывали к нам транспорты с оружием и боеприпасами и летчики-волонтеры, чтобы помочь нам устоять против чужеземных захватчиков. На моих глазах советские летчики умирали от ран в китайских госпиталях. Американцы же продавали японцам сталь и бензин, а Китаю слали ме-

дикаменты, чтобы лечиться от ран, нанесенных их же бомбами. Теперь подумайте сами, кто является подлинным другом китайского народа».

Самоотверженная работа в Китае советских летчиков-добровольцев, военных советников и инструкторов была отмечена высокими правительственными наградами. Четырнадцать советским летчикам, защищавшим небо Китая, — Ф.П. Полюнину, В.В. Звереву, А.С. Благовещенскому, О.Н. Боровикову, А.А. Губенко, С.С. Гайдаренко, Т.Т. Хрюкину, Г.П. Кравченко, С.В. Слюсареву, С.П. Супруну, М.Н. Марченкову, Е.М. Николаенко, И.П. Селиванову, И.С. Сухову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фальсификаторы истории пытаются сегодня представить дело таким образом, что в период антияпонской войны СССР, дескать, помогал Чан Кайши и тем самым способствовал укреплению его позиций в борьбе с прогрессивными силами. Это в корне противоречит исторической правде. Наша помощь поступала народу, который проливал кровь в борьбе за свою независимость. Вместе с ним сражались, не щадя себя, и советские добровольцы. Когда в конце 1939 — начале 1940 г. гоминьдановское правительство прекратило материальное снабжение 8-й и Новой 4-й армий, возглавляемых коммунистами, и спровоцировало против них несколько вооруженных конфликтов, Советское правительство было вынуждено пойти на ряд ограничений в оказании военной помощи Китаю. Советский Союз

не мог допустить, чтобы эта помощь использовалась для подавления прогрессивных сил страны. В 1941 г. из-за враждебных действий гоминьдана в отношении КПК и его отказа от активных действий против японских захватчиков Советское правительство было вынуждено принять решение о прекращении поставок оружия в Китай и отзыве военных советников и других специалистов. В этом же году были отозваны из Китая и советские летчики-добровольцы.

Летом 1945 г. объединенными усилиями антифашистской коалиции, и прежде всего Советского Союза, японскому империализму был нанесен сокрушительный удар, приведший к его безоговорочной капитуляции. В результате освободительной миссии Красной Армии, разгромившей японскую Квантунскую армию, были созданы благоприятные условия для победы китайской революции.

«Не забывай прошлого — оно учитель будущего», — гласит китайская пословица. Наряду с крупными событиями второй мировой войны в памяти народов должны сохраниться и те страницы борьбы, которую вели советские люди в небе Китая, защищая права братского народа за свободу и независимость. Это свидетельство мужества, выдержки, преданности интернациональному долгу советских людей, которые в незнакомом для них краю, в сложной политической обстановке сумели найти свое место в сражающемся Китае и отдавали все свои силы, энергию, а нередко и жизнь общему делу победы над врагом. ■

Н. П. ЛЫКОВ

УКРАИНСКИЕ БУРЖУАЗНЫЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

▲ Февраль 1917, манифестация на Крещатике в Киеве

То, что сейчас происходит на Украине показывает, что целью экстремистов является дальнейшее разжигание так называемой «национальной революции» с целью установления на Украине радикально-националистического режима. Весьма показательно, что при этом экстремисты активно апеллируют к опыту Степана Бандеры и Организации украинских националистов, некогда осуществлявших массовое физическое уничтожение десятков тысяч своих политических оппонентов и представителей национальных меньшинств.

Возвращение Украины к нормальной жизни представляется невозможным без пресечения деятельности радикальных националистических экстремистских организаций, представляющих прямую угрозу существованию правового и демократического Украинского государства. В борьбе с радикальным национальным экстремизмом, вне всякого сомнения, окажется востребован практический опыт органов государственной безопасности СССР, в течение многих лет осуществлявших борьбу с идейными предшественниками современных экстремистов — радикальной Организацией украинских националистов и подчиненными ей формированиями Украинской повстанческой армии.

ПЕРВЫЕ УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Одной из первых украинских националистических организаций было так называемое «Братство тарасовцев», созданное в 1891 году. Основателями «братства» были Николай Михновский, Иван Липа, Николай Байздренко, Михаил Базкевич, Виталий Боровик, Владимир Шемет.

Политические идеи «тарасовцев» были провозглашены в декларации «братства», опубликованной в Австрии в Львовской газете в 1893 году. Декларация обещала создание «общеевропейской национальной семьи».

Почти все современные течения украинского буржуазного национализма считают «тарасовцев» своими предшественниками и ряд их программных требований включают в свои программы.

Вслед за «Братством тарасовцев», которое вскоре было разогнано царской жандармерией, в 1897 году в г. Харькове возникла «Украинская студенческая громада» во главе с Дмитрием Антоновичем, провозгласившая требование «отличать свою нацию от других наций и ставить национальный вопрос превыше всего». «Громада» поддерживала тесный контакт с «тарасовцем» Михновским, который уже в то время стал одним из ведущих идеологов украинского буржуазного национализма.

В начале февраля 1900 года на базе «Украинской студенческой громады» Д. Антоновичем, М. Русовым, Б. Каминским, Л. Мациевичем, Ю. Коллардом, О. Коваленко, Д. Познанским была основана так называемая «Революционная украинская партия» (РУП). В конце февраля в нее вступил Михновский, который затем написал брошюру «Самостійка Україна». Требования, провозглашенные Михновским в этой брошюре, — «Украина для украинцев», «самостоятельная Украина от Карпат до Кавказа» — впоследствии стали главными лозунгами всех украинских буржуазных националистических организаций, партий и групп.

В 1903 году от РУП откололось возглавляемое Михновским правое крыло, назвавшееся — «Украинской народной партией» (УНП) и взявшее на вооружение ярко выраженные шовинистические заповеди Михновского, которые были изложены в его политическом трактате «Верую».

В социальной программе УНП, составленной также при активном участии Михновского, указывается, что украинские рабочие должны бороться прежде всего против конкуренции русских рабочих, которые в поисках куска хлеба переселяются на Украину и отбирают, дескать, работу у украинцев, вытесняют их с фабрик и заводов в ряды безработных, «в пасть моральной, а затем и голодной смерти».

В 4-м пункте резолюции съезда этой партии, состоявшегося в 1907 году, было записано: «Пролетариат нации господствующей и угнетаемой — это два класса с разными интересами».

Классовая сущность этих уставных положений очевидна. Они преследовали совершенно определенную цель — разделить рабочий класс по национальному принципу, посеять семена раздора среди рабочих, натравить их друг на друга и тем самым отвлечь внимание пролетариата от борьбы против буржуазии.

«Главный твой враг, — внушали националисты украинскому пролетарию, — русский пролетарий, он твой основной конкурент и первопричина твоего проклятого бедственного положения. Поэтому борись с русским пролетарием, с его наплывом на Украину, и ты будешь обеспечен и экономически, и политически. Украинская буржуазия в твоём положении, — говорили они, — вовсе не виновна, она сама терпит гнет буржуазии великорусской. Поэтому борьба украинского рабочего против украинской буржуазии не целесообразна и вредна в своей основе. Более того, украинская буржуазия сама борется против русской буржуазии и тем защищает не только себя, но и украинского рабочего».

В начале 1905 года от РУП откололась еще часть членов, составивших так называемую «Украинскую социалистическую спилку». «Спилка» сотрудничала с меньшевиками, а один из ее лидеров Басок-Меленевский поддерживал Троцкого в борьбе против Ленина и ленинцев. «Спилка» примкнула к меньшевистскому крылу РСДРП на правах автономной организации.

В декабре 1905 года РУП приняла новую программу, взяв за образец Эрфуртскую программу германских социал-демократов, и переименовала себя в «Украинскую социал-

▲ Братство тарасовцев

▲ Украинская студенческая громада

демократическую рабочую партию» (УСДРП). Не имея никакого влияния на промышленный пролетариат, УСДРП активизировала свою деятельность на селе, став основным выразителем интересов кулачества. Опорой УСДРП на селе были так называемые «просвиты» и «громады», которые являлись очагами пропаганды буржуазного национализма. УСДРП, несмотря на ее «рабочую» рекламу, стала впоследствии основной буржуазной националистической партией на Украине, а после Октябрьской социалистической революции оказалась в лагере злейших врагов Советской власти. Из ее рядов вышли главарь украинской контрреволюции Винниченко, Петлюра, Мазепа, Донцов, Порш и другие.

В начале XX столетия на Украине для борьбы против «коммунистического влияния» создается и ряд дру-

гих мелкобуржуазных националистических партий.

В 1905 году украинскими либералами была создана «Украинская радикально-демократическая партия» (УРДП), а на территории Галиции (Западная Украина) возникла «Национал-демократическая партия» (НДП). Основателем НДП был Михаил Грушевский — один из основных идеологов украинского буржуазного национализма.

В городе Львове украинские буржуазные националисты во главе с Грушевским создали также «научное» общество им. Т. Г. Шевченко, вокруг которого группировались «идеологическая интеллигенция». Это общество через свой журнал «Литературно-научный вестник» широко проповедовало националистическую идеологию, стремясь отравить сознание украинского народа ядом национализма.

В 1908 году было создано так называемое «Товарищество украинских прогрессистов» (ТУП), объединившее в своих рядах наиболее реакционных украинских националистов, стоявших на позициях черносотенной партии кадетов. После февральской буржуазно-демократической революции на базе ТУП была создана буржуазно-националистическая «Украинская партия социал-федералистов». Во главе ее стал Ефремов.

С началом первой империалистической войны все буржуазно-националистические партии, находившиеся на территории России, выступили единым фронтом с русской буржуазией за поддержку войны и продолжение ее до победного конца.

Украинские буржуазно-националистические партии Галиции, Буковины и Закарпатья в свою очередь, придерживаясь австро-германской

ориентации, открыто включились в активную борьбу против России на стороне австро-германского блока.

Накануне войны 1914–1918 годов по заданию австрийской разведки в Австрии был создан так называемый «Союз визволення України» (СВУ), который начал проводить активную подрывную работу против России с целью отторгнуть Украину от России и превратить ее в колонию австро-германского империализма.

СВУ финансировался габсбургским царствующим домом и работал под непосредственным руководством Вильгельма Габсбурга — одного из наследных принцев и претендентов на украинский престол. Чтобы «украинизировать» австрийскую корону, Вильгельм Габсбург носил вышитую украинскую рубашку и во всех официальных документах именовал себя Василием Вышиванным, хотя и не знал ни одного украинского слова.

По заданию австрийского генерального штаба сразу же после начала войны украинские буржуазные националисты приступили к созда-

нию военных формирований, так называемых «галицийских сечевых стрельцов». Среди командного состава этих формирований были Е. Коновалец, А. Мельник и другие украинские националисты.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА

27 февраля (12 марта) 1917 года в России победила буржуазно-демократическая революция. «Революцию, — писал В. И. Ленин, — совершил пролетариат, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения...». Но власть в стране захватила буржуазия. Государственная дума в сговоре с эсеро-меньшевистскими лидерами сформировала Временное буржуазное правительство.

На Украине 3–4 марта 1917 года была создана буржуазией Цент-

ральная рада во главе с Михаилом Грушевским. В состав Центральной рады вошли представители почти всех буржуазно-националистических партий: Винниченко, Петлюра, Ефремов, Антонович, Порш и другие. Главной политической опорой Центральной рады являлись буржуазные националистические партии: УПСР — «Украинская партия социал-революционеров», созданная в 1917 году; «Украинская партия социал-федералистов» (бывшие «туповцы»), УСДРП и другие.

Центральная рада, именовавшаяся «национальным парламентом», образовала правительство — «Генеральный секретариат» — во главе с Винниченко. Он же занимал пост генерального секретаря внутренних дел. Генеральным секретарем по военным делам был назначен Петлюра. В его задачу входило создание вооруженных сил националистической контрреволюции — отрядов так называемых «гайдамаков» и «вольных казаков» для борьбы с революционным народом. Генеральным секретарем национальных дел был

▲ Порш Н.В.

▲ Антонович Д.В.

утвержден Ефремов, земельных дел — Мартос, финансов — Барановский, образования — Стешенко, юстиции — Садовский, продовольствия — Стасюк, генеральным писарем — Христюк. Таким образом, в правительстве Центральной рады были 5 украинских социал-демократов (Винниченко, Петлюра, Мартос, Садовский и Стешенко), один социал-федералист (Ефремов) и два официально беспартийные, но по взглядам — украинские эсеры (Барановский и Стасюк).

Центральная рада сразу же заявила о своей солидарности с Временным правительством. Она передала приветствие главе Временного правительства крупному помещику князю Львову, военному министру и министру юстиции Керенскому и обратилась с воззванием к украинскому народу, в котором призывала его поддержать Временное правительство.

Центральная рада полностью одобряла антинародную империалистическую политику Временного пра-

вительства по основным вопросам о войне и мире, о власти, о земле. Ее разногласия с русской буржуазией за право монопольной эксплуатации трудящихся имели второстепенное значение. Центральная рада объявила беспощадную войну революционным рабочим и крестьянам и их руководителю — партии коммунистов.

Получив сведения о том, что революционный пролетариат Петрограда совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Центральная рада 8 ноября 1917 года создала так называемый «Краевой комитет по охране революции», главная задача которого состояла в том, чтобы организовать противодействие пролетарской революции и любыми средствами не допустить ее распространения на Украину. Социалистическую революцию в России Центральная рада объявила «бунтом».

Чем решительнее боролись народные массы Украины за свое освобождение, тем ожесточеннее ока-

зывала им сопротивление украинская националистическая контрреволюция, возглавляемая Центральной радой. Захватив власть на значительной территории, она все свои усилия направилась на подавление начавшейся на Украине социалистической революции, прибегая к самым различным средствам, начиная со спекуляции на национальных чувствах народа и заканчивая жестоким террором и открытым сговором с русскими и иностранными империалистами.

Для совместной борьбы против революции украинские буржуазные националисты подписали официальное соглашение с представителями командования Киевского военного округа. Контрреволюционная Центральная рада начала разоружать рабочих, разгонять большевистские Советы и рабочие организации. Были арестованы члены революционного комитета, организованного Киевским Советом рабочих и солдатских депутатов для подготовки и руководства вооруженным восстанием.

▲ Ефремов С.А.

▲ Мартос Б.Н.

▲ Винниченко В.К.

▲ Михновский Н.И.

Однако остановить социалистическую революцию на Украине Центральной раде не удалось. После трехсуточной жестокой борьбы рабочие и революционные солдаты победили. Войска военного округа сложили оружие.

Однако победой рабочих и солдат вновь воспользовалась украинская националистическая контрреволюция. В то время, когда пролетариат, красногвардейцы и солдаты боролись с оружием в руках против войск Временного правительства, Центральная рада стянула в Киеве верные ей националистически настроенные воинские части, и прежде всего так называемые «отряды вольных казаков» во главе со Скоропадским, состоящие из кулацких сынков. Центральная рада захватила все государственные учреждения, телеграф, телефон и провозгласила свою власть.

20 ноября 1917 года Центральная рада издала «третий Универсал», в котором вновь объявила себя верховным органом власти на Украине, провозгласила отделение Украины от Советской России и создание

Украинской народной республики. Михаил Грушевский объявил, что Центральная рада не только не допустит социалистической революции на Украине, но и создаст основу для реставрации буржуазно-помещичьего строя во всей России. Таким образом, украинские буржуазные националисты взяли на себя роль не только душителя пролетарской социалистической революции на Украине, но и спасителя русской контрреволюционной буржуазии и помещиков.

В демагогических целях Центральная рада обещала ввести 8-часовой рабочий день и общественный контроль над производством и распределением. Этот маневр был рассчитан на обман украинского народа.

Рада сохранила в неприкосновенности правительственный аппарат, который был создан на Украине при царизме и продолжал существовать при буржуазном Временном правительстве, охраняя интересы буржуазии, кулаков и помещиков; разоружила советские войсковые части и отряды Красной гвардии

на Украине, пропустила контрреволюционные войска на Дон и в другие районы Советской страны.

Большевистские организации Украины 24 декабря 1917 года созвали в Харькове 1 Всеукраинский съезд Советов, который провозгласил Украину Советской социалистической республикой и заявил, что Украина установит нерушимую дружбу с русским народом и всеми другими народами России; объявил о ликвидации власти контрреволюционной Центральной рады; отменил все ее приказы, распоряжения и принял ряд важных законодательных актов, направленных на утверждение советского строя на Украине.

На этом съезде был избран верховный орган власти на Украине — Центральный Исполнительный Комитет. ЦИК Украины образовал первое украинское советское правительство — Народный Секретариат во главе с Н. А. Скрыпником. В его состав вошли так же В. П. Затонский, Ф. А. Сергеев (Артем), Е. Б. Бош и др. Центральный Исполнительный Комитет распространил на территорию Украины постановления Совета На-

родных Комиссаров РСФСР о земле, о рабочем контроле над производством и другие.

Совет Народных Комиссаров РСФСР приветствовал провозглашение Советской власти на Украине, приняв по этому вопросу специальное постановление, написанное лично Лениным. В этом приветствии говорилось, что правительство Советской России «обещает новому правительству братской республики полную и всемерную поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины».

Заявления Советов народных комиссаров Украинской и Российской социалистических республик ярко свидетельствовали о стремлении двух братских народов довести до победного конца завоевания Октябрьской революции.

В. И. Ленин постоянно подчеркивал важность единства действий трудящихся Украины с трудящимися Советской России, как решающего

и определяющего условия победы украинского народа над своими внешними и внутренними врагами.

«... Если украинская победа рабочих и крестьян, — говорил В. И. Ленин на одном из заседаний ВЦИК в 1918 году, — пойдет рядом с укреплением власти в России и с ее успехами, тогда социалистическая пролетарская Украина не только победит, но и будет непобедима!».

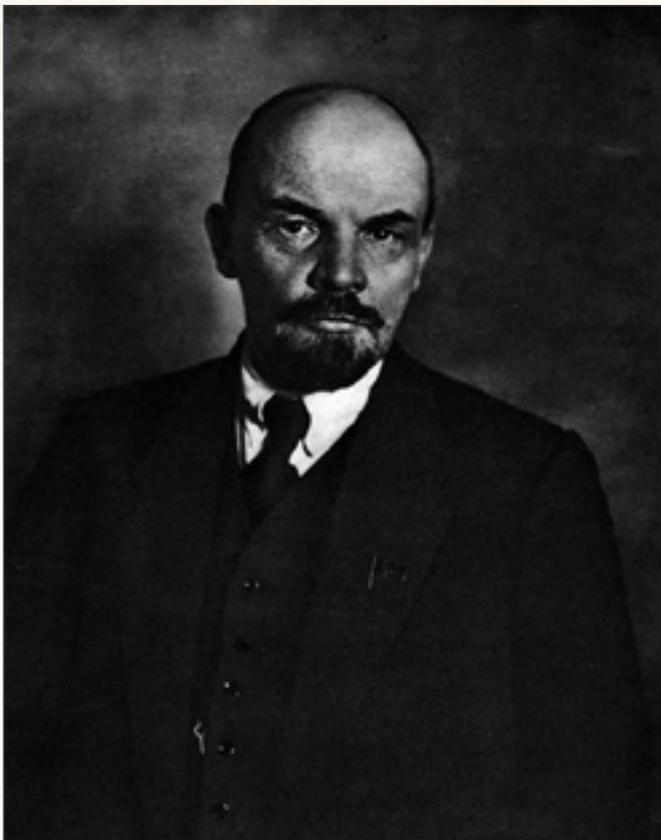
Эти указания Ленина были краеугольным камнем всей политической и практической деятельности Коммунистической партии Украины и власти партийного и государственного строительства.

В декабре 1917 года советское правительство потребовало, чтобы украинская Центральная рада прекратила дезорганизацию фронта, не допускала контрреволюционные войска на Дон и Урал, оказала содействие революционным силам в борьбе против калединского мятежа, не разоружала советские полки и рабочую Красную гвардию на Украине.

Советское правительство прилагало все силы к тому, чтобы разрешить конфликт с Центральной радой мирным путем. Выражая готовность начать переговоры с Центральной радой, В. И. Ленин и советское правительство в то же время указывали, что только победа Советской власти на Украине создаст условия, при которых станут невозможны любые недоразумения.

Центральная рада отказалась выполнить законные требования Совета Народных Комиссаров РСФСР, она продолжала бороться против социалистической революции и навязала трудящимся Украины гражданскую войну.

Разоблачение Коммунистической партией контрреволюционной политики рады, ее предательских связей с русскими белогвардейцами и иностранными империалистами сыграло исключительно важную роль в мобилизации сил украинского народа на борьбу за победу Советской власти на Украине. Партия не только разоблачила контрреволюционную

▲ Ленин В.И.

▲ Керенский А.Ф.

деятельность украинской Центральной рады и ее главарей, но и указала трудящимся Украины конкретные пути к победе над силами контрреволюции.

Возглавив массы, большевики Украины начали разгром контрреволюционной Центральной рады. В начале января 1918 года Народный секретариат Украины отдал приказ о наступлении на Киев. В его освобождении принимали участие красногвардейские отряды Харькова, Донбасса, полк «Червоного казачества», сформированный из революционных солдат украинизированных частей, а также красногвардейские отряды Петрограда и Москвы. В разгар боев против националистической контрреволюции В. И. Ленин в телеграмме Морскому военно-революционному комитету просил выслать отряд моряков в 2000 человек для военных действий против Центральной рады. Революционные войска с боями быстро продвигались к Киеву. 15 января 1918 года советские войска подошли к станции Круты. Здесь контрреволюция готовилась дать генеральный бой. Победили революционные войска.

В Киеве в ночь с 15 на 16 января началось вооруженное восстание. Особенно жестокие бои происходили в районе завода «Арсенал». Для подавления восстания рабочих Центральная рада бросила отборные петлюровские части. Несмотря на героическую борьбу, рабочие оказались в тяжелом положении: они были отрезаны от других частей города, у них не хватало боеприпасов, продовольствия, медикаментов. 22 января гайдамакам удалось ворваться в «Арсенал» и начать дикую расправу над героями-арсенальцами.

16 января Киев был освобожден Красной Армией. Рада и остатки ее войск бежали в Житомир и Новоград-Воынский. На Украине была установлена Советская власть.

По случаю разгрома националистической контрреволюции советское правительство Украины направило Совнаркому РСФСР 28 января 1918 года две телеграммы о готовности совместно вести дальнейшую

▲ Петлюра С.

борьбу за Советскую власть. В первой из них говорилось: «... Отныне освободившаяся Украина твердо вступает в круг федеративных советских республик, в братскую интернациональную семью народов, борющихся за социализм».

Во второй телеграмме советское правительство Украины заявляло: «... Кровь украинских и российских рабочих и крестьян, пролитая во имя рабочей революции на Украине, навсегда освятила братский союз между трудящимися массами Великобритании и Украины. Они не потерпят никаких покушений со стороны

буржуазии разорвать этот союз».

Украинская контрреволюция не могла смириться с потерей власти над украинским народом. Ее поддержали иностранные империалисты. Уже в декабре 1917 года официальный представитель Франции при Центральной раде Табун предложил Центральной раде от имени французского и английского правительств заем в 180 миллионов франков для организации борьбы против Советской власти. Но Грушевский, Винниченко и Петлюра прекрасно сознавали, что никакими денежными средствами нельзя остано-

вить социалистическую революцию на Украине. Финансовая подачка англо-французских империалистов прельщала их меньше, чем вооруженная помощь солдатами, оружием и т. д., которую могли предоставить им их старые хозяева — австро-германские милитаристы. Они находились рядом и, естественно, могли оказать более действенную и более быструю помощь разваливавшейся власти Центральной рады.

Связь Центральной рады с германским генеральным штабом и министерством иностранных дел шла через Стокгольм. Для этого в Стокгольм был командирован с немецким дипломатическим паспортом на имя Савицкого член СВУ Зализняк. Зализняк систематически информировал генеральные штабы и министерства иностранных дел Германии и Австро-Венгрии о событиях на Украине, в Центральной раде посылал указания их хозяев.

18 февраля 1918 года с согласия Центральной рады началась оккупация Украины немецкими захватчиками. Это было невиданное предательство интересов и свободы украинского народа. Украинская буржуазно-националистическая контрреволюция в лице Центральной рады первой из всех контрреволюционных группировок страны прибегла к помощи иностранных империалистов, видя в оккупации Украины средство борьбы против пролетарской революции. Украинские буржуазные националисты опередили даже черносотенную российскую реакцию.

К концу апреля 1918 года австро-германским войскам удалось при помощи буржуазных националистов захватить Украину. Оккупация ее сопровождалась реставрацией буржуазно-помещичьего строя и кровавым террором.

ГЕТМАНЩИНА

Оккупанты разогнали Центральную раду, служившую до этого ширмой, прикрывавшей оккупацию Украины, но оказавшуюся не в силах справиться со все нарастающим революционным движением укра-

инских трудящихся масс, и 29 апреля 1918 года инсценировали «избрание» в Киевском цирке гетмана — крупного украинского помещика, царского генерала Скоропадского.

Реставрация буржуазно-помещичьего монархизма на Украине привела к усилению кровавого оккупационного режима, к еще большему ограблению украинского народа немецко-австрийскими интервентами.

Лидеры разогнанной немцами Центральной рады — Винниченко, Петлюра и другие — продолжали стремиться к сотрудничеству с немецкими оккупантами и гетманом, убеждая их в необходимости включить в состав гетманского правительства представителей украинских буржуазно-националистических «социалистических» партий, чтобы таким образом укрепить буржуазно-помещичью власть.

Период правления Скоропадского вошел в историю под названием гетманщины. В течение семи с половиной месяцев на Украине существовало реакционное помещичье-кулацкое правление, при котором

у власти оказались ненавистные украинскому народу бывшие царские сановники, крупные капиталисты и помещики — верные прислужники немецких оккупантов.

Скоропадский и его «правительство» с помощью своих старост на местах и созданных кулацко-помещичьих отрядов так называемой «державной варты» помогали немцам экономически закабалить украинский народ. Гетманское правительство подписало кабальное обязательство, по которому с Украины должно быть вывезено в Германию 115 млн пудов хлеба, 4,5 млн пудов сахара, 11 млн голов крупного рогатого скота, 400 тыс. пудов масла и сала и много другого продовольствия.

«Гетман и его правительство, — заявил бывший германский посол в Киеве Мумм, — являлись только куклой в наших руках, а правительственные распоряжения обслуживали исключительно наши интересы».

Яркую и образную характеристику гетманщине дал Д. Мануильский, побывавший в тот период в Киеве в составе делегации РСФСР при за-

▲ Скоропадский П.П.

▲ Делегаты съезда хлеборобов с Скоропадским, 1918

ключении перемирия с немецко-гетманскими представителями. В своей статье «Среди предательства и измены», напечатанной в журнале «Коммунист», он писал:

«... Украинская культура, украинский язык подвергались самому омерзительному оплевыванию со стороны российских черносотенцев, ставших неожиданно для себя «самостийниками».

Чтобы понять весь комизм положения, нужно представить толпу старых околоточных приставов, земских начальников, матерых волкодавов националистического мракобесия на службе у бедной «обреченной неньки»... В «державных установах» царили умопомрачительные хищничества, взяточничество, растаскивание государства по целому и по кускам. Созданные в несколько дней состояния прокучивались в кабинетах ресторанов, где дикие взвизгивания пьяных женщин, стон струнных оркестров смешивались с голосами монархического офицерства, оравшего попеременно «Боже, царя храни!» и «Ще не вмерла Україна» (националистический гимн). И это неесте-

ственное сочетание «царя» и «України» воплотил в себе гетманат».

Но ни кровавая диктатура, ни лживые обещания не могли спасти австро-германских оккупантов и их прислужников — украинских буржуазных националистов от разгрома. Против них, возглавленный большевиками, поднялся весь украинский народ.

5–12 июля 1918 года состоялся I съезд КП(б)У, на котором была образована Коммунистическая партия Украины. Работой съезда руководил В. И. Ленин. Проходил съезд в Москве, так как провести его на территории Украины не позволяла обстановка. Первый съезд КП(б)У определил одну из главных задач партии — возглавить гражданскую войну рабочих и крестьян против германского империализма, украинских помещиков и буржуазии, за восстановление власти Советов. Съезд высказался за дальнейшее укрепление дружбы украинского и русского народов, за объединение Украины и России на началах пролетарского интернационализма.

Создание Коммунистической пар-

тии Украины имело огромное значение для развертывания борьбы украинского народа с иностранными захватчиками, разгрома буржуазно-националистической контрреволюции и восстановления Советской власти на Украине.

ДИРЕКТОРИЯ

Усиление революционно-освободительной борьбы украинского народа против оккупантов, поражение Германии и Австро-Венгрии в империалистической войне, а также свершившаяся в Германии буржуазная революция вызвали крах немецкой оккупации и падение власти гетмана.

Место австро-германских оккупантов на Украине стремились занять англо-французские интервенты. После разгрома Германии империалисты Антанты усилили интервенцию против нашей страны, организовали блокаду молодой Советской республики. В конце 1918 года они высадили вооруженные десанты на Черноморском побережье — на юге Украины и в Крыму, захватили Одессу, Херсон, Николаев, Севастополь и другие города.

Украина с ее сырьевыми и производственными ресурсами издавна привлекала внимание английских и французских империалистов, имевших крупные капиталовложения в различных отраслях украинской промышленности. Но особое значение в их агрессивных планах Украина приобрела после военного поражения Германии. Империалистические государства Антанты решили усилить интервенцию и организовать блокаду Советской России.

Империалисты Антанты стремились изолировать Советскую Россию от Украины, богатой углем и различным промышленным сырьем. Они хотели захватить эти ресурсы и превратить Украину в очаг всероссийской контрреволюции, в плацдарм для вооруженного наступления на молодую страну Советов. При этом они решили использовать в своих целях украинских буржуазных националистов из бывших главарей украинской Центральной рады. На политической арене снова появились Петлюра и Винниченко.

В середине ноября 1918 года, когда крах австро-германских окку-

пантов и их ставленника Скоропадского стал очевидным, блок буржуазно-националистических партий во главе с Петлюрой, Винниченко, Шаповалом и другими националистическими главарями, образовавшими контрреволюционный «Украинский национальный союз», решил примазаться к массовому народному движению против оккупантов и Скоропадского и снова захватить власть в свои руки.

14 ноября 1918 года Петлюра, Винниченко и другие главари украинских буржуазных националистов создали так называемую «Директорию Украинской народной республики» (Директорию УНР), состоящую из представителей контрреволюционных буржуазно-националистических партий, которых поддерживали англо-французские империалисты и панская Польша. В Директорию вошли: Винниченко — премьер, Петлюра — «головной атаман», Андриевский, Швец, Макаренко. Директория обосновалась в Белой Церкви.

На западноукраинских землях после падения Габсбургской монархии

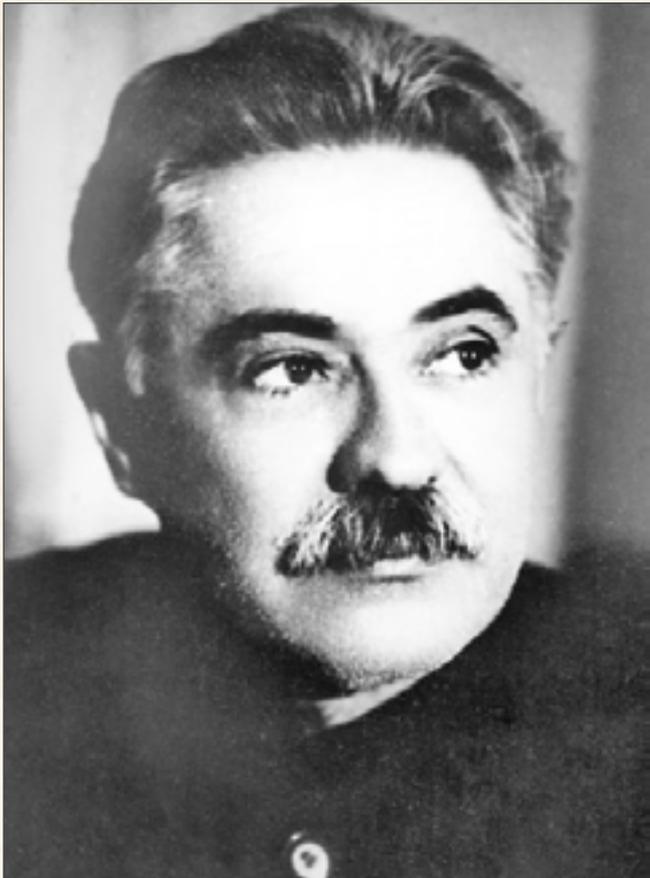
в ноябре 1918 года власть захватили украинские буржуазные националисты, объявившие об образовании «Западно-украинской народной республики» (ЗУНР) и ее правительства — «державного секретариата» во главе с Петрушевичем, Левицким и Цегельским. ЗУНР сформировала из своих воинских частей так называемую «Украинскую галицийскую армию» (УГА). Главную политическую задачу правительство ЗУНР видело в том, чтобы не допустить роста революции в Галиции и воссоединения ее с Советской Украиной. Позже Петрушевич вошел в Директорию шестым ее членом.

В условиях банкротства австро-германских оккупационных властей и марионеточного правительства Скоропадского, а также развития на Украине под руководством большевистской партии мощного движения украинских трудящихся за восстановление власти Советов и изгнание иностранных интервентов националистическая Директория взяла на себя роль главной спасительницы буржуазно-помещичьего строя на Украине.

▲ Директория

▲ Мануильский Д.З.

▲ Мельник А.А.

Для маскировки своей контрреволюционной сущности и для того чтобы обмануть и перетянуть на свою сторону трудящиеся массы, выступавшие против австро-германских оккупантов. Директория в своих декларациях и воззваниях выступала против немецко-гетманского оккупационного режима. В то же время тайком от народа она поддерживала преступную связь с австро-германскими оккупационными властями и англо-французскими интервентами. Директория пользовалась также признанием и поддержкой американских империалистов.

Для обмана трудящихся Директория выдвинула лозунг создания так называемых «трудовых рад», господствующее положение в которых, по ее расчетам, должно было занять кулачество.

Опираясь на помощь империалистов, Директория создала значительные контрреволюционные военные силы, организатором и руководителем которых был Петлюра,

именовавший себя «главным атаманом войск Украинской народной республики». Ядром сформированной Петлюрой армии УНР стал полк галицийских «сечевых стрельцов». Командиром этого полка, состоявшего из австро-венгерских военнопленных (преимущественно кулаков), был палач украинского народа ротмистр австрийской армии и полковник петлюровских войск Коновалец (уроженец Галиции), ставший правой рукой Петлюры в расправе с коммунистами, революционными рабочими и крестьянами Украины. В армию Петлюры шли кулаки, белогвардейцы и всякий уголовный сброд. Многие украинцы были вовлечены в отряды Петлюры обманом и насилием.

Петлюра являлся не только главарем вооруженных сил УНР, но фактически и главой Директории, «идейным вождем» украинских буржуазных националистов.

В декабре 1918 года главари Директории, опираясь на полк «сечевых стрельцов», а также на органи-

зованные националистами кулацкие отряды, при содействии германского командования и агентов Антанты захватили власть на значительной части территории Украины.

Директория установила на Украине режим кровавого террора и преследования большевистской партии, профсоюзов и Советов, восстановленных в ряде мест в ходе борьбы с австро-германскими оккупантами. В уездах бесчинствовали петлюровские атаманы, с дикой жестокостью подавлявшие крестьянские выступления, направленные против господства Директории, против кулаков, буржуазии и помещиков. За короткий срок своего господства (декабрь 1918 — февраль 1919 года) контрреволюционная буржуазно-националистическая Директория совершила множество кровавых преступлений против украинского народа.

Директория стремилась прежде всего разгромить Коммунистическую партию — подлинного защитника интересов трудящихся. В Киеве

и в других крупных городах Украины под предлогом борьбы с остатками гетманщины было объявлено осадное положение. В действительности же эта мера была направлена против большевистских организаций, профсоюзов и других рабочих объединений. В борьбе против большевиков и революционных рабочих и крестьян особенной жестокостью отличались галицийские «сечевики».

Для борьбы с Коммунистической партией и революционными рабочими и крестьянами петлюровцы создали террористический аппарат, в состав которого была включена и перешедшая к Директории от гетманского правительства так называемая «державная варта». Эта бывшая гетманская полиция сохранила свое старое название и лишь позднее была переименована в «народную милицию». Петлюровская «милиция», составлявшая вооруженную опору уездных и окружных комиссаров Директории, «по собственному усмотрению» расстреливала местных жителей.

Прислужничество иностранным империалистам, охрану интересов буржуазии и кулаков, борьбу против Коммунистической партии и власти Советов, систематические погромы,

кровавый террор и насилия, чинимые петлюровскими бандами над трудящимися Украины, Директория, подобно Центральной раде, прикрывала «социалистическими» фразами, безудержной пропагандой национализма. Свою антинародную деятельность Директория проводила под националистическими лозунгами «самостийности» (самостоятельности) и «незалежности» (независимости).

При осуществлении своих враждебных намерений, направленных на разгром Коммунистической партии и подавление революционного движения на Украине, Директория пользовалась поддержкой не только украинских «социалистических» партий, но и еврейских мелкобуржуазных националистических партий и организаций — Бунда, «Поалей-Циона» и других, полностью одобрявших антинародную кровавую политику петлюровской Директории. Главарь сионистов Жаботинский даже предложил Петлюре создать специальные еврейские воинские части для вооруженной борьбы против большевиков. Вражеской деятельности украинских националистов помогали также русские меньшевики и эсеры.

Директория УНР по совету Антанты пошла на союз с Деникиным. Вначале 1919 года в Одессе представителями Антанты, Деникина и Директории был подписан договор, согласно которому Директория обязывалась передать все свои вооруженные силы в распоряжение Антанты, вступить в союз с Деникиным и уничтожить на территории Украины Советы.

Под руководством Коммунистической партии на борьбу против англо-французских интервентов, Деникина и Директории поднялись широкие массы украинских рабочих и крестьян. Начались массовые восстания против петлюровского режима в Харькове, Киеве, Житомире и других городах, крестьянские выступления в селах Подольской, Киевской и других губерний. Из повстанческих отрядов создавались воинские части Красной Армии, организовывались партизанские отряды в тылу петлюровских войск.

При поддержке восставших Красная Армия очистила от петлюровских войск всю Левобережную Украину. Успешному наступлению советских войск способствовала борьба руководимых большевиками партизанских отрядов, громивших петлюровцев с тыла. В первых числах февраля 1919 года Красная Армия разгромила основные петлюровские войска и освободила Киев.

Бежавшие в Винницу члены Директории обратились к союзному командованию с письмом, в котором просили помочь им в борьбе против Советской власти. Директория полностью отдавала себя под протекторат Франции и просила ее представителей взять на себя управление Украиной.

Несмотря на помощь, оказанную англо-французскими и американскими империалистами, Петлюра, не имевший никакой поддержки со стороны трудящихся масс, под натиском Красной Армии и восставших рабочих и крестьян бежал с остатками своих войск из Винницы в Каменец-Подольск, а затем, в апреле 1919 года, — в Галицию, где начал подготовку к новому наступлению на Украину.

▲ Германские войска в Киеве, 1918

▲ Май-Маевский и Бредов – генералы Добровольческой армии

▲ Деникин А.И.

Одновременно потерпела крах иностранная военная интервенция на юге страны. В результате сокрушительных ударов советских войск от англо-французских захватчиков и деникинцев были освобождены Херсон, Николаев, Одесса, а к концу апреля очищен Крым. Повсюду была восстановлена Советская власть.

Украинское советское правительство энергично взялось за преобразование общественно-го и государственного строя Украины на социалистических началах. 10 марта 1919 года 3-й Всеукраинский съезд Советов принял первую конституцию Украинской ССР, законодательно закрепившую завоевания и права украинских трудящихся.

После разгрома армии Петлюры члены Директории бежали в Восточную Галицию (их новой резиденцией стал г. Ровно). Не имея больше ни территории, ни войск, они занялись организацией кулацких мятежей в советском тылу, координацией действий банд, орудовавших на Украине во время гражданской войны и после ее окончания, военными операциями петлюровских вооруженных отрядов. Петлюровскому «правительству»

еще в начале 1919 года удалось создать в советском тылу подпольные антисоветские центры и формирования, а затем вызвать ряд кулацких мятежей против Советской власти. Украинские буржуазные националисты пытались использовать при этом сложную политическую обстановку, создавшуюся в то время на Украине.

Чтобы вовлечь крестьянское население в контрреволюционные банды и замаскировать враждебную сущность своей деятельности, главарь украинских националистов широко пользовались провокационными лозунгами: «За самостоятельную Советскую власть», «За вольные Советы», «За самостоятельную вольную Советскую Украину» и т. п.

Враждебная деятельность Директории и главарей украинских «социалистических» партий носила ярко выраженный погромно-националистический характер. Кулацко-петлюровские банды в районах, где они действовали, ликвидировали местные советы, расстреливали сельских активистов, возвращали кулакам отобранную у них бедняками землю и т. д. Погромная деятельность кулацких националистических банд нане-

сла огромный вред Советской власти и трудящимся массам Украины. Она стоила жизни десяткам тысяч людей и причинила очень большой материальный ущерб Советской республике.

Украинское советское правительство и партийные органы приняли решительные меры по борьбе с кулацким бандитизмом. Были созданы специальные войсковые части для борьбы с бандами, усилены органы ЧК, много ответственных партийных работников было направлено в уезды для проведения политической работы среди населения и оказания помощи местным советам. По кулацкому бандитизму был нанесен сокрушительный удар.

Летом 1919 года при поддержке Антанты Деникин начал новый поход против Советской власти. Он захватил Дон, Крым, Левобережную Украину и значительную часть Правобережья. В июне деникинские войска заняли Царицын, а в сентябре — октябре — Курск, Воронеж, Орел. Одновременно с Деникиным летом 1919 года выступил Петлюра, к проискам которого присоединились галицийские воинские части,

созданные австро-германскими империалистами еще в период Первой мировой войны в основном из западно-украинских кулаков. В августе 1919 года войска Деникина и Петлюры ворвались в Киев, и на Украине снова была восстановлена власть помещиков и буржуазии. На трудящихся вновь обрушился белый террор.

Однако торжество белогвардейцев и украинских буржуазных националистов было недолгим. Украинские коммунисты создали густую сеть подпольных организаций, возглавили борьбу трудящихся против белогвардейцев и буржуазных националистов. По призыву Коммунистической партии трудящиеся Украины развернули в тылу у денikinцев мощное партизанское движение, которое подрывало силы белогвардейской армии и создавало благоприятные условия для наступления советских войск.

В тяжелое время кровавого господства белогвардейцев на помощь украинскому народу снова пришел его родной брат — великий русский народ. Героическая Красная Армия под руководством Коммунистической партии в упорных боях разгромила войска Деникина и зимой 1919/20 года освободила Украину. На всей Украине была восстановлена Советская власть.

Остатки буржуазной националистической контрреволюции бежали на Запад и были вынуждены искать убежище в империалистических странах Западной Европы. Но цепь предательств буржуазных националистов на этом не оборвалась. Они присоединились к новому походу Антанты против Советской республики. В апреле 1920 года Петлюра и Левицкий еще раз продали Украину, теперь уже польской шляхте, заключив тайный договор.

Согласно этому договору, так называемой «Политической конвенции» от 21 апреля 1920 года, Петлюра и Левицкий отдавали польским помещикам все их земли, которыми они владели на Украине до Октябрьской революции, а также всю территорию бывшей Галиции и Волыни. По «Военной конвенции» от 24 апреля 1920 года они обязались снабжать

▲ Поляки в Киеве, 1920

польскую армию продуктами питания, снаряжением и т. п. в неограниченных размерах. И все это только для того, чтобы буржуазная Польша своими штыками помогла Петлюре захватить власть на Украине.

В апреле 1920 года по инициативе Антанты началась новая интервенция против Советской страны — интервенция белополяков, поддержанная Врангелем. Войска Пилсудского двинулись на Украину через 4 дня после подписания «Политической конвенции». На юге поднялись белогвардейские войска Врангеля. По выражению Ленина, «панская Польша и Врангель — это две руки международного империализма, пытавшегося задушить Советскую страну».

Попытки Советского правительства начать переговоры с Польшей для сохранения мира и предотвращения войны не дали положительных результатов. 25 апреля 1920 года подстрекаемые Антантой польские войска вторглись в пределы Украины и 7 мая захватили Киев. Вслед за польскими войсками в Киев вступили и вооруженные отряды Петлюры.

Трудящиеся Украины вынуждены были вновь взяться за оружие.

▲ Врангель П.Н.

На захваченной белополяками территории стали действовать подпольные партийные организации. Развернулась работа по формированию партизанских отрядов. Во многих районах Украины вспыхивали восстания против оккупантов.

В конце мая 1920 года войска Красной Армии перешли в наступле-

ние и, опираясь на поддержку трудящихся Украины, в середине июня освободили от иноземных захватчиков Киев. Вместе с польскими интервентами в 1920 году были разгромлены и петлюровские вооруженные части, принимавшие участие в интервенционистском походе на Украину. Остатки их бежали под защиту империалистических государств Западной Европы. В ноябре 1920 года Красная Армия разгромила и войска Врангеля.

Освобожденный от иностранных захватчиков и их прихвостней — буржуазных националистов, трудящийся народ Украины перешел к мирному социалистическому строительству.

ЗАКОРДОННЫЕ ГРУППИРОВКИ И ЦЕНТРЫ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ И ПОДПОЛЬЕ НА УКРАИНЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ЭМИГРАНТСКИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ

После победоносного завершения Гражданской войны при переходе к мирному периоду международное положение Советской страны хотя и улучшилось, но все же оставалось напряженным.

Борьба против Советской власти, как указывал В. И. Ленин, приняла «форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную». От военной интервенции империалисты перешли к экономическому и дипломатическому давлению, к организации контрреволюционных заговоров и мятежей, диверсиям и шпионажу.

В своих планах империалисты по-прежнему делали ставку на захват Украины и превращение ее в плацдарм вооруженной борьбы против Советской страны, рассчитывая использовать внутренние трудности, которые переживала в этот период молодая Украинская республика.

Против диктатуры пролетариата ожесточенно выступали остатки

помещиков, городской буржуазии, а на Украине особенно многочисленное, экономически сильное кулачество, прошедшее в период гетманщины и петлюровщины школу гражданской войны. Борьбу против Советской власти развернули и ушедшие в подполье остатки разгромленных украинских мелкобуржуазных националистических партий УСДРП, УПСР и других, с вражеских позиций выступали остатки меньшевиков, эсеров, анархистов, еврейских националистов, русских монархистов. Верно служило контрреволюции духовенство, в частности автокефальная церковь, созданная украинскими националистами в 1919 году.

Главарь украинской буржуазно-националистической контрреволюции после разгрома Красной Армией на фронтах гражданской войны бежали с остатками своих банд за границу. Они создали там антисоветские центры, поступили на службу к правительствам империалистических государств и их разведывательным органам и совместно с ними повели ожесточенную борьбу против Советской власти, рассчитывая опереться на антисоветские элементы внутри страны.

Особенно много украинских националистов оказалось в Польше, Румынии и Чехословакии. С течением времени часть из них перебралась в Германию, Францию и Болгарию, а небольшое число — в Бельгию, Италию, Литву, Эстонию, Финляндию и другие страны. Несмотря на такое рассредоточение по странам Западной Европы, главарь украинских националистов не только сохранили свои организационные связи, но и сумели при содействии капиталистических государств и на их средства создать в 1920–1921 годах ряд объединений, чтобы сблечь кадры украинских националистов как организованную силу для продолжения борьбы против Советской власти.

Правительства западноевропейских капиталистических государств устанавливали все более прочные связи с националистическими группировками за рубежом. Корреспондент французской газеты «Матен» Корабу писал:

«Уже в Лондоне и Риме, а еще раньше — в Берлине начали открывать глаза на украинский сепаратизм...

Я со своей стороны знаю, что и в Палаццо Киджи, и в Форейн-Оффис, и на Вильгельмштрассе (министерства иностранных дел в Риме, Лондоне и Берлине. — *Примеч. ред.*) украинские вопросы поручены особо квалифицированным сотрудникам, которые следят за развитием положения на Украине методически и при помощи достойных внимания средств».

Закордонные центры и группировки украинских националистов выполняли роль организаторов антисоветских выступлений националистических элементов на Украине и представительных органов контрреволюции в отношениях с империалистическими кругами.

Наиболее крупными группировками украинских националистов за кордоном были петлюровцы, гетманцы и эсеры.

Петлюровцы. Во главе группировки стояли Петлюра и его подручные — бывшие министры «правительства УНР» Андрей Левицкий, генерал Сальский и другие. Для объединения петлюровцев они создали в Польше, Франции, Чехословакии и Болгарии широко разветвленные антисоветские организации — «Украинские центральные комитеты» (УЦК), а в Румынии и Югославии — «Украинские допомогочные комитеты» (УДК). Петлюровские организации издавали и распространяли враждебную Советскому Союзу литературу и вместе с разведками западноевропейских буржуазных государств засылали в Советский Союз шпионов.

Из петлюровских солдат и офицеров были образованы общества «украинских вояк», ставившие своей задачей сохранить военные кадры бывшей петлюровской армии как резерв будущих украинских националистических вооруженных сил в борьбе против Советского Союза.

Все контрреволюционные петлюровские организации возглавляло так называемое «правительство

▲ Генерал-фельдмаршал Г. Эйхгорн в Киеве

УНР», которое официально было призвано панской Польшей и действовало под вывеской украинского эмигрантского правительства. Сначала «правительство» находилось в Тернове, затем в Варшаве, позже часть его членов во главе с Петлюрой переехала в Париж. Основной состав «правительства» до 1939 года находился и Варшаве и проводил враждебную деятельность против Советского Союза по заданиям и при непосредственной помощи панской Польши и ее разведки, а также при активном содействии английской и французской разведок и правящих кругов этих стран. Для связи с английскими и французскими правящими кругами и разведками в Париже и после смерти Петлюры постоянно находились «министры» УНР — Прокопович, Шульгин и другие главари петлюровцев.

До 1925 года «президентом» УНР продолжал оставаться Петлюра. Пост «вице-президента» и «председателя совета министров» занимал Андрей Левицкий. После убийства Петлюры (в мае 1925 года) «президентом» УНР стал Андрей Левицкий, а «вице-президентом» и «председателем совета министров» — Прокопович.

На территории Западной Украины, попавшей под господство

польских панов, петлюровцы сосредоточились преимущественно в северных районах, на Волыни. Политическим центром их являлось «Волынское украинское объединение» и зависимая от него культурно-просветительная организация «Украинская хата». Здесь же действовала украинская автокефальная церковь.

В южных частях Западной Украины в первые годы Гражданской войны преобладало влияние остатков приверженцев и бывшего диктатора ЗУНР (Западно-украинской народной республики) Петрушевича, закордонный центр которого находился первоначально в Вене, а затем в Берлине.

Гетманцы. Во главе этой группировки стоял бывший гетман Скоропадский. Для борьбы против Советского Союза гетманцы при помощи германских властей и разведки создали ряд националистических организаций, которые действовали под видом научных и культурных обществ.

Следует сказать, что гетманцы, действуя по заданиям германской разведки, прибрали в тот период к своим рукам украинскую националистическую эмиграцию в США и Канаде. Они создали там широко

разветвленную сеть «Союза хлеборобов-державников» и военные формирования — «сечи».

Руководство гетманской организацией осуществляла так называемая «гетманская управа», в состав которой вошли наиболее активные сторонники создания монархической Украины. Скоропадский пользовался особенно большой поддержкой в руководящих кругах германской армии.

Эсеры. Украинские эсеры во главе с Шаповалом и Грушевским с целью соединения украинской эмиграции для продолжения борьбы против Советской власти создали в Чехословакии «Украинский громадский комитет», так называемый «Громком». Был учрежден ряд учебных заведений для эмигрантов: Подебрадская сельскохозяйственная академия, химический университет в Брно, горная академия в Пшибраме, политехнический институт в Праге, — в которых готовились кадры для государственной деятельности на территории Украины после свержения Советской власти.

В Праге, кроме того, осела украинско-кубанская эмиграция во главе с председателем «правительства» Бычем и главным атаманом Иванисом.

В 1921 году в Праге была создана националистическая организация «Группа национальной молодежи» во главе с Иваном Гужлой, а затем Осипом Бойдуником, состоявшая из студентов, бывших старшин войск УГА («Украинское галицийской армии»). В скором времени возникла другая организация подобного же типа — «Легион украинских националистов» под руководством Николая Сциборского. В Львова создается «Союз украинской национальной молодежи». Во Франции организован «Украинский национальный союз», в США — «Объединение друзей освобождения Украины».

Были и другие организации, но они не играли заметной роли.

В 1920 году в эмиграции была создана «Украинская военная организация». Основным ядром этой организации являлись офицерские кадры осадного корпуса «сечевых стрельцов», которым командовал полков-

ник Коновалец. В корпус Коновальца, боровшийся в 1918–1919 годах против Красной Армии, входили наиболее отъявленные головорезы. Из них подбирались личная охрана «президента» Грушевского, пополнилась петлюровская контрразведка, формировались карательные отряды. «Старшинская рада» корпуса опиралась на политическую поддержку лидеров УСДРП и украинских эсеров.

В создании УВО активное участие приняли Андрей Мельник, Ярослав Чиж, Василий Кучабский, Роман Сушко, Юлиан Головинский, Омелян Сенник и другие. Местом деятельности УВО была Польская Галиция и Советская Украина.

Многие члены УВО одновременно состояли в других буржуазно-националистических партиях и группах: одни из них были членами УНДО («Украинского национально-демократического объединения»), другие подвизались в «группах украинской национальной молодежи», в «Легии украинских националистов».

В своей враждебной деятельности против Советского государства УВО ориентировалась на германских империалистов и послужила в последствии силой для формирования действующей и поныне «Организации украинских националистов» (ОУН).

УВО являлась военно-фашистской организацией. Основным ее костя-

ком были офицерские кадры «галицийских сечевых стрельцов» и рассеянные по Польше и в других странах Европы остатки «Украинской галицийской армии», которые во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции вместе с петлюровской и денкинской армиями вели вооруженную борьбу против Красной Армии. В начале 1920 года, после разгрома денкинских войск частями Красной Армии, командование «Украинской галицийской армии» заявило о своем переходе на сторону советских войск. Однако это был коварный, двурушнический маневр, заранее согласованный с белополяками: во время решающих боев Красной Армии с польскими войсками под Киевом весной 1920 года «Украинская галицийская армия» открыла фронт и перешла на сторону белополяков. Кратковременное пребывание «Украинской галицийской армии» на советской территории было использовано украинскими националистами для создания своих законспирированных контрреволюционных организаций. Многие офицеры «Украинской галицийской армии», маскируясь «советофильством», остались на советской территории для подрывной работы.

Центр УВО находился в Берлине. В то время Берлин представлял собою один из наиболее удобных пунктов для поддержания связи между закордонной УВО и оставшимися на Украине националистическими элементами. Из Берлина легко было поддерживать связь и с различными группами и организациями УВО, разбросанными в Польше, Австрии, Чехословакии, в Галиции, в Закарпатской Украине, а также с группами УВО, созданными в Канаде и США.

Берлинский центр УВО поддерживал контакт с немецкими военными кругами, с которыми у галицийского националистического офицерства сохранились старые связи, завязанные в период империалистической войны и закрепленные во время оккупации Украины австро-германскими войсками.

Наряду с активной националистической деятельностью в Западной

▲ Коновалец Е.

Украине и Чехословакии УВО развернула работу по вербовке в свои организации украинских эмигрантов в Америке и Канаде.

Уже в первый период своей деятельности УВО стремилась к тому, чтобы создать на территории Западной Украины, входившей в состав Польши, базу для повстанческой и шпионской работы против Советской Украины. Опираясь на свои базы за кордоном, УВО пыталась создать повстанческое подполье на территории УССР.

УВО вела подготовку к вооруженному выступлению против Советской власти и за короткий срок создала в Галиции вооруженные группы, предназначенные для переброски на территорию Советской Украины. Объединяя в своих рядах самых отъявленных националистов и врагов Советской власти, УВО была ударным отрядом украинской националистической буржуазии.

УВО не имела единой политической ориентации, признаваемой всеми участниками организации. Все зависело от того, в какой разведывательной службе они работали. Преобладали две ориентации — немецкая и польская.

Руководство закордонной УВО, находившееся в Берлине, установило тесный контакт с немецкими профашистскими и военными кругами. Коновалец вступил в тесный контакт со штабом рейхсвера, в частности с генералом Тренером, бывшим начальником киевского гарнизона в период немецкой оккупации Украины.

Основой пронемецкой ориентации УВО являлось стремление украинского национализма влиться в общее русло европейского фашизма и надежды на то, что германские фашисты создадут и возглавят антисоветский блок европейских империалистических государств, способный начать военную интервенцию против СССР.

Немецкие реакционные круги оказывали берлинскому центру УВО материальную поддержку, финансировали берлинскую школу разведчиков УВО.

УВО в эти годы вместе с немецкими фашистами вела подрывную ра-

боту за кордоном и на территории Советской Украины и готовила почву для политического и экономического союза с гитлеровцами, идущими к власти.

Уже в то время между Коновальцем — с одной стороны, и Гитлером и Герингом — с другой, велись переговоры, во время которых в общих чертах было договорено, что после установления так называемой «независимой украинской державы» будет заключен военно-политический союз с Германией на таких условиях: 1) реальное обеспечение Германии сфер политического влияния путем предоставления ей концессий в области военной и машиностроительной промышленности; 2) поддержка Германией «Украинской республики» в вопросе этнографического объединения всех ее звеньев; 3) регулирование немцами контингента армии на Украине; 4) взаимная поддержка в международной политике.

Польская ориентация УВО сложилась в результате активной помощи Польши националистам в борьбе против Советской власти, систематической шпионской работы ОУН в пользу Польши и, в конечном итоге, в результате реальной, практической поддержки поляками подготовки вооруженного восстания на Украине. Создание буржуазной «самостийной» Украины не мыслилось националистами без непосредственного участия в этом Польши. Поэтому с первых лет существования УВО устанавливает контакт и практические связи с белополяками. Этот контакт выразился прежде всего в том, что на территории Польши нашли приют остатки разгромленных украинских националистических военных формирований, которые благодаря содействию со стороны панской Польши получили возможность приступить к консолидации своих сил и к подготовке нового выступления против Советской власти.

После решения совета послов Антанты в марте 1923 года о присоединении к Польше оккупированной поляками Галиции для галицийской украинской буржуазии вопрос о борьбе с поляками-«оккупантами»

потерял остроту, стали укрепляться позиции тех националистических украинских формирований, которые ограничивались требованием автономии для Западной Украины, видя в Польше орудие борьбы империалистических держав против СССР.

После прихода к власти Пилсудского в 1926 году и фашизации государственного аппарата в Польше руководящая верхушка УВО в Западной Украине еще больше сблизилась с польскими правительственными кругами, и в частности с руководителями польских разведорганов. Этому в значительной степени способствовало изменение политики Польши по отношению к западноукраинской буржуазии и ряд сделанных ей уступок по экономической и культурной линии.

Основной деятельностью УВО в Западной Украине в этот период являлась борьба с коммунистическим движением. Эта работа проводилась по прямому заданию польской контрразведки. Показная антипольская пропаганда УВО была лишь ширмой для прикрытия ее деятельности в пользу поляков.

В интересах белополяков и по их заданиям проводилась большая шпионская работа — УВО поставляла кадры польской разведке и давала возможность использовать свои связи на Украине для создания шпионской сети и переброски польских агентов на Украину.

Поляки помогали созданию военных кадров УВО на территории Западной Украины, для чего в качестве легальных баз УВО использовались спортивные организации «Луг», «Пласт». После фашистского переворота Пилсудского в 1926 году эти организации были приравнены к польским военным организациям, и польские власти оказывали им поддержку как школам по подготовке кадров будущих украинских военных формирований, которые являлись авангардом польских интервенционистских войск.

УВО, ориентируясь в своей тактике и политике в основном на помощь со стороны Германии и Польши, в то же время искала поддержки

▲ Пилсудский Ю.

других агрессивно настроенных против СССР империалистических государств, в особенности Англии.

УВО была связана с английскими империалистическими кругами с момента организации под опекой Англии в Канаде филиала УВО, называвшегося «Українські січові стрільці», или «січі», основным ядром которого являлись украинские националисты, служившие во время войны в английской армии.

УВО в створе с представителями английских кругов выдвинула идею «Черноморского блока», идею создания под протекторатом Англии так называемой «Федерации государств, примыкающих к Черному морю» — Украины, Грузии, Турции и др., что открывало Англии перспективы получения нефтяных концессий в Закавказье и на Украине.

В результате влияния канадской УВО от имени «Лиги британских украинцев» была послана «Петиция канадских украинцев британской короне» с призывом начать интервенцию для создания «Украинских Соединенных Штатов» под протекторатом Англии.

Украинских националистов использовали в своих интересах и другие буржуазные государства. Закордонные националистические центры по указке и при содействии англофранцузских и германских империалистов, правительств буржуазной Польши и Румынии организовали с территории этих пограничных стран многочисленные вооруженные нападения петлюровских банд на Украину. Используя оставшиеся на территории республики подпольные звенья, они создавали

бандитско-повстанческие отряды, подстрекали недовольных к организованным выступлениям против Советской власти.

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ НА УКРАИНЕ

Одним из наиболее крупных подпольных формирований, созданных националистами на Украине в первые годы после окончания Гражданской войны, был так называемый «Центральный украинский повстанческий комитет» («Цупком»), вскрытый ЧК с помощью внедренной в него агентуры и разгромленный в 1921 году.

«Цупком» был создан 1920 году по директиве Петлюры его эмиссарами, прибывшими для этой цели из-за границы. Он руководил контрреволюционной деятельностью так называемых «повстанческих комитетов» («повстанкомов») отдельных петлюровских банд и подпольных вражеских организаций и являлся связующим звеном между подпольем и украинскими антисоветскими националистическими центрами и организациями за кордоном.

Подпольные вооруженные банды «Цупкома», разбитые на сотни и десятки, по заранее условленному сигналу должны были выступить против Советской власти на местах и соединиться с оперировавшими в то время на Украине другими бандами украинских националистов. Вооруженное выступление намечалось приурочить ко времени готовившегося «правительством УНР» при поддержке польского генерального штаба вторжения на территорию Советской Украины банд петлюровца Тютюнника.

Тютюнник — бывший генерал-хорунжий армии УНР в 1919–1920 годах, командовал дивизией войск УНР, после разгрома петлюровцев бежал в Польшу, откуда в 1921 году при поддержке польского генерального штаба организовал бандитский рейд семитысячной вооруженной банды на территорию Советской Украины (ред.).

Согласно разработанному плану банды должны были перейти границу СССР и Польши, соединиться на Украине с антисоветскими националистическими бандами и организациями и поднять мятеж против Советской власти. В подготовке и организации этого рейда приняли участие все украинские националистические эмигрантские центры и группировки, независимо от разногласий и ориентации на те или иные капиталистические государства: петлюровский центр, существовавший на польские, английские и французские деньги; центр «Украинской военной организации» (УВО), состоявший на службе у германской разведки; центр эсеров, пользовавшийся субсидиями чешского правительства, и др.

Органы ЧК, используя агентурно-оперативные данные, а также материалы, захваченные в результате разгрома ряда националистических банд, легендировали существование на Украине подполья и умело внедрили своих агентов в закордонные антисоветские центры. Эти агенты вовремя предупредили органы ЧК о готовившемся рейде, что дало возможность своевременно принять необходимые меры. В 1920 году вооруженные банды двумя группами: одна во главе с Тютюнником, а другая под командой полковника Палиева — перешли советскую границу, направляясь в глубь Украины, чтобы соединиться с повстанцами и захватить Киев.

Близ местечка Базар Житомирской области кавалерийская бригада Красной Армии под командованием Котовского по заранее разработанному плану операции совместно с рабочими и чекистскими вооруженными отрядами разбила банду, Тютюнник со своей личной охраной бежал за границу. Одновременно была уничтожена и группа Палиева в районе Каменец-Подольска.

После этого органы ЧК вскрыли и ликвидировали бандитские формирования, созданные на Украине националистами для поддержки Тютюнника, а частности упомянутый выше «Цупком» с его «повстанческими комитетами».

Находясь в Польше, Тютюнник еще некоторое время возглавлял «партизанский повстанческий штаб», который руководил бандитским подпольем на Украине.

После того как в 1921 году органы ВЧК разгромили «Цупком», некоторые его члены, скрывшиеся от ареста, по указанию закордонного «партизанского повстанческого штаба» создали новый оуновский центр под названием «Казачья рада», который ставил своей задачей объединение разрозненных банд и поддержание связи с закордонными центрами украинских националистов. Одним из вдохновителей «Казачьей рады»

являлся бывший лидер ТУП и член Центральной рады Ефремов, осужденный в 1930 году по делу «Союза вызволения Украины» (СВУ). «Казачья рада» была ликвидирована в 1922 году.

Бежавший за кордон Тютюнник оставил на территории Украины для подпольной вражеской работы ряд своих агентов, в том числе махрового петлюровца Петрика, которому удалось создать «Волынскую повстанческую армию», имевшую более 100 сельских ячеек, и объединить под своим руководством ряд петлюровских банд, действовавших в то время на территории Волынской губернии

▲ Тютюнник Ю.

▲ Фрунзе М.В

▲ Дзержинский Ф.Э

(банды Гарася, Зубрия и др.).

Созданная и возглавляемая Петриком вражеская организация была построена по типу петлюровских частей. Во главе «Волынской повстанческой армии» стоял «штаб». «Армия» делилась на четыре «дивизии», каждая «дивизия» — на «роты», «взводы» и т.д.

По согласованию с закордонным петлюровским центром «штаб» «Волынской повстанческой армии» наметил совершить в начале октября 1923 года вооруженный налет на Житомир, Коростень и Овруч. К этим городам были стянуты подпольные вооруженные банды; соответствующим образом проинструктированы сельские ячейки «повстанческой армии»; у границы, с польской стороны, по сообщению закордонной агентуры ГПУ сосредоточены закордонные петлюровские вооруженные части для вторжения на территорию УССР и оказания помощи налетчикам. Сигналом к мятежу должно было послужить сожжение местечка Базар, что, как сообщили агенты чекистских органов, намечалось на ночь с 6 на 7 октября.

4 октября 1923 года Волынский губотдел ГПУ и его полевой оперативный штаб при поддержке частей 44-й дивизии Красной Армии приступил к ликвидации выявленной подпольной бандитской организации «Волынская повстанческая армия». 12 октября ликвидация этой организации закончилась. Были арестованы почти все ее участники, изъято большое количество оружия и различных документов (приказов, инструкций, воззваний и т. п.). «Штабу» «Волынской повстанческой армии» во главе с Петриком под прикрытием банды Гарася удалось прорваться в Польшу.

В основном с кулацко-петлюровским бандитизмом на Украине было покончено уже к концу 1921 года. Руководил ликвидацией бандитизма на Украине М. В. Фрунзе. Видную роль в разгроме банд сыграли Ф.Э. Дзержинский, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Г. И. Котовский, А. Я. Пархоменко и другие. На борьбу с бандами, кроме чекистских органов и приданных им ЧОН (частей особого назначения, состоявших из коммунистов и комсомольцев),

были направлены части Красной Армии, отряды милиции.

Но и после разгрома кулацко-петлюровского бандитизма на Украине буржуазные государства продолжали вынашивать агрессивные замыслы против СССР. Особое место в их планах, как и прежде, занимала Советская Украина в силу ее стратегического значения.

Из среды украинских националистов империалистические разведки вербовали шпионов и диверсантов для подрывной деятельности на Украине. Враги серьезно рассчитывали на перерождение Советского государства на Украине в буржуазное и на свержение Советской власти в республике путем «взрыва изнутри». Принимались меры к сосредоточению в пограничных государствах кадров украинских националистов, эмигрировавших после Гражданской войны в Европу, к привлечению на свою сторону украинского кулачества, реакционно настроенных элементов из среды старой интеллигенции, к подрыву влияния на украинский народ Коммунистической партии и Советской власти.

В этот период основные деятели и лидеры галицийских националистических партий, национал-демократов, радикалов и прочих организаций возвращаются из Чехословакии и других стран Западной Европы, куда они эмигрировали, в Галицию, к рубежам Советской Украины, и стараются наладить легальную националистическую работу в научных, культурных и кооперативных организациях Западной Украины. Особенно усилился приток украинских националистов в Галицию в 1923–1924 годах после решения совета послов Антанты от 14 марта 1923 года о присоединении Галиции к Польше, когда галицийская буржуазия утратила надежду на то, что Антанта решит вопрос о Галиции в ее интересах.

На протяжении 1923–1924 годов ведутся переговоры о том, чтобы собрать обломки национал-демократической партии, организовать «Украинское национал-демократическое объединение» (УНДО) и подготовить создание блока галицийских националистических партий на основе борьбы за автономию Галиции в пределах Польши и за полный отрыв Советской Украины от СССР.

Одновременно идет консолидация боевых сил галицийских буржуазных националистов, создаются легальные спортивно-гимнастические общества молодежи «Луг» и «Пласт», руководство которыми целиком находится в руках УВО. Ведется систематическая обработка националистически настроенной интеллигенции и молодежи через печать, литературу, особенно путем издания мемуарной литературы, идеализирующей украинских «сечевых стрельцов», походы «Украинской галицийской армии» (УГА) и т. п. В этой литературе самые позорные страницы истории галицийской контрреволюции, например, переход УГА на сторону Деникина, погромная работа коновальцевского корпуса «сечевых стрельцов» в Киеве, изображались как героические этапы «национально-освободительной» борьбы.

Все это делалось для того, чтобы превратить Западную Украину в плацдарм для борьбы с Советской властью на Украине.

Одновременно берется курс на планомерную переброску наиболее надежных кадров для подполь-

ной работы на Украине. Основную роль в этом играла УВО.

С момента своего возникновения «Украинская военная организация» работала в тесном контакте с другими националистическими партиями и организациями — украинскими эсерами, украинскими социал-демократами и т. д. Благодаря постоянной поддержке этих антисоветских партий УВО удалось создать не только ряд закордонных баз во главе с указанным выше берлинским центром, но и организовать свои подпольные звенья на территории Украины. Такие подпольные звенья УВО создавались прежде всего на Киевщине, в Каменец-Подольске, Харькове, Бердичеве, Белой Церкви и в других населенных пунктах Украины.

Главный руководящий центр — «Главный штаб УВО», находившийся в Берлине и возглавлявшийся Коновальцем, Кучабским, Рико-Ярым, руководил подготовкой вооруженного восстания на территории УССР и переброской руководящих кадров на Украину, а также представлял УВО в отношениях с иностранными государствами.

▲ Пархоменко А.Я.

▲ Котовский Г.И.

В Львове находился краевой центр УВО во главе с Волинцем, Палиевым и другими. Львовский центр руководил подготовкой к сооруженному выступлению на территории Украины, приуроченному к началу интервенции, занимался переброской кадров УВО через польскую границу.

Зарубежные украинские антисоветские националистические центры и организации по заданиям своих хозяев — разведок Германии, Англии, Франции, Польши, Чехословакии и других империалистических государств — стали широко применять массовую заброску своих эмиссаров и агентуры на территорию Украины, используя не только нелегальные, но и легальные пути проникновения.

Активно применялась тактика «сменовеховского» маневра, тактика «врастания в советскую легальность». Некоторые главари украинских националистов декларативно заявили о «призвании» Советской власти, о своем стремлении «сотрудничать с ней в интересах украинского народа». Начиная с 1922 года, Грушевский, Винниченко и другие в публичных выступлениях широко рекламировали свой «отход» от борьбы с Советской властью, «признавали» правильным решение национального вопроса в СССР и призывали украинцев, находящихся за границей, возвращаться на Украину для участия в культурном и хозяйственном строительстве. В результате этого маневра некоторым крупным украинским буржуазным националистам, в частности Грушевскому и его сообщникам, удалось приехать в СССР в числе украинских эмигрантов, действительно стремившихся вернуться на родину. Вслед за ними с декларациями о своей полной «солидарности» с Советской властью и ходатайствами о разрешении на въезд в СССР обратилась значительная часть галицийского и петлюровского офицерства, а также активных участников других контрреволюционных украинских группировок.

Внедряя своих агентов в различные организации, создававшиеся в тот период за границей с целью воз-

▲ Буденный С.М

ращения эмигрантов на родину, украинские антисоветские националистические центры одновременно по указанию и при содействии германской, чехословацкой, австрийской, английской, французской и польской разведок создали в ряде стран свои якобы просоветские организации. Маскируясь «советофильством», эти организации должны были добиться массовой переброски галицийско-петлюровского офицерства в СССР для ведения подрывной деятельности против Советской власти. Разведки капиталистических государств пытались создавать видимость преследования участников этих антисоветских организаций «за коммунистические убеждения», полиция инсценировала их аресты, высылку из страны. Все это делалось с той целью, чтобы добиться разре-

шения на въезд членов вражеских организаций в СССР.

Немало националистов было и среди украинцев, бежавших на территорию Советской Украины от непосильного помещичье-капиталистического гнета, которому они подвергались за границей, особенно в панской Польше и Чехословакии. Украинские националисты приезжали в СССР также под видом специалистов, туристов, писателей, артистов и членов различных делегаций.

Иногда отдельные руководители националистических закордонных центров использовали легальные возможности для встреч на Украине с представителями подполья. Так, украинский националист Севрюк, руководитель делегации Центральной рады при переговорах с немцами в 1918 году, представи-

тель Директории в Берлине и Риме, в письме рейхслейтеру Розенбергу писал: «В конце 1928 года я ездил с французским паспортом на Украину, чтобы там вступить в связь с украинцами-единомышленниками. Я побывал в районных городах Украины, принимал участие в тайных собраниях и совещаниях, сговаривался... относительно дальнейшей тактики».

Для борьбы против Советского государства украинским националистами, как оставленным на территории СССР ранее, так и переброшенным эмигрантскими закордонными центрами, удалось создать на Украине ряд вражеских организаций.

Наиболее крупными из них были следующие.

«Спилка вызволения Украины» (СВУ), возглавлявшаяся бывшим членом украинской Центральной рады Ефремовым. СВУ имела свои организации в Одессе, Харькове, Днепропетровске, Чернигове, Полтаве и других городах. При СВУ существовала «Спилка украинской молодежи» (СУМ), на которую возлагалась подготовка террористических и диверсионных актов, ведение антисоветской националистической пропаганды среди молодежи.

«Украинский национальный центр» (УНЦ), руководителем которого был идеолог украинского буржуазного национализма, бывший председатель украинской Центральной рады Грушевский. УНЦ пытался выступать в роли центра всех националистических группировок, действовавших на территории Украины.

«Украинская военная организация» (УВО), входившая в УНЦ на правах самостоятельной организации. Это была подпольная националистическая группировка, руководимая берлинской управой во главе с Коновальцем.

«Украинская эсеровская организация» и примыкавший к ней «Украинский кооперативный центр», также входившие в УНЦ на правах самостоятельных организаций и получавшие отсюда указания.

Путем ряда маскировочных действий и провозглашения фальшивых деклараций о своем согласии

▲ Грушевский М.С.

с политикой, проводимой Советской властью, многим участникам этих организаций удалось проникнуть на ответственные посты в республиканские, научные, культурные, кооперативные, хозяйственные и другие советские учреждения.

Большое внимание участники подполья уделяли внедрению своих людей во Всеукраинскую академию наук. Пробравшись туда националистам удалось добиться амнистирования и возвращения на работу в академию бывшего члена Центральной рады Ефремова. Под предлогом работы в академии приехал на Украину бывший петлюровский министр Никовский. Один из организаторов СВУ и руководитель УНЦ Грушевский протасил в академию других активных националистов. Через Академию наук пробравшиеся в нее украинские националисты при-

глашали на Украину якобы для участия в научных съездах находившихся за границей сообщников, которые привозили директивы зарубежных эмигрантских антисоветских центров и иностранных разведок по развертыванию вражеской деятельности на Украине.

Националистам удалось создать сеть контрреволюционных организаций и ячеек на периферии. Они состояли в основном из кулаков, петлюровцев и других антисоветских элементов. Следует учесть, что формирование ячеек происходило в то время, когда кулачество еще не было ликвидировано как класс и являлось главной опорой украинской контрреволюции в деревне.

В соответствии с указаниями разведок империалистических государств украинские антисоветские националистические центры за ру-

бежом и их подполье в СССР приурочивали вооруженное выступление против Советской власти к моменту иностранной военной интервенции.

Планом вооруженного выступления, разработанным вражеским подпольем, предусматривался рейд войсковых частей, укомплектованных находящимися за границей бывшими участниками галицийско-петлюровских военных формирований. К началу выступления украинские националисты готовили ряд террористических актов.

Подготовку к вооруженному выступлению участники украинского националистического подполья сочетали с подрывной, вредительской деятельностью в промышленности и сельском хозяйстве. Антисоветским подпольем на Украине и закордонными центрами совместно с иностранными разведками были подробно разработаны планы разрушения днепровских мостов, харьковской электростанции, телефонной и телеграфной связи, железнодорожного узла и ряда других важных объектов.

По заданиям иностранных разведок украинские националисты развернули на Украине шпионскую работу, главным образом в пользу германской, чехословацкой, английской, французской и польской разведок. Так как закордонные антисоветские центры ориентировались на сотрудничество с теми капиталистическими государствами, от которых они надеялись получить помощь в создании «независимой» Украины, большинство главарей СВУ, УНЦ, УВО являлось одновременно агентами нескольких иностранных разведок. Для организации шпионажа и бандитской деятельности орудовавшие на Украине антисоветские националистические организации получали крупные денежные суммы от иностранных разведок и закордонных центров.

Украинские националисты были тесно связаны с «Промпартией» и условились между собой о координации подрывной деятельности. Руководители «Промпартии» рассматривали украинских национа-

листов как проводников контрреволюционного влияния в деревне, как силу, которая могла сыграть значительную роль во вражеских планах «Промпартии». Украинские националисты получали от «Промпартии» крупные денежные суммы на подрывную работу. Они были связаны и с «Трудовой крестьянской партией» (ТКП).

РАЗГРОМ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА УКРАИНЕ

Трудящиеся Украины под руководством Коммунистической партии вели в те годы активную борьбу против всех, кто пытался оказывать сопротивление ленинскому курсу социалистических преобразований в стране — против кулачества в сельском хозяйстве, спекулянтов в торговле, вредительских элементов из числа буржуазных специалистов в промышленности, против троцкистов и зиновьевцев, за укрепление единства партийных рядов, за проведение генеральной линии партии.

Партийная организация республики дала сокрушительный отпор антипартийным выступлениям, направленным против ленинской национальной политики. Компартия Украины твердо стояла на ленинских принципах национальной политики, борясь с правым и левым уклонами в этом важнейшем вопросе социалистического строительства.

Еще в середине 1919 года национал-уклонисты во главе с Г. Лапчинским, П. Поповым, Я. Ландером образовали в Житомире «Организационное бюро группы федералистов», которое вместе с борьбистами (левое крыло украинских эсеров) выступало за разрыв государственного союза с Советской Россией, за обособление от РКП(б) и создание националистической партии УКП(б). Федералисты были разгромлены.

Коммунистическая партия Украины неустанно разоблачала националистическую деятельность антисоветских элементов, нашедших убежище в мелкобуржуазных пар-

тиях — борьбистов, незалежников (левое крыло украинских социал-демократов). Еще в начале 1920 года обнаружилось полное идейное и организационное банкротство партии борьбистов, которая в марте 1920 года вынуждена была принять решение о самороспуске.

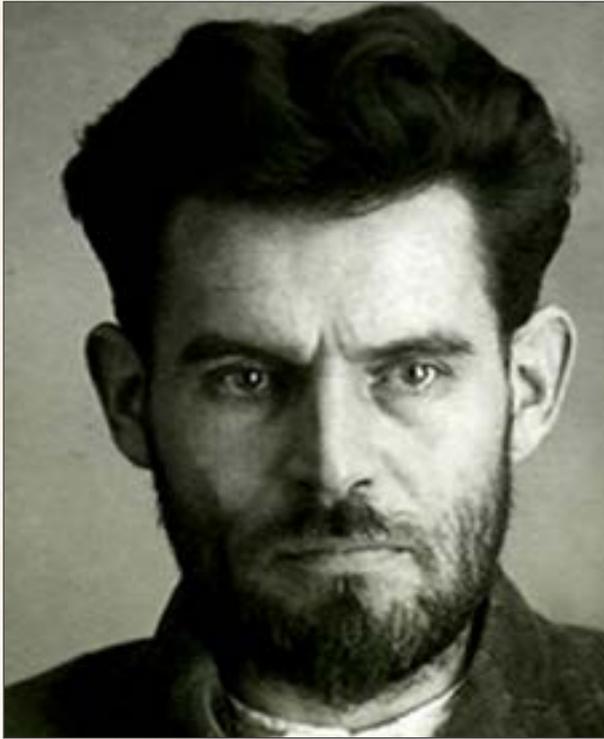
В своих попытках сохранить влияние на массы лидеры мелкобуржуазных партий прибегали ко всевозможным ухищрениям и маневрам. Одним из таких маневров являлось изменение названия партии. Так, незалежники после разоблачения их как одной из основных партий буржуазно-националистической контрреволюции приняли в январе 1920 года название «Украинская коммунистическая партия» (УКП), в состав которой вошла и часть борьбистов.

КП(б)У проводила огромную работу по изоляции мелкобуржуазных партий, по отрыву от них заблуждающихся трудовых элементов и привлечению их на свою сторону. Лучшие элементы из распавшихся мелкобуржуазных партий были в индивидуальном порядке приняты в партию. Выходцев из других партий КП(б)У терпеливо воспитывала в духе марксизма-ленинизма, ведя одновременно непримиримую борьбу против перевооружившихся двурушников.

Была разоблачена подрывная работа укапистов и других националистических элементов в партии, которые как националистическая эмиграция и националистическое подполье прилагали все усилия, чтобы сорвать создание Союза Советских Социалистических Республик. Укаписты объявляли создание СССР восстановлением царской «единой неделимой России». Одновременно КП(б)У решительно выступила против великодержавных шовинистов, которые извращали ленинские принципы равноправия и добровольности объединения республик, не считались с правами других национальностей, вели линию на ликвидацию национальных республик.

Переименовавшаяся в УКП партия незалежников, насчитывавшая

▲ Шумский А.Я.

в своем составе в 1921 году около 500 человек, к 1924 году сократилась до 200 с небольшим членов и тоже самораспустилась.

Был дан решительный отпор уклону в сторону конфедерализма, выразителем которого на Украине был Раковский.

Позже, в 1923 году, партия резко осудила великодержавно-шовинистическую «теорию борьбы двух культур», которую проповедовал Д. З. Лебедь. Сторонники этой теории недооценивали украинскую культуру, отрицали необходимость ее развития, противопоставляли русскую культуру украинской. Резкой критике была подвергнута ошибочная и вредная «теория» Равич-Черкасского о «двухкоренности» КП(б)У, утверждавшая, что Коммунистическая партия Украины возникла не на единой большевистской основе, а в результате слияния большевистских и националистических организаций. Были также осуждены националистические «теории»

Яворского и других о «многокоренности» КП(б)У, пытавшихся доказать, что Коммунистическая партия Украины образовалась в результате объединения большевистских организаций с несколькими мелкобуржуазными националистическими партиями и организациями, оправдывавшими враждебную деятельность украинских мелкобуржуазных националистических партий.

КП(б)У был разоблачен и разгромлен националистический уклон, возглавлявшийся одним из бывших лидеров

боротьбистов А. Шумским. Национал-уклонисты, как и троцкисты, отрицали возможность победы социализма в нашей стране, выступали против принципов пролетарского интернационализма, стремились ослабить и подорвать дружбу между народами, отторгнуть Украину от Советского Союза, насаждали в партии упадочнические, пораженческие настроения. Шумский пытался в административном порядке проводить насильственную украинизацию. При этом он искал опору в Коммунистической партии Западной Украины, где его поддерживала группа Василькова-Турянского. Несовместимые с ленинизмом взгляды на вопросы национальной политики высказывал национал-уклонист П. Хвылевой. Он выступал с националистическим лозунгом «Прочь от Москвы!», призывал к ориентации на буржуазный Запад.

Украинский национализм в экономической политике нашел выражение в так называемой «волобуевщине». Экономист М. Волобуев

и его сторонники выступали за экономическое обособление Украины.

Коммунисты Украины решительно осудили линию национал-уклонистов на отрыв Советской Украины от СССР. Были приняты меры к усилению работы по воспитанию национальных большевистских кадров, по укреплению дружбы украинского народа с другими народами страны.

Вместе с тем Коммунистическая партия Украины решительно выступала против великодержавного шовинизма, выражавшегося в стремлении умалить значение Советской Украины как составной равноправной части СССР, в пренебрежении ее национальными особенностями. Как носители враждебной ленинизму идеологии великодержавного шовинизма выступали Зиновьев, Ваганян, Ларин и другие троцкисты, отрицавшие необходимость развития украинской культуры.

На борьбу против украинского буржуазного национализма и великодержавного шовинизма, за неуклонное осуществление ленинской национальной политики поднялась вся партийная организация Украины. Эта борьба еще больше закалила ее идейно и укрепила организационно.

Партия направляла борьбу чекистских органов против подрывной деятельности антисоветских националистических элементов, действовавших в подполье. Руководимые ею органы государственной безопасности при активной помощи местного партийного и советского актива и поддержке со стороны народа громили националистическое подполье, выявляли его связи с закордонными центрами и пресекали враждебную деятельность перебрасываемых из-за границы националистов.

К 1933 году чекистскими органами были полностью ликвидированы украинские антисоветские националистические организации на всей территории республики. ■

ВЛАДИМИР СТРЮКОВ

НАШЕСТВИЕ БАТУ-ХАНА НА РУСЬ

▲ Битва на Калке

После поражения татаро-монголами объединенного русско-половецкого войска на реке Калка в 1223 году татаро-монгольские тумены во главе с лучшими полководцами Чингисхана (Субэдэ и Джэбэ) на обратном пути были разгромлены волжско-камскими булгарами. По сообщению арабского историка Ибн ал-Асира, булгары «в нескольких местах устроили им засады, выступили против них, встретились с ними и, заманив до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они остались в середине. Поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие».

В 1229 году на курултае (съезде кочевых феодалов) великий монгольский хан Угедей объявил о большом походе на запад. В прикаспийские степи, где кочевали многочисленные степные народы, ворвались конные тумены во главе с Бату-ханом. Вскоре с ними уже воевали булгары, владения которых на юге начинались в этих местах. Война продолжалась около 5 лет, в течение которых Бату-хану так и не удалось добиться сколь-нибудь существенных успехов. На западе его воины дошли лишь до низовьев Волги, на севере — до границы леса и степи, где булгары возвели мощные оборонительные линии и остановили их продвижение. По словам летописи, татары «зимоваша, не до-

шедше Великого града Балгарьскаго». Оказали сопротивление завоевателям и башкиры.

Угедей (летописный Октай) — великий монгольский хан в 1229-1241 годах, 3-й сын Чингисхана и его преемник, получивший в удел восточную часть империи — собственно Монголию и Китай, став там родоначальником династии Юаней. Родился в октябре 1186 года. Провозглашен великим ханом в 1229 году. При Угеее было завершено завоевание татаро-монголами Северного Китая, покорены Армения, Грузия и Азербайджан, предприняты походы Бату-хана в Восточную Европу, организована почтовая служба (ямская гоньба), проведена перепись насе-

ления завоеванных народов и стран, закончена постройка столицы империи — Каракорума. Умер в декабре 1241 года, оставив единственного сына — Гюка.

В 1235 году Угедей «во второй раз устроил большой курултай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных... завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью».

Новый поход планировался как общемонгольский: «в помощь и подкрепление Бату» было направлено 14 царевичей-Чингизов со своими ордами. Осенью 1236 года «в пределах Булгарии царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Вскоре уже Булгарское царство перестало существовать.

Объединенное войско нескольких монгольских улусов значительно превосходило по численности войска

стран, на которые нападали татаро-монголы: в распоряжении Бату-хана было около 150 тысяч конников, объединенных единым командованием, хорошо вооруженных и получивших большой опыт во время походов в Китай, Приуралье, Среднюю Азию и Кавказ.

В 1236 году завоеватели перешли Волгу и начали затяжную и нелегкую войну с половцами и аланами, буртасами, мокшей и мордвой. Военные действия с народами Поволжья заняли все лето. Венгерский миссионер Юлиан, проезжавший осенью возле границ Руси, застал войско, отправленное бату-ханом «к морю на всех команов (половцев», еще в степях. Упорное сопротивление половцев и аланов не позволило хану до глубокой осени сосредоточить войско для похода в Северо-Восточную Русь. Лишь после того, как это сопротивление было сломлено, и половцы вместе с другими завоеванными степными народами пополнили татаро-монгольское войско, Бату-хан повел свои полчища к рязанским пределам.

На Руси знали о планах завоевателей и месте их сосредоточения. Тверская летопись указывала, например, что татары стояли «под Черным лесом, и оттоле приидоша безвестно на Рязанскую землю летом». Однако в период раздробленности, когда амбиции удельных князей преобладали над здравым смыслом и чувством самосознания перед лицом смертельной опасности, Русь не могла выставить против кочевников достаточно сильное и объединенное единым командованием войско.

Зимой 1237/38 года татаро-монголы вторглись на территорию Северо-Восточной Руси. Пройдя по границе Рязанского княжества, Бату-хан разбил лагерь на одном из притоков реки Сура и отправил послов к рязанскому князю Юрию Ингваревичу: какую-то колдунью и с нею еще двоих человек, которые с порога стали сразу же требовать дани, 10-й части от всего: от князей и бояр, от простолудинов, от коней и прочего имущества. Интересно, что лошади должны были быть разных мастей: белых, вороных, соло-

▲ Рязань

вых, пегих и т.д. Князь Юрий, не желая подпускать татар к своим городам, отправился к ним навстречу на реку Воронеж, где стояла его передовая крепость того же наименования, и ответил послам: «Коли нас не будет, то все будет ваше». Тогда послы направились с теми же требованиями к великому князю владимирскому Юрию Всеволодичу во Владимир. Великий князь, видимо, тоже отказал им и отпустил татарских послов. Рязанский князь послал во Владимир за помощью, но великий князь по неизвестной причине не прислал её. Скорее всего, он просто не успел собрать достаточно сильное войско, поскольку у него не оказалось сил даже для защиты стольного града.

Получив отказ рязанского князя, Бату-хан двинул войско в русские пределы. Юрий Ингваревич, несмотря на малочисленность своей рати, отважился на сражение с татаро-монголами в открытом поле и послал против них почти все свое войско, которое, конечно же, было разгромлено. Рязанская, пронская, муромская и коломенская дружины — почти все полегли под татарскими саблями и стрелами. В плену оказался лишь князь Олег Ингваревич Красный, которого Бату-хан пощадил за красоту и увел с собой. Сам Юрий Ингваревич затворился в Рязани (Старой Рязани). 16 декабря, татары, разорив по пути до основания Пронск, Белгород, Переяславль и безжалостно перебив всех жителей, осадили Рязань. По словам летописца «кровь лилась пять дней: воины Бвтыевы переменялись, а граждане, не выпускающая оружия из рук, едва могли стоять на ногах. В шестой день, 21 декабря. Поутру, изготовив лестницы, татары начали действовать стенобитными орудиями и зажгли крепость; сквозь дым и пламя вломились в улицы, истребляя все огнем и мечом... Князь, супруга, мать его, бояре, народ — были жертвой их свирепости... Веселясь отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников, или связав им руки, стреляли в них, как в цель, для забавы; оскверняли святыни храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей; жгли иеерев, или кровью их обагряли

▲ Евпатий Коловрат

алтари. Весь город с окрестными монастырями обратили в пепел... Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стонать и плакать... И не было стонущего, ни плакающего... Но все вкуче мертвы лежаше...».

В «Повести о разорении Рязани Батыем» повествуется о легендарном рязанском боярине богатыре Евпатии Коловрате. После ухода зимой 1237 года хана Батыева из сожженной Рязани Евпатий Коловрат прибыл из Чернигова с 1 700 дружинниками в родной город. Как ни спешил он на помощь осажденным рязанцам, пришел слишком поздно... Евпатий Коловрат со своими воинами бросился по следам татаро-монголов. Догнал врага и смял последние ряды туменов Батыева, убив при этом знаменитого монгольского богатыря, который хвастливо бахвалился, что живьем за бороду притащит русского витязя

к ногам Бату-хана. В схватке Евпатий Коловрат рассек азиата от макушки до самого седла. Татары в ужасе пятились от невесть откуда свалившихся на них урусов. Но хитроумный Хостоврул, шурин хана, увидел, что русских всего-то небольшая горсточка. Вокруг дружинников Евпатия Коловрата образовалось плотное кольцо из татаро-монгольских конников. Против русских дружинников татары использовали пороки, расстреливая на расстоянии смельчаков. Евпатий Коловрат пал геройской смертью вместе со своими дружинниками. Память и слава о храбром непобедимом богатыре Русской земли пережила века.

Опустошив Рязанскую землю, татары двинулись к границам Великого княжества Владимирского. В январе 1238 года под Коломной они встретились с русским войском, которое Юрий Всеволодич успел собрать

к этому времени. Возглавляли его сын Юрия — Всеволод и воевода Еремей Глебович. Кроме собственно владимирской рати, здесь оказались остатки рязанской и пронской дружин во главе с удельным коломенским князем Романом Ингваревичем, ополчения отдельных городов. Суздальский летописец сообщает, что к Коломне пришли «Новгородцы с своими вои». Вероятно, речь здесь шла об отряде из Нижнего Новгорода. Многие летописи (Лаврентьевская, Новгородская I, Тверская, Суздальская, Львовская и др.) сообщают, что «у Коломны бысть сеча велика». О крупном сражении говорят и восточные источники. Так, Рашид-ад-Дин отмечал, что к «городу Икэ» (Коломне) подошло соединенное войско всех царевичей, ранее осаждавших Рязань: Бату, Орду-Ичен, Гуюк, Кюльхан, Кадан, Бури и др. Именно в этом бою «Куль-

каны была нанесена там рана, и он умер» — единственный случай гибели Чингизида во время нашествия. Следует отметить в связи с этим, что гибель царевича (согласно монгольскому обычаю тысячники и темники, не говоря уже о царевичах-Чингиздах, управляли сражением, находясь позади боевых линий) косвенно подтверждает мысль о крупном и ожесточенном сражении, во время которого русские, видимо, не раз прорывали основные порядки татаро-монголов, ломая их строй и вынуждая отступать. Только большое численное превосходство позволило Бату-хану, несмотря на огромные потери, добиться успеха в открытом бою под Коломной. Погибло почти все русское войско; пали в бою князь Роман Ингваревич, и воевода Еремей Глебович. Лишь Всеволод Юрьевич «в мале дружине прибежа в Володимерь». По количе-

ству сражавшихся и по упорству битвы сражение под Коломной можно считать одним из центральных событий во время похода Бату-хана в Северо-Восточную Русь.

От Коломны татары пошли к Москве, тогда еще маленькому городку-крепости. Однако ее жители во главе с юным князем Владимиром Юрьевичем и воеводой Ф. Нянком «с малым войском» оказали упорное сопротивление. Но силы были неравными, и «взяша Москву... и воеводу убиша Филипа Нянка, а князя Володимера яша руками... а люди избиша от старьца и до сущего младенца, а град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша, и много имения взявше, отъидоша». От Москвы часть татар направилась к новгородскому владению — Торжку, чтобы перерезать путь из Твери в Новгород Великий и помешать

▲ Москва

▲ Торжок

владимирскому князю объединиться с новгородцами.

22 февраля ордынцы осадили Торжок, в котором не оказалось ни князя, ни его дружины. Оборону города возглавили «Иванко посадник Новоторжсьи, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич» и другие руководители посадского населения. Первый штурм неприятеля был отбит, и татары вынуждены были приступить к «правильной» осаде, то есть «отыниша тыном весь около, якоже инии гради имаху, и бишася пороки по две недели». Лишь 5 марта, когда «изнемогаша людие в граде» от беспрестанных приступов, Торжок пал, так и не получив помощи ни от Новгорода, ни от великого князя. По сообщению Ипатьевской летописи, татары иссекли всех «от мужьска пола и до женьска, иерескый чин всь и черноризьскый, а все изъобнажено и поругано, горкою смертью предаша душа своя господеву».

Бату-хан с остальным войском был в это время под стольным градом — Владимиром. К сожалению, в летописях нет сообщений об обороне других русских городов, которые встретились татарам на пути к Владимиру. Судя по тому, как они шли туда по льду рек Ока, Москва и Клязьма, пройдя око-

▲ Суздаль

ло 500 верст приблизительно за 40 дней, можно предположить, что этот путь давался им с трудом не только из-за зимних условий, к которым татаро-монголы привыкли в своих степях, но в основном из-за сопротивления населения больших и малых городов Северо-Восточной Руси.

Великий князь с братом Святославом и тремя своими племянниками (Васильком, Владимиром и Всеволодичем) «еха на Волгу... совокупляти вое противу Татаром... поиде к Ярославлю, а оттоле за Волгу, и ста на Сити». Сюда должны были собраться удельные князья со своими дружинами, ополчения близлежащих городов, а также спешивший из Юго-Западной Руси брат великого князя — Ярослав Всеволодич. Защиту Владимира князь Юрий поручил сыновьям — Всеволоду, отличившемуся уже под Коломной, и Мстиславу, а также воеводе Петру Ослядюковичу.

Когда татары 3 февраля подъехали к Золотым воротам, они спросили: «Великий князь Гюргий в городе ли?» Владимирцы в ответ пустили в них град стрел. Тогда татары показали им измученного московского княжича Владимира, которого они привезли с собой. Его братья, увидев, что татары сделали с юным княжичем, реши-

лись на вылазку, чтобы или умереть с честью, или отбить врага от города. Однако опытный воевода Ослядюкович посоветовал им не поддаваться порыву и отсидеться за крепкими стенами, пока великий князь не придет на помощь с полками. Между тем Бату-хан отправил из-под Владимира сильный отряд к Суздалю. Город был взят и сожжен, а его жители перебиты. 6 февраля владимирцы с изумлением взирали на диковенные стенобитные и камнеметные машины, которые татары устанавливали вокруг города. Кроме того, вдоль городских стен пленные, приведенные татарами, ставили изгородь, превышавшую по высоте стены Владимира, чтобы не дать осажденным возможность стрелять со стен. Жители поняли, что им не устоять, и решили умереть, как подобает христианам. Всеволод, его молодая жена, бояре и множество простых людей собрались в Успенском храме, где митрополит Митрофан совершил обряд пострижения их в схиму. Затем все способные носить оружие отправились на стены. Утром 7 февраля татары пошли на штурм и до обеда взяли Новый город и зажгли его. Всеволод и Мстислав с остальными жителями бросились в Печерский, или Старый, город, что-

бы защищаться там. Мать князей, великая княгиня Агафья Всеволодовна, ее дочь, невестки, внуки и множество знатных людей, неспособных к бою, затворились в соборной церкви. Через некоторое время Всеволод, отчаявшись в бесполезности сопротивления, решил сдаться на милость победителей и вышел из города с малой дружиной и с богатыми дарами. Однако Бату-хан тут же приказал умертвить и князя, и его людей.

Татары ворвались в Старый город, обложили собор дровами и подожгли, затем взломали ворота и стали грабить и убивать всех, кто попадался под руку. Все это время Митрофан с амвона громогласно отпускал грехи умирающим. Никто из находившихся в соборе не спасся: одни задохнулись от дыма, другие сгорели заживо, третьи были порублены саблями. Насилия убийства и грабежи длились несколько дней. Покончив с Владимиром, татаро-монголы, разделившись на несколько отрядов, в течение февраля взяли 14 городов, в том числе Ростов, Переяславль-Залесский, Ярославль, Городец, Юрьев-Полькой, Дмитров, Волоколамск и Тверь.

Великий князь находился в стане на реке Сить, когда ему принесли весть о гибели его семьи и разорения

▲ Штурм Владимира

▲ На Сити

крупнейших городов Северо-Восточной Руси. Местонахождение ставки Юрия Всеволодича на Сити имело важное значение. Остановившись «за Волгой», великий князь вынудил Бату-хана выделить немалую часть своего войска для действий против него. Угроза с севера помешала хану распустить «облаву» для поголовного ограбления русских княжеств, что позволило населению укрыться в лесах или бежать за Волгу. Ослабленный отправкой больших сил к лагерю на Сити, Бату-хан 2 недели топтался под небольшим городом Торжком, что фактически сорвало поход на Новгород. В начале марта значительно поредевшее в бесконечных стычках с русскими татаро-монгольское войско оказалось разбросанным на огромном пространстве от Торжка до Вологды, что помешало до наступления оттепели собрать его для похода на «северную столицу» Руси.

К лагерю великого князя татары двинулись сразу же после взятия Владимира, в 1-й половине февраля. Сначала они «погнашася по Юрьи по князи на Ярославль», но затем один из полководцев Бату-хана, тем-

ник Бурундай, повернул свой тумен на север, к Угличу, откуда шел прямой путь к Ситскому лагерю. Жители богатого торгового Углича спасли свой город, договорившись с татарами о выдаче им лошадей и провианта.

Видимо, у Юрия не было точных сведений о татарах, поэтому он отправил значительный отряд во главе с воеводой Дорожем на разведку. Однако очень скоро Дорож вернулся, доложив Юрию, что татары: «уже, княже, обошли нас». Татаро-монгольские отряды, двигавшиеся через Тверь и Ярославль, внезапно обошли правое крыло русского войска. Утром 4 марта, когда великий князь начал выстраивать для боя свою рать, татары атаковали её во фланг. Началась Ситская битва. Собственно, битвой истребление русского войска назвать трудно. По словам летописца, русские «поидоша противу поганым, и сступишася оубо, и бысть сеча зла». Деморализованные известиями о погромах русских городов и селений беспощадным и многочисленным противником, силу которого молва увеличивала до небывалых размеров, воины Юрия не выдержали уда-

ра татарской конницы, неожиданно напавшей на них с разных сторон, и «побегоша пред иноплеменники». Мало кому удалось спастись: «убиен великий князь Юрий Всеволодич на реце на Сити и вои его мнози погибоша». Обезглавленное тело Юрия было найдено епископом Ростовским Кирилом и вместе с телом ростовского князя василька Константиновича, брошенного татарами в Шернском лесу, погребено в соборе разрушенного Ростова.

Бату-хан тем временем пошел на Новгород. К 17 марта он сосредоточил свои главные силы у Торжка и отсюда двинул их по Селигерскому пути через Осташков и Старую Руссу к одному из богатейших и сильнейших городов Северо-Восточной Руси. Однако, чем дальше на север, тем больше нарастала сила сопротивления русских, а силы татар убывали. Новгородцы готовились к обороне. И вот, возле урочища Игнач Крест, не дойдя 100 верст до Новгорода, монголы повернули на юг. Скорее всего, они не столько боялись весенней распутицы и бескормицы для лошадей, сколько были обессилены

▲ **Осада Козельска**

большими людскими потерями.

По дороге в степи татаро-монголы у небольшого городка Черниговского княжества — Козельска встретили неожиданно ожесточенное сопротивление. Князем здесь сидел один из Ольговичей — младенец Василий. Татары вынуждены были осаждать город в течение 7 недель. Лишь после того, как крепостные стены были разбиты пороками и к Бату-хану подошли тумены ханов Кайдана и Бури, татарам удалось ворваться в город. Жители Козельска мужественно встретили много превосходящего их врага на улицах города и уничтожили около 4 тысяч ордынцев. Мало того, они сделали вылазку, напали на татар за стенами города и нанесли им большой урон. Археологические раскопки показали, что в обороне города вместе с мужчинами участво-

вали женщины и дети. Из защитников не осталось в живых ни единого человека. Летопись сообщает по этому поводу: «Батый ж, взя град Козелеск и изби вься и до отрочат, сосущих млеко, а о князи Василии не ведомо се: инии глаголаху, яко в крови утопе, понеже бо млад бе». Татары назвали Козельск «злым городом».

Разрушив Козельск, Бату-хан ушел в Дешт-и-Кыпчак. Почти полтора года провел он в половецких степях, непрерывно воюя с половцами, аланами и черкесами. Рашид — ад — Дин сообщает, что «в год собаки (1238 г.), осенью, Менгукаан и Кадан пошли походом на черкесов и зимой убили государя тамошнего по имени Тукара», а «Берке отправился в поход на кыпчаков». Война с половцами оказалась трудной и затяжной и закончилась уничтожением большей

части прежнего населения половецких степей. Один из самых могущественных половецких ханов, Котян, едва сумел вывести остатки своей орды в 40 тысяч человек из-под удара и ушел в Венгрию, где король отвел им земли для проживания.

Плано де Карпини, проезжавший в 40-х годах XIII века эти места, писал: «...мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей. Лежащие на земле подобно навозу». В следующем, 1239, году татары снова появились в Поволжье. Мордовские племена, завоеванные 2 года назад, восстали, и огромное ордынское войско, которое вели четверо Чингизидов, двинулось из половецких степей на северо-восток. Весть о новом нашествии вызвала панику: многие жители сохранившихся еще русских городов и сел в ужасе бежали куда

глаза глядят. Лаврентьевская летопись сообщает, что татары «на зиму... взяша Мордовскую землю и Муром пожгоша, и по Клязме воеваша, и град... Гороховец пожгоша, а сами идоша в станы своя». По словам же Тверского летописца, татары тогда же взяли «Городец Радилон на Волзе». Досталось тогда снова и Рязани, которая немного оправилась за 2 года: «приходиша... в Рязань и поплениша ю всю». На этот раз татары дальше Клязмы не пошли и двинулись в Поднепровье. 3 марта 1239 года после недолгой осады был «взят град Переяславль копьем, изби весь». 18 октября после ожесточенных боев под стенами города был взят штурмом, разграблен и сожжен Чернигов.

После этого к Киеву был направлен разведывательный отряд во главе с Менгу. Татары расположились на левом берегу Днепра и отправили к киевскому князю Михаилу Всеволодичу послов с дарами, склоняя его и жителей Киева к сдаче. Михаил приказал убить послов, а сам ушел в Венгрию. Татары, однако, до зимы 1240/41 года Киев не тронули. Бату-хан отправил свою конницу в Крым, «к берегу моря», куда бежали остатки половцев.

В конце декабря 1239 года татары дошли до Сурожа. Весной 1240 года тумены Гуюка и Менгу двинулись на юго-восток, прошли по побережью Каспийского моря к Дербенту. Осенью того же года Бату-хан возобновил свой поход на Русь. К тому времени в Киеве успели смениться два князя. Сначала после ухода Михаила город поспешил занять смоленский князь Ростислав Мстиславич, но галицкий князь Даниил Романович, как старший в роде Мстислава Великого, воспротивился этому и взял Киев себе. Правда, Даниил в Киеве на остался, а поручил его своему тысяцкому Дмитру, который вскоре и возглавил оборону города. Когда подошли главные силы татар, от скрипа повозок, рева верблюдов, топота копыт и ржания лошадей гудела земля, а киевляне с трудом могли слышать друг друга. Татары поставили метательные машины, которые забрасывали в город громадные камни,

подвели пороки к городским стенам и воротам и беспрестанно били ими день и ночь, пока стены не рухнули.

Киевляне, предводимые Дмитрием, с беззаветным мужеством отбивали атаки кочевников. К ночи Дмитра ранили, а татары, овладев стенами, остались на них до утра, чтобы с рассветом начать грабеж города. Под покровом ночи горожане спешили возвести новые укрепления вокруг Десятинной церкви — последнего оплота защитников древней столицы Руси. С наступлением дня (6 декабря) на этих укреплениях вновь закипел ожесточенный бой. Наконец оставшиеся в живых немногочисленные киевляне заперлись в церкви и продолжали сопротивление. Дмитр, несмотря на рану, продолжал руководить обороной церкви, в которой скопилось множество женщин и детей. Вскоре, однако, стены не выдержали тяжести народа, собравшегося на кровле и полатах храма, и рухнули. Ворваршиися в церковь татары добились оставшихся в живых от обвала.

Большой и красивый город уже скоро превратился в груду развалин. Десятинная церковь, Киево-Печерский монастырь, другие сооружения были разрушены до основания. Татары осквернили даже могилы, давая сапогами черепа древних русских князей. Чудом сохранилась лишь гробница Ярослава Мудрого и несколько келий печерских монахов. Завоеватели и здесь вели себя так же, как это описал современник походов Чингисхана — Ибн ал-Асир: «... эти же (татаро-монголы) ни над кем не жалелись, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши».

Далее тумены Бату-хана, преследуя ушедших в Венгрию половцев, вторглись на Волынь. Здесь некоторое время (особенно в северной части княжества) города оказали татарам сопротивление и были разрушены. Так, подойдя к городу Ладыжин, Бату-хан не смог взять его сходу и стал уговаривать жителей сдаться, пообещав никого не трогать. Те поверили, открыли ворота и были перебиты все до одного. Вскоре такая же участь

достигла Владимир-Волынский, Каменец, Галич и много других городов Юго-Западной Руси. Лишь один Каменец из-за своей неприступности был обойден татарами.

Жившие на юге болховские князья предпочли договориться с кочевниками и снабжали иноземное войско фуражом, лошадьми и провиантом. Весной 1241 года, закончив опустошение Южной Руси, татары «иде Угры» и в Польшу. Завоеватели покинули на время пределы русских земель. Для Руси «Батьев погром», как называли это нашествие современники, закончился. Однако после возвращения в 1243 году Бату-хана из похода «к Последнему морю» и основания им в низовьях Волги государства — Золотой Орды русским князьям пришлось признать свою зависимость от татар. Бату-хан вызвал к себе великого князя владимирского Ярослава Всеволодича, который принял из его рук ярлык на великое княжение. По словам летописца, Бату-хан «почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти его, рек ему: «Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языке». Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью».

Разрушение десятков древнерусских городов, гибель и пленение населения в 1237-1241 годах и в последующее время отрицательно повлияли на демографическое, хозяйственное и культурное развитие древнерусских княжеств. После нашествия татар перестали существовать Переяславское, Киевское, Черниговское и другие княжества Южной Руси. Область расселения древнерусского народа сократилась. Прервались связи южных и юго-западных княжеств с северо-восточными, резко ослабла торговля, нарушились культурные контакты. Чеканка монеты — показатель рыночных связей — возобновилась лишь через 150 лет после нашествия. Наиболее старые и развитые города Волго-Окского междуречья — Ростов, Суздаль, Владимир — пришли в упадок, уступив свое политическое верховенство окраинным Твери, Москве, Нижнему Новгороду. ■

БОРЬБА С АРМИЕЙ КРАЙОВОЙ

▲ «Аковцы» в Варшаве

После оккупации Польши Германией, в октябре 1939 года во Франции было создано правительство в изгнании, которое возглавил Владислав Рачкевич. Премьер-министром и одновременно главнокомандующим, министром военных дел, министром внутренних дел, а также министром юстиции стал генерал Владислав Сикорский, имевший широкую поддержку французских правящих кругов. После того, как фашисты захватили Париж, «правительство в изгнании» перебралось в Лондон. Сначала его признали Англия и США, а 30 июня 1941 года и СССР.

На территории Польши появились его подпольные органы управления. В частности, польские подпольные организации действовали

в 1939—1941 годах в Западной Белоруссии, вошедшей в СССР, и неоднократно ликвидировались НКВД.

В ноябре 1939 года был организован «Звонец вальки збройней» («Союз вооруженной борьбы» — ЗВЗ). До конца 1941 года командованию ЗВЗ удалось подчинить ряд военных конспиративных организаций, действующих на территории Польши. В феврале 1942 года на базе этого военизированного формирования начался процесс создания Армии Крайова (АК), основная задача которой определялась, как «борьба за восстановление государства с оружием в руках». В ее состав так же вошли часть праворадикальной «Народовой организации войсковой» (национальная военная организация);

частично крестьянские «Батальоны хлопские» («Крестьянские батальоны» — БХ), основными кадрами которой являлись члены Союза сельской молодежи Польской республики — «Вици»; военные отряды правого крыла Польской социалистической партии и другие военные нелегальные организации политических центров, поддерживавших правительство в Лондоне.

Во главе АК стоял комендант. Эту должность занимали генералы Стефан Ровецкий («Грот») — до 30 мая 1943 года, Тадеуш Коморовский («Бур») — до 2 октября 1944 года и Леопольд Окулицкий («Недзвьядек») — до 19 января 1945 года.

Заместителями комендантов и начальниками штабов были генерал

▲ Ровецкий Стефан

▲ Сикорский Владислав

Тадеуш Пелчинский («Гжегож») — до 2 октября 1944 года, полковник Бокщанин («Сенк») — до 19 января 1945 года.

Коменданту АК подчинялись начальник штаба, Бюро информации и пропаганды, Бюро финансов и контроля. Руководящим органом Армии Крайовой была главная комендатура, в состав которой входили отделы, организационные части (секторы) и самостоятельные службы.

I отдел (организационный) занимался планированием и организацией деятельности, кадровыми вопросами, поддержанием связи с лагерями военнопленных и группами поляков на территории Рейха, которые были вывезены на принудительные работы. Руководителем отдела до июля 1944 года был полковник А. Санойца, затем его сменил полковник Ф. Каминский. Отделу подчинялись: Центральная часть; Руководство службы правосудия (возглавлял полковник К. Зелинский); Военная служба женщин; Пасторская служба (церковная часть). Последнюю последовательно возглавляли полковники Т. Яхимовский, С. Ковальчук (до августа 1944 года),

М. Пашкевич (до ноября 1944 года), Сенкевич (до роспуска АК).

II отдел (информационно-разведывательный) занимался вопросами безопасности, разведки, контрразведки, легализации и связи. Его руководителями были подполковник Е. Дробик (до декабря 1943 года), полковник Казимир Иранек-Осмецкий (до октября 1944 года), затем полковник Б. Зелинский.

III отдел (оперативно-подготовительный) планировал и готовил мероприятия, связанные с вооруженной борьбой и будущим общенациональным восстанием, а также координировал работу инспекторов отдельных видов вооружения. Его руководителями были генерал С. Таттар (до мая 1944 года), полковник И. Шостак (до октября 1944 года), затем майор И. Каменский. Отделу подчинялись: Саперный отдел; Артиллерийский отдел; Отдел флота.

IV отдел (снабжение) координировал работу служб вооружения, интендантства, географической, санитарной, ветеринарной и обозной; также заведовал подпольным производством.

р отдел (оперативная связь) занимался вопросами оперативно-технической связи, оснащения оборудованием, планированием десантных выбросок, координировал работу курьерской службы, шифровальщики, главная канцелярия, опекал солдат союзнических войск. Руководитель — К. Плуца-Чаховский.

pI отдел (Бюро информации и пропаганды) заведовал пропагандисткой деятельностью. Его руководителями были полковник Жененцкий (до октября 1944 года), затем капитан К. Мочарский.

pII отдел (Бюро финансов и контроля) контролировал финансовые потоки и денежное обеспечение, а также организовывал конспиративные точки. Руководители: полковник С. Тун (до октября 1944 года), затем майор Е. Любовецкий.

В январе 1943 года было создано Управление диверсиями («Кеды»), которое готовило и проводило диверсионные и специальные акции. Им руководили полковник А.Е. Фелдорф (до марта 1944 года), затем подполковник Мазуркевич.

▲ Леопольд Окулицкий

В состав АК также входили структурные единицы, которые действовали за границей:

самостоятельный отдел по вопросам страны (Польши) при Штабе главнокомандующего. Руководители: подполковник Смоленский (до апреля 1942 года), подполковник М. Протасевич (до июля 1944 года), затем полковник Е. Утник.

Отдел АК в Венгрии «Лишт» — подполковник И. Коркозович. Отдел АК в Германии (Комендатура округа Берлин — «Блок»).

В начале 1944 года Главной комендатуре АК подчинялись четыре крупных административных единицы (территории) и восемь самостоятельных округов:

Белостокская территория (полковник Е. Годлевский) с округами: Белосток (полковник В. Линярский); Полесье (подполковник С. Добровский); Новогрудек (подполковник И. Шляский).

Львовская территория (полковник Владислав Филипковский, «Цись») с округами: Львов (полковник С. Червинский); Станиславов (капитан Владислав Герман «Гло-

▲ Пелчинский Тадеуш

бус»), Тарнополь (майор Б. Завадский);

Западная территория (полковник С. Гродский) с округами: Поморье (полковник И. Палубицкий); Познань (полковник Х. Ковалювка);

Варшавская территория (полковник А. Скорчинский) с округами: Правобережный (Х. Сущинский); Левобережный (полковник Ф. Яхеч); Мазовия (подполковник Т. Табачинский);

Самостоятельные округа: Варшава (полковник А. Хрусцель); Кельце (полковник С. Двожак); Лодзь (полковник М. Стемпковский); Краков (полковник И. Спыхальский); Силезия (полковник З. Янке); Люблин (полковник Т. Тумидайский); Вильно (подполковник Александр Кшижановский «Вильк»); Вольты (полковник К. Бомбинский).

В начале 1944 года численность АК достигла максимальной цифры за весь период своего существования: 10 756 офицеров, 7506 юнкеров (подхорунжий), 87 886 сержантов (унтер-офицеров). В этой подпольной армии насчитывалось 6287 полных взводов (по 50 человек

в каждом) и 2633 неполных взвода (по 25 военнослужащих в каждом). Таким образом, всего насчитывалось 380 175 военнослужащих.

И эта огромная подпольная армия подчинялась польскому правительству в изгнании, которое в свою очередь активно сотрудничало с РІ отделом (Польша) Управления специальных операций Великобритании (УСО). Данная организация была создана в июле 1940 года и специализировалась на организации и проведении диверсионно-разведывательных акций на оккупированной фашистами территории Западной Европы.

Взаимоотношения между УСО и польским правительством в изгнании были необычными. Например, британцы предоставляли партнерам необходимые финансовые и материально-технические ресурсы, организовывали «заброску» агентов и оружия по воздуху, при этом они не знали подробности операций, проводимых АК и не знали имен агентов. Если в подборе подпольщиков для других оккупированных стран участвовали офицеры УСО, то поля-

ки сами решали, кого переправить за линию фронта.

В конце августа 1943 года в Армии Крайовой насчитывалось всего лишь 40 отрядов и партизанских групп. Общая численность этих подразделений не превышала 2 тысяч человек, что составляло менее 1% тогдашних сил АК. Половина этих партизан находилась на территориях, расположенных восточнее Буга. К западу от реки в основном действовали формирования БХ.

Главный штаб АК, придерживаясь принципа так называемой «ограниченной борьбы», не был заинтересован в развитии массового партизанского движения. Численность подразделений повстанцев умышлено ограничивалась, перед ними, прежде всего, ставились задачи по самообороне населения и проведению диверсий. Это было отражено в приказе главного команданта АК, датированном 13 марта 1943 года.

Впервые АК заявила о себе, как о серьезной военно-политической силе, во время так называемой «волынской резни» в июле 1943 года. Хотя все началось несколько раньше, когда по утверждению профессора Киевского университета Константина Смеяна: «Считая Волынь своей территорией, польские правящие круги разработали план восстания, чтобы взять власть в свои руки еще до прихода Красной Армии и тем самым поставить Москву перед фактом, что на этих землях восстановлен суверенитет Польши... Выполняя соответствующие указания, 27-я дивизия Армии Крайовой применила в отношении населения Волыни средневековые экзекуции... Центром дивизии было село Билын Ковельского района. Именно отсюда, по приказу командования, отдельные части разъезжались по селам, грабили и уничтожали крестьян...» Понятно, что члены украинской военно-нацио-

налистической организации ОУН-УПА (известные как «бандеровцы») активизировали ответный террор. Хотя его-то они начали еще в марте 1943 года, уничтожая поляков (мстят за прошлые унижения со стороны Варшавы) и фашистских оккупантов.

Увеличению размаха межнациональной резни способствовали политики из польского правительства в изгнании, которые начали вооруженную борьбу за воссоздание независимой буржуазной Польши в границах по состоянию на 17 сентября 1939 года. Поскольку ОУН-УПА сражалась за построение независимого украинского государства и имела в Западной Украине от соотечественников массовую поддержку, то украинское население изначально было для руководителей АК, как минимум, недружественной силой. Истоки украинско-польской розни уходят в глубь столетий. Особенно ярко они проявились в период существования Второй Республики Поль-

▲ Фелдорф А.Е.

▲ Хрусцель Анатолий

▲ «Аковцы»

ской (1920— 1939 год), но тогда дело не дошло до резни.

Каков итог этого кровавого противостояния? По разным данным, погибло от 50 до 100 тысяч поляков, в основном мирных жителей. Ответные действия польской Армии Крайовой принесли не менее 20 тысяч жертв с украинской стороны. Потери самих АК и ОУН-УПА исчислялись сотнями бойцов. Территория после освобождения ее Красной Армией вошла в состав УССР.

В середине 1943 года отряды АК, действовавшие на территории Западной Белоруссии и Южной Литвы, начали вооруженную борьбу против советских партизан. В рапортах комендантов из этих районов ежемесячно сообщалось о сотнях убитых подпольщиков.

В декабре 1943 года партизанским соединением Барановичской области под командованием Василия Чернышева по приказу начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко были разоружены бойцы Столбцовского соединения АК. Этому предшествовал вооруженный конфликт между уланским эскадронам АК под коман-

дованием Здислава Нуркевича с советским партизанским отрядом им. Пархоменко под командованием Семена Зорина (организован Кириллом Орловским, этот отряд поляки называли «жидовским», в нем было много евреев). 6 польских офицеров были отправлены самолетом в Москву. Из них двое принадлежали к группе Тихотемные». Оба, поручика, Лось и Рыдзевский, вернулись после войны в Польшу, как и остальные 4 офицера. Нуркевичу удалось скрыться, он начал вооруженную борьбу с советскими войсками, продолжил ее против польских коммунистов, и воювал вплоть до 1960 года, когда был арестован органами госбезопасности Польской Народной республики.

Части АК иногда действовали совместно с Красной Армией против немцев. Так, 30-я пехотная дивизия АК под командованием подполковника Генрика Краевского, насчитывавшая к июню 1944-го 1500 человек, вместе с 65-й армией генерала П. И. Батова воевала под Брестом. Аковцы уничтожили штаб немецкой дивизии, захватили секретные военные планы и передали их советской разведгруппе Макарова. Тог-

да же в Грабовцах был разоружен советскими частями штаб 34-го пехотного полка 9-й дивизии АК, действовавшей в Белостокском округе. Узнавший об этом Краевский решил прорываться к Варшаве, где в это время шло восстание против немцев, но около Седлеца батальон Мадэйекого был разоружен советскими войсками, а 19 июня под Минском-Мазовецким был разоружен отряд Полесского округа АК (250 человек), офицеры вывезены на пересыльный пункт в Брест, а солдаты под конвоем в лагерь для интернированных под Люблином. Необходимо отметить, что среди солдат и офицеров АК в Белоруссии около 30—40% составляли белорусы.

В Новогрудском округе АК действовало 5 формирований общей численностью более 6 тыс. человек, затем было сформировано еще 2 батальона (более 1 тыс. человек). Комендант округа подполковник Януш Шульц (Правдица-Шляский), сидевший перед войной в тюрьме НКВД в Белостоке, выдал гестапо 40 человек из местного коммунистического подполья, о чем сам рассказал позднее в своих изданных в Лондо-

не воспоминаниях. Он же поведал, что с 1942 года до прихода Красной Армии в 1944 году провел 185 боев из них 102 с немцами, остальные против советских партизан. А отряд Адольфа Пильха с октября 1943-го по июнь 1944 год не провел ни одного боя против немцев, зато 32 против советских партизан.

В Виленском округе под командованием подполковника Александра Кжижановского действовало 3-е соединение и особая бригада, всего более 9 тыс. человек. Они воевали с немцами и с немецкими пособниками — вспомогательным литовским корпусом генерала Павиласа Плевавичуса (позднее был заподозрен немцами в измене и арестован, корпус расформирован). Там же на Виленщине осенью 1943 года отрядом

Федора Маркова был разоружен отряд АК Антони Бужинского («Кмицица»), после того как партизаны прочли нелегальную газету Виленского округа «Независимость» антисоветского содержания (командование отряда арестовали, несколько человек расстреляли). Конфликт перешел в стадию вооруженной борьбы между отрядом Маркова и сформированной на базе отряда «Кмицица» 5-й Виленской бригадой поручика Зигмунта Шендзеляжа. В феврале 1944 года после боя с советскими партизанами польский отряд перебазировался в сторону Вильнюса. К этому времени советские партизаны в четыре раза превосходили по численности отряды АК.

Этими конфликтами пытались воспользоваться немцы, предлагав-

шие аковцам свою помощь. Были проведены переговоры между командованием Виленского округа и немецким командованием, впрочем, неудачные. Арестованный немцами в Вильнюсе Шендзеляж после недолгого пребывания в гестапо был ими отпущен, получив на дорогу 100 рейхсмарок. Видимо, его собирались в дальнейшем использовать. Некоторые командиры АК заключали с немцами соглашения о нейтралитете. Есть данные, что немцы обеспечивали некоторые отряды аковцев оружием. Командир отряда аковцев ротмистр Юзеф Сьвида, заключивший с немцами соглашение о формировании дивизии против партизан, расстрелял часть освобожденных аковцами же из тюрьмы города Лида поляков, после чего сам был приговорен судом АК к расстрелу, с отсрочкой приговора до конца войны (эмигрировал в США, дожил до 1980-х гг.)

Белорусские аковцы поддерживали контакты с белорусскими националистами. Горячим поборником такого союза был Вацлав Ивановский, который вел переговоры с начальником разведки АК в Белоруссии Томашом Заном, устроил на службу в минскую городскую управу польских разведчиков Буткевича и Липинскую. В его планах был федеративный союз Польши и Белоруссии, с антисоветской направленностью. Впрочем, одновременно шли бои между отрядами АК и белорусскими полицейскими формированиями.

Активно участвовать в боевых действиях против фашистских оккупантов большинство подразделений АК начали только при приближении Красной Армии. Объяснение этому простое. Основная задача этой военной организации заключалась в том, чтобы обеспечить приход к власти эмигрантского правительства, а не тех сил, которые активно поддерживала Москва. К последним относились созданный в Люблине 23 июля 1944 года Польский национальный комитет освобождения и, разумеется, Польская рабочая партия (ПРП), организованная группой старых польских коммунистов (среди которых было

▲ Пономаренко П.К.

и несколько агентов НКВД) во главе с Марцелием Новотко, Болеславом Молоецем и Павлом Финдером (десантированы на территорию Польши в декабре 1941 года) на базе доверенной польской коммунистической партии.

Стремительное наступление Красной Армии и намерение Сталина иметь в Варшаве подконтрольное правительство заставили политиков-эмигрантов, находящихся на территории Британии, активизировать свою деятельность. В октябре 1943 года командование АК утвердило план операции «Бужа» («Буря») по захвату Западной Украины, Западной Белоруссии и Виленского края в момент немецкого отступления. Ее военные и политические цели излагались в «Правительственной инструкции для страны» от 27 октября 1943 года. В конце того же года Главный штаб АК на основе этого документа издал инструкцию о целях и задачах операции.

Перед Армией Крайовой ставилась задача по мере отступления немецких войск овладевать освобожденными районами, чтобы советские войска заставляли там уже сформированные аппараты власти, подчиненные эмигрантскому правительству. В операции предполагалось задействовать 70—80 тысяч

солдат и офицеров АК, находившихся, главным образом, в восточной и юго-восточной Польше, а также на территориях Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии. Например, командующий АК в приказе №144/111 от 23 марта 1944 года указывал: «...ради блага польского дела следует, чтобы мы приняли активное участие в освобождении страны от оккупации благодаря ударам по немецким арьергардам. Подчеркиваю, что этот удар следует начать наносить от наших восточных границ, чем мы лучше всего подчеркнем принадлежность пограничных земель Речи Посполитой».

Эти действия неминуемо вели к конфликту с Советским Союзом, что вскоре и произошло.

В марте 1944 года 27-я дивизия АК под командованием бывшего командира диверсионных отрядов главного командования АК подполковника Яна Киверского («Олива») встретилась в районе Ковеля с войсками 2-го Белорусского фронта, командование которого потребовало от нее подчинения. Возник конфликт, совпавший с немецким контрнаступлением. 27-я дивизия оказалась в тылу вермахта, а ее командир погиб в бою. Новый командир майор Тадеуш Штумберк-Рыхтер подчинился советскому командованию и в даль-

нейшем дивизия вошла в состав Войска Польского — сформированных в СССР польских вооруженных сил, действовавших под контролем Москвы.

Понятно, что Москва была кровно заинтересована в том, чтобы в Варшаве находилось лояльное ей правительство. Одним из средств решения этой задачи стала ликвидация недружественных СССР вооруженных организаций. Поначалу их просто разоружали и отпускали по домам. Когда повстанцы начали оказывать сопротивление НКВД и местным польским правоохранительным органам, при этом еще и стремительно деградируя до уровня обычных уголовников, то их стали просто уничтожать.

6—7 июля 1944 года отряды АК Виленского и Новогрудского округов (4 тыс. человек), выполняя план операции «Буря», провели неудачную операцию «Острые ворота» по освобождению Вильнюса от немцев до прихода советских войск, потеряв 71 человека убитыми и более 500 ранеными. В тот же день начались бои за освобождение Вильнюса частями Красной Армии, в которых вместе с советскими солдатами участвовали и некоторые отряды АК (1-я бригада Виленского округа под командой поручика «Юранда» потерявшая 79 человек убитыми, в том числе

▲ Сталин подписывает декларацию о сотрудничестве с польским правительством в изгнании

и самого командира). После освобождения Вильнюса командование АК провели совещание с представителями эмигрантского правительства, условившись добиваться признания их вооруженных сил с советской стороны как самостоятельного корпуса и ставя своей целью переход Виленского края к Польше.

Об антисоветских планах аковцев знали советские чекисты, внедрившие в АК свою агентуру (офицеры штаба АК, сотрудник контрразведки Виленского округа и др., возможно и подполковник Любослав Кшешовский, отдавший 16 июля приказ о роспуске АК на Виленщине под предлогом создания регулярной польской армии).

Процесс разоружения повстанческих организаций, действовавших на территории Польши, начался 16 июля 1944 года. В этот день начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал-полковник М. С. Малинин разослал распоряжение командующим армий и корпусов, где о повстанческих воинских формированиях, среди прочего, было сказано:

«...Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной Армии.

Учитывая эти обстоятельства, Командующий войсками фронта приказал:

Не в какие отношения с этими польскими отрядами не вступать. При обнаружении таких отрядов немедленно личный состав их разоружать и направлять на армейские пункты сбора для проверки.

В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении них вооруженную силу...»

Через два дня появилось дополнение к этому приказу, предписывавшее: «Донесения о ходе разоружения польских отрядов и о количестве собранных на сборные пункты солдат и офицеров включать в ежедневное боевое донесение, представляемое в штаб фронта к 20.00. нарастающим итогом».

17 июля прибывшие в штаб 3-го Белорусского фронта для встречи с командующим генералом И. Д. Черняховским комендант Виленского

▲ Малинин М.С.

округа АК «Вильк» (Кжижановский) и его начальник штаба майор Цетыс были арестованы опергруппой во главе с замнаркома НКВД СССР комиссаром госбезопасности 2-го ранга Серовым. Цетыс пытался выхватить пистолет, но был обезоружен.

В тот же день были арестованы вызванные в Вильнюс командиры 6-й бригады АК и командующие Виленским и Новогрудским округами — подполковник Любослав Кшешовский и полковник Адам Шидловский (заброшен на парашюте из Италии в мае 1944 года), а в местечке Багуши под Вильно сотрудники «Смерш» вместе с пограничниками (к этому времени в районе Вильнюса были дислоцированы дивизия, полк, 2 батальона внутренних войск НКВД и 4 погранотряда, всего около 12 тыс. человек) без единого выстрела арестовали 26 офицеров — большинство комсостава Виленского округа АК (практически все впоследствии вернулись в Польшу).

В оперативно-чекистской операции участвовало 19 групп НКВД—НКГБ, члены которых изыали у местных вооруженных формирований: 302 немецких станковых пулемета, 152 винтовки и 40 гранат. Все это «аковцы» пытались вывезти в лес. В результате интенсивных допросов чекисты выяснили приблизительную численность подразделений АК в этом районе — около 25 тысяч человек (хотя польские историки утверждают, что цифра была завышена в два раза) и их структуру.

В течение нескольких дней было задержано 3500 человек, из них 200 офицеров. При разоружении было изъято: 3000 винтовок, 300 автоматов, 50 пулеметов, 15 минометов, 7 легких орудий, 12 автомашин и большое количество гранат и патронов.

Операция прошла без единого выстрела. К 3 августа 1944 года было разоружено 7924 солдата и офицера. У них было изъято 5500 винтовок,

▲ Бойцы армии Людовой

370 автоматов, 270 крупнокалиберных и станковых пулеметов, 13 легких орудий, 7 радиостанций, а также 27 автомобилей и 270 лошадей.

Руководители Виленского военного округа АК активно сотрудничали со следствием и сообщили о бывшем ректоре Виленского университета профессоре Стефане Эренкройце и нелегале «Юзефе», который был уполномоченным Варшавского центра и виленским окружным делегатом.

Пока в районе Вильно Красная Армия активно разоружала бойцов Армии Крайовой, в Люблинском воеводстве дислоцировавшиеся там подразделения АК 17 июля 1944 года попытались взять под свой контроль Люблин и крупные населенные пункты воеводства. В акции участвовали 3-я пехотная дивизия под командованием Адама Швитольского («Домбров»), 9-я пехотная дивизия под командованием бригадного генерала Людвиг Биттнера («Хальк»), 27-я пехотная дивизия под командованием полковника Тадеуша Штумберга («Жегота»). Эту попытку жестко пресекли подразделения Красной Армии и коммунистической Армии Людовой, которые уже успели занять

эту территорию.

По аналогичному сценарию события развивались в Львове. Сначала неудачная попытка штурма отрядами АК — 23 июля 1944 года 3 тысячи бойцов АК неудачно пытались освободить Львов от немцев, это было составной частью плана операции «Буря». Затем освобождение города Красной Армией. Стремление польских националистов присвоить лавры освободителей жестко пресекалось.

Спустя несколько дней после освобождения Львова Красной Армией львовское командование АК во главе с полковником Владиславом Филипковским по предложению советского командования отправилось в Житомир для переговоров с командованием Войска Польского об объединении. После отказа делегации АК от объединения все ее члены — Филипковский, его адъютант подпоручик Зигмунт Лановский, начальник Тарнопольского округа АК полковник Франтишек Студзинский, начальник Львовского гарнизона АК подполковник Стефан Червинский и начальник 2-го отдела львовского округа подполковник Генрик Похо-

ский были арестованы в Житомире в ночь с 2 на 3 августа и перевезены в Киев, а затем в ОКР «Смерш» 1-го Украинского фронта в районе польского города Жешува. Другие львовские командиры АК были арестованы во Львове 31 июля. В тот же день там же сотрудниками «Смерш» были арестованы окружной делегат АК доктор Адам Островский и сотрудники контрразведки львовского командования АК. Островский передал чекистам список своих сотрудников.

Филиповский, после допроса, продолжавшегося 20 часов, целью которого было выяснение состава и структуры АК, а также его офицеры были вывезены в лагерь Дягилово под Рязанью, вместе с несколькими тысячами других польских солдат и офицеров. Среди них был и племянник легендарного председателя ВЧК—ОГПУ Ф.Э. Дзержинского, Ежи Дзержинский, виленский аковец, а также 5 генералов. Позднее один из них, бывший командующий Люблинским округом АК Казимеж Тумидайский, умер в июне 1947 года во время голодовки заключенных, после которой основная масса аковцев была отправлена в Польшу. Тог-

▲ Варшавское восстание 1944 г.

да же были арестованы советскими органами безопасности, по польским данным, сотни солдат АК. Некоторые продолжали работать в подполье и были арестованы позднее, как, например, Юзеф Хальски, арестованный во Львове в сентябре 1945 года и в 1946-м осужденный к 20 годам каторжных работ (в 1959 году передан органам госбезопасности ПНР и освобожден).

Одной из наиболее трагических страниц деятельности Армии Крайовой стало Варшавское восстание. Оно началось 1 августа 1944 года. После двухмесячной обороны левобережной части города защитники капитулировали.

В подавлении мятежа участвовало примерно 50 тысяч солдат и офицеров немецкой армии (из них 26 тысяч погибли, пропали без вести, получили ранения). Количество восставших: 47500 членов различных подпольных вооруженных формирований (начиная от АК и заканчивая Армией Людовой), из них погибло 18000 человек. Так же погибло около 4 тысяч солдат и офицеров 1-й армии Войска Польского, которые пытались прийти на помощь восставшим. Потери среди гражданского населения города — 150 тысяч человек.

О тех трагических событиях написано достаточно много. Хотя есть малоизвестные детали, которые по-новому заставляют взглянуть на те события. Например, директива штаба войск по охране тыла 3-го Белорусского фронта от 25 августа 1944 года, которая предписывала... задерживать

и разоружать отряды Армии Крайовой, которые по приказу своего командования двигались на помощь восставшей Варшаве.

Есть две возможных причины появления этого документа.

Во-первых, развитие начатой в середине июля операции по нейтрализации АК. Понятно, что на помощь восставшим двигались хорошо экипированные и боеспособные подразделения, которые следовало разоружить в первую очередь.

Во-вторых, в силу легко объяснимых причин Сталин не хотел допустить того, чтобы восстание в Варшаве привело к освобождению города от фашистов с помощью самих поляков согласно плану «Буря». При этом он не знал, что не все население столицы Польши активно поддерживает мятежников.

Вот цитата из доклада немецкого губернатора района Варшавы Людвиг Фишера, которого сложно обвинить в субъективном отношении к АК:

«...При анализе восстания в Варшаве напрашивается еще один вывод огромного политического значения. Речь идет о поведении всего населения. Когда польская Армия Крайова начала борьбу, ее вожди твердо

▲ Варшава. В шляпе Комаровский

▲ Бур Комаровский. Капитуляция Варшава, 1944 октябрь

рассчитывали на то, что они увлекут за собой широкие массы варшавского населения, и что тогда восстание в Варшаве явится сигналом для присоединения к нему всех поляков.

В этом предположении вожди Армии Крайовой полностью ошибались.

Прежде всего, следует констатировать, что в самой Варшаве широкие массы населения с первых же дней отнеслись к восстанию отрицательно и, по крайней мере, не поддерживали его...

...Еще яснее было поведение сельского населения. Оно не поддерживало восстание с первого и до последнего дня. Это доказывает тем, что оно отклоняло практическую помощь и даже строило вблизи Варшавы оборонительные укрепления, направленные в большей своей части против повстанцев.

Кроме того, сельское население доказало свое отрицательное отношение к восстанию тем, что, когда часть аковцев бежала из Варшавы во время специальных мероприятий и пробилась в Пущу Кампинску на юг, то оно не оказало никакой поддержки этим 1600 солдатам,

вследствие чего эти повстанцы могли быть установлены и уничтожены в течение 24 часов...

...Эта общая позиция польского населения подтверждена, кроме того, показаниями пленных из польской дивизии Берлинга. Дивизия Берлинга представляет собою воинское соединение большевистской армии, укомплектованное поляками. Военнопленные из этой дивизии на допросе неизменно показывали, что польское население при вступлении их в Варшавский округ не только не приветствовало их, как освободителей, наоборот, встречало чрезвычайно холодно и сдержанно и частично даже враждебно. По свидетельству этих военнопленных, польское население на их удивленные вопросы всегда отвечало: хотя немцы с ними обходились строго, но они все же постоянно заботились о работе и хлебе для населения и что поэтому поляки не скучали по большевикам».

В процитированном выше фрагменте доклада содержится ответ на вопрос: почему АК так быстро и почти бескровно была ликвидирована советскими органами госбезопасности. Ответ очевиден. Повстан-

ческое или партизанское движение, которое не имеет поддержки со стороны местного населения, обречено на стремительную гибель.

Чем был вызван взятый советским руководством курс на ликвидацию Армии Крайовой? В отличие от просоветских коммунистических военизированных формирований — небольшой, но активно боровшейся с немцами, Армии Людовой или Войска Польского, которое с боями дошло до Берлина, ориентировавшиеся на Лондон националистические повстанцы не могли оказать Красной Армии реальной помощи в освобождении страны. Как уже сказано выше, большинство этих отрядов придерживалось выжидательной тактики. Когда 3 августа 1944 года на переговорах в Москве премьер-министр эмигрантского правительства Станислав Миколайчик, сменивший в июле 1943 года погибшего в авиакатастрофе своего предшественника генерала Владислава Сикорского, заявил, что «поляки создали в Польше подпольную армию», Сталин резонно заметил:

«Борьбы с немцами она (Армия Крайова. — Ред.) не ведет. Отряды этой армии скрываются в лесах. Когда спрашивают представителей этих отрядов, почему они не ведут борьбы против немцев, они отвечают, что это не так легко, так как если они убивают одного немца, то немцы за это убивают десять поляков... наша войска встретили под Ковелем две дивизии этой армии, но когда наши войска подошли к ним, оказалось, что они не могут драться с немцами, так как у них нет вооружения... отряды польской подпольной армии не дерутся против немцев, ибо их тактика состоит в том, чтобы беречь себя и затем объявиться, когда в Польшу придут англичане или русские».

Еще одна веская причина уничтожения националистического подполья — необходимость защиты тыла стремительно наступающей Красной Армии. Еще в мае 1944 года, до того, как красноармейцы начала освобождение Польши, была выпущена специальная директива заместителя наркома внутренних дел СССР

И. А. Серова и начальника войск НКВД по охране тыла Действующей армии генерал-майора И. Горбатюка. Она информировала командиров частей и соединений внутренних и пограничных войск, что на территории, которую планировалось очистить от немецко-фашистских захватчиков летом 1944 года, «враждебно-настроенные к нам группы населения» будут стремиться «в подходящий момент ударить нам в спину». К разряду «враждебно-настроенных» были причислены все польские вооруженные организации, подчинявшиеся польскому правительству в эмиграции.

Следует сказать, что данная директива была небезосновательна. В июле 1944 года командующий АК Тадеуш Комаровский («Бур») приказал своему заместителю генералу Леопольду Окулицкому создать и возглавить новую подпольную офицерскую разведывательную военно-политическую организацию «НЕ» («Нееподлеглость»). Официальное решение о ее создании было принято польским правительством в изгнании только 14 ноября 1944 года.

Основными задачами новой структуры были создание террористических групп для убийства политических противников в стране и представителей командования Красной

Армии, а также проведение подготовительной работы к вооруженному выступлению против новой власти.

Официально она прекратила свое существование только в марте 1946 года, когда все активные члены «НЕ» были арестованы. Фактически это произошло на год раньше, когда была разгромлена ее сеть на территории Польши, Литве, Западной Украине и Западной Белоруссии.

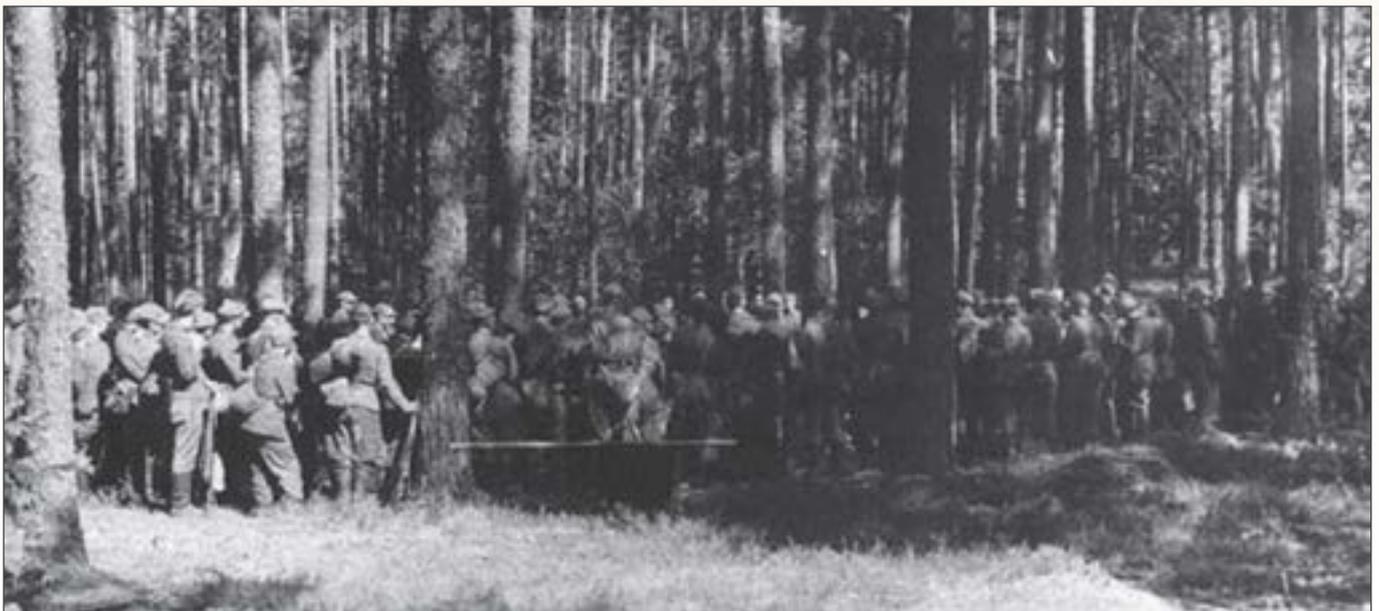
Первые операции по обезоруживанию повстанческих отрядов, которые проходили летом 1944 года носили «добровольно принудительный» характер. Арестованные не пытались оказывать сопротивления. Однако бескровное разоружение отрядов АК в Вильно и Львове было лишь временным успехом Красной Армии. Уцелевшая часть командиров Виленского и Новогрудского округов АК под командованием подполковника Зигмунта Блюмского (вскоре он отдал невыполненный приказ о роспуске отрядов, уехал в Вильнюс, где был арестован, его сменил подполковник Юлиан Куликовский) решила вступить в вооруженную борьбу с Советами.

Аковцам противостояли 136-й полк внутренних войск НКВД, 97-й погранотряд, различные опергруппы. Сначала была разоружена, также бескровно, 3-я бригада, интерниро-

ванная в Медниках под Ошмянами, к концу июля 1944 года там уже было около 7 тыс. человек. Из них 4 тыс. солдат отправили в лагерь в Калуге. После отказа от принятия советской присяги, их отправили — на лесозаготовки, впоследствии многие вернулись в Польшу. Офицеры были вывезены в лагерь под Рязанью, в 1946 году более 800 их них вернулись на родину. Весной 1947 года группу оставшихся в заключении офицеров за нарушения режима перевели в лагерь Грязовец под Вологодой, откуда трое, в том числе бывший комендант Виленского округа АК «Вильк» (Кжижановский) бежали. «Вильк» был арестован в Вильнюсе, отправлен в Москву, откуда снова в Рязань, затем после переговоров в числе других офицеров АК в ноябре 1947 в Бресте их передали властям Польши.

Некоторые части АК в Белоруссии продолжали сопротивление. Действовали в Бресте и Новогрудске подпольные радиостанции «Ванда-19» и «Ванда-20», сотрудники которых были арестованы чекистами. Всего в тылу наступавшей Красной Армии действовало 20 радиостанций, из них 6 на советской территории — также в Вильнюсе, Браславе и Львове.

19 августа были разгромлены отряды «Яремы» (командир арестован),

▲ «Аковцы»

«Бустрамяка». 21 августа в Сурконтах убиты в бою с опергруппой НКВД сотрудники диверсионной группы АК «Тихотемные» капитан Францишек Цеплик, майор Мацей Калянкевич, ротмистр Ян Скраховский, Валенты Василевский, 32 солдата (с советской стороны, по данным АК, погибло 132 человека). Тогда же органами «Смерш» наступавшей Красной Армии при освобождении Белоруссии были арестованы комендант Полесского округа АК Юзефа Сварцевич, ее муж и сын. В 1956 году после освобождения из заключения они вернулись в Польшу.

В декабре 1944 года в Лидском районе после кровопролитного боя был ликвидирован отряд «Рагнара» (Чеслава Зайончковского), сам он убит. 21 января 1945 года под Кавальками разгромлен отряд «Крыся» (Яна Барысевича), сам он убит. Бойцы этого отряда неоднократно нападали на населенные пункты, уничтожали советских и партийных работников, мирных жителей, грабили их иму-

щество. 9 февраля 1945 года под Кареличами были разгромлены 8-я бригада Витольда Туронка и кавалерийский отряд Китовского.

В боях с июля 1944 года по июнь 1945 года против АК в Белоруссии (80 вооруженных групп) и Литве (84 польские и литовские группы) действовало 18 полков НКВД (25 тыс. человек), истребительные отряды из бывших партизан и партийного актива. При этом погибло 594 солдата и офицера Красной Армии, ранено 219 человек. Руководили операциями заместители наркома внутренних дел СССР И. А. Серов, затем С. Н. Круглов (в Литве), и 1-й замнаркома госбезопасности СССР Богдан Кобулов (в БССР).

По данным из доклада Берии Сталину в декабре 1944 года, органы НКВД (нарком С. С. Бельченко) и НКГБ (нарком Л. Ф. Цанавя) БССР под общим руководством Кобулова ликвидировали 288 польских и белорусских организаций, арестовали 5069 их участников, ликвидировали

13 немецких резидентур, арестовали 700 немецких агентов, ликвидировали 800 повстанцев, арестовали более 1600 дезертиров и 48 тыс. уклонистов от призыва в РККА. На границе с УССР, в Пинской, Брестской и Полесской областях ликвидировали 11 бандгрупп из Волынской и Ровенской областей (убито 385 и арестовано 160 оуновцев). Его же доклад Сталину, Молотову и Маленкову в сентябре 1945 года дает общие цифры с июля 1944 года по сентябрь 1945 года по БССР: убито 3232 бандитов и дезертиров, арестовано около 15 тыс. бандитов и антисоветчиков, около 82 тыс. дезертиров, добровольно сдались 698 бандитов и более 48 тыс. дезертиров.

Но вернемся в Польшу осени 1944 года. Начиная с сентября 1944 года «аковцы» начали вооруженную борьбу. Например, в Владавском уезде они уничтожили шесть милиционеров, в Люблинском уезде погибло пять советских военнослужащих, в Замостьевском уезде «уби-

▲ «Аковцы»

▲ Радкевич Станислав

то 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной Армии, освобождено 12 арестованных, в т.ч. 6 активных «аковцев», а в Холмском и соседних уездах «совершенно более 10 вооруженных нападений. Убито 13 человек из числа местных работников, в т.ч. убили 4 работников Отдела Общественной Безопасности, которые конвоировали арестованных, освободили 4 арестованных.

С 15 по 20 октября 1944 года произошло 4 боевых столкновения войск НКВД с повстанцами. В результате 112 человек было арестовано 5 убито.

В это же время начался процесс проникновения «аковцев» в Отделы безопасности ПКНО (Польский Комитет Национального освобождения) — организации, созданной при активном участии Москвы. Например, в начале октября 1944 года местными чекистами был арестован начальник контрразведки Люблинского военного округа АК Александр Бенецкий. Два раза с ним беседовал начальник контрразведки Отдела безопасности ПКНО Р. Ромковский и в течение суток его допрашивал следователь. После этого его рас-

стреляли, объяснив это странное решение офицерам «Смерша» тем, что арестованный «...никаких показаний не дал, ни в чем не признался...». В ходе проведенного расследования советские чекисты выяснили, что подследственного знали другие арестованные «аковцы». С ними можно было провести очную ставку и изболочить Александра Бенецкого. На основании этого советские контрразведчики предположили, что кто-то из сотрудников Отдела безопасности, боясь показаний казненного, инициировал его расстрел.

Несмотря на предпринимаемые меры по «чистке» подразделений органов польской госбезопасности, полностью решить проблему «оборотней в погонах» не удалось даже спустя десять месяцев. Например, за период с июня по август 1945 года было арестовано 333 польских чекиста. Из них 265 «за связь антисоветским подпольем». К ним следует добавить 176 человек, которые ушли в банды. Арестованным инкриминировался широкий спектр деяний, начиная от создания ячеек АК по месту работы, информирования

▲ Ромковский Роман

подполья о готовящихся активных мероприятиях и заканчивая грабежами и мародерством. Кроме того они активно занимались бизнесом: торговали служебной информацией (агентурные разработки), прекращали за определенную плату уголовные дела и освобождали арестованных. Это, не считая традиционной коммерческой деятельности владение магазинчиками.

Не лучше обстояли дела в вооруженных силах Польши. В результате проверки подразделений военной контрразведки советскими чекистами выяснилось, что они малочисленны (50% к положенному штату), а имеющийся оперативный состав недостаточно квалифицирован. При этом рассчитывать на помощь «старших товарищей» из Москвы было сложно. Так как вместо четырех оперативных работников на каждый полк приходится по одному, да и тот не владеет польским языком. Для решения этого вопроса из Москвы срочно командировали 100 офицеров «Смерша» и 15 сотрудников НКВД—НКГБ.

В октябре 1944 года была сформирована Сводная стрелковая диви-

зия внутренних войск НКВД под командованием генерал-майора Бориса Серебрякова, главной задачей которой стала борьба с польским национальным подпольем. В состав дивизии вошли 2-й, 11-й, 18-й и 98-й пограничные полки, 145-й стрелковый полк внутренних войск, 198-й отдельный мотострелковый батальон внутренних войск. Впоследствии, в разное время ей придавались и другие соединения, в частности 338-й погранполк, 267-й полк внутренних войск, дивизион бронепоездов.

Эти подразделения начали действовать только с 18 октября 1944 года. Понятно, что их появление в уездах повысило эффективность контрповстанческой борьбы. Так, с 18 по 21 октября 1944 года перечисленными выше подразделениями НКВД в результате оперативных мероприятий: арестовано 215 участников вооруженных формирований и задержано 612 дезертиров — солдат и офицеров Войска Польского. Тогда же произошло четыре боевых столкновения с членами АК. В результате 112 «аковцев» арестовано

и пятеро убито. Считать эти инциденты серьезными боями не стоит. Достаточно сказать, что тогда было изъято два пулемета, семь винтовок, четыре автомата и двенадцать гранат. Простой арифметический подсчет показывает, что из участников боев столкновений был вооружен каждый десятый, а остальные успели выбросить оружие до задержания или у них его просто не было. Возможен и другой вариант, что не все задержанные были захвачены в плен во время боя с оружием в руках. Тогда большинство из 112 человек были задержаны во время облав, «зачисток», на основании информации полученной от агентуры и т. п.

В середине октября 1944 года сотрудниками «Смерша» был арестован комендант группы «Звензек Харцерства Польского» («Союз польской молодежи» — ЗХП), группа специализировалась на подготовке кадров (разведчиков, диверсантов, связистов, мотоциклистов и других) для АК. Она имела три секции: диверсионная; боевая школа; младшая группа (Завиша).

Выше уже упоминалось об использовании агентуры. Чекисты активно практиковали этот метод оперативно-розыскной работы. Например, с 16 по 21 октября 1944 года только в городе Люблин было проведено 27 вербовок. При этом в агентурной сети по этому населенному пункту уже числилось 114 человек. С ними было проведено 180 встреч и получено 112 донесений.

Указанные выше факторы (активизация агентурной работы и проведение облав) позволили с 20 по 25 октября 1944 года разоблачить 840 «аковцев», а во время прочесывания лесов задержать 317 дезертиров и тех, кто уклонялся от призыва в армию. Сотрудники создаваемых местных правоохранительных органов арестовали 970 человек, большинство из которых обвинялось в принадлежности к АК. Понятно, что это привело к увеличению числа вооруженных столкновений (пять) в результате чего 7 бандитов убито, а 78 захвачены в плен.

В период с 5 по 11 ноября 1944 года сотрудниками советской

▲ Переговоры «аковцев» с немцами

контрразведки и войск НКВД арестовано 2210 человек, при прочесывании лесов обнаружено и задержано 793 «аковца». Кроме того, в уездных отделах общественной безопасности и областных городах Польши содержатся арестованными 1732 человека, большинство из которых «аковцы». Таким образом, общее количество задержанных превысило 4200 человек.

«Во время обысков и при арестах, а также на основании полученных данных и при проведении операций войсками НКВД изъято оружия и боеприпасов: минометов — 12; пулеметов ручных и станковых — 110; винтовок — 901; автоматов — 202; револьверов — 292; ручных гранат — 2300; стволов к пулеметам — 11; мин — 1262; патронов — более 270 000 штук, дисков к ручным пулеметам — 69; снарядов — 1637.

Также изъято: приемно-передающих радиостанций 9; радиоприемников 67...»

Тогда же была проведена крупная войсковая операция в Белостокском уезде. В ней участвовали три полка НКВД (4500 человек) и десять оперативных групп «Смерша» и НКГБ Белорусской ССР (200 человек). По состоянию на 8 ноября 1944 года ими было арестовано 1200 человек, а к 14 ноября 1944 года эта цифра достигла 2044 человека.

В конце декабря 1944 года были подведены предварительные итоги борьбы с польскими антиправительственными военизированными подпольными организациями. За период с 15 октября по 10 декабря разоблачено и арестовано 5889 членов АК. Также изъято 29 приемно-передающих радиостанций, большинство которых изготовлено в Англии.

Все это привело к изменению тактики борьбы АК. Руководство организации приняло решение об уходе в более глубокое подполье и снижение активности. Несмотря на это, продолжалось ее планомерное уничтожение. Так с 15 октября 1944 по 5 января 1945 года было арестовано 9101 человек.

Как уже отмечалось, еще в октябре 1944 года была сформиро-

вана Сводная стрелковая дивизия внутренних войск НКВД. В ноябре была создана Белостокская опергруппа войск НКВД, расформированная уже в декабре того же года. С осени 1944 до середины 1946 года внутренние войска НКВД в Польше (59-я и 64-я стрелковые дивизии) провели многочисленные боевые операции против войск АК — в Люблинском воеводстве, городе Хелм, в Жешувском, Келецком, Белостокском воеводствах, а также против поднимавших мятежи частей Войска Польского.

Многие арестованные руководители АК были вывезены на советскую территорию. В феврале 1945 года в Львове арестован руководитель АК в Львовской области генерал Феликс Янсон («Кармен»), осужденный в 1946 году ОСО НКВД на 5 лет (сидел в Львове, Киеве, Москве, Харькове, Мордовии, с 1950 года в ссылке в Красноярском крае, в 1954 года амнистирован). Вместе с ним были арестованы и другие деятели Львовского и Станиславского штабов АК — комендант Станиславского округа бригадный генерал Владислав Герман, прокурор того же округа Кароль Ковальский, начальник разведки округа Бронислав Кенсек, начальник связи округа Савицкий и др. К этому времени аковцы во Львове уже успели убить милиционера Муковейкова, члена просоветского «Союза польских патриотов» врача Белинского, совершить налет на магазин с целью получения денег.

В 1946—1947 годах внутренние войска НКВД—МВД были выведены из Польши. После этого основная нагрузка в борьбе с антикоммунистическим вооруженным сопротивлением легла на польские органы госбезопасности, которым помогали советские чекисты.

Еще в июле 1944 года в Хелм для организации спецслужбы польского коммунистического руководства прибыли польские коммунисты — капитан Роман Ромковский, майор Теодор Дуда (в июне 1944 года десантирован на территорию оккупированной Польши, командовал партизанской бригадой «Грюнвальд

II»), капитан Юлиан Конар, Владислав Доминик и Элеонора Кенпа. Вместе с ними прибыл и советский чекист майор Николай Орехво (это данные из польских источников, возможно, ошибочные).

1 августа начала формироваться структура новой службы. Контрразведывательный отдел возглавил Ромковский, отдел кадров — Орехво, секретариат — Конар. Затем в августе-сентябре были организованы отдел охраны Польского комитета национального освобождения во главе с Леоном Айзенем-Анджеевским, комендатура (начальник Стефан Собчак), отдел цензуры (начальник Николай Росснер) и юридическое бюро (начальник Зигмунт Брауде), тюремная секция, позднее переименованная в лагерно-тюремный отдел (начальник Теодор Дуда, после победы в июле 1945 года под Демблином 136 заключенных, в основном солдат АК, которых перевозили из варшавской тюрьмы, снят с должности, с 1947 года — начальник воеводского управления госбезопасности в Жешуве и заместитель главного коменданта Гражданской милиции, в 1956—1962 г. — начальник разведки Войск охраны границ ПНР). К декабрю 1944 года появились разведывательный отдел, начальником которого стал Стефан Антосевич, и финансовый отдел во главе с Эдвардом Колецким.

В начале 1945 года Польский комитет национального освобождения был преобразован во Временное правительство Польши. Министерство общественной безопасности возглавил Станислав Радкевич, член руководства Польской рабочей партии, бывший ранее в эмиграции в СССР. В составе министерства было создано 9 отделов (позднее переименованных в департаменты). Первый, контрразведывательный и самый мощный, возглавил Ромковский (в 1946—1954 годах он был вице-министром общественной безопасности). 8 секций этого отдела занимались, соответственно, борьбой с немецкими агентами, поляками, сотрудничавшими с оккупантами, фольксдойчами (этническими немцами, проживавшими в Польше), антикоммунистиче-

▲ Корчиц, Владислав Викентьевич

▲ Роля-Жимерский Михал

ским подпольем, в первую очередь, Армией Крайовой, проникновением враждебных элементов в создаваемые правительственные учреждения, экономической безопасностью, охраной партийных органов, и оперативно-следственной деятельностью — арестами, наружным наблюдением, следствием.

Второй отдел занимался ведением оперативного учета на враждебных элементах, создавая картотеки шпионов, диверсантов, фольксдойчей, членов антикоммунистических партий и организаций. Начальником отдела стал Ян Шнигир.

Остальные отделы возглавили: 3-й (связи и оперативной техники) — Александр Николенко (видимо, советский чекист), 5-й (цензурный) — Ханна Вербловская, 6-й (тюрем и лагерей) — Теодор Дуда, 7-й (кадры) — Николай Орехво, 8-й (охраны правительства) — Владимир Захаревич, о начальниках 4-го (снабжения) и 9-го (охраны военнопленных) данные отсутствуют.

После преобразования отделов МОБ в департаменты деятельность наиболее важных департаментов (1-го — контрразведки, 3-го — вооруженное подполье, директор полковник Юзеф Чаплицкий, 5-го — партии и организации, 7-го — разведки) курировал вице-министр МОБ полковник (затем генерал-майор) Роман Ромковский.

В марте 1945 года были сформированы вооруженные силы МОБ — Корпус внутренней безопасности (КВБ), численностью 32 тыс. человек, под командованием генерал-лейтенанта Болеслава Кеневича, ранее служившего в Красной Армии и, как многие другие советские офицеры из числа уроженцев Польши, направленного на службу в Польшу. К их числу относятся, например, начальник Генштаба генерал-полковник Владислав Корчиц, генерал-полковник Станислав Поплавский, начальник оперативного отдела Генштаба Войска Польского генерал-майор Остап Стеца, командующий пограничными

войсками полковник Михаил Пшонский, начальники отделов Генштаба полковники Михаил Хилинский, Никодим Кундеревич и многие другие. Большинство из них впоследствии вернулось в СССР.

В 1946 году Болеслава Кеневича сменил генерал-майор Конрад Светлик, затем с 1948 года Корпусом командовал генерал-майор Юлиуш Хюбнер, а в 1951 году КВБ подчинили командованию внутренних войск.

В феврале 1946 года для координации борьбы с вооруженным подпольем была создана Государственная комиссия безопасности. Председателем комиссии был назначен министр национальной обороны маршал Михал Жимерский, в состав комиссии вошли министр общественной безопасности генерал-майор Станислав Радкевич, начальник генштаба Войска Польского генерал-полковник Владислав Корчиц, командующий КВБ генерал-лейтенант Болеслав Кеневич, главный комендант Гражданской милиции генерал-

майор Францишек Юзвяк. На местах действовали воеводские комитеты безопасности, возглавляемые командующими военными округами или командирами размещенных в данном воеводстве дивизий.

В январе 1945 года в Польше по официальной просьбе польского руководства появились советники по вопросам безопасности при государственных учреждениях. Советником при МОБ в феврале 1945 года стал уже упоминавшийся заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга И. А. Серов, бывший одновременно уполномоченным НКВД на 1-м Белорусском фронте (будущий первый председатель советского КГБ). После перехода войск фронта на территорию Германии его сменил заместитель начальника ГУКР «Смерш» по разведке генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский. Советником при министерстве общественной администрации Польши стал еще один заместитель начальника

ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант П. Я. Мешик.

Больше всего советских чекистов было в Главном управлении информации польской армии. Так именовалась военная контрразведка Войска Польского, созданная по образцу «Смерш» 11 марта 1945 года. Ее возглавлял полковник Петр Васильевич Кожушко. Его руководство, по мнению Серова, изложенному в докладной записке на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, было непрофессиональным, штат сотрудников был неуккомплектован и неквалифицирован, не знал польского языка. Хотя ГУИ формально подчинялось главному военному советнику Войска Польского генералу Михалу Роля-Жимерскому, фактически это была чисто советская организация, документация которой велась в основном на русском языке.

Результаты деятельности советских «особистов» в польской армии видны из данных польских источ-

ников. С 1 января 1944 по 31 декабря 1945 года ими было задержано 10 390 человек (в 1944-м — 2114, в 1945-м — 8276), из них 1141 солдат Армии Крайовой, 2 солдата НСЗ («Национальные вооруженные силы»), 134 солдата «Армии Людовой» — коммунистических партизанских отрядов, 151 власовец, 25 солдат УПА, 932 дезертира из Войска Польского, 13 дезертиров из Красной Армии, 1217 польских солдат и 36 красноармейцев, бывших в плену у немцев, 244 «вражеских пропагандистов», и 491 человек из самого Войска Польского — 59 офицеров, 91 сержант, 328 рядовых и 13 гражданских служащих.

После войны Главное управление информации входило в состав 2-го отдела Генерального штаба польской армии (до 1950 года) и состояло из 4-х отделов: 1-го — охрана центральных частей, 2-го — контрразведки, 3-го — организационного, 4-го — следственного. ГУИ возглавляли полковник Ян Рутковский (январь

▲ Поплавский С.Г.

▲ Рокоссовский К.К., маршал Польши

1946 — апрель 1947 года) и полковник Стефан Кугль (май 1947 — июнь 1950 года, уволен за злоупотребления). В июне 1950 года начальником Войска Польского стал полковник Дмитрий Вознесенский, зять генерала К. К. Сверчевского, ранее бывший заместителем начальника ГУИ. Преемником советского полковника стал полковник Кароль Бонковский. Заместителями начальника воен-

ной контрразведки по следствию были полковник Анатолий Фейгин (в августе 1945 — апреле 1950 года) и бывший главный военный прокурор Войска Польского (до 1944 года советский офицер) полковник Антоний Скульбашевский (в конце 1950-х годах за участие в репрессиях оба были осуждены, Фейгин — в Польше на 12 лет тюрьмы, Скульбашевский — в СССР на 10 лет, умер в 1990 году в Киеве).

Всеми действиями советских органов госбезопасности в Польше руководил до мая 1946 года уполномоченный НКВД при группе войск Красной Армии (под командованием маршала К. К. Рокоссовского) в Польше генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский, остававшийся одновременно заместителем начальника ГУКР «Смерш» по разведке и советником при министерстве общественной безопасности Польши. В его оперативном подчинении в Польше было 15 полков войск НКВД. После перевода Селивановского в центральный аппарат в Москву его сменил советник МГБ СССР в Польше полковник Семен Прохорович Давыдов. Советские советники работали во всех звеньях аппарата польской госбезопасности. Например, советником Следственного департамента МОБ был подполковник Николашкин.

В январе 1945 года польское эмигрантское правительство в Лондоне приказало распустить АК. 19 января Армия Крайова была официально распущена. Приказ об этом подписал ее командующий бригадный генерал Леопольд Окулицкий, который освободил членов АК от данной ими присяги.

Однако это был лишь формальный шаг. Вскоре после роспуска Армии Крайовой, весной 1945 года была создана «Делегатура сил збройних» (Делегатура Вооруженных Сил — ДСЗ). Просуществовала она до 6 августа 1945 года. В тот день был подписан приказ о ее самороспуске. В сентябре 1945 года была создана новая подпольная организация — «Вольность и Неподлежность» («ВиН»), которая просуществовала до 1952 года. Так как «ДСЗ» и «ВиН» были «правопреемниками» АК, то в большинстве документов НКВД того времени они часто обозначались как АК. Более того, отдельные банды «аковцев» продолжали действовать автономно. В качестве примера можно назвать отряд «Мечислава» (бывшего коменданта Белостокского округа АК), который сражался против народной власти до 1947 года.

Согласно одной из директив ру-

▲ Селивановский Н.Н

ководства организации, перед «ДСЗ» стояло три основных задачи:

- организация вооруженного сопротивления и ликвидация лиц, оказывающих поддержку народной власти;
- совершение актов саботажа и диверсий;
- проведение враждебной пропаганды среди населения.

Активное участие в боевых действиях «ДСЗ» началось с момента ее рождения. Основная причина — брожение среди бывших членов АК, которые летом и ранней осенью 1944 года вступили в ряды Войска Польского и участвовали в боях за освобождение родины. Весной 1945 года был зафиксирован ряд вооруженных выступлений в войсковых частях и подразделениях Войска Польского, расположенных в восточных воеводствах Польши. В ликвидации многих из них участвовали подразделения 64-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД.

В феврале 1945 года в боевых действиях против повстанцев начал участвовать 198-й отдельный мотострелковый батальон внутренних войск НКВД, до этого выполнявший в Люблине функции охраны органов местной власти. Довооруженный и доукомплектованный, этот батальон стал ударной силой в борьбе с повстанческим движением. В его состав вошли не только мотострелковые и пулеметные роты, но также танковая и броневедомственная. В первой же операции, проведенной 6—7 февраля 1945 года в районе Засинек (Люблинское воеводство), это подразделение частично уничтожило и рассеяло отряд АК численностью около 50 человек.

Полностью рассчитывать на польскую армию не приходилось. Распространенное тогда явление — дезертирство. Новобранцы, чаще всего, сбегали домой, а вот старослужащие уходили с оружием в руках к повстанцам.

Один из типичных инцидентов. Рота курсантов численностью 74 человека под командованием поручи-

▲ Сверчевский К.К.

ка Кулика 2 марта 1945 года покинула с оружием в руках танковое училище Войска Польского в городе Хелм с целью присоединиться к отрядам АК. Однако уже на следующий день силами 2-го батальона 98-го пограничного полка эта группа была настигнута и окружена. В результате боя 5 беглецов были убиты, 5 — ранены, 39 — захвачены в плен, некоторым удалось скрыться.

Аналогичный случай произошел 3 марта 1945 года, в военном лагере около города Радзынь в Люблинском воеводстве. Там восстал запасной батальон 9-й пехотной дивизии Войска Польского. Бунтовщики убили командира батальона и всех офицеров Красной Армии, а затем направились на восток в район севернее Влодавы на реке Буг, намереваясь перейти границу и пробраться к Пинским болотам. Через три дня специально сформированный истребительный отряд в составе 198-го отдельного мотострелкового батальона (250 че-

ловек с танком и броневедомствами) и 200 военнослужащих Войска Польского прижал восставших к границе в районе переправ через Буг на участке Ганна — Долгоброды, где их встретили заслоны 15-го погранотряда (250 человек). Части восставших удалось прорваться через Буг, однако они были настигнуты на следующий день. В ходе боев 6—8 марта 1945 года убиты и были захвачены в плен 285 восставших.

А вот пример другого типичного ЧП. 18 апреля 1945 года «банда АК» совершила вооруженный налет на здания уездного и городского управления общественной безопасности в городе Новы Торг. В результате погибло четверо сотрудников госбезопасности и освобождено 24 арестованных.

Советское командование регулярно проводило анализ причин гибели военнослужащих Красной Армии. В результате очередной проверки выяснилось, что порой виноваты сами

жертвы. Сначала доверчивые русские парни выпивали с местными жителями, а потом «славянские братья» их убивали. Впрочем, о подобных маленьких «хитростях» своих нынешних «героев» в сегодняшней Польше предпочитают не вспоминать.

Органы госбезопасности СССР и Польши продолжали планомерную ликвидацию вооруженной оппозиции. В результате войсковых операций на 16 апреля 1945 года было убито 900 бандитов и 1300 захвачено в плен. Изъято 37 пулеметов, 270 винтовок и большое количество военного имущества.

Цифры впечатляют. Правда, не все из арестованных сражались с оружием в руках против новой власти. В качестве маленького примера — отчет об одной из акций того периода.

С 14 по 19 марта 1945 года крупная операция была проведена 375-м стрелковым полком в районе года Дынув (Жешовского воеводства) против формирования Армии Крайовой, терроризировавшего украинское население села Лубно. После того,

как подразделения полка, окружив несколько соседних польских деревень, не сумели ликвидировать отряд АК, а всего лишь рассеяли его, «было принято решение об изъятии всего мужского населения в возрасте от 17 до 45 лет... В результате проведенной облавы изъято 320 чел. мужского населения, из которых после фильтрации направлено в тюрьму г. Санок 282 чел.».

А еще были те, кто только намеревался начать борьбу за независимость Польши. Например, в начале мая 1945 года в городе Кракове было арестовано 22 члена диверсионно-террористического отряда, который по предположению советских контрразведчиков входил в структуру распущенной Армии Крайова.

Дело в том, что организатор отряда Владислав Базинский (член АК) получил указание о формировании подразделения из Варшавы. От кого именно, выяснить не удалось — задержанный покончил жизнь самоубийством (выбросился из окна третьего этажа управления госбез-

опасности). К счастью члены отряда не успели совершить не одного преступления.

По состоянию на 10 мая 1945 года на территории народной Польши было зарегистрировано 23 активно действующих националистические банды общей численностью 6000 человек. Их распределение по воеводствам было следующим:

- Белостокское — 10 банд;
- Люблинское — 9 банд;
- Жешувское — 3 банды;
- Варшавское — 3 банды;
- Краковское — 3 банды.

В результате бандитских налетов с 1 по 10 мая погибло 10 советских военнослужащих, 16 польских милиционеров, 3 сотрудников местной госбезопасности и было освобождено из тюрем 233 заключенных. Благодаря оперативно-агентурным мероприятиям арестовано 630 человек, из них 288 захвачены в результате проведения войсковых антиповстан-

▲ Генерал Грушецкий беседует с «аковцами»

ческих операций. Кроме того, по неполным данным за это время убито 135 бандитов.

В начале июня 1945 года активность повстанцев возросла. Так за период с 1 по 10 июня 1945 года ими было совершено 120 налетов. При этом погибло 16 советских военнослужащих, 3 сотрудника польской госбезопасности, 27 местных милиционеров, 25 служащих и партийных активистов, 278 человек гражданского населения. За тот же период времени уничтожено 378 бандитов и захвачено в плен 514 человек. Потери Красной Армии при проведении этих войсковых операций — 23 погибших и 7 раненых. Сотрудниками местных правоохранительных органов выявлено и арестовано 753 бандита.

4 августа 1945 года банда численностью 150 человек под предводительством Антония Хедознама, одетая в форму Войска Польского, в течение нескольких часов удерживала власть в городке Кельцы. Налетчики освободили из тюрьмы 375 человек. Охрана даже не пыталась оказать сопротивление.

Было организовано преследование незваных гостей. В результате скоротечного боя 3 бандита были убиты, 8 ранены и 1 захвачен в плен. Потери подразделения Красной Армии — 1 офицер убит и 4 красноармейца ранены.

Часто отряды АК занимались обыкновенным грабежом. Например, 24 июля банда из 12 человек совершила разбойное нападение на сберкасса в Варшаве и завладела 200 000 злотых.

Очередной налет на тюрьму произошел 9 сентября 1945 года. Банда численностью до 130 человек освободила из тюрьмы города Радом 292 человека. В результате боя погибло 10 бандитов, двое советских пограничников 10-й заставы 18-го погранполка, двое военнослужащих Войска Польского и двое местных милиционеров. Банда сумела уйти. По крайней мере спустя неделю после ЧП банду еще не ликвидировали.

В ноябре активность банд АК резко возросла. Теперь, кроме освобождения заключенных, они совершали

и террористические акты. Например, 16 ноября 1945 года банда численностью 30 человек совершила налет на железнодорожную станцию Демблин (100 км юго-восточнее Варшавы). В результате погибло 11 сотрудников госбезопасности и местных жителей, 3 красноармейца. 23 ноября 1945 года банда численностью 70 человек разгромила отделение общественной безопасности и милиции в городе Жохы Нове. Погибло девять сотрудников правоохранительных органов и членов их семей.

Сотрудники местных польских органов госбезопасности совместно с коллегами из Советского Союза активно боролись с бандитизмом. Например, в начале марта 1946 года войсками МВД СССР совместно подразделениями Корпуса внутренней безопасности Министерства общественной безопасности Польши была ликвидирована банда Евгения Кокольского — убито 18, ранено 8, задержано 120 повстанцев. Банда организационно оформилась еще в июле 1945 года и насчитывала до 150 членов. Бандиты совершили 93 вооруженных нападения на различные организации, сотрудников местных правоохранительных органов и местных жителей. Они убили 17 человек, в том числе двух военнослужащих Красной Армии и пять сотрудников подразделений общественной безопасности и милиции.

Как уже было сказано выше, «правопреемницей» «ДСЗ» стала «ВиН». Полное название организации «Вольность и Неподлежность» — Движение сопротивления без войны и диверсий. Она была создана после 14 августа 1945 года — дня, когда полковник Ян Жепецкий (командовал «ДСЗ» с мая 1945 года) формально объявил о роспуске «Делегатуры сил збройних». При этом на деле основной руководящий актив подполья не только не легализовался, но еще и усилил конспирацию.

В уставе «ВиН» говорилось: «целью объединения является завоевание и воплощение в жизнь в Польше принципов демократии в западноевропейском понимании этого слова». При этом среди способов борьбы

не исключались диверсии и террор, а также сбор и передача иностранным разведкам секретной информации экономического, политического и военного характера.

Новая организация активно использовала основные кадры «ДСЗ», ее финансы, технические средства и каналы связи с Лондоном. При этом ее руководство формально отказалось от вооруженной борьбы. О «гражданско-политическом» характере новой организации свидетельствует ее структура, которая предусматривала существование трех отделов:

- пропаганды — издание газет и листовок, устная агитация;
- разведка — сбор военной, политической и экономической информации и передача этих сведений в Лондон;
- контрразведка — охрана подполья от репрессий со стороны органов общественной безопасности.

Во главе «ВиН» стояло Главное управление, подчинявшееся Главному исполнительному комитету. В результате многочисленных арестов местонахождение и состав Главного управления часто менялись.

В I Главное управление, функционировавшего с сентября по ноябрь 1945 года в Варшаве, входили председатель полковник Ян Жепецкий («председатель»), генеральный секретарь Бокшанин (с конца сентября 1945 года — подполковник Т. Яхимек). Окружными председателями являлись: Центральный округ — подполковник Рыбицкий; Западный — подполковник Щурек Церговский; Южный — полковник Антоний Саноцца.

В состав II Главного управления (декабрь 1945 — август 1946 года) в городе Гливице входили председатель — полковник Ф. Непокульчик, зам. председателя — К. Ролевич, шеф разведки — Е. Бзымек-Стшалковский. Председатели окружных управлений: Центрального — подполковник В. Квечинский; Южного — майор Л. Чеплынский («Плуг»).

▲ Боевики группировки Свободы и Независимости

Состав III Главного управления (сентябрь 1946 — январь 1947 года) в Варшаве: председатель — В. Квечинский; зам. председателя — С. Сендзяк (военные и организационные вопросы); зам. председателя — К. Чарновский (политические вопросы).

Состав IV Главного управления (январь-ноябрь 1947 года) в городе Забож: председатель — майор Л. Чеплинский; вице-председатель и председатель Западного округа — А. Лазарович; председатель Южного округа — Ф. Блажей; председатель центрального округа — Жендский.

Официальное решение о начале деятельности «ВиН» было принято 2 октября 1945 года на проходящем в тот день в Варшаве съезде бывших региональных руководителей «ДСЗ». Первый состав руководства новой организации оставался на свободе недолго. Уже в ноябре 1945 года советские чекисты арестовали в Варшаве действовавших в подполье председателя главного исполкома ВиН полковника Яна Жепецкого, его заместителя полковника Антония

Санойцу и еще около 70 человек, в том числе аппарат отдела заграничной связи. Этот отдел занимался конспиративной техникой, изготовлением документов, переправкой людей за рубеж, в нем работали в основном женщины, в том числе начальник отдела капитан АК Эмилия Малесса, в правлении «ВиН» курировала отдел София Поплавская. Были ликвидированы почти все каналы связи с Лондоном — изъято 5 радиостанций и арестованы четыре курьера лондонского штаба польских вооруженных сил. К тому же местным чекистам удалось захватить почти все финансовые средства организации общей суммой до полутора миллионов долларов.

Несмотря на аресты, активность боевых подразделений «ВиН» заметно не снизилась. Если в октябре 1945 года на территории всей страны было зафиксировано 62 террористических нападения, то в ноябре их число возросло до 188, а в декабре остановилось на отметке 225.

Так, банда под предводительством «Орлика» общей численностью

300 человек в Горволинском уезде Белостокского воеводства регулярно грабила поезда и железнодорожные станции. До декабря 1945 года преступники убили несколько десятков местных коммунистов, 40 сотрудников органов госбезопасности и милиции, а также 13 военнослужащих Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского. Кроме того, они захватили в плен 31 сотрудника службы безопасности, 25 солдат и несколько гражданских лиц. Почти все пленные были убиты.

Другой пример. Отряд «Костки» в ночь с 13 на 14 ноября 1945 года, общей численностью около 300 человек, напал на город Томашев Люблинский. Бандиты были вооружены автоматами и минометами. Бой длился более полутора часов.

По состоянию на 1 января 1946 года, по данным польских правоохранительных органов, на территории страны действовало 51 банда «АК-ВиН» в составе 4596 человек. В феврале-марте 1946 года в результате массовых арестов свободы лишились 3203 человека, в том числе

руководители региональных подразделений «ВиН». Хотя эти репрессивные меры не изменили ситуацию. По состоянию на 1 мая 1946 года в стране действовало 49 банд «АК — ВиН», в составе 7600 человек.

В течение первого полугодия 1946 года в боях с подразделениями польской армии и правоохранительных органов ликвидировано 1527 повстанцев, 13 808 человек было арестовано. Было изъято 6822 единицы различного оружия. По данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности за этот же период произошло резкое сокращение количества крупных банд. Если в январе на территории страны действовало 222 отряда, то к 1 июня их число сократилось почти вдвое, до 125. Было зарегистрировано 2047 террористических актов и 2160 грабежей.

Очередная войсковая операция, в которой участвовали подразделения Корпуса внутренней безопасности и Войска Польского, была проведена с 5 по 27 февраля 1946 года на территории трех воеводств: Варшавского, Белостокского и Люблинского. В результате только в Белостокском воеводстве было арестовано 800 человек, изъято 158 единиц различного оружия. В Люблинском воеводстве было убито 107 бандитов.

В апреле 1946 года министр общественной безопасности Польши Станислав Радкевич подвел первые итоги борьбы правоохранительных органов с повстанцами. По его утверждению было ликвидировано 191 вооруженная группа и изъято 15 тысяч единиц оружия. За это время от рук бандитов погибло около 7 тысяч человек, из них около тысячи сотрудников правоохранительных органов. В своем выступлении министр сознательно не назвал количество убитых и арестованных бандитов. Цифры свидетельствовали бы не в пользу правительства.

Во втором полугодии продолжалось, хотя и медленное, но снижение количества крупных отрядов. По данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности в июле их было 162, то к декабрю осталось 107. В тоже время возросло количество убитых, раненых и арестованных бандитов. В октябре их было, соответственно, 214, 47 и 821, в ноябре — 130, 34 и 1019, в декабре — 139, 333 и 1428 человек.

«ВиН» активно занималась не только террористической деятельностью, но и разведывательной. Например, инструкция, составленная руководством организации в феврале 1946 года, предписывала сбор сведений различной тематики: поли-

тической — освещение деятельности различных политических партий изнутри; экономической — внешняя торговля и выпускаемая различная промышленная продукция; военной — состояние вооружения и личный состав; а также информация об аппарате госбезопасности и министерства обороны. При этом основное внимание уделялось сбору сведений военного характера в интересах разведок англосаксонских стран. Так же серьезно рассматривался вопрос о возможности выполнения членами «ВиН» шпионских и диверсионных заданий в пограничных с Польшей районах СССР.

Весной 1946 года руководство повстанческой организации разработало план «О» («оплюсквяне» — «клевета»). Данная пропагандистская акция должна была продлиться 13 недель, и направлена на дискредитацию правящего режима в глазах населения страны. Данная акция началась в июне. Ее разработчикам частично удалось достичь намеченной цели.

Армия Крайова и ее правопреемники была вовсе не единственной польской организацией, ведущей борьбу с новой властью. «Народовые силы збройне» (НСЗ) (Национальные вооруженные силы) имели не менее длинную «родословную», чем Армия

▲ Отряд АК

▲ «Аковцы» покидают Варшаву, на переднем плане Комаровский

Крайова, хотя значительно уступали АК по количеству боевиков и размаху повстанческой деятельности.

Еще в 1887 году на территории Польши появилась правая националистическая партия, которая в 1928 году стала именовать себя «Стронництво народов» («СН», «Национальная партия»). Ее политическую программу отличал оголтелый национализм, антикоммунизм и антисемитизм. Часть этой партии, принявшая программу немецких фашистов в 1934 году, стала именовать себя «Обуз Народово Радикальны» («Национально-Радикальный лагерь» — ОНР).

Весной 1940 года военно-конспиративная организация «СН» получила название «Национальная военная организация» («НВО»). Позднее, часть ее отрядов вошла в состав АК, а остальные подразделения совместно с «ОНР» создали независимую от АК организацию: «Народове силы збройне». Осенью 1942 года эта военная организация насчитывала около 35 тыс. человек.

В 1943 году в «НСЗ» были созданы специальные отряды для борьбы с коммунистами и их партизанскими отрядами, а также леворадикальным крестьянским повстанческим движением, например, с «Батальони

Холопски» («Крестьянские батальоны» — БХ), которые в 1945 году вышли из подполья и были расформированы. Часть отрядов «НСЗ» активно сотрудничала с гитлеровцами, а затем вместе с ними ушла за пределы Польши. В то же время другие отряды «НСЗ», наоборот, боролись с немецкими оккупантами. После прихода Красной Армии оставшийся на территории Польши подразделение «НСЗ» и специально сформированные отряды «Поготове акции специальной» (Готовность к специальному действию — ПАС) вели вооруженную борьбу против новой власти и советских войск.

В 1943 году Главный штаб АК пытался включить «НСЗ» в состав Армии Крайовой. Однако эти усилия встретили активное сопротивление как со стороны праворадикального руководства «НСЗ», так и со стороны умеренных, демократических элементов АК. В частности, представители «НСЗ» требовали полной организационной и политической независимости в рамках АК, а также санкцию на вооруженную борьбу с левыми партиями и теми военизированными организациями, которые были ориентированы на Москву. Например, «Гвардия людова» — ГЛ (военно-конспиративная организа-

ция просоветской Польской рабочей партии — ППР).

В марте 1944 года часть отрядов «НСЗ» вошло в состав АК. Это повлекло за собой неподчинение большинства отрядов «БХ», которые вообще не вступили в АК, а те, кто до этого выполнял указания Главного штаба, начали их игнорировать.

Один из первых боев между созданными подразделениями правоохранительных органов (оперативные группы госбезопасности и Корпуса внутренней безопасности МВД) и бандой «НСЗ» численностью около 100 человек произошел 24 мая 1945 года на полустанке Збедовицы. Потери сторон: убито 40 бандитов и 9 сотрудников правоохранительных органов.

6 июня 1945 года банда «НСЗ» под предводительством поручика Цыбульского («Сокол») учинила погром в украинской деревне Вежховина (113 км юго-западнее города Хелма). Отряд ворвался в поселок в форме бойцов Войска Польского, убил 202 мирных жителей и скрылся в соседнем селе.

Для ликвидации банды «Сокола» отправили отряд численностью 80 человек (сотрудники госбезопасности, милиции и курсанты школы подхорунжиев Войска Польского).

Оперативная группа сначала вступила в бой, но, оценив численное превосходство противника, разбежалась. Более того, 30 человек дезертировали и перешли на сторону врага.

Тогда в бой вступил второй батальон 98-го пограничного полка войск НКВД. В результате операции, которая проходила с 7 по 10 июня, погромщики были окружены в селе Гута и уничтожены: 170 убито в бою, 30 раненых сгорело во время пожара, 7 человек взяты в плен. Потери Красной Армии — 5 погибших и 1 раненый. Изъято: пять крупнокалиберных пулеметов, один станковый пулемет, четыре ручных пулемета, тридцать два автомата, шестьдесят две винтовки, восемь пистолетов, тридцать пять гранат.

Ранее, в марте 1945 года, отряд поручика Юзефа Бисса из АК убил 365 жителей украинского села Павлокома Березовского уезда. В апреле 1945 года отряд НСЗ уничтожил около 400 человек из украинского села Пискоровичи Ярославского уезда. Среди погибших от нападений польских отрядов на украинские села было более 20 униатских и православных священников.

Впрочем, такие нападения случались нечасто. Большинство инцидентов, где фигурировали члены «НСЗ» и «ПАС», это акты индивидуального террора (например, убийства представителей местной власти и правоохранительных органов), бандитизма (вооруженные ограбления денежных касс и магазинов), а также агитация (в частности, расклейка листовок). Так, арестованные в августе 1945 года в Ланцутском уезде Жешувского воеводства шесть членов «НСЗ» совершили до ста террористических актов, а банда из 10 человек похитила в июне 1945 года только при одном налете 11 млн 400 тысяч злотых.

Иногда подразделения «НСЗ» совершали нападения на отдельные учреждения правоохранительных органов. Так, в ночь с 22 на 23 июня 1945 года банда совершила налет на отделение милиции в городке Закжувеке (уезд Крашник) и убила 13 милиционеров.

Члены «ПАС» занимались тем же самым, что и их «коллеги» из «НСЗ» — убивали сотрудников правоохранительных органов, представителей политических партий, сотрудничающих с режимом и чиновников. Также они занимались и обычными грабежами. Например, в мае-июне 1945 года они совершили в городе Люблине три нападения: на Земельную палату, Национальный хозяйственный банк и другие учреждения. Их добыча составила 272 тысячи злотых.

Руководство «СН» постоянно искало новые способы борьбы с правительством страны. Так, в мае 1945 года в рамках «НСЗ» были созданы «Армия Польска» (Польская Армия — АП) и «Поколени Польски неподгличной» (Поколение независимой Польши — ППН). Обе организации просуществовали недолго и были ликвидированы к началу осени 1945 года правоохранительными органами.

Во второй половине 1945 года руководство «СН» предприняло очередную попытку реформирования вооруженных формирований. Теперь предполагалось объединить различные вооруженные группы в единую организацию под названием «Народовы звёздек войсковы» — НЗВ. При этом фактическое командование вооруженным подпольем осуществляло Главное командование «НСЗ». Действовавшие в стране отряды «СН» назывались по разному — в Жешувском воеводстве — «НОВ», в Варшавском и Белостокском — «НЗВ», а в остальных — «НСЗ», за исключением Познаньского воеводства, где временно употреблялось название «Подпольная армия».

Очередная инициатива президиума «СН» — в марте 1946 года совместно с единомышленниками из «ВиН» создали «Согласительный комитет организаций подпольной Польши» (СК-ПОПП), который должен был координировать деятельность учредителей. Отсутствие представителей других повстанческих организаций объясняется просто — к этому времени они перестали играть значительную политическую и военную роль в стране.

В начале октября 1945 года, по утверждению советника при

Министерстве общественной безопасности Польши генерал-лейтенанта НКВД Н. Н. Селивановского, «НСЗ» — «наиболее злобная антисоветская организация». В этом нет ничего удивительного. После самороспуска и частичной ликвидации АК руководство «НСЗ» решило занять пустующую «нишу». Эта попытка была обречена изначально на провал. Польские чекисты, под чутким руководством старших товарищей из Москвы, начали выявлять и арестовывать активных членов «НСЗ». Только в сентябре 1945 года в тюрьме оказалось 224 человека, а в руководящие звенья этой организации было внедрено двое агентов госбезопасности. На основании полученных от арестованных и агентуры данных началась подготовка операции по массовому аресту членов «НСЗ». Например, одного из руководителей этой организации предполагалось задержать, когда он вернется из-за границы и остановится на квартире, подобранной... агентом Министерства безопасности «Флором».

Понимая бесполезность «силовых» методов борьбы с новой властью, руководство «НСЗ», как и их коллеги из «ВиН», начало ориентироваться на гражданско-политические методы сопротивления существующему режиму. Хотя это не могло повлиять на решимость местных чекистов ликвидировать «НСЗ». Так в октябре-ноябре 1945 года было арестовано 879 активных участников этой организации, в т. ч. руководители двух из трех региональных отделений. Аресты членов «НСЗ» продолжались всю зиму. Только за три недели марта 1946 года в тюрьмах оказались 448 повстанцев.

Поначалу усилия правоохранительных органов оказались малоэффективными. Достаточно указать такой факт. Если по состоянию на 1 января 1946 года на территории страны действовало 34 банды «НСЗ», в составе 1552 повстанца, то к 1 мая 1946 их число возросло до 44 банд, а количество подпольщиков увеличилось до 6200 человек.

Это не спасло «НСЗ» от поражения. Постепенная деградация в бан-

ды уголовников, активность органов госбезопасности и армии, отсутствие поддержки со стороны населения и т. п. привели к стремительному уничтожению «повстанцев».

«Польская Самооборона Народов» (ПСН) была создана на базе «НСЗ» и действовала под руководством Адама Малиновского с 1945 по 1946 год в Страховицком уезде Келецкого воеводства. Кроме террористических актов и грабежей, повстанцы выпускали антиправительственную газету с одноименным названием. В марте 1946 года было арестовано большинство активных участников «ПСН».

В конце мая 1945 года на территории Познанского воеводства возникла «Всепольская самодельная группа охотника» — «Варта» (Великопольская самостоятельная оперативная группа ВСГО — «Варта»), которая действовала до ноября 1945 года. Она насчиты-

вала до 7000 человек, которые совершили серию терактов. Впервые о ней сотрудники госбезопасности узнали только из сообщения агента, датированного 21 июня 1945 года.

Когда в начале лета 1945 года на территории Польши было сформировано Временное правительство национального единства, западным державам пришлось отказаться от официальной поддержки правительства в изгнании и установить дипломатические отношения с Варшавой. Это, в какой-то мере, снизило политическую поддержку повстанцев со стороны Запада.

22 июля 1945 года была объявлена амнистия для участников бандаформирований, которые не совершили антиправительственных преступлений и были арестованы за мелкие правонарушения: незаконное хранение оружия, радиоприемников и т. п. По оценкам польских

историков она коснулась 42 тысяч человек. С этого времени началась постепенная «легализация» повстанцев.

Еще одна эффективная мера — постепенный вывод советских войск, участвовавших в охране тыла Красной Армии во время Великой Отечественной войны и боровшихся с бандитизмом в первый послевоенный год. В Москве прекрасно понимали, что справиться с повстанцами смогут только местные правоохранительные органы, которые подчинялись избранному народом, но подконтрольному Кремлю, правительству. Если поручить уничтожение радикально настроенной оппозиции войскам Красной Армии, местное население объединится в борьбе против «окупантов». С другой стороны, руководство «силовых структур» в Варшаве прекрасно осознавало, чем может обернуться для страны лояльное отношение местных властей к анти-

▲ Бойцы АК

▲ Родзивоник Анатолий - Олеха

советским организациям. Это стимулировало польские правоохранительные органы самим оперативно решать задачу по «нейтрализации» повстанцев.

Войска МВД СССР активно сражались с повстанцами до осени 1946 года, после чего специально сформированная для этого 64-я дивизия НКВД была переброшена на Западную Украину, где использовала свой богатый боевой опыт. Однако, несмотря на значительное военное превосходство и массовые депортации «бандпособников», боевые действия там продолжались до 1954 года. Еще два полка войск

МВД СССР — 90-й и 218-й — были выведены с территории страны осенью 1946 года, переформированы и включены в состав пограничных войск. Управление войск МВД СССР по охране тыла Северной группы Советских войск, которому подчинялись эти два полка, было расформировано.

Эффективным способом борьбы с повстанцами оказалась объявленная польским сеймом амнистия февраля-мая 1947 года. В результате «легализовалось» 54 623 человека, было сдано 13 883 единицы оружия, из тюрем выпущено 26 285 заключенных.

Кроме того, многим был сокращен срок пребывания под стражей, а 64 приговоренным к смертной казни эта высшая мера наказания была заменена различными сроками тюремного заключения. Все это привело к тому, что повстанцы лишились не только народной поддержки, но и резерва.

Согласно данным главного штаба Корпуса внутренней безопасности и Министерства общественной безопасности, в июне 1947 года в стране действовало 53 крупные вооруженные группы. В мае 1947 года ими было совершено 453 разбойных нападения.

Всего же за 1947 год на территории страны было зарегистрировано 1834 террористических актов и 5219 актов грабежа. В результате погибло 1351 человек. Правоохранительными органами совместно с войсками было проведено 4878 боевых операций. Убито 1486 и арестовано 6165 бандитов. Всего было изъято 7370 единиц оружия, в том числе 1248 автоматов, 32 станковых и 476 ручных пулеметов. Потери правоохранительных органов и армии составили 138 убитых (из них 14 сотрудников госбезопасности и милиции) и 128 раненых.

Этого было недостаточно, чтобы ликвидировать бандформирования на территории страны. Поэтому 11 ноября 1947 года Государственная комиссия безопасности приняла «Оперативные директивы по борьбе с бандитизмом в период зимы 1947—1948 годов».

В первом квартале 1948 года было совершено 1448 бандитских налетов. Из них 1025 — нападения на кооперативы и частных лиц. Погибло 175 человек. Бандиты захватили 40 млн. злотых и товаров на сумму 26 млн. злотых.

Большинство банд было уничтожено польскими правоохранительными органами в течение 1948 года.

В 1947 году «ВиН» была «официально» ликвидирована. А через год местные чекисты, под мудрым руководством советников из Москвы, реанимировали эту организацию. В 1949 году в Лондон, используя ста-

рый канал «живой связи», отправился курьер с сообщением о том, что повстанцы продолжают действовать. Начиная с 1950 года, ЦРУ активно поддерживало этот очаг «сопротивления» коммунистическому режиму. Оно регулярно снабжало «повстанцев» оружием, радиопередатчиками и золотыми монетами. В качестве платы за информацию, которая «вполне могла быть подготовлена в Лондоне или Париже на основании публикаций варшавских газет». Так утверждали на пресс-конференции, проведенной в 1952 году, местные чекисты — участники операции. Так же они утверждали, что «Господа из секретных служб США не получили от нас даже такой информации, как цены на продукты или объем поставок в какие-то города страны, которые они так хотели получить».

А вот Фрэнк Визнер, глава отдела политической координации, который курировал эту операцию в ЦРУ, был, однако, убежден, что «ВиН» представляет серьезную угрозу коммунистическому режиму. Он даже, якобы, пришел к выводу, что «ВиН» не хватанет только противотанкового оружия... «что бы изгнать Красную Армию из Варшавы».

Местные чекисты мечтали об американском генерале, которого они неоднократно просили прислать для организации сопротивления. Понятно, что нужен он был им для громкого международного политического скандала. Вояку так и не прислали, а в декабре 1952 года на польском радио в двухчасовой передаче местные чекисты рассказали об этой операции. Помимо того, что это сильно унизило ЦРУ, но и позволило властям Польши ликвидировать остатки оппозиции.

Это «шоу» было организовано в лучших традициях пропаганды «холодной войны». Участвовавшие в передаче «подпольщики» рассказали о том, что в органы госбезопасности в 1952 году явились некие И. Ковальский и С. Сепко, которые в 1948 году были членами руководящего состава «ВиН». Они добровольно сдали различную секретную документацию (переписку, шифроблокноты,

инструкции), радиостанции, оружие и один миллион долларов, полученный от разведок англосаксонских стран.

Так же они подробно рассказали о некоем плане «Вулкан», согласно которому «ВиН» должна была «организовать, обучить и подготовить оперативный подпольный состав в таком количестве, чтобы он был в состоянии обеспечить эффективный шпионаж и диверсии, а также сделать невозможным использование железных и шоссейных дорог Польши во время войны». Далее в плане указывалось, что ЦРУ обязывалось подготовить высококвалифицированную группу американцев польского происхождения, которые будут переброшены на территорию Польши для диверсионной работы. К плану был приложен подробный перечень промышленных предприятий и других объектов на территории страны, которые подлежали уничтожению.

В это же время было окончательно покончено с польским бандитизмом на советской территории. В мае 1949 года был ликвидирован один из последних крупных (около 800 человек) отрядов АК под командованием «Олеха» (Анатолий Радзивоник), совершавший многочисленные убийства советских работников, сотрудников милиции, колхозников в Гродненской области. После операции, проведенной полком внутренних войск МВД, отряд был разгромлен, «Олех» убит.

К 1951 году в результате амнистий в Гродненской области более 2 тыс. аковцев сложили оружие (некоторые из них были убиты бывшими соратниками), но и после 1951 года продолжалась ликвидация банд — «Гражуолиса» (из Литвы), «Бяржиса», «Сенка». С 1944 по 1952 годы в Гродненской области погибло от рук аковцев 774 человека — партийных, советских, комсомольских и хозяйственных работников, тружеников совхозов и колхозов, мирных жителей, часто вместе с семьями. Банда «Палоя» (Альфонс Тыркин) убила 38 переселенцев из УССР (банда была позднее уничтожена, атаману удалось уйти за кордон, в 1970-е годы он был об-

наружен проживающим в «братской» ПНР, но требование советской стороны о его выдаче было отклонено).

Эти данные не учитывают погибших офицеров и солдат МГБ и МВД. Известны имена офицеров МГБ, погибших в Гродненской области в 1947—1953 годах: Анатолий Федосимов, Иван Носков, Николай Стрельников, Александр Иванов, Андрей Стрелковский, Иван Арефьев, Георгий Князев. Последний по времени из погибших, капитан Андрей Стрелковский погиб в Лиде вместе с сержантом и рядовым (еще один рядовой был тяжело ранен) от руки бывшего аковца Яна Гринцевича, бежавшего из заключения и вернувшегося на родину, где и занялся террором (убил милиционера, уполномоченного министерства заготовок, председателя колхоза). После почти полугодового розыска Гринцевич, выданный крестьянином села, где он укрывался, в декабре 1954 года был арестован, затем расстрелян. В апреле того же года при задержании был застрелен Вацлав Озим, бывший солдат дивизии им. Костюшко, кавалер польских и советских орденов, после участия в убийстве начальника почты перешел на нелегальное положение. Его напарник, бывший колхозный бригадир Мурын сдался.

Если подвести итоги, то в период с 1944 по 1948 год органами госбезопасности Польши, совместно с коллегами из Москвы, было ликвидировано 3,5 тысяч вооруженных групп и убито около 8 тысяч бандитов. Потери польских правоохранительных органов и армии — 12 тысяч человек. В это число не включено 10 тысяч гражданских лиц — членов ППР и тех, кто пал от рук бандитов. Потери Советской Армии — около 1 тысячи человек.

В польском антикоммунистическом повстанческом движении приняло участие свыше 100 тысяч человек. Ими было совершено 54800 антигосударственных актов. В их числе: 17 152 убийства, 1030 налетов на железные дороги и мосты, 10 тысяч сожженных сельских усадеб и другие террористические и грабительские действия. ■

Г.В. ДОРОФЕЕВ

НАЧАЛО КОНЦА

▲ Первые лица в Политбюро

Холодный октябрь 1964 года. В природе шла сокрушительная ломка всех летних устоев — оборваны последние листья с деревьев, птицы, бросив свои обжитые места, улетают в теплые края; тяжелые свинцовые тучи, спрятав солнце, поливают землю морозящим дождем. Обезлюдели парки, скверы, бульвары...

Хрущев не любил это время года в Москве и, как правило, уезжал на Кавказ. Здесь, на берегу теплого и ласкового моря, среди вечно зеленой и цветущей природы он отдыхал душой и телом от одолевавших его забот о реформировании народного хозяйства и военного дела. То оружие,

которое было изобретено и имелось в распоряжении, ему не нравилось, и он приказал ученым сконструировать такой корабль, который мог плавать, нырять, летать... А, когда ему сказали, что такое невозможно, он пригрозил разогнать всю академию.

— Дармоеды, — ругал он ученых, — что значит, не может быть, а я вам приказываю. Не сделаете — выселю из Москвы.

Накануне отъезда он собрал и всех своих соратников, определил им задачу на время своего отсутствия. Договорились, что очередной пленум по проблемам сельского хозяйства проведут в ноябре.

— Поработайте хорошенько над

моим докладом, — сказал Хрущев, — идеи я вам высказал, а вы их только отшлифуйте.

Он внимательно посмотрел на собравшихся. Это были его кадры. Он их подбирал, формировал, тасовал, как колоду карт, по своему усмотрению, пока не добился (в этом он был уверен) абсолютной преданности, послушания и покорности. На недавнем его юбилее (Никите Сергеевичу 17 апреля исполнилось 70 лет) ему все пели хвалу, называли вождем партии, любимцем народа, гениальным продолжателем дела Ленина и главным строителем коммунизма.

Но это было в апреле, а сейчас октябрь. Два дня тому назад сын Сергей

ДОРОФЕЕВ Георгий Васильевич

— журналист, писатель, издатель. Его обостренное чувство социальной справедливости, личная ответственность за все происходящее, живой ум и критический взгляд на современную жизнь и на наше не очень далекое прошлое всегда находят отклик в сердцах читателей, а острые публицистические материалы неизменно вызывают интерес, побуждают читателя думать, сравнивать и делать оценки самостоятельно.

сказал, что его соратники готовят против него заговор. Эту информацию он якобы получил от бывшего чекиста, служившего в охране Игнатова, председателя Президиума Верховного Совета РСФСР.

— Кто участвует в заговоре? — спросил тогда у сына Хрущев.

Сергей, не задумываясь, ответил:

— Брежнев, Подгорный, Шелест, Игнатов, Шелепин...

— Не может этого быть, — перебил сына Никита Сергеевич. — Я их всех хорошо знаю. Это совершенно разные люди, и они никогда между собой не смогут договориться, — он с минуту помолчал и добавил: — Впрочем, расскажи все Микояну, пусть он займется этим делом.

Он тут же забыл о разговоре с сыном, а сейчас, отправляясь в отпуск, почему-то вспомнил.

— Отдыхайте, дорогой Никита Сергеевич, набирайтесь сил, — сказал Брежнев, — а мы тут поработаем и все сделаем, как вы сказали.

Однако отдыхать долго Никите Сергеевичу не пришлось. Четвертого октября он прилетел на юг, а двенадцатого около 21 часа в Пицунду позвонил Брежнев и пригласил его на заседание Президиума ЦК.

— А в чем дело?! — возмутился Хрущев. — Мы ведь обо всем договорились перед моим отъездом. Что вам не ясно?

Брежнев сбивчиво стал объяснять, что неожиданно возникли вопросы по его записке и появилась

настоятельная необходимость в его присутствии.

— Не можете и дня без меня обойтись, — начал закипать Хрущев, — позвони мне через час, я подумаю, посоветуюсь с Микояном, он со мной отдыхает.

Анастас Иванович и Хрущев дружили. Никита Сергеевич считал Микояна умнейшим человеком. Как-то ему рассказали, как Микоян облапошил самого Берия. Случилось это на заре политической карьеры Анастаса Ивановича. Тогда он еще не был вхож к Сталину, а Берия пользовался у Иосифа Виссарионовича доверием и часто с ним общался. Между прочим, занимался и «стукачеством», давая характеристики отдельным членам правительства и Политбюро. Микоян боялся, что Лаврентий Павлович может выставить его перед Сталиным в нехорошем свете, стал все свои выступления, в которых он хвалил Берия, показывать всесильному фавориту. Лаврентию Павловичу это понравилось, и он при всяком удобном случае нахваливал Сталина Микояна. Скоро Анастас Иванович стал заметной фигурой и поднялся по служебной лестнице.

Хрущеву Анастас Иванович оказал большую услугу в июне 1957 года, когда большинство членов Президиума ЦК попытались сместить его с занимаемых постов. Микоян остался на его стороне. С той поры и завязалась их дружба. Никита Сергеевич часто советовался с Мико-

яном и находил понимание. Так было и на этот раз, когда Хрущев рассказал ему о звонке Брежнева из Москвы. Анастас Иванович долго молчал, жевал губами, а потом посоветовал слетать в Москву и на месте разобраться, в чем там дело.

— Я тоже с тобой полечу, — как-то осторожно сказал Микоян. Помолчал и добавил. — Всякое может быть.

Последняя фраза не понравилась Хрущеву, но он не стал вникать, что за ней кроется, и когда Брежнев вторично позвонил ему, уже принял решение.

— Я завтра в 11 часов вылетаю вместе с Микояном, — сказал он и тут же безо всяких объяснений положил трубку. Какое-то предчувствие тревожило его, но он никак не мог понять, почему.

Уже в самолете Хрущев стал анализировать события последних дней и часов. Вспомнил, что накануне ему «забыли» сообщить о запуске космического корабля «Восход». Раньше такого никогда не было. Обычно сразу несколько человек спешили поделиться с ним такой информацией, а тут вдруг... «Возможно, что-то со связью, — подумал тогда Хрущев и тут же приказал своему помощнику соединить его со Смирновым, который первым должен был доложить о происходящих событиях на космодроме. Выяснилось, что связь работает, а корабль «Восход» вышел на орбиту.

— Почему вы мне не доложили об этом? — раздраженно спросил

▲ Очередная награда

Хрущев. — Имейте в виду, я вами недоволен.

Он не принял никаких объяснений Смирнова и бросил трубку. Для себя он объяснил этот случай разгильдяйством, за которое строго накажет Смирнова, а сейчас задумался. «Это неспроста, — подумал он, — что-то тут не так».

Насторожило его и появление военного корабля. Обычно во время отдыха его резиденцию с моря охранял пограничный катер, а теперь вдруг появился военный корабль. Это было необычно и наводило на грустные размышления.

Станным было и то, что во время его отъезда с дачи никто из первых кавказских лиц его не провожал. Правда, за воротами дачи к его машине подбежал генерал, командующий Закавказским военным округом, и объяснил, что Василий Павлович Мжаванадзе в Москве, отдыхает в Барвихе, а товарищ Джавахишвили уехал по районам.

— Мы не ожидали вашего столь раннего отъезда, — извинялся генерал, — и не смогли его предупредить.

Все эти, на первый взгляд, мелкие случайности и неожиданное требо-

вание Брежнева возвратиться в Москву, Хрущев увязал в единое целое и пришел к выводу, что соратники в сговоре, готовят его отставку. Этими мыслями он и поделился с Микояном. Анастас Иванович долго молчал, а потом сказал:

— Все может быть.

Теперь эта фраза вывела Хрущева из себя.

— Что ты заладил: «все может быть», — возмутился он, — ты лучше скажи, что нужно делать в этой обстановке?

Анастас Иванович не знал, как лучше поступить в этой ситуации. По совету Хрущева он встречался с чекистом, который располагал информацией о заговоре членов Президиума и долго беседовал с ним в присутствии сына Хрущева. Сергей все застенографировал. Микоян взял эти записи и положил их в нижний ящик... платяного шкафа.

Хрущев знал о существовании стенограммы, но в силу своей самоуверенности не придавал ей значения. Сейчас он жалел об этом и пытался выяснить у Микояна подробности его встречи с чекистом.

— Так о чем вы говорили? — спросил он Анастаса Ивановича. —

Факты у него были или так болтовня?

— Факты были, — ответил Микоян, — и ты их знаешь. Он сообщил о заговоре и о том, кто в нем участвует. Об этом тебе говорил и твой сын Сергей.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Никита Сергеевич, — я им покажу кузькину мать!

Однако в его голосе не было былой уверенности. Чувствовалось, что его взволновал разговор с Микояном.

Как вел себя Никита Сергеевич во время полета, рассказал Анатолий Михайлов, старший сержант из личной охраны Хрущева.

— С Никитой Сергеевичем я летал много раз, — вспоминал Михайлов, — и он всегда был приветлив, находил минутку, чтобы перекинуться с охраной парой прибауток. На этот раз все было иначе.

Явно чем-то расстроенный, Никита Сергеевич принялся вдруг расхаживать по салону, нервно потирая руки и озираясь по сторонам. И минут через десять впервые за все годы наших с ним полетов забарабанил кулаком в запертую дверь пилотской кабины, которую — и Хрущев об этом прекрасно знал — пилотам категорически запрещалось открывать в полете.

Как и следовало ожидать, на стук Никиты Сергеевича никто не отозвался. Минут через десять он постучал снова. И опять «глухо». Тогда он бросился к «крокодилу» (так бойцы называли своего командира).

— Майор! Приказываю экипажу лететь в Киев.

Охранники, конечно, наблюдали за Никитой Сергеевичем и уже внутренне напряглись до предела.

Майор не двинулся с места. Никита Сергеевич не ходил, а уже бегал по салону, повторяя свой приказ, он хватал то одного, то другого охранника за рукава.

— Товарищи, заговор! — кричал он, — поворачивайте на Киев!

Охрана молчала. Ей категорически запрещалось разговаривать с вождем. На какое-то время Хрущев как бы впал в оцепенение, сидел молча, а потом опять вскочил и подбежал к командиру.

— Майор! Ты — полковник! Ты Герой Советского Союза! Поворачивай на Киев.

Майор-полковник молчал. Это была ни с чем несравнимая драма. Один кричит, просит о спасении, а другой молча наблюдает за погибающим.

— Ребята! — опять умоляюще закричал Хрущев, — вы все Герои Советского Союза! Летим на Киев. Там наше спасение...

Никто не двинулся с места. Никита Сергеевич растерянно осмотрел всех и удалился в салон. Умерла последняя надежда одержать победу над своими соратниками — заговорщиками.

Поворот на Киев дал бы Хрущеву возможность выиграть время. На Украине у него было много друзей, обязанных своей карьерой лично ему. Он рассчитывал с их помощью дать бой своим московским сподвижникам. Кроме всего прочего, на Украине было сильное националистическое движение и можно было бы сыграть на шантаже, угрожая отделением республики от России. Все это внесло бы

в ряды заговорщиков разброд и шатание. Они бы сдались, и он бы их перестрелял, как врагов народа. Однако отказ охраны и летчиков изменить курс лишили его этой надежды.

...Наконец, посадка. Самолет долго рулил по полосе. Неспешно подали трап. Внизу маячат две фигуры — это председатель КГБ Семичастный и начальник управления охраны Чекалов. Такой встречи у Никиты Сергеевича еще не было. Обычно его встречали и провожали все члены Президиума ЦК. Они толпились гурьбой, и каждый считал за честь пожать ему руку. Теперь все пусто и страшно. Семичастный подошел к Хрущеву, вежливо и сдержанно пожав руку, поздоровался.

— С благополучным прибытием, Никита Сергеевич, — сказал он, — все уже собрались в Кремле и ждут вас.

Терпеть это тихое издевательство было выше его сил, и он дал волю переполнявшим его чувствам возмущения.

— Предатели! Хриstopродавцы! Вы еще пожалеете о содеянном! Я вам покажу...

Это были безадресные угрозы. Ему никто не возражал, и в этой абсолютной тишине были слышны глухие рыдания — похожие на стон.

* * *

13 октября 1964 года в 17 часов 30 минут Никита Сергеевич вместе с Микояном вошел в кремлевский зал заседаний. Здесь уже находились все члены Президиума ЦК, кандидаты и секретари ЦК КПСС. Окинув взглядом собравшихся, Хрущев обомлел — он не ожидал такого большого собрания. Теплилась надежда, что все вопросы и недоразумения они обсудят в узком кругу и разойдутся. Однако такой вариант при стечении большого количества членов руководящей верхушки явно не годился, и Хрущев тут же на ходу перестроился. Внешне он держался спокойно и невозмутимо.

— Так что же у вас здесь стряслось? — спросил он. — Я уезжал, проблем не было и вдруг... Кто будет вести Президиум?

▲ На трибуне ООН

▲ Брежнев Л.И.

В зале стояла гробовая тишина.

Увидев, что место председательствующего свободно, Хрущев занял его и, ни к кому не обращаясь, спросил:

— Кто же скажет, в чем суть вопроса?

В ответ опять тишина. Никита Сергеевич уловил замешательство среди собравшихся в зале, и захотел им воспользоваться, но здесь поднялся Брежнев. Тот самый Леонид Ильич, который, поздравляя его с семидесятилетием, вручал Золотую Звезду Героя Советского Союза, целовал, желая много лет жизни на благо советского народа. Хрущев считал, что Брежнев обязан ему своей карьерой и должен быть ему предан. Теперь он не узнавал своего питомца. Леонид Ильич говорил о том, что в Президиуме нет коллегиальности, а многие решения принимаются непродуманно и скоропалительно.

— Вы, товарищ Хрущев, ведете

себя возмутительно и позволяете себе оскорблять и унижать единомышленников.

Хрущев слушал, опустив голову. Ему вспомнилось, как совсем недавно он кричал на Брежнева только за то, что тот позволил себе закурить в его присутствии. Потом набросился на него, рванул изо рта мундштук с такой силой, что все присутствующие слышали шлепок брежневских губ, и выбросил его на лестницу.

— Еще раз закуришь при мне, — возмущался Никита Сергеевич, — я и тебя прикажу спустить с лестницы!

«Теперь он мстит мне за тот случай, — думал Хрущев, — но это вовсе не повод расправы надо мной».

—..Разделение обкомов на промышленные и сельскохозяйственные, — продолжал Брежнев, — это большая ваша ошибка, это просто неприемлемо. Мы пытались предо-

стеречь вас от подобной глупости, но вы никого не хотели слушать. Больше того, всем, кто выступал против вашей затеи, вы навешивали ярлык консерватора или сталиниста. Конечный результат этого реформирования — потеря авторитета партии, ухудшение морального климата...

Ликвидация отраслевых министерств и создание совнархозов — сокрушительный удар по всей экономике страны. Против этой реформы выступали практически все члены Президиума, но для вас их мнение ничего не значило. Вы творили все, что вам взбредет в голову. Результат этого «творчества» — снижение темпов производства, рост бюрократического аппарата, снижение уровня жизни людей.

Последняя ваша записка по совершенствованию управления сельским хозяйством путанная и перепутанная. Здесь ничего невозможно понять. Почему-то все считали, что вы, Никита Сергеевич, — знаток сельскохозяйственной отрасли. Но факты говорят об обратном. Вы просто разорили сельских жителей. В результате проведения ваших реформ исчезли 139 тысяч, как вы утверждаете, «неперспективных деревень». Они исчезали со скоростью 13 деревень в сутки. Это ведь что-то страшное. Люди бросают годами обжитые места и бегут в город, спасаясь от ваших благодеяний...

После Брежнева выступили: Шелест, первый секретарь ЦК КП Украины; Воронов, председатель Совета министров РСФСР; Козлов, секретарь ЦК КПСС; Шелепин, председатель комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета министров СССР; Мазуров, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии; Ефремов, председатель бюро ЦК КПСС по руководству сельским хозяйством; Сулов, секретарь ЦК КПСС... и многие другие. Все они говорили о том, что Хрущев играет в вождизм, назойливо выпячивая себя и всю документацию, свидетельствующую о его величии.

— Все газеты, — утверждали выступающие, — начиная от районных и кончая центральными, только то

▲ XX съезд партии

и пишут, какой мудрый и гениальный Хрущев. Да он и сам не стеснен скромностью.

У Хрущева было воинское звание генерал-лейтенанта. Он был членом военных советов ряда фронтов. Сравнить его заслуги с заслугами поистине видных военачальников, а тем более со Сталиным, руководившим страной в годы тяжелых испытаний, просто неуместно. Однако все полотна художников изображали, какой огромный вклад внес Никита Сергеевич в разгром фашистской Германии. Об этом трубили радио, телевидение, печать.

Никите Сергеевичу нравилось это восхваление, и он поощрял всех подхалимов, награждая их орденами и чинами. Он внимательно следил за мемуарами полководцев, и, если они не отмечали его «великого вклада» в разгром фашистской Германии, накладывал на публикацию табу. В этом плане он крепко обиделся на маршала Георгия Жукова, который в своих мемуарах вообще обошел все его «великие заслуги» молчанием.

— Как Первый секретарь ЦК КПСС, — говорили все члены Президиума, — Хрущев сознательно повел

партию по ложному пути, и партия стала утрачивать свое истинное назначение. Ее вынудили заниматься хозяйственными вопросами, превратив в инструмент экономической, а не политической деятельности.

До войны в партийном аппарате не существовало хозяйственных структур. Хотя этот аппарат и влиял на государственную деятельность, но все-таки в значительной степени он занимался партийно-политической работой, и не случайно в его структуре основным тогда считался отдел агитации и пропаганды. В годы войны ЦК партии превратился в аппарат Государственного Комитета обороны, которому была подчинена вся хозяйственная жизнь страны — руководство промышленностью, сельским хозяйством, культурой... Все советские и государственные органы были подчинены ЦК партии, взявшему на себя всю исполнительную власть. В условиях военного времени это было оправдано.

Но вот закончилась война и XIX съезд партии наметил структурную перестройку. Казалось, что партия вернется к своей основной идеологической работе, а хозяйственными

проблемами снова займется правительство. Однако ничего этого не случилось. С приходом к власти Хрущева все осталось по-прежнему. Руководство хозяйством полностью захлестнуло партийных работников всех рангов. Не имея достаточного опыта и знаний, они вмешивались в руководство всех отраслей народного хозяйства, давали непродуманные указания, за невыполнение которых строго взыскивали и наказывали. И тон здесь задавал Хрущев. Он организовывал показательные судилища, секретарей сельских райкомов, исключал из партии, если они не могли объяснить суть квадратно-гнездового метода или на какую глубину нужно вспахать землю для посадки свеклы.

Тоже самое происходило и в промышленных областях. В Донбассе, например, на пленумах и на заседаниях бюро обкомов партии говорили о передовых методах выплавки металла или об организации работ в очистных и подготовительных забоях, но не о партийно-идеологической деятельности. Занимаясь хозяйственными вопросами, партия утрачивала свое истинное назначение. Она взяла на себя руководство и контроль над

государством, отстранив от этих забот правительство и хозяйственные структуры. И в этом огромная вина Хрущева. Для партии это стало трагедией.

Забегая вперед, скажем, что и его преемники не изменили ситуацию к лучшему. Этим и воспользовались стратеги «холодной войны». Вся их пропаганда была направлена на дискриминацию и разрушение коммунистической партии, что и привело к развалу Советского Союза.

Огромный и, можно сказать, непоправимый вред партии и государству нанес Хрущев критикой культа личности. В силу своего троцкистского прошлого, безграмотности и невежества Хрущев не понимал, что с трибуны съезда партии и многочисленными выступлениями в стране и за рубежом он наносил удары не по Сталину, а по социализму, марксизму-ленинизму. Он фактически переречеркнул весь героический период строительства социализма в СССР, его уникальный цивилизованный опыт, деморализовал партию и советский

народ. Когда в США ознакомились с «секретным» докладом Хрущева — к слову сказать, он там появился спустя несколько дней после XX съезда и ни о каком секрете не может идти речь — один высокопоставленный работник центрального разведывательного управления сказал:

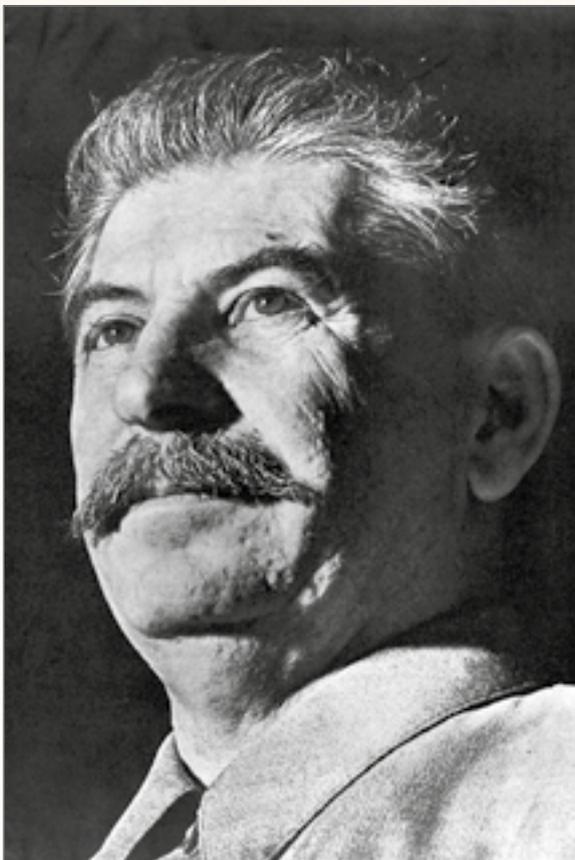
— Мы не ожидали такого подарка от Хрущева. Теперь коммунистической партии Советского Союза конец.

Сталина можно и нужно было критиковать. У него имелись ошибки, просчеты и злоупотребления. Но у него были и огромные заслуги. Под его руководством страна из аграрной превратилась в мощную индустриальную державу. Он провел такие экономические и социальные реформы, которые обеспечили победу в Великой Отечественной войне. Хрущевская критика Сталина была однобокой, предвзятой, личностной и клеветнической. Она была по всей партии и по каждому коммунисту, задевала, перехлестывала через край. И не случайно в стране и за рубежом

поднялся радостный ажиотаж. Ликовали все антисоветчики — от колчаковцев до власовцев, от уцелевших гитлеровцев до маккартистов. С тех пор жупел сталинизма был взят на вооружение различными отрядами реакции и контрреволюции.

Утверждение Хрущева, что он не догадывался о творимом беззаконии в стране и узнал о нем только после смерти Сталина не стоит выеденного яйца. Это ни что иное, как красивая мина при некрасивой игре или желание скрыть собственные преступления. Везде, где появлялся Хрущев, оставался кровавый след. По составленным им или его подручными спискам только на Украине, где у него была вся полнота власти, с 1938 по 1940 год было арестовано 167 тысяч 465 человек. Многие из них были приговорены к расстрелу. Не меньше людей пострадало и тогда, когда Хрущев возглавил Московскую партийную организацию.

— Развенчивая культ личности Сталина, — говорил министр оборо-

▲ Сталин И.В.

▲ Хрущев и Малиновский

▲ Хрущев, Берия, Маленков у гроба Сталина

ны Малиновский, — Хрущев создавал свой собственный культ. Он перестал советоваться, и все возражения отметал сходу. Поэтому люди стали бояться высказывать свои мысли.

Карибский кризис, из которого мы с трудом выкрутились, был создан Хрущевым. В итоге наш авторитет оказался подмоченным.

Реорганизацию и сокращение армии провели непродуманно. Потом Никита Сергеевич организовал поход против авиации. Здесь он пошел вопреки логике и принес прямой вред нашей обороне. Несогласившихся с ним он обзывал рутинерами. Все это било по боеготовности армии и флота.

Хрущев с невероятной легкостью, как подгулявший купчик, творил свою волю. Он внес сумятицу в танковые формирования и производство ракетной техники. Однажды ему показали боевую машину пехоты, на что он ответил: «Раз есть снаряд, пробивающий броню, сделайте простые автомобили». Корабль, по его мнению, должен быть «крылатым, ныряющим, плавающим и прыгающим». Даже человек с самым богатым воображением не мог представить корабль, обладающий всеми этими свойствами.

Хрущев сидел на председательском месте, вел собрание, предоставляя слово всем желающим выступить, никого не перебивал и не делал никаких замечаний. Выходило, что он сам руководил своей отставкой. Со стороны казалось, что он спокоен и владеет собой. Но это была только видимость. Им овладевали два чувства: жалость к себе и ненависть ко всем выступающим и тем, кто находился в зале. Это были все его выдвиненцы, его кадры. Еще вчера он мог каждого из них уволить с работы, исключить из партии и вообще расправиться по своему усмотрению, а сегодня?.. Они били его, начисто перечеркивая всю его деятельность, которой он гордился и считал мудрой, и за которую его хвалил даже сам Черчилль. Если бы можно было вернуть время к началу октября, он бы разогнал всю эту братию. Ругал себя за то, что не послушал сына, когда тот сообщил ему о заговоре. Если бы, если бы... Он тогда не поверил сыну. Подвела проклятая самонадеянность.

Однако в своем последнем выступлении Хрущев ничего этого не сказал. Он выразил признательность за критические замечания и заявил, что все свои силы, весь свой жизнен-

ный опыт (здесь он заплакал от жалости к себе) отдаст партии и советскому народу.

— Я прошу, — сказал Никита Сергеевич, — подготовить заявление о моем уходе на пенсию.

Так закончилась карьера человека, который пользуясь трудным положением в стране, путем интриг и шантажа, лжи, подхалимства и клеветы, по трупам поднялся на вершину власти. В течение десяти лет он импровизировал экономическое развитие Советского Союза и удивлял советских людей и весь мир своими авантюрными реформами.

* * *

Говорят, надежда умирает последней. Подписывая заявление о своей отставке, Хрущев не верил, что это окончательное решение. Была еще зацепка — его отставку должен был утвердить пленум ЦК КПСС, а здесь вполне возможен и другой поворот. Так, как это случилось в 1957 году. Тогда большинство членов Президиума также требовали его отставки, но в его защиту выступил пленум, и Никита Сергеевич приклеив им ярлык «антипартийной группы». Сейчас он рассчитывал на повторение такого варианта. С этой целью Хрущев подготовил обращение к пленуму, в котором упрекал своих обидчиков — Брежнева, Подгорного, Шелеста... — в сталинских замашках, в попытке свалить все неудачи в экономики с больной головы на здоровую. Он был уверен в победе. «Мы еще посмотрим, чья возьмет, — думал он, — и кому придется писать заявление об отставке. Впрочем, я их и без заявления...»

Днем 14 октября начал работать пленум. Открыл его Брежнев, объявив, что на повестке дня стоит один вопрос — ненормальное положение, сложившееся в Президиуме ЦК в связи с неправильными действиями первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Затем он предоставил слово Михаилу Суслову, который выступил с большим докладом.

Михаил Андреевич был не только секретарем ЦК КПСС, но и ближайшим другом Хрущева. Именно Сулов чаще других восхвалял все его начинания. Теперь он все перечеркивал и во всех неудачах в партии и экономике обвинял только его — Хрущева.

— Со временем, — говорил докладчик, — Хрущев стал настолько самоуверенным, что фактически самолично, минуя Президиум, правил партией и государством. Он возомнил себя непогрешимым, присвоил себе монопольное право на истину. Всем, кто делал ему замечания, он высокомерно давал пренебрежительные и оскорбительные клички, унижающие человеческое достоинство. В итоге коллективное руководство становилось фактически невозможным. К тому же Хрущев систематически занимался интриганством, стремясь посорить членов Президиума друг с другом.

О стремлении Хрущева уйти из-под контроля Президиума и ЦК свидетельствовал и тот факт, что за последние годы проводились

не пленумы ЦК, на которых обсуждались бы назревшие деловые проблемы, а всесоюзные совещания с участием до 5–6 тысяч человек, с трибуны которых звучали восхваления в адрес Хрущева.

Сулов повторил многие факты безобразного и самонадеянного поведения Хрущева, которые уже приводились на заседании Президиума, но было и много нового, что Хрущев услышал впервые.

— Хрущев утратил чувство меры, — говорил Сулов, — он занимался подтасовкой цифр и фактов. Судя по его выступлению, мы уже давно перегнали Америку.

Максимализм и нетерпение Хрущева неизбежно вели к авантюризму и порождали цепную реакцию. На местах создавалась видимость успеха. Многие партийные руководители делали на этом свою карьеру и получали награды. Сам Хрущев также находился в плену надуманных цифровых показателей и каких-то облачных идей. Не анализируя фактического положения дел в стране, он

торопил партию с принятием новой программы КПСС. Он делал сногшибательные заявления, выдавая желаемое за действительное.

По его многочисленным утверждениям, а точнее так ему хотелось, Советский Союз в ближайшее десятилетие (1961–1979 гг.) создаст материально-техническую базу и превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма—США. Значительно подымется благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток.

Предложенные Хрущевым цифровые выкладки и в целом взятое им поспешное направление вызывали серьезные возражения со стороны ученых и членов рабочей группы, занимающейся подготовкой программы партии. Но им советовали оставаться при своем мнении и помалкивать.

Будучи не у дел, находясь на пенсии, Молотов сказал:

— Программа скандальная для коммунистов... Это, видимо, продикто-

▲ Молотов В.М.

▲ Косыгин А.Н.

▲ Хрущев и Мао Цзедун

вано левой ногой «Савраса без узды». Не могло быть коммунизма за этот отрезок времени, о котором говорил Хрущев. Для этого нет ни внутренних, ни международных условий. В силу своей малограмотности и ограниченности Хрущев не понимал этого. У него были высокие амбиции, но, как говорится, не было амуниции.

Много неприятного услышал Хрущев о своей дипломатической деятельности. Он любил выступать по международным проблемам и считал себя крупным знатоком в этой области. Обычно тексты его выступлений готовились в Министерстве иностранных дел. Никита Сергеевич их заучивал или читал, сбиваясь на труднопроизносимых именах и сложных предложениях. При этом слушатели скучали, а Хрущев нервничал и еще больше сбивался с написанного текста. Он отодвигал его в сторону и заявлял, что хочет высказать свое мнение о ситуации, сложившейся в мире и в отношениях с США. Аудитория сразу же оживалась, а Ни-

кита Сергеевич, закусив удила, несся во всю прыть: «У американских империалистов рожа в дерьме, а Эйзенхауэру надо заведовать детским садом».

В пух и прах раскритиковав американского президента и всех импе-

риалистов, Никита Сергеевич спохватывался.

— Я тут малость отклонился от текста, — говорил он, — но это только на пользу дела. Я вижу вон, как иностранные корреспонденты выбегают из зала, чтобы своими телеграммами клеветать на меня — Хрущев, мол, так и этак сказал... Советую вам: поменьше брешите, господа хорошие... Мы самого Бога за бороду взяли, а уж на вас найдем управу... Перехожу к тексту.

Речи Хрущева, опубликованные у нас и на Западе, коренным образом отличались друг от друга. В Советском Союзе печатали подправленное и приглаженное выступление, а за рубежом — в первозданном состоянии, что нередко доставляло немало неприятностей МИДу.

Хрущев демонстративно пренебрегал (фактически он их и не знал) дипломатическими манерами. В историю, регистрирующую всевозможные казусы, вошло его — на виду у всех в зале Генеральной ассамблеи — стучание ботинком, снятым с ноги, по столу. Так Никита Сергеевич выразил свой протест по поводу выступления филиппинского делегата. На Западе это окрестили башмачной дипломатией, а в Советском Союзе сконфуженно помалкивали или, напротив, пытались преподнести как мастерский ход дипломатии нового типа:

▲ Кеннеди и Хрущев

вот, мол, на что приходится идти, чтобы выразить протест против пособников американского империализма.

От хрущевской дипломатии содрогались все здравомыслящие люди. Балансируя на грани войны и мира, он внес раскол в международное коммунистическое движение. Против Хрущева и его идей выступил Мао Цзэдун. Китайский лидер считал, что Хрущев, выступая на XX съезде с докладом о культе личности Сталина, объективно играл на руку врагам коммунизма.

— Хрущев, — утверждал Мао, — вложил меч в руку империалистов и помогает им расправиться с нами. Если Советам меч ни к чему, то мы никогда не выпустим его из своих рук и распорядимся им как следует. Пусть в Советском Союзе оскорбляют своего вождя, но мы всегда будем чтить его память и считать его мудрейшим политиком XX века.

Одного этого заявления было достаточно, чтобы Хрущев ополчился

не только против Мао, но и против китайского народа. В июне 1960 года последовала его команда: отозвать из Китая всех советских специалистов и не оказывать Китаю экономической помощи. По мнению современников, из всех зол, совершенных Хрущевым в годы его правления, разрыв с Китаем можно поставить в число наибольших.

На пленуме Хрущеву пришлось услышать и много других упреков в его просчетах в дипломатической деятельности. Зачем, спрашивается, ему нужно было соорудить громадный стадион на сто тысяч мест в Джакарте, отель в столице Бирмы городе Рангуне, Исследовательский атомный центр в африканском государстве Гане или спортивный комплекс в Мали? В общей сложности за десять лет хрущевского правления в различных странах Советский Союз соорудил около шести тысяч предприятий. Все затраты пропали даром, а из многих государств нас просто выдворили. Вот такая дипломатия!

Хрущев, понутив голову, слушал критику в свой адрес. И ему вдруг захотелось встать и крикнуть: «Вы же все это одобряли. Почему же вы тогда?..»

Суслов, словно угадав мысли Никиты Сергеевича, сказал:

— Все попытки предостеречь Хрущева от принятия поспешных и скоропалительных решений, были бесполезны. Он, кроме самого себя, никого не слушал.

Никита Сергеевич не принимал обвинения в свой адрес. Если он не соглашался с тем, что ему говорили, то это лишь потому, что его не смогли в чем-то убедить или переубедить и доказать, что он не прав. Все заискивали, подхалимничали, а теперь... Ему захотелось выступить на пленуме. Накануне его открытия он подошел к Брежневу с просьбой предоставить ему слово.

— Я понимаю, — сказал Хрущев, — это моя последняя политическая речь, как бы лебединая песня...

▲ Отставка

▲ Египет. Маршал Амер, Хрущев, Насер

Однако он еще не успел договорить, как его в категорической форме оборвал Брежнев.

— Этого не будет, — сказал он, — мы десять лет слушали тебя, а теперь послушай, что скажут о тебе.

По словам Шелеста, присутствующего при этом разговоре, Хрущев не ожидал такого отказа. Он как-то вдруг весь съезжился и стал еще меньше ростом. На глазах его появились слезы...

— Очевидно, теперь будет так, как вы считаете нужным, — сказал он. — Ну, что же, я готов ко всему...

Никита Сергеевич еще рассчитывал, что при обсуждении доклада участники пленума скажут о нем доброе слово и выступят в его защиту. Однако этого не случилось. Чуда не произошло. Прения по докладу не открывали. Просто Брежнев объявил, что в этом нет необходимости, так как имеется заявление Никиты Сергеевича о его отставке.

Это напомнило Хрущеву его поведение, когда он побоялся открывать прения по докладу о культе личности на XX съезде. С ним, с живым, обошлись так же, как он обошелся с мертвым Сталиным. И тут же отчет-

ливо услышал: «Предателей всегда предают». Он оглянулся по сторонам, чтобы увидеть того, кто это сказал, но никого не увидел. И только тут понял, что это его внутренний голос повторил то, что сказал ему Сталин то ли во сне, то ли наяву в ту страшную ночь 31 октября 1961 года, когда он приказал вынести его тело из Мавзолея и срезать с мундира пуговицы.

...Пленум закончил работу около полудня. Хрущев молча попрощался с членами Президиума за руку и отправился домой.

***

Слово младшему Хрущеву.

— Я встретил машину у ворот. Отец сунул мне в руку свой черный портфель и не сказал, а выдохнул:

— Все... В отставке...

Немного помолчал и добавил:

— Не стал с ними обедать.

Все кончилось. Начинался новый этап жизни. Что будет впереди — не знал никто. Ясно было одно — от нас ничего не зависит, остается только ждать...

Вечером к нам пришел Микоян.

После обеда состоялось заседа-

ние Президиума ЦК уже без участия отца. Микояна делегировали к нему проинформировать о принятых решениях.

Сели за стол в столовой, отец попросил принести чаю...

Подали чай.

— Меня просили передать тебе следующее, — начал Анастас Иванович нерешительно. — Нынешняя дача и городская квартира (особняк на Ленинских горах) сохраняются за тобой пожизненно.

— Хорошо, — неопределенно ответил отец.

Трудно было понять, что это — знак благодарности или просто подтверждение того, что он расслышал сказанное...

— Охрана и обслуживающий персонал тоже остаются, но людей заменят.

Отец понимающе хмыкнул.

— Будет установлена пенсия — 500 рублей в месяц и закреплена машина, — Микоян замялся. — Решили сохранить за тобой должность члена Президиума Верховного Совета, правда, окончательного решения еще не приняли. Я еще предлагал учредить для тебя должность консультанта

Президиума ЦК, но мое предложение отвергли.

— Это ты напрасно, — твердо сказал отец, — на это они никогда не пойдут. Зачем я им после всего, что произошло? Мои советы и неизбежное вмешательство только связывало бы им руки. Да и встречаться со мной им не доставит удовольствия... Конечно, хорошо бы иметь какое-то дело. Не знаю, как я смогу жить пенсионером, ничего не делая... Но это ты напрасно предлагал. Тем не менее, спасибо, приятно чувствовать, что рядом есть друг.

Разговор закончился. Отец вышел проводить гостя на площадку перед домом... Микоян быстро пошел к воротам. Никита Сергеевич смотрел ему вслед.

* * *

Нам, простым смертным, трудно себе представить состояние человека, находящегося на вершине власти и в одночасье сброшенного вниз, его переход от беспрекословного повеления всеми до такого же беспрекословного подчинения тем, коими он

повелевал. От такого перехода ломается человек, случаются инфаркты, пропадает интерес к жизни. Хрущев устоял под ударами судьбы. Однако сила духа была подорвана. Он часами мог сидеть неподвижно, уставясь в одну точку, думая о чем-то своем, а потом вдруг, спохватившись, заявлял, что ему срочно нужно в Кремль, так как там без него не смогут решить тот или иной вопрос. Его успокаивали, и он опять садился в кресло на прежнее место. На его глазах появлялись слезы. Моральные муки были страшнее физической боли. Только сейчас он понял, каким страданиям он подвергал Маленкова, Кагановича, Молотова, Жукова..., когда освобождал их со всех постов и высылал из Москвы.

Говорят: время лечит. Благотворно оно подействовало и на Никиту Сергеевича. Боль притупилась. Но появилась нестерпимая злость на своих обидчиков — Брежнева, Подгорного, Шелеста... Он не мог понять, как это они могли его переиграть. Он более двадцати лет, прикидываясь простачком, водил Сталина за нос, переиграл самого Берия, а здесь...

Чтобы отвлечься от этих мыслей,

он стал искать хоть какое-то занятие. Решил заняться фотографией. Однако скоро бросил это дело. Им можно было заниматься в Юзовке в двадцатых годах, а сейчас... Нет, фотодело не для него.

В начале 1965 года семье Хрущева предложили переселиться на новую дачу недалеко от поселка Петрово-Дальное (москвичи добираются в этот район автобусом от станции метро «Сокол»). Новое жилище сильно уступало прежним резиденциям Хрущева, но оно имело и важное для Никиты Сергеевича преимущество — большой земельный участок.

Там Хрущев пытался заниматься выращиванием помидоров, капусты, картофеля. Однако и это его не привлекало. Он не мог привыкнуть к своему положению... Мечтал вернуться к власти и представлял, как он отомстит своим обидчикам, но скоро понял, что это невозможно и стал больше думать о прожитой жизни. Ему было что вспомнить. Он живо представлял тысячи людей, которых он включал в расстрельные списки и носил эти списки на подпись к Сталину. В их числе находились и хорошо ему известные и преданные партии коммунисты. Они были не врагами, а жертвами показательной хрущевской бдительности. Пока он был у власти, об этом не говорили, а вот сейчас... При одной этой мысли его бросало и в жар и в холод. Он пытался упредить всякие разговоры на эту тему и все приписать Сталину и его окружению. Себя он решил выделить из их числа и сказать, что ничего об этом знать не знал и ведать не ведал. Частично он уже это сделал в докладе на XX съезде партии. Но этого он считал мало. Надо закрепить эту мысль прямым обращением к потомкам.

Так родилась идея подготовки собственных мемуаров. К этому его подталкивало и то обстоятельство, что он увидел, как новая власть пыталась реабилитировать Сталина и защитить от его нападков. Не нравилось Хрущеву и то, что о нем забыли и нигде не говорили и даже не упоминали. Словно и не жил, и не руководил страной и партией в течение

▲ Косыгин, Подгорный, Брежнев

▲ Хрущев, Никсон, Ворошилов

десяти лет. Говорили о безмянном волюнтаризме, но все знали, кто такой главный волюнтарист. Он стал слушать иностранные радиопередачи на русском языке. Ловил «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкую волну», глушить которые перестали по его же инициативе. Но тогда о нем говорили много, нахваливали за смелость критики сталинского режима. Он радовался. Сейчас голоса молчали. Ничего не писали о нем и авторы мемуаров, опубликованных после 1964 года, хотя они стали много и охотно писать о своих встречах и беседах со Сталиным. Если же речь шла о Хрущеве, то он превращался в анонимного «секретаря ЦК». Это еще больше укрепило его желание написать собственные мемуары.

***

Сейчас неизвестно, когда Никита Сергеевич приступил к подготовке мемуаров. Но, видимо, прошло немало времени, прежде чем об этом узнали в Комитете государственной безопасности. 25 марта 1970 года

председатель КГБ Юрий Андропов на бланке с грифом «Особой важности» отправил в ЦК КПСС послание, в котором сообщал: «В последнее время Н.С. Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну по таким определяющим вопросам, как обороноспособность государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технических достижений, работы органов государственной безопасности, внешней политики, взаимоотношений между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другое. Раскрывается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро ЦК КПСС...»

Тревога Андропова была ненатуральной — Хрущев в воспоминаниях не только выдавал государственные

и партийные секреты, но искажал и оплевывал весь период Советской власти. Сталин, по его описаниям, трусливый безграмотный и подлый человек. Перед началом войны он только и делал, что убивал честных и преданных партии коммунистов, а в начале войны, испугавшись, спрятался на даче, откуда его вытащили члены Политбюро и уговорили вернуться к своим обязанностям. Как Верховный Главнокомандующий он безграмотно руководил военными операциями, что приводило к неисчислимым потерям. Сталин пьяница... Сталинское понимание бдительности превратило страну в сумасшедший дом... Сталин спровоцировал Великую Отечественную войну... Победа одержана не благодаря мужеству, героизму Красной Армии и самоотверженному труду советского народа, а благодаря помощи США и Англии... Об этом ему, якобы, сказал сам Сталин...

Эта безапелляционная ложь и клевета проходят через все хрущевские воспоминания.

...Андропов предложил принять срочные меры оперативного порядка,

чтобы как-то обуздать неугомонного клеветника и предупредить вполне вероятную утечку партийных и государственных секретов за границу. Юрий Владимирович настоятельно советовал установить негласный контроль над Н.С. Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым, предупредив их об ответственности за разглашение и утечку партийных и государственных секретов.

***

Профилактические беседы с Никитой Сергеевичем проводились много раз. Впервые с ним беседовали по этому поводу, когда за рубежом появился фильм, где он у костра разглагольствовал с иностранными журналистами о своем видении советской истории. Уже там он наболтал много лишнего. Его предупредили. А спустя некоторое время стало известно, что

он тайно переправил свои мемуары в США. Хрущева опять пригласили в ЦК. С ним беседовали секретари ЦК Кириленко и Демичев, председатель комитета партийного контроля Пельше. Хрущев заверил их, что он чист перед партией и подобных оплошностей за ним не числится.

Как всегда, Хрущев хитрил, безбожно врал и лукавил. Диктофонные ленты были не только переправлены на Запад, но и подготовлены к печати. Они бы уже вышли в свет, но издателей смущала авторская достоверность полученных материалов. Чтобы проверить их подлинность, разработали хитроумную комбинацию. Об этом рассказал Николай Зенкевич в своей книге «Тайны уходящего века». Это почти что детективная история.

Хрущеву доставили в подарок из Вены две шляпы с огромными полями. Одна была ярко-алая, дру-

гая— черная. Их выполнили по специальному заказу, так что перепутать с другими было невозможно.

В подтверждение авторства книги, Хрущев должен был сфотографироваться в ярко-алой шляпе на голове и черной — в руке. Сын Никиты Сергеевича Сергей сфотографировал отца точно в соответствии с предписанием. Фотографию Сергей Никитович передал по назначению. Издательство убедилось в достоверности материалов и приступило к публикации, а Хрущева в это время пригласили в Комитет партийного контроля для беседы.

Существует почти трехчасовая стенограмма разговора с Никитой Сергеевичем. Однако нам нет необходимости приводить ее полностью. Достаточно отдельных фрагментов этой беседы, чтобы показать, как он умел хитрить, ловчить, изворачиваться и врать, чтобы уйти от ответственности.

▲ Подгорный, Андропов, Гречко

▲ Семичасный В.Е.

▲ Шелепин А.Н

***

Никита Сергеевич появился в Комитете партийного контроля 10 ноября 1970 года в 10 часов 30 минут. После необходимых в таких случаях приветствий и расспросов о здоровье председатель КПК Пельше приступил к основной теме разговора. Он сказал Хрущеву, что, по сообщению посла в США Добрынина, в Америке и ряде других стран Запада, в частности в Англии, ФРГ, Франции, Италии... готовятся к изданию его воспоминаний... У Хрущева попросили объяснения по этому вопросу, но он тут же отказался их давать и заявил, что никому мемуары не передавал. Знать ничего не знает, ведать ничего не ведает и хочет умереть честным человеком и коммунистом. Ему пожелали многие лета здравствовать и тут же спросили, как он отнесется к тому, что его воспоминания все же будут опубликованы за границей. Хрущев ответил, что будет возмущен и заявит о своем протесте.

Однако такое заявление Хрущева приняли с недоверием: как он может протестовать, если его воспоминания уже гуляют по Москве, известны в США и других странах. Никита Сергеевич возмутился и постучал кулаком по столу.

— Материалы мои, и никто не имеет права брать их, — заявил он, — это провокация.

Однако Пельше не поверил в искренность хрущевских возмущений и напомнил ему, что за разглашение государственной тайны он несет партийную ответственность. Но это Хрущева не испугало.

— Я готов на крест, — заявил он, — берите гвозди и молоток. Я честный коммунист.

Эти почти истерические фразы не приняли всерьез, и Никиту Сергеевича вернули к основной теме разговора. Он ушел от нее и говорил о сталинизме и войне в Корее, о том, что в дворцовом перевороте и убийстве царя Павла участвовал его сын Александр и о том, что он убийца, знали все...

Это был разговор с глухим.

На вопрос по существу: как он отнесется к тому, если его воспоминания все же будут опубликованы на Западе и в США, Никита Сергеевич, не моргнув глазом, сказал, что это будет фальшивка. Ему предложили сделать такое заявление для печати, и он, без зазрения совести, это сделал.

Вот его заявление:

«Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С. Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал также материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась

продажная буржуазная печать
Н. С. Хрущев. 10/XI– 1970 г.»

Это последняя ложь Никиты Сергеевича. Спустя немногим более месяца его мемуары появились в магазинах США и Западной Европы.

* * *

Никита Сергеевич боялся суда потомков. Он говорил: «Если положить на весы мои добрые дела и злые (все-таки он знал, что творил зло), то добрые все же перетянут». На это он надеялся. Ему очень хотелось войти в историю умным и мудрым политиком и правителем.

Неизвестно, как сам Никита Сергеевич оценивал свои поступки, но мы, его современники и потомки, можем о них говорить и взвешивать на весах добра и зла. Нынешние либералы и демократы кладут на чашу добрых дел хрущевский доклад на XX съезде партии, в котором он развенчал культ личности Сталина. Кладут в эту же чашу его стремление демократизировать общество и реформировать народнохозяйственный механизм, большое внимание к социальным проблемам, к человеку. С именем Хрущева они связывают поворот в международной политике от «холодной войны» к мирному сосуществованию, к разрядке.

Однако все эти утверждения и разговоры не подтверждены фактами, и желаемое выдается за действительное. Возможно, у Хрущева и были добрые и благие намерения, но, говорят, благими намерениями устлана дорога в ад... Из всего того, что приписывают Никите Сергеевичу, ничего путного так и не получилось. На этот счет существует такое мнение. Сегодня об этом говорят многие.

...После смерти Сталина... на роль нового руководителя партии и государства был выдвинут наиболее ничтожный и бездарный из всех членов бывшего Политбюро — Никита Хрущев... Не имея опыта ни во внешней, ни во внутренней политике, он чуть было не развязал Третью мировую войну, спровоцировав Карибский кризис; расколол всемирный коммунистический союз, вдрызг переругал-

ся с Мао Цзэдуном; выкинул Сталина из Мавзолея...

Никита Хрущев, который никогда не стыдился, а напротив, всячески подчеркивал свое пятиклассное образование, выброшенный наверх номенклатурной фрондой, оказался человеком неприспособленным к руководящей государственной деятельности. Сталин держал его на второстепенных ролях и близко не подпускал к большой политике, как внешней, так и внутренней. Поэтому, оказавшись на самом вершине партийно-государственной пирамиды, Хрущев повел себя как Алиса в Стране Чудес: постоянно удивлялся и разочаровывался. Его попытка что-то изменить или сломать в сталинской империи немедленно приводила к хаосу,

неразберихе, к финансовой чехарде, а в итоге — к полной невозможности разобраться, что же происходит в стране и каково ее место в современном мире».

С такой оценкой нам, современникам Хрущева, переживавшим все его чудачества, нельзя не согласиться.

В беседе с писателем Феликсом Чуевым Молотов дал свою оценку Никите Сергеевичу:

— Роль Хрущева, — сказал Вячеслав Михайлович, — очень плохая. Он дал волю тем настроениям, которыми он живет... Он бы сам не смог этого сделать, если бы не было людей, находящихся рядом с ним. Никакой особой теории он не создал, в отличие от Троцкого, но он дал возможность вырваться наружу такому зве-

▲ Дровосек

рю, который сейчас, конечно, наносит большой вред обществу.

Молотов во многом прав. Именно с эпохи Хрущева, берут свое начало антисоциальные тенденции: расцветает ложь, воровство, коррупция, приписки...

При Хрущеве начала расширяться система привилегий для номенклатурной касты. Он положил начало разложению партийно-государственного аппарата. Появилось то, чего боялись Ленин и Сталин — комчванство. Первые секретари обкомов, горкомов, райкомов превратились в удельных князей. Отсюда пошло и «телефонное право». Простой человек не мог достучаться до правды. Росло недовольство положением дел в стране. Авторитет Хрущева стремительно падал. Людей раздражали его многочасовые бестолковые выступления, его самоуверенная ухмылка и самолюбование. Кругом разлад, разруха, а он чему-то радуется. До него трудно жилось, но была вера в завтрашний день, была надежда на лучшую жизнь. Хрущев отнял эту надежду. Его разглагольствование о том, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, не утешало, а раздражало.

Нельзя положить на чашу добрых дел и его «секретный» доклад на XX съезде партии. Те, кто хотел бы это сделать, сознательно умалчивают, что Никита Сергеевич был активным участником репрессий и его руки в крови. Занимая ответственные посты в партии, он вместе со своими подручными составлял списки «врагов народа» и носил их, на утверждение Сталину. Развенчивая культ личности, Хрущев пытался скрыть свои злодеяния и показать себя таким пай-мальчиком, которого постоянно обманывали, а он обо всех преступлениях и нарушениях законностей узнал, когда вырос из коротких штанишек.

Подобные утверждения Хрущева рассчитаны на наивных и доверчивых людей. Однако ныне ими воспользовались демократы, недобросовестные политики и разномастные антисоветчики. Особый восторг «секретный» доклад Хрущева вызвал во всем капиталистическом мире. Ему аплодировали в США, Англии, ФРГ.

Хотел того Хрущев или нет (скорее всего он это сделал в силу своей импульсивности, невежества и злобной мстительности), но своим докладом на XX съезде партии, а позже публикацией мемуаров он вызвал могучую волну нападок на Советский Союз.

Сложилась парадоксальная ситуация. Шла ожесточенная «холодная война», которую еще не знало человечество. Против СССР ополчились бывшие союзники — США и Англия. Вся их мощь идеологической, политической и экономической пропаганды была направлена против страны Советов. В ход были пущены клеветы, интриги, политические провокации против первого в мире социалистического государства. Однако они не имели больших успехов. Им не удалось сломить дух и подорвать веру советских людей в правоту своего дела. Но тут появился Хрущев со своим докладом. Он с криком свалил в одну кучу клевету, полуправду, откровенную ложь... и выстрелил по своим. Мир с изумлением смотрел на этого разбушевавшегося придурка. Враги советской власти не ожидали от него такого подарка. Хрущевскую ложь они тысячекратно умножили и теперь уже не говорили о строительстве социализма в СССР, а рассуждали о мракобесии Сталина и коммунистов, которые только то и делали, что издевались над собственным народом.

Как тут не вспомнить слова Мао Цзэдуна, который сказал, что Хрущев вложил в руку империалистов меч и помог им расправиться с нами. Его слова оказались пророческими. Советский Союз потерпел сокрушительное поражение в холодной войне, его распад был предопределен докладом Хрущева на XX съезде.

Нельзя положить на чашу добрых дел и Хрущевскую «оттепель». В международных отношениях она походила на грязную распутицу. Хрущев постоянно балансировал на грани Третьей мировой войны. Не лучше оттепель смотрелась и внутри страны. Проведенная Хрущевым реабилитация осужденных носила показушный характер. Он вовсе не был заинтересован в установлении справедливости наказаний осужденных, а торопился

скрыть свое активное участие в проводимых им репрессиях в Москве, Московской области и на Украине. С этой целью он всячески поощрял критику Сталина и пресекал любые замечания в свой адрес. Таким образом, «оттепель» была управляемой и односторонней. Генерал Судоплатов вспоминал, как во время суда над ним в 1958 году все беспокоились, как только всплывало имя Хрущева, а генерал И. Серов прямо ему посоветовал: «Не упоминай Хрущева».

Когда коммунисты теплотехнической лаборатории Академии наук на партийном собрании высказали несогласие с итогами XX съезда, то было принято специальное постановление «о враждебных вылазках»... Все выступающие были исключены из партии, а партийная организация распущена.

В Новочеркасске против хрущевской политики произошел настоящий бунт. При его подавлении были убиты двадцать три человека и тридцать ранено. Позже семь человек за участие в Новочеркасском бунте были расстреляны.

Жесточайшим образом были подавлены протесты против Хрущева в Грузии и других республиках. Десятки тысяч несогласных были исключены из партии и освобождены от занимаемых должностей.

Одновременно с преследованием инакомыслящих нарастал пропагандистский бум по восхвалению Хрущева. Школьные учебники и даже буквари начинались с портрета «великого борца за мир» и «верного ленинца». Газеты и журналы воспевали Никиту Сергеевича, его имя постоянно звучало по радио и телевидению. Это ему нравилось. Все похвалы в свой адрес он воспринимал как должное. Одним словом, как стали говорить в народе, появился культ, но не было личности. Эту крылатую фразу приписывают Михаилу Шолохову. Однако кто бы это не сказал, он выразил истинное отношение советских людей к Хрущеву. Его импульсивность, непродуманность в решении жизненно важных проблем принесли много горя и зла, которые мы переживаем и сегодня. ■

Я.А. МЕЛЬКУНОВ

ВОСТОЧНАЯ БУХАРА

*Нескончаемый зной, даже плавятся скалы,
Воздух тоже прогрет, серебристо дрожит,
Цепи гор вдалеке, без конца и начала,
И реальны для нас лишь одни миражи.*

*Третий месяц в боях, и ни дня перерыва,
Спозаранку поспешно седлаем коней,
И бригадной трубы нас зовут переливы
Вновь в атаку скакать, под огонь басмачей.*

*Как меняет война восприятие мира,
Заполняя собой нашу жизнь до краёв,
Пулемётная дробь, как звучание лиры,
Посвист пуль, словно трели ночных соловьёв.*

*Нам преграды в пути – говорливые реки,
Топчут кони, храпя, луговые цветы,
И решаем вопрос, нерешённый от века –
Кто кого, но во имя своей правоты.*

*Наша цель – не грабёж, не захват с покореньем,
Хватит Азии вечной служанкою быть,
Мы свободу несём для других поколений,
Ради этого стоит сражаться и жить.*

НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ

НАС НЕЛЬЗЯ ПОБЕДИТЬ

*Нас нельзя победить. Можно только предать.
Да и то, если местный отыщется тать.
Мы сильнее других, процветающих стран.
Против нас есть одно лишь орудье — обман.
И тихонько сказал притаившийся тать:
«Наше время пришло. Время Русь разрушать.»
Потирая ручонки, изрёк Главный Вор:
«Мне поддержка нужна и "добро" на разор.
Мне из адского Штата звонил сатана.
И сказал, что Россия обречена.
И теперь я без прежнего страха берусь
В одночасье разрушить Великую Русь.
Ту страну, что цари собирали века,
Разгромлю, раздроблю и продам с молотка!»
...Было всё, как всегда. Только бросили петь.
Только небо над родиной стало темнеть.
Ну, а мы... благодушно смотрели на мир.
Не заметили мы, как ворвался в эфир
Этот голос, приставленный к горлу с ножом
С фонограммы, записанной за рубежом:
«Ах, любо, братцы, любо в мышленье новом жить!
Чего б еще разрушить, кого б ещё прибить?
Заводы я разрушу. Разрушу и НИИ.
Науку оглоушу. Не возникай, ни-ни!*

*Как девок на экране, раздену я страну.
Затею я нелепую, доходную войну.
В рекламе — показуха. А в душах — пустота.
Распнём теперь по новой мы вашего Христа.»
Ах, доверчивый мой, непутёвый народ!
Он заразу не сразу, не сразу поймёт...
Собираются с силами люди с трудом.
Ждут, покуда не грянет над избами гром.
Лёд ломает река. Ощетинился бор.
Начинает весна свой бурлящий собор.
И пускай на подъём он неспешен, нескор,
Но сойдётся Великий Российский собор.
Дай мне руку, мой брат, партизан-белорус!
Сбросим с плеч недоверия тягостный груз...
Наша мощь не в богатстве, а в братстве людей,
В братстве песен, стихов, и молитв, и церковей.
Нам славянскую веру и речь возрождать,
Из обломков страны — вновь Союз собирать.
Пусть не сразу, не вдруг, но развеется мгла,
И проснутся Всесильные Колокола.
Сквозь туманы и снег воссияет окрест,
Позовёт к единенью Страдальческий Крест...
Из руин мы поднимем порушенный дом.
Из руин, как цари, снова Русь соберём!*

